

СТИВЕН КИНГ | STEPHEN KING

ПЕСЕНЬ СМЕРТИ

Annotation

Странствие Роланда Дискейна и его друзей близится к завершению... Но теперь на пути ка-тета последних стрелков возникает НОВОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ... Бесследно исчезла Сюзанна, носящая в себе ДИТЯ-ДЕМОНА — будущего ВЕЛИКОГО СТРЕЛКА, которому силы Тьмы предрекли жребий УБИЙЦЫ Роланда. Ка-тет отправляется на поиски Сюзанны...

- [Стивен Кинг](#)
 - [Строфа 1. Крушение луча](#)
 - [Строфа 2. Стойкость магии](#)
 - [Строфа 3. Труди и Миа](#)
 - [Строфа 4. «Доган» Сюзанны](#)
 - [Строфа 5. Черепаха](#)
 - [Строфа 6. Галерея в замке](#)
 - [Строфа 7. Засада](#)
 - [Строфа 8. Перекидывание мячей](#)
 - [Строфа 9. Эдди прикусывает язык](#)
 - [Строфа 10. Сюзанна-Миа, раздвоенная девочка моя](#)
 - [Строфа 11. Писатель](#)
 - [Строфа 12. Джейк и Каллагэн](#)
 - [Строфа 13. Хайл, Миа, хайл, Мать](#)
 - [Кода: Страницы из дневника автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

- [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
-

Стивен Кинг
Песнь Сюзанны

Строфа 1. Крушение луча

1

— Как долго продержится магия?

Поначалу никто не ответил на вопрос Роланда, поэтому он задал его вновь, на этот раз подняв глаза на двух мэнни, которые сидели напротив него в гостиной дома отца Каллагэна, Хенчека и Кантаба, мужа одной их многочисленных внучек патриарха. Они держались за руки, по обычаю мэнни. Старик потерял в этот день внучку, но, если и скорбел, на суровом, закаменевшем лице никаких эмоций не отражалось.

Рядом с Роландом, никого не держа за руку, молчаливый и смертельно бледный, расположился Эдди Дин. Чуть дальше, на полу, скрестив ноги, устроился Джейк Чеймберз. Затащил Ыша себе на колени, такого Роланд никогда не видел и, если ему кто сказал, не поверил бы, что ушастик-путаник позволяет так с собой обращаться. И Эдди, и Джейка забрызгала кровь. Джейка — его друга Бенни Слайтмана. Эдди — Маргарет Эйзенхарт, в девичестве Маргарет из клана Красной тропы, погибшей в бою внучки Хенчека. И Эдди, и Джейк выглядели уставшими, не меньшую усталость испытывал сам Роланд, но не сомневался, что в эту ночь рассчитывать на отдых им не придется. Из города доносились приглушенные расстоянием треск фейерверков, пение и радостные крики. Здесь же никто ничего не праздновал. Бенни и Маргарет умерли, Сюзанна пропала.

— Хенчек, скажи мне, прошу тебя, как долго продержится магия?

Старик рассеянно погладил бороду.

— Стрелок... Роланд... не могу сказать. Магия двери в этой пещере мне неведома. Как тебе хорошо известно.

— Тогда скажи мне, что думаешь. Основываясь на том, что знаешь.

Эдди вскинул руки. Грязные, с кровью под ногтями, они заметно дрожали.

— Скажи, Хенчек, — голос жалкий, потерянный, Роланд слышал такой впервые. — Скажи, прошу тебя.

Розалита, домоправительница отца Каллагэна, вошла с подносом в руках. Принесла чашки и кувшин с только что сваренным кофе. Она, по крайней мере, изыскала возможность сменить залитые кровью, вымазанные землей джинсы и рубашку на платье, но в глазах застыл ужас

пережитого. Эти глаза таращились с ее лица, как маленькие зверьки из норок. Без единого слова она разлила кофе, раздала чашки. И ей не удалось полностью отмыться от крови, отметил Роланд, беря одну из чашек. На тыльной стороне правой ладони осталась красное пятнышко. Кровь Маргарет или Бенни? Он не знал. Да и не хотел знать. Волки побеждены. Они могли более не вернуться в Кэлла Брин Стерджис, а могли и вернуться. Это забота ка. А вот их забота — Сюзанна Дин, которая исчезла по завершению боя, прихватив с собой Черный Тринадцатый.

— Ты спрашиваешь о кавен? — откликнулся Хенчек.

— Да, отец, — кивнул Ролан. — Стойкости магии.

Отец Каллагэн, взял чашку кофе, кивнул, нервно улыбнулся, но не поблагодарил. По возвращению из пещеры он произнес лишь несколько слов. На его коленях лежал роман «Салемс-Лот»^[1], написанный человеком, о котором он никогда не слышал. Указывалось, что персонажи и события в этой книге — вымысел, но он, Доналд Каллагэн был одним из главных героев. Жил в городе, где разворачивалось действие романа, принимал участие во всех ключевых эпизодах. Он уже перевернул книгу, осмотрел заднюю сторону супера и клапан, в странной уверенности, что увидит собственную физиономию (вернее, физиономию Доналда Каллагэна, каким он был в 1975 году, когда все это и произошло), но фотография отсутствовала, да и об авторе романа издатели сочли возможным написать лишь несколько строк. Живет в штате Мэн. Женат. До этого написал один роман, хорошо принятый критикой, если верить приведенным на задней стороне супера цитатам.

— Чем сильнее магия, тем она более стойкая, — ответил Кантаб, потом вопросительно посмотрел на Хенчека.

— Ага, — подтвердил Хенчек. — Магия и волшба, они едины, и разворачиваются назад, — он помолчал. — Тянутся из прошлого, ты понимаешь.

— Эта дверь открывалась во многих местах и во многих временах в мире, откуда пришли мои друзья, — Роланд помолчал. — Я хочу, чтобы она открылась вновь, точно так же, как два последних раза. Самых последних. Такое возможно?

Они ждали, пока Хенчек и Кантаб обдумывали вопрос. Мэнни много и часто путешествовали во времени и пространстве. Если кто-нибудь знал, если кто-нибудь мог сделать то, чего хотел Роланд, чего хотели они все, обращаться следовало именно к мэнни. Кантаб наклонился к старику, дину клана Кэлла Красной тропы. Что-то прошептал. Хенчек выслушал с каменным лицом, узловатой старческой рукой повернул голову Кантаба,

прошептал в ответ. Эдди заерзал, и Роланд почувствовал, что тот сейчас сорвется, может, даже начнет кричать. Положил руку ему на плечо, и Эдди затих. По крайней мере, на время.

Мэнни шептались минут пять, остальные ждали. Доносящийся из города праздничный шум все сильнее донимал Роланда, и он мог представить себе, каково сейчас Эдди.

Наконец, Хенчек похлопал Кантаба по щеке и повернулся к Роланду.

— Мы думаем, такое возможно.

— Слава Богу, — пробормотал Эдди. Добавил, уже громче. — Слава Богу! Так пошли туда. Мы можем встретиться на Восточной дороге...

Оба бородача покачали головами, на лице Хенчека отразилось сожаление, Кантаба — прямо таки ужас.

— Мы не будем подниматься к Пещере голосов в темноте, — ответил Хенчек.

— Мы должны! — вскричал Эдди. — Вы не понимаете! Речь не о том, сколь долго продержится или не продержится магия, речь о времени на той стороне! Там оно бежит быстрее, а как только оно уйдет, будет поздно! Господи, Сюзанна, возможно, рождает прямо сейчас, и, если это какой-нибудь людоед...

— Слушай меня, молодой человек, — оборвал его Хенчек, — и слушай внимательно, прошу тебя. День практически миновал.

И так оно и было. Никогда на памяти Роланда день столь быстро не утекал сквозь его пальцы. С Волками они сразились рано утром, чуть ли не на заре, какое-то время приходили в себя, праздновали победу на дороге и скорбели о потерях (на удивление маленьких, учитывая силу и численность противостоящего им противника). Потом обнаружили, что Сюзанны нет, последовал бросок к пещере, где их ждали пренеприятные открытия. На Восточную дорогу, ставшую полем боя, они вернулись лишь после полудня. Большинство горожан ушло, торжествуя, уводя с собой детей. Хенчек с готовностью согласился посоветоваться с ними, но когда они все добрались до дома отца Каллагэна, солнце, проделало уже немалый путь, скатываясь по небосводу.

«И все таки этой ночью нам удастся отдохнуть», — подумал Роланд. Не мог сказать, рад он этому или разочарован. Знал только одно: ему сон точно не повредит.

— Я слушаю и слышу, — воскликнул Эдди, но рука Роланда по-прежнему лежала на его плече. И чувствовала, что Эдди буквально трясет.

— Даже если бы мы и согласились, нам бы не удалось уговорить пойти всех, кто нам нужен, — продолжил Хенчек.

— Ты — их дин, старший...

— Ага, ты так называешь меня и, возможно, так оно и есть, хотя это не наше слово, ты понимаешь. Во многом они последовали бы за мной, они знают, в каком долгу перед вашим ка-тетом за то, что вы сегодня сделали, и захотят отблагодарить вас, как только смогут. Но с наступлением темноты они не пойдут по тропе, которая, поднимаясь все выше, ведет к пещере, наводненной призраками, — Хенчек медленно покачивал головой, придавая еще большую убедительность своим словам. — Нет... не пойдут. Послушай, молодой человек. Кантаб и я сможем вернуться в Кра-тен Красной тропы до наступления ночи. Там мы соберем всех наших в Темпа, для нас это то же самое, что Зал собраний для забывших людей, — он коротко глянул на Каллагэна. — Я извиняюсь, отец, если это слово оскорбляет тебя.

Каллагэн рассеянно кивнул, не отрываясь от книги, которую все вертел в руках. Ее упрятали в пластиковую обложку, как часто поступают с дорогими первыми изданиями. На форзаце чуть просматривалась написанная карандашом цена: \$950. Второй роман какого-то молодого писателя. Каллагэну оставалось только гадать, отчего эта книга такая дорогая. Он собирался спросить об этом владельца книги, Келвина Тауэра, если их пути пересекутся. И за этим вопросом последовали бы другие.

— Мы объясним, что вы хотите, вызовем добровольцев. Из шестидесяти восьми мужчин Кра-тена Красной тропы, я уверен, что все, кроме четырех или пяти, согласятся помочь, слить свою энергию воедино. Получится мощный кхеф. Так вы это называете? Кхеф? Участие? Все в одном?

— Да, — кивнул Роланд. — Разделить воду, говорим мы.

— Вам никогда не удастся разместить столько людей на входе в пещеру, — подал голос Джейк. — Не удастся разместить и половины, даже если они залезут друг другу на плечи.

— Нет нужды, — ответил Хенчек. — В пещеру войдут самые сильные... кого мы называем излучателями. Остальные выстроятся вдоль тропы, объединенные руками друг с другом и с отвесами.

— В любом случае, нам нужна эта ночь, чтобы подготовить магниты и отвесы, — добавил Кантаб. Он смотрел на Эдди, и во взгляде читались чувство вины и страх. Молодого человека терзала невыносимая боль, сомнений тут быть не могло. И он был стрелком. Стрелок мог ударить, а если уж стрелок наносил удар, то никогда не бил вслепую.

— Возможно, будет слишком поздно, — прошептал Эдди. Вскинул на Роланда светло-коричневые глаза. Только теперь они налились кровью и

потемнели от усталости. — Завтра будет слишком поздно, даже если магия никуда не денется.

Роланд открыл рот, но Эдди поднял палец.

— Не говори "ка", Роланд. Если еще раз скажешь "ка", клянусь, моя голова разорвется.

Рот Роланда закрылся. Эдди повернулся к двум бородатым мужчинам в темных, почти как у квакеров, плащах.

— Вы не можете с уверенностью утверждать, что магия продержится, не так ли? То, что можно открыть сегодня, завтра может закрыться для нас навсегда. И все магниты и отвесы, которыми владеют мэнни, не смогут это открыть.

— Ага, — кивнул Хенчек. — Но твоя женщина взяла с собой магический кристалл и, чтобы ты ни думал, оставленный им след в Срединном мире и Пограничье никуда не делся.

— Я бы продал душу, чтобы вернуть его и взять в руки, — отчеканил Эдди. Все ужаснулись, услышав эти слова, даже Джейк, и Роланд почувствовал сильное желание сказать Эдди, что тот должен взять их назад, загнать обратно, за губы и язык. Слишком уж мощные силы противились их поискам Башни, темные силы, и в Черном Тринадцатом силы эти в полной мере проявляли себя. Все, что могло использоваться на пользу, в той же мере могло пойти и во вред, и магические кристаллы радуги Мейрлина умели творить зло, особенно Черный Тринадцатый. Возможно, злобы в нем было столько же, что и во всех остальных вместе взятых. Даже если бы кристалл по-прежнему находился у них, Роланду пришлось бы приложить немало усилий, чтобы не подпустить к нему Эдди Дина. В его теперешнем состоянии, когда от горя мысли блуждали и он не мог взять себя в руки, Черный Тринадцатый или уничтожил бы Эдди, или в несколько мгновений превратил в своего раба.

— Камень мог бы пить, если б у него был рот, — сухо заметила Розалита, удивив их всех. — Эдди, даже если забыть про магию, подумай о тропе, которая ведет к пещере. Потом подумай о шести десятках мужчин, многие такие же старые, как Хенчек, один или двое слепы, как летучие мыши, которым придется подниматься по ней в темноте.

— Валун, — добавил Джейк. — Не забывай о валуне, который приходится огибать с висящими над пропастью пятками. Эдди с неохотой кивнул. Роланд видел, он старается принять то, что не может изменить. Борется с охватывающим его безумием.

— Сюзанна Дин тоже стрелок, — напомнил Роланд. — Может, какое-то время она сможет позаботиться о себе.

— Я не думаю, что Сюзанна сейчас главная, — покачал головой Эдди, — и ты так не думаешь. Это ребенок Миа, в конце концов, а потому тело будет контролировать Миа, по крайней мере до того момента, как ребенок... малой... появится на свет. Но Роланду интуиция подсказывала другое и, как многократно бывало в прошлом, она не подвела его и на этот раз.

— Она, возможно, контролировала тело, когда они уходили отсюда, но потом, ей, скорее всего, пришлось отдавать бразды правления.

Вот тут заговорил Каллагэн, наконец-то оторвавшись от книги, которая ввела его в ступор.

— Почему?

— Потому что это не ее мир, — ответил Роланд. — Они перенесли в мир Сюзанны. И могут умереть обе, если не научатся ладить друг с другом.

2

Хенчек и Кантаб отправились к мэнни клана Красной тропы, чтобы собрать старейшин (разумеется, исключительно мужчин) и рассказать им сначала о событиях этого долгого дня, потом о затребованной плате. Роланд ушел с Розалитой в ее коттедж, стоящий на склоне холма, повыше еще недавно аккуратной будки туалета, теперь превращенной в руины. А в туалете вечным, но уже бесполезным часовым застыл Энди, робот-посыльный (со многими другими функциями). Розалита медленно и полностью раздела Роланда. Когда он остался, в чем мать родила, вытянулась рядом с ним на кровати и натерла его особыми маслами: кошачьим, снимающим боль в суставах, и более густым, чуть ароматизированным, для самых нежных мест. Потом они занялись любовью. Кончили вместе (случайность, которую дураки принимают за знак судьбы), полежали, вслушиваясь в треск петард, все еще взрывающихся на Главной улице Кэлла Брин Стерджис, и радостные крики горожан, которые, крепко набравшись, никак не могли уговориться.

— Спи, — прошептала Розалита. — Завтра я больше не увижу тебя. Ни я, ни Эйзенхарт или Оуверхолсер, ни кто-либо другой в Кэлле.

— Так ты можешь видеть будущее? — спросил Роланд. В голосе слышалась расслабленность, даже веселость, но, даже в разгаре любовных утех, когда он овладел Розалитой и они вместе поднимались к вершине блаженства, Сюзанна не выходила у него из головы: пропавшая часть его ка-тета. Если бы не было других проблем, этой вполне хватало, чтобы

лишить Роланда покоя.

— Нет, — ответила она, — но иногда у меня бывают предчувствия, как и у любой другой женщины, особенно, когда ее мужчина собирается уйти.

— Так вот кто я для тебя? Твой мужчина?

В ее взгляде читались смущение и уверенность.

— На то короткое время, которое ты пробыл здесь, ага, мне бы хотелось так думать. Ты считаешь, что я ошибаюсь, Роланд?

Он мотнул головой. Это приятно, когда женщина называет тебя своим мужчиной, пусть и на короткое время. Она увидела, что он не шутит, и ее лицо смягчилось. Погладила Роланда по впалой щеке.

— Хорошо, что мы встретились, Роланд, не так ли? Хорошо, что мы встретились в Кэлле.

— Ага, женщина.

Она прикоснулась к изуродованной правой руке, потом к правому бедру.

— Как боль?

Ей он врать не стал.

— Ужасная.

Она кивнула, потом взялась за левую руку, которую он сумел уберечь от омароподобных чудовищ.

— А эта?

— Нормально, — ответил он, уже чувствуя, как боль собирается в глубине, тайком, выжидая момента, чтобы нанести удар. Сухой скрут, так называла эту болезнь Розалита.

— Роланд! — позвала она.

— Да?

Она встретилась с ним взглядом. Все еще держа за левую руку, вызывая все ее секреты.

— Закончи свое дело как можно скорее.

— Это твой совет?

— Да, любимый! До того, как твое дело прикончит тебя.

Эдди сидел на заднем крыльце дома отца Каллагэна, когда наступила полночь и День битвы на Восточной дороге, как назвали его жители Кэллы Брин Стерджис, ушел в историю (чтобы потом стать легендой... при условии, что мир просуществует достаточно долго и такое сможет

случиться). В городе шум праздника прибавлял в громкости, и у Эдди даже возникли опасения, как бы горожане от избытка чувств не спалили всю Главную улицу. Он стал бы возражать? Отнюдь, я говорю, спасибо, делайте, что пожелаете. Пока Роланд, Сюзанна, Джейк, Эдди и три женщины, сестры Орисы сражались с Волками, остальные жители Кэллы прятались то ли в городе, то ли на рисовом поле у реки. Однако, через десять лет, а то и через пять, они будут говорить друг другу, как однажды осенью прыгнули выше головы, встав плечом к плечу со стрелками. В такой оценке горожан объективностью и не пахло, и какая-то часть Эдди прекрасно это понимала, но никогда в жизни он не чувствовал себя таким несчастным, таким потерянным, а потому его и распирала злоба. Он говорил себе, не думай о Сюзанне, не гадай, где она, родила демонское отродье или нет, но мысли эти никак не выходили из головы. Она отправилась в Нью-Йорк, хоть с этим была полная ясность. Но в какой год? Увидит освещенные газовыми фонарями улицы, по которым чинно проезжают двуколки-кэбы, или ее встретят антигравитационные такси, управляемые роботами производства «НОРД СЕНТРАЛ ПОЗИТРОНИКС»? И жива ли она? Он отшатнулся бы от этой мысли, если б имел такую возможность, но разум может быть таким жестоким. Он видел ее лежащей в канаве где-нибудь в Алфавит-Сити^[2], с вырезанной на лбу свастикой и припиленным к груди листком с надписью «ПРИВЕТ ОТ ДРУЗЕЙ ИЗ ГОРОДА ОКСФОРД». За его спиной открылась кухонная дверь. Послышались мягкие шаги босых ног (слух у него давно уже обострился, острота всех чувств — неотъемлемая часть снаряжения киллера) и поскребывание когтей. Джейк и Ыш. Мальчик сел рядом с ним в кресло-качалку Каллагэна. В той же одежде, с самодельной кобурой. В ней лежал «ругер», украденный Джейком у отца в тот день, когда он сбежал из дома. Сегодня он уже вышиб кровь. Нет, не кровь. Машинное масло? Эдди чуть улыбнулся. Хотя ему было не до смеха.

— Не можешь спать, Джейк?

— Эйк, — согласился Ыш и плюхнулся у ног Джейка, положив голову на доски пола между лап.

— Не могу, — кивнул Джейк. — Все думаю о Сюзанне, — он помолчал. — И о Бенни.

Эдди понимал, это естественно, мальчик видел, как его друга разнесло в клочья буквально у него на глазах, само собой, он думал о нем, и все-таки Эдди почувствовал укол ревности: ему-то хотелось, чтобы все помыслы Джейка связывались со спасением жены Эдди Дина.

— Этот Тавери, — продолжил Джейк. — Его вина. Запаниковал.

Побежал. Сломал лодыжку. Если б не он, Бенни был бы сейчас жив, — и очень тихо, но Эдди не сомневался, услышь это подросток, о котором шла речь, у того бы похолодело сердце, добавил. — Френк... гребаный... Тавери. Эдди протянул руку, которая не хотела утешать, и заставил ее коснуться головы Джейка. Волосы слишком длинные. Их давно пора вымыть. Черт, и постричь. А еще ему нужна мать, только тогда можно гарантировать, что мальчика окружают должной заботой. Но нет никакой матери, во всяком случае, для Джейка. И тут случилось маленькое чудо: утешая мальчика, Эдди вдруг тоже взбодрился. Не так, чтобы очень, но все же.

— Не терзайся, — посоветовал он. — Сделанного не вернешь.

— Ка, — с горечью выдохнул Джейк.

— Ки-йет, ка, — подхватил Ыш, не поднимая головы.

— Аминь, — с губ Джейка сорвался смешок. Но уж очень холодный. Джейк достал из самодельной кобуры «ругер», посмотрел на него. — Этот сможет вернуться обратно, потому что пришел с той стороны. Так говорит Роланд. Другие, возможно, тоже смогут, потому что мы попадем туда не посредством Прыжка. Если нет, Хенчек спрячет оружие в пещере и, возможно, нам удастся за ним вернуться.

— Если мы попадем в Нью-Йорк, — заметил Эдди, — револьверов и пистолетов там навалом. И мы их найдем.

— Но не такие, как револьверы Роланда. Я очень надеюсь, что они перенесутся в наш мир. Таких не осталось ни в одном из миров. Я в этом не сомневаюсь.

Эдди придерживался того же мнения, но не стал его озвучивать. Из города в очередной раз донесся грохот петард, потом все стихло. Праздник сходил на нет. Наконец-то сходил на нет. Завтра, несомненно, он продолжится, в Павильоне и около него, выпивки будет поменьше, речей побольше. Роланда и весь ка-тет ждали в качестве почетных гостей, но, если боги будут к ним милостивы и дверь откроется, они уже покинут Кэllu Брин Стерджис. Охотясь за Сюзанной. Ища Сюзанну. Какая там охота. Поиски. И, словно читая мысли Эдди (а он мог и читать, это его шестое чувство, прикосновение, набирало и набирало силу), Джейк нарушил повисшую на заднем крыльце тишину:

— Она все еще жива.

— Откуда ты знаешь?

— Мы все почувствовали бы ее смерть.

— Джейк, ты можешь дотянуться до нее?

— Нет, но... — Прежде чем он успел закончить фразу, из-под земли

донеслось глухое рычание. Крыльцо неожиданно начало подниматься и опускаться, словно лодка на волнах. Они слышали, как скрипят доски. Из кухни донеслось дребезжание посуды, словно кто-то стучал зубами. Ёш поднял голову и заскулил. На маленькой лисьей мордочке отразилось изумление, уши крепко прижались к голове. В гостиной Каллагэна что-то упало и разбилось. Первой в голову Эдди пришла мысль, алогичная, но настырная, что Джейк убил Сюзи, просто объявив ее живой. На мгновение дрожь земли усилилась. Разлетелось оконное стекло, буквально вывернутое из рамы. Из темноты донесся грохот. Эдди предположил, и правильно, что рухнула полуразрушенная будка туалета. Он уже вскочил, не отдавая себе в этом отчета. Джейк стоял рядом, ухватившись за его руку, в другой держа «ругер». И Эдди успел выхватить револьвер Роланда, так что оба застыли, изготавившись к стрельбе.

Под землей зарычало особенно громко, а потом крыльцо вновь обрело устойчивость. Во многих ключевых точках вдоль Луча люди просыпались и в недоумении оглядывались. На улицах одного Нью-Йорка в нескольких автомобилях включились противоугонные сигнализации. На следующие день газеты сообщили о слабом землетрясении, результатом которого стали разбитые окна. Обошлось без жертв. Лишь дрогнула скальная плита, на которой стоял город. Джейк уже смотрел на Эдди, широко раскрытыми глазами. Он знал. За их спинами открылась кухонная дверь, на крыльцо вышел Каллагэн, в белых подштанниках до колен, с золотым крестом на груди.

— Землетрясение, не так ли? — спросил он. — Однажды попал в одно, в Северной Калифорнии, но Кэллу не трясло ни разу.

— Гораздо хуже, чем землетрясение, — ответил Эдди и указал на восточный горизонт, где полыхали зеленые молнии. Ниже по склону скрипнула и открываясь дверь коттеджа Розалиты, потом захлопнулась. Она и Роланд направились к дому отца Каллагэна вместе, Розалита — в ночной рубашке, стрелок — в джинсах, оба босиком.

Эдди, Джейк и Каллагэн спустились с крыльца им навстречу. Роланд пристально смотрел на уже гаснущие всполохи зеленых молний на востоке, где их ждала страна Тандерклеп, двор Алого Короля, край Крайнего мира и сама Темная Башня. «Если, — подумал Эдди, — она еще стоит».

— Джейк как раз сказал, что мы все узнали бы, если б Сюзанна умерла, — подал голос Эдди. — Почувствовали бы. И тут это, — он указал на лужайку отца Каллагэна, где появился новый горный хребет, разорвав мягкую почву на длине в десять футов, чтобы показать вывернутые губы земли. В городе яростно лаяли собаки, но горожане еще никак не

отреагировали на случившееся. Эдди предположил, что большинство это знаменательное событие проспали. Как известно, пьяные спят крепко. — Но к Сюзи все это не имеет ни малейшего отношения. Так?

— Напрямую, нет.

— И это не наш, иначе разрушений было бы больше. Ты согласен?

Роланд кивнул. Роза смотрела на Джейка, и в ее взгляде читались недоумение и страх.

— Что, не наш, мальчик? О чем ты говоришь? Это было не землетрясение, тут все понятно!

— Нет, — согласился Роланд, — лучетрясение. Один из Лучей, удерживающих Башню, которая удерживает все, только что приказал долго жить. Развалился.

Даже в слабом свете, долетающем от горящих на крыльце свечей, Эдди увидел, как побледнело лицо Розалиты Мунос. Она перекрестилась.

— Луч? Один из Лучей? Скажи нет! Скажи, это не правда!

Эдди вдруг вспомнил о давнишнем бейсбольном скандале. О каком-то мальчишке, умоляющем: «Скажи, что это не правда, Джо».

— Не могу, — ответил Роланд, — потому что так оно и есть.

— И сколько всего Лучей? — спросил Каллагэн. Роланд посмотрел на Джейка, чуть кивнул: «Повтори свой урок, Джейк из Нью-Йорка, повтори и не отклонись от истины».

— Шесть Лучей связывают двенадцать Порталов, — заговорил Джейк. — Двенадцать Порталов находятся на двенадцати краях Земли. Роланд, Эдди и Сюзанна начали поиски Темной Башни от Портала медведя и «извлекли» меня где-то между Порталом и Ладом.

— Шардик, — вставил Эдди. Он наблюдал, как заснут последние зеленые всполохи на востоке. — Так звали медведя.

— Да, Шардик, — согласился Джейк. — Так что мы находимся на Луче медведя. Все лучи сходятся в Темной Башне. Наш Луч, с другой стороны Башни?.. — взгляд его остановился на Роланде, прося о помощи. Роланд, в свою очередь, повернулся к Эдди Дину. Даже теперь, похоже, Роланд не переставал учить их закону Эльда. Эдди то ли не замечал, что Роланд смотрит на него, то ли решил проигнорировать его взгляд, но Роланд не отступился. «Эдди?» — прошептал он.

— Мы на Тропе медведя, Пути черепахе, — рассеянно ответил Эдди. — Я не знаю, имеет ли это какое-то значение, потому что дальше Темной Башни мы не пойдем, но по другую ее сторону Тропа черепахи, Путь медведя, — и он процитировал: "ЧЕРЕПАХА огромна, панцирь горой, Тащит на нем весь шар земной. Думает медленно, тихо ползет, Всех

нас знает наперечет...[3]".

А с этого момента продолжила Розалита: "На панцире правды несет тяжкий груз, там долг и любовь заключили союз, она любит горы, леса и моря и даже такую девчушку, как я[4]".

— Не совсем так, как я слышал в колыбели и от своих друзей, — улыбнулся Роланд, — но достаточно близко, по праву и по крови.

— Великую черепаху звать Матурин, — Джейк пожал плечами. — Если это имеет какое-то значение.

— И ты не можешь сказать, какой из Лучей разрушился? — спросил Каллагэн, пристально глядя на Роланда. Роланд покачал головой.

— Мы знаем только одно: Джейк прав и это не наш Луч. Если бы разрушился наш, в ста милях от Кэлла Брин Стерджис не осталось бы живого места. А может, и в тысяче милях... кто скажет? Птицы, объятые огнем, падали бы с неба.

— Ты говоришь об Армагеддоне, — в тихом голосе Каллагэна слышалась тревога. Роланд покачал головой, но не потому, что не соглашался со священником.

— Я не знаю этого слова, отец, но говорю о множестве смертей и великих разрушениях, это точно. И где-то, возможно, вдоль Луча, связывающего Рыбу и Крысу, такое случилось.

— Ты уверен, что это так? — прошептала Роза. Роланд кивнул. Однажды он это уже пережил, когда пал Гилеад, цивилизации, какой он ее себе представлял, пришел конец, а он стал изгнанником, обреченным скитаться с Катбертом, Аленом, Джейми и несколькими другими, оставшимися от их ка-тета. Тогда разрушился один из шести Лучей, и определенно не первый.

— Сколько должно остаться Лучей, чтобы удержать Башню? — спросил Каллагэн. Пожалуй, впервые Эдди отвлекся от участи пропавшей жены. И теперь в его глазах, вскинутых на Роланда, читалось, можно сказать, внимание. Почему нет? Вопрос-то Каллагэн задал основополагающий. Ведь говорилось: «Все служит Лучу», — и хотя, если не грешить против истины, все служило Башне, именно Лучи удерживали последнюю на своем месте. Если они рушились...

— Два, — ответил Роланд. — Я считаю, как минимум, два. Тот, что проходит через Кэлла Брин Стерджис и еще один. Но одному Богу известно, как долго они продержатся. Даже без Разрушителей, которые неустанно их «подтачивают», я сомневаюсь, что они крепки, как скала. Нам нужно спешить.

Эдди закаменел.

— Если ты хочешь идти к Башне без Сюзи...

Роланд нетерпеливо мотнул головой, как бы предлагая Эдди не молоть всякую чушь.

— Без нее нам до Башни не добраться. Как мне представляется, не добьемся мы желаемого и без малого Миа. Все в руках ка, но, как говорили в моей стране: «У ка нет ни сердца, ни разума».

— Под этим я готов подписаться, — буркнул Эдди.

— Возможно, у нас возникнет еще одна проблема, — вставил Джейк. Эдди хмуро глянул на него.

— Слушай, проблем у нас и так хватает.

— Я знаю, но... вдруг землетрясение завалило вход в пещеру? Или... — Джейк замаялся, не желая озвучивать мысль, которая пугала его больше всего, — ... или обрушило всю пещеру?

Эдди протянул руку, схватился за рубашку Джейка, закрутил материю в кулаке.

— Не произноси таких слов. Даже не думай об этом!

Теперь они слышали голоса. Роланд догадался, что горожане вновь собираются на Главной улице. Он не сомневался, что не только прошедший день, но и эту ночь в Кэлле Брин Стерджис будут помнить добрую тысячу лет. Если, конечно, Башня простоит так долго. Эдди отпустил рубашку Джейка, ладонью разгладил складки. Попытался улыбнуться, отчего лицо его вдруг стало сморщенным и старческим. Роланд повернулся к Каллагэну.

— Мэнни все равно завтра придут? Ты знаешь их лучше меня.

Каллагэн пожал плечами.

— Хенчек — человек слова. А вот сможет ли он привести остальных после того, что произошло... за это, Роланд, я не поручусь.

— Лучше бы смог, — мрачно процедил Эдди. — Лучше бы смог.

— Как насчет того, чтобы сыграть в «Следи за мной»^[5]? — вдруг предложил Роланд из Гилеада. Эдди вытаращился на него, не веря своим ушам.

— Мы все равно не уснем до утра, — пояснил стрелок. — Надо же как-то занять время.

И они начали играть в «Следи за мной», и Розалита выигрывала сдачу за сдачей, мелом записывая результат на пластине сланца, но ее лицо ни разу не осветила торжествующая улыбка, более того, по мнению Джейка, на нем вообще не отражалось никаких эмоций. Ему вдруг захотелось воспользоваться прикосновениями, но он дал себе слово, что будет

прибегать к помощи своего шестого чувства лишь по очень веским причинам. А заглядывать за бесстрастное лицо Розалиты... все равно, что смотреть в щелочку, когда она раздевается. Или наблюдать через ту же щелочку, как она и Роланд занимаются любовью.

Однако, игра продолжалась, и северо-восток в конце концов начал светлеть. Джейк все-таки догадался, о чем она думает, потому что сам думал о том же. На каком-то уровне своего сознания все они думали о двух последних Лучах, которые еще удерживали Башню. Ожидая, что один из них разрушится. Будут ли они искать Сюзанну, будет ли Роза готовить обед, будет ли Бен Слайтман на ранчо Эйзенхарта скорбеть о погибшем сыне, все они будут думать об одном и том же: осталось только два Луча, и Разрушители день и ночь воюют с ними, вгрызаются в них, уничтожают. Когда наступит конец? Как все закончится? Услышат ли они грохот падения этих огромных, синевато — серых, цвета сланца, камней? Разорвется ли небо, как кусок ветхой ткани, выплеснув монстров, живущих во тьме, которую они ощущали вокруг себя во время Прыжка или тодэша, как называли его мэнни? Успеют ли они вскрикнуть от ужаса? Останется ли загробная жизнь или крушение Темной Башни покончит и с адом, и с раем? Он посмотрел на Роланда, послал мысль, насколько мог четкую и ясную: «Роланд, помоги нам!» И получил ответ, наполнивший его разум слабым утешением (но даже слабое утешение лучше никакого): «Если смогу».

— "Следи за мной", — объявила Розалита и вскрыла карты. Она собрала масть. Старшей лежала дама Смерти.

КУПЛЕТ:

*Commala — come — one
There's a young man with a gun
Young man lost his honey
When she took it on the run*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — one
She took it on the run
Left her baby lonely but
Her baby ain't done.*

Строфа 2. Стойкость магии

1

Насчет прихода мэгни они могли и не волноваться. Хенчек, суровый, как и всегда, появился на площади у Павильона, определенную местом встречи, с сорока мужчинами. Он заверил Роланда, что они смогут открыть Ненайденную дверь, если она сохранила способность открываться после исчезновения, как он называл, «темного шара». Старик не стал извиняться за то, что привел меньше людей, чем обещал, но продолжал дергать себя за бороду. Иной раз обеими руками.

— Почему он это делает, отец, ты не знаешь? — спросил Джейк Каллагэна. Мэгни Хенчека уже ехали на восток в дюжине запряженных лошадей фургонов. За ними, влекомый двумя ослами — альбиносами с невероятно длинными ушами и яростными розовыми глазами, — катился двухколесный возок, полностью укрытый белой парусиной. Джейку он напомнил большой контейнер с «Джиффи поп»^[6] на колесах. Хенчек с мрачным видом сидел на возке в одиночестве, не оставляя в покое бороду.

— Думаю, он недоволен собой, — ответил Каллагэн.

— Но почему? Я удивлен, что их пришло так много, учитывая лучетрясение и все такое.

— Когда землю потрянуло, он узнал, что высшие силы, которые за этим стоят, пугают его людей куда больше, чем он. Для Хенчека это равнозначно невыполненному обещанию. Причем не просто невыполненному обещанию, а обещанию, которое он давал своему старшему. Он потерял лицо, — а потом, не меняя тона, задал вопрос и выманил-таки из Джейка ответ, который иначе не получил бы. — Она все еще жива, ваша подруга?

— Да, но в у... — начал Джейк и прикрыл рот рукой. С укором посмотрел на Каллагэна. Впереди, на двухколесном возке, Хенчек резко обернулся, посмотрев на них, словно в споре они слишком уж возвысили голоса. «Любопытно, — подумал Каллагэн, — неужели в этой чертовой истории мысли умеют читать все, кроме меня? Только это не история. Не история — моя жизнь.»

Но в последнее верилось с трудом, не так ли, если ты видел себя, набранным шрифтом, в качестве главного персонажа книги со словом «ВЫМЫСЕЛ» на странице с указанием копирайта, выпущенной

издательством «Даблдей энд Компани» в 1975 году. В книге о вампирах, однако, которых, по всеобщему убеждению, в реальной жизни не существовало. Да только они существовали. И, по крайней мере, в некоторых мирах, соседствующих с этим, никуда не делись и поныне.

— Не расставляй мне такие ловушки, — прервал его раздумья Джейк. — Не заманивай меня в них. Не делай этого, если мы все в одной лодке, отец. Хорошо?

— Сожалею, — ответил Каллагэн. — Извини меня.

Джейк чуть улыбнулся и погладил Ыша, сидевшего в нагрудном кармане пончо.

— Она...

Мальчик покачал головой.

— Сейчас не хочу о ней говорить, отец. Лучше всего даже не думать о ней. У меня такое чувство, не знаю, может ничего этого и нет, но чувство сильное, будто ее что-то ищет. И если это так, лучше не давать этому чему-то подслушивать нас. А оно может.

— Что-то?..

Джейк протянул руку и коснулся шейного платка Каллагэна, повязанного на ковбойский манер. Красного платка. Потом на мгновение прикрыл рукой левый глаз. Поначалу Каллагэн не понял, потом до него дошло. Красный глаз. Глаз Короля.

Он откинулся на спинку сидения и более ничего не сказал. Позади Роланд и Эдди ехали верхом и тоже молчали. Оба взяли с собой не только оружие, но и заплечные мешки. Ранец Джейка тоже лежал в фургоне. Если после сегодняшнего дня они и вернулись бы в Кэллу Брин Стерджис, то ненадолго.

«В ужасе», — вот что собирался сказать Джейк, но на деле все обстояло гораздо хуже. Потому что до него доносился невероятно слабый, невероятно далекий, но достаточно отчетливый крик Сюзанны. И надеялся, что Эдди его не слышал.

Они все дальше отъезжали от города, жители которого, несмотря на землетрясение, в большинстве своем спали после эмоционального стресса, выпавшего на их долю прошлым днем. Утро выдалось холодным, так что воздух паром выходил изо рта, а засохшие стебли кукурузы покрывала корочка инея. Над Девар-Тете Уйае, словно дыхание реки, висел туман.

«Зима на подходе», — подумал Роланд.

Через час начали встречаться пересохшие русла рек. Стоящая вокруг тишина нарушалась только позвякиванием постромок, скрипом колес, всхрапыванием лошадей, редким сардоническим криком одного из ослов-альбиносов, запряженных в возок, и далекими воплями расти. Должно быть, птицы летели на юг, если все еще могли его найти.

Через десять или пятнадцать минут после того, как земля справа от дороги начала заметно подниматься, наполняясь, помимо сухих русел, утесами, обрывами и холмами с плоскими вершинами, они вернулись на то самое место, куда двадцать четыре часа тому назад пришли с детьми Кэллы и сразились с Волками. Здесь от Восточной дороги ответвлялся проселок и тянулся на северо-запад. А в кювете по другой стороне дороги осталась траншея, в которой поджидали Волков Роланд, его ка-тет и Сестры Оорисы.

А где же эти Волки, раз уж о них зашла речь? Вчера, когда они покидали поле боя, дорога осталась заваленной их телами. Числом более шестидесяти, эти человекоподобные существа прискакали с запада, в серых рейтузах, серых плащах, с оскаленными волчьими масками вместо лиц.

Роланд спешил и подошел к Хенчеку, который неуклюже, сказывался возраст, слезал с двухколесного возка. Роланд не сделал попытки ему помочь. Хенчек и не ожидал помощи, мог обидеться, получив ее.

Стрелок дождался, пока тот одернет темный плащ, уже собрался задать вопрос, потом понял, что без него можно обойтись. В сорока или пятидесяти ярдах, чуть дальше по дороге, на ее правой стороне появился большой холм из вырванных с корнем кукурузных стеблей, которого не было днем раньше. Погребальный костер, догадался Роланд, только сложенный безо всякого почтения к павшим. Теперь ему не пришлось напрягаться, думая о том, как горожане провели вторую половину вчерашнего дня, до того, как начался праздник, после которого они сейчас отсыпались, потому что видел перед собой плоды их трудов. Они боялись, что Волки могут ожить, спросил он себя, и на каком-то уровне сознания пришел к выводу, что именно этого они и боялись. Вот и перетаскивали тяжелые, неподвижные тела (серых лошадей и одетых в серое Волков) на кукурузное поле, навалили друг на друга, забросали вырванными с корнями стеблями кукурузы. И сегодня собирались этот костер запалить. А если бы подул семинол? Роланд не сомневался, что даже угроза выжечь всю растительность на плодородной земле между рекой и дорогой не изменит их планы. И понятно, почему. Урожай собран, до вспашки еще полгода, зола и пепел — отличное удобрение, это знает любой крестьянин. А кроме того, они не будут спать спокойно, пока не сгорит этот

рукотворный холм.

— Роланд, посмотри, — в голосе Эдди слышались печаль и ярость. — Ах, черт побери, ты только посмотри!

На проселке, около того места, где Джейк, Бенни Слайтман и близнецы Тавери затаились перед последним броском через дорогу, стояло помятое и ободранное кресло Сюзан, блестя остатками хрома на солнце, с измазанным пылью и кровью сидением. Погнутое левое колесо полностью обездвижило его.

— Почему ты говоришь во злобе? — спросил Хенчек. К нему присоединился Кантаб и полдюжины стариков-мэнни, которых Эдди, из-за их одежды, иной раз называл Плащами. Как минимум двое из них возрастом не уступали Хенчеку, и Роланду вспомнились слова Розалиты: «Многие такие же старые, как Хенчек, один или двое слепы, как летучие мыши, и им придется подниматься по горной тропе в темноте». Сейчас, конечно, о темноте речь не шла, но он не знал, как некоторые из них сумеют добраться до самого крутого участка тропы, не говоря уже о том, чтобы подняться к самой пещере.

— Они принесли катящийся стул твоей женщины, чтобы почтить ее, так почему ты говоришь во злобе?

— Потому что мне хочется, чтобы оно было целым, а она сидела в нем, — ответил Эдди старику. — Ты это понимаешь, Хенчек?

— Злость — самая бесполезная из эмоций, — ровным голосом ответил старик. — Разрушает мозг и вредит сердцу.

Губы Эдди утончились до предела, превратившись в белый шрам под носом, но ему удалось сдержать резкий ответ. Он подошел к выдавшему виду креслу Сюзанны, оно прокатилось сотни миль с того дня, как они нашли его в Топеке, но теперь уже откатало свое, и задумчиво уставился на него. Когда к нему приблизился Каллагэн, он знаком дал понять, что хочет побыть один.

Джейк смотрел на то место на дороге, где Бенни разорвало в клочья. Останки мальчика, понятное дело, унесли, и кто-то засыпал его кровь слоем земли, но Джейк все равно видел темные пятна. И оторванную руку Бенни, лежащую ладонью вверх. Джейк помнил, как отец его друга выбежал из кукурузного поля на дорогу и увидел лежащего на ней сына. Пять секунд или около того не мог издать ни звука, и этого времени, подумал Джейк, вполне хватило бы, чтобы сказать сэю Слайтману, что они вышли из боя с невероятно малыми потерями: один убитый мальчик, одна убитая жена ранчера, еще один мальчик со сломанной лодыжкой. Просто чудо, что им удалось так легко отделаться. Но никто не сказал, и Слайтман-

старший испустил дикий вопль. Джейк знал, что никогда не забудет этого вопля, как всегда будет помнить Бенни, лежащего на окровавленной, утоптанной земле с оторванной рукой.

Рядом с тем местом, где упал Бенни, лежало что-то еще, присыпанное пылью. Джейку показалось, что блеснул металл. Он опустился на колени, разгреб пыль и поднял одну из самонаводящихся разрывных гранат Волков, которые назывались снитчами. Модель «Гарри Поттер», так следовало из надписи на гранате. Вчера он держал пару штук в руке и чувствовал, как они вибрируют. Слышал их слабое, зловещее гудение. Эта ничем не отличалась от камня. Джейк поднялся, бросил гранату в сторону груды прикрытых кукурузными стеблями Волков. Бросил со всей силой, так, что заняло плечо. Наверное, и завтра каждое движение руки отдавалось бы болью, но Джейка это не волновало. Как не волновало и негативное отношение Хенчека к злости. Эдди хотел вернуть жену, Джейк — друга. И если Эдди еще мог надеяться, что его желание осуществится, то Джейк Чеймберз — нет. Потому что из царства мертвых не возвращаются. Если человек умирает, это навсегда. Он хотел идти к пещере, оставить за спиной этот участок Восточной дороги, чтобы больше не смотреть на пустое, искореженное кресло Сюзанны. Но мэнни, взявшись за руки, окружили поле боя, и Хенчек молился резким, скрипучим, пронзительным голосом, от которого у Джейка звенело в ушах: очень уж голос напоминал визг перепуганной свиньи. Он обращался к какому-то Оуверу^[7], прося о безопасном пути к той пещере и успешного осуществления намеченного, без потери жизни и рассудка (вот эта часть молитвы Хенчека особенно встревожила Джейка, ему и в голову не приходило, что можно молиться о сохранении рассудка). Глава клана также просил Оувера вдохнуть жизнь в их отвесы и магниты. И, наконец, помолился о кавен, стойкости магии, и фраза эта, похоже имела особое значение для мэнни. Когда он закончил, они хором произнесли: «Оувер — сэм, Оувер — кра, Оувер — кан-тах», — и опустили руки, а некоторые упали на колени, чтобы отдельно посоветоваться с действительно Большим боссом. Тем временем Кантаб повел пятерых или шестерых мужчин помоложе к возку. Они скатали белоснежно-белую парусину, открыв несколько больших деревянных ящиков. Отвесы и магниты, догадался Джейк, размером гораздо большие тех, что висели у них на шее. На это мероприятие они привезли тяжелую артиллерию. Ящики покрывали рисунки: звезды, луны, какие-то странные геометрические фигуры, скорее, знаки каббалистические, чем христианские. Они могли выглядеть, как квакеры или амиши^[8] со своими

плащами, бородами и черными шляпами с круглой тульей, могли вернуть в разговоре вышедшие из употребления старомодные слова, но, насколько знал Джейк, ни за квакерами, ни за амишами не замечалось такого хобби, как путешествия между мирами.

Из ближайшего фургона мэнни достали длинные полированные деревянные шесты. Их вставили в специальные металлические кольца на нижней части разрисованных ящиков. Джейк узнал, что называются эти ящики коффами. Мэнни носили их точно так же, как когда-то по улицам средневекового города носили религиозные реликвии. Собственно, Джейк полагал, что в определенном смысле коффы и являли собой религиозные реликвии.

Они двинулись по проселку, на котором так и остались закрутки для волос, обрывки ткани, маленькие игрушки. Приманка для Волков, проглоченная ими приманка.

Когда они достигли того места, где Фрэнк Тавери угодил ногой в нору или промоину, Джейк услышал голос его красавицы-сестры: «Помоги ему... пожалуйста, сэй, умоляю...». Он помог, и да простит его Бог. А Бенни умер.

Джейк отвернулся, с перекошенным лицом. «Ты теперь стрелок, ты должен держать себя в руках». И он заставил себя повернуть голову.

Рука отца Каллагэна легла на его плечо.

— Сынок, ты в порядке? Ты ужасно побледнел.

— Все хорошо, — к горлу подкатился комок, большой комок, но усилием воли Джейк сумел проглотить его и повторить ложь, скорее для себя, чем для отца Каллагэна.

— Все хорошо.

Каллагэн кивнул и перекинул небольшой рюкзак (рюкзак горожанина, который в глубине своего сердца не верит, что отправится в дальнюю дорогу) с левого плеча на правое.

— А что произойдет, когда мы поднимемся к этой пещере? Если поднимемся?

Джейк покачал головой. Он не знал.

С тропой они справились относительно легко. Большую часть камней с нее снесло и, пусть мужчинам, которые несли коффы, пришлось попотеть, в одном им сильно повезло. Землетрясение сдвинуло гигантский

валун, который перегораживал тропу у самой пещеры, и он свалился в пропасть. Эдди, наклонившись над обрывом, увидел его далеко внизу. Валун развалился на две части, его сердцевина, более темная, чуть поблескивала, так что теперь он выглядел, по мнению Эдди, как самое большое в мире сваренное вкрутую яйцо.

Пещеру они нашли на прежнем месте, только вход в нее перегораживала большая гряда сланцевой глины. Эдди присоединился к молодым мэнни, которые принялись расчищать вход, отбрасывая глину (в некоторых кусках, как капли крови, сверкали гранаты). Как только Эдди увидел вход в пещеру, стальная лента, стягивающая его сердце, ослабла, но ему не понравилось молчание пещеры, которая в их прошлый визит поражала своей говорливостью. Откуда-то из ее глубин доносилось журчание бегущей воды, но не более того. Куда подевался его брат, Генри? Генри давно пора горько жаловаться на то, что джентльмены Балазара убили его, а вина в этом исключительно Эдди. Где его мамаша, которая в этом вопросе полностью поддерживала Генри (в столь же страдальческом тоне)? Где Маргарет Эйзенхарт, жалующаяся Хенчеку, своему деду, что ее заклеямили забывшей, а потом бросили. Ведь это Пещера голосов, которая лишь недавно стала Пещерой двери, но голоса затихли. И дверь какая-то... дурацкая, именно это слово первым пришло на ум Эдди. А вторым — ненужная. Эту пещеру отличали доносящиеся из ее глубин голоса; эту дверь превращал в ужасную, загадочную и могущественную хрустальный шар, Черный Тринадцатый, которые через нее и попал в Кэллу.

Но теперь он ушел тем же путем, и это всего лишь старая дверь, которая... Эдди попытался оборвать мысль, но не смог...которая никуда не ведет. Он повернулся к Хенчеку, стыдясь пелены слез, которая застила глаза, но не в силах сдержать их.

— Не осталось тут никакой магии, — голос его переполнял отчаяние. — За этой гребаной дверью нет ничего, кроме спертого воздуха да свалившихся со стен и свода камней. Ты — дурак, и я тоже.

Послышались возмущенные ахи, но, когда Хенчек посмотрел на Эдди, его глаза вроде бы озорно блеснули.

— Льюис, Тонни! — и голос звучал весело. — Принесите кофф Бранни.

Двое подпоясанных ремнями молодых парней с короткими бородками и длинными волосами, заплетенными в косу, выступили вперед. Они несли кофф из железного дерева, примерно в четыре фута длиной и тяжелый, если судить по тому, как крепко они сжимали пальцами полированные деревянные шесты. Кофф они поставили перед Хенчеком.

— Открой его, Эдди из Нью-Йорка.

Тонни и Льюис смотрели на него, вопросительно и с легким испугом. Пожилые мэнни, Эдди это заметил, наблюдали за ним с жадным интересом. Он предположил, что требуется немало лет, чтобы уяснить для себя всю экстравагантность образа жизни этих людей. Со временем Льюису и Тонни предстояло постигнуть ее премудрости, но пока они находились лишь на одном из этапов этого долгого пути.

Хенчек кивнул, уже с легким нетерпением. Эдди наклонился и откинул крышку. Легко. Замок-то отсутствовал. Содержимое коффа скрывал кусок шелка. Хенчек откинул его с элегантностью фокусника, открыв отвес на цепи. Эдди он напомнил детский волчок, размером куда меньше, чем он ожидал. Расстояние от острия до широкой верхней части не превышало восемнадцать дюймов, материал отвеса напоминал желтоватое дерево, которое поблескивало жиром. К отвесу крепилась серебряная цепочка, намотанная свободным концом на кристаллический штырь, торчащий из стенки коффа.

— Доставай отвес, — продолжил Хенчек, а когда Эдди посмотрел на Роланда, волосы вокруг рта старика разошлись, обнажив идеально ровные белые зубы в на удивление циничной улыбке. — Почему ты смотришь на своего дина, молодой сопляк? Магия ушла из этого места, ты сам это сказал! Или самостоятельные решения — это не для тебя? Но почему? Тебе... ну, не знаю... уже двадцать пять?

Стоявшие рядом и услышавшие эти слова мэнни захихикали, хотя несколькими из них двадцати пяти еще точно не исполнилось.

Злясь на старика, да и на себя тоже, Эдди сунулся в кофф. Хенчек остановил его руку.

— Только не трогай отвес. Не трогай, если хочешь, чтобы твое молочко было по одну сторону, а дерьмо — по другую. Только за цепь, ты меня понимаешь?

Эдди практически коснулся отвеса, уже выставил себя перед этими людьми круглым дураком, так что у него не было причин не завершить начатое, но он встретился взглядом с озабоченными серыми глазами Джейка и передумал. Как обычно, на такой высоте дул сильный ветер, выхолаживая пот, оставшийся после подъема. По телу Эдди пробежала дрожь. Он вновь наклонился над коффом, взялся за цепочку, осторожно размотал со штыря свободный конец.

— Поднимай его, — приказал Хенчек.

— Что-то произойдет?

Хенчек кивнул, словно наконец-то дождался от Эдди разумного

вопроса.

— Мы это и хотим посмотреть. Поднимай.

Эдди подчинился. Помня о том, какие усилия пришлось прилагать молодым мэнни, которые несли кофф, он изумился легкости отвеса. У него сложилось ощущение, будто он поднимал перышко, прикрепленное к концу четырехфунтовой цепочки из сверкающих звеньев. Конец цепочки он обмотал вокруг пальцев, поднял руку на уровень глаз. И стал чем-то похож на кукловода.

Эдди уже собрался спросить у Хенчека, а что, по мнению старика, должно произойти, но не успел раскрыть рта, как отвес начал раскачиваться из стороны в сторону, по малой дуге.

— Я его не раскачиваю, — вырвалось у Эдди. — Во всяком случае, думаю, что не раскачиваю. Должно быть, ветер.

— Думаю, что ветер здесь не причем, — возразил Каллагэн. — Порывов-то нет...

— Тихо! — воскликнул Кантаб, и так зыкнул на Каллагэна, что священник замолчал.

Эдди стоял перед пещерой, от горы разбегались русла пересохших рек, а дальше перед ним расстилалась практически вся Кэлла Брин Стерджис. Далеко-далеко сине-серой громадой виднелся лес, через который они пришли сюда, последнее свидетельство существования Срединного мира, в который они уже не могли вернуться. Ветер дул, но в одну сторону, сметая волосы со лба, и внезапно он услышал гудение.

Да только не слышал его. Гудело в руке, которую он поднял на уровень глаз, с обмотанными цепочкой пальцами. И, главным образом, в голове.

А на другом конце цепочки, примерно на высоте правого колена Эдди, отвес набирал скорость, дуга раскачивания все увеличивалась и увеличивалась. И вот еще какую странность заметил Эдди: при достижении самой высокой точки, отвес становился тяжелее. То есть по мере раскачивания возрастала центробежная сила.

Дуга удлинялась, отвес раскачивался быстрее, цепочка сильнее тащила за собой руку. А потом...

— Эдди! — воскликнул Джейк, в голосе слышались тревога и радость. — Ты видишь?

Конечно же, он видел. Теперь, на конце дуги, отвес словно окутывала дымка. И давление на руку, определяемое массой отвеса, в этот момент значительно возрастало. Ему уже приходилось поддерживать правую руку левой, чтобы цепочку не вырвало из пальцев, и тело его начало раскачиваться в такт движениям отвеса. Эдди внезапно вспомнил, где

находится: на краю пропасти глубиной в добрые семьсот футов. И эта «игрушка», если ее не остановить, вскорости могла забросить его за край. Он уже сомневался, что ему удастся освободить руку от цепочки.

Отвес пошел направо, прочерчивая в воздухе невидимую улыбку, набирая вес по мере подъема к высшей точке. Эта деревяшка, которую он с такой легкостью достал из коффа, теперь весила шестьдесят, восемьдесят, а то и сто фунтов. А когда отвес на мгновение замер в высшей точке, где центробежная сила сравнивалась с силой тяжести, Эдди вдруг осознал, что может видеть сквозь него Восточную дорогу, не только ясно, но и куда как ближе: отвес Бранни превратился в увеличительное стекло. Потом он пошел вниз, набирая скорость, слишком тяжелый. А когда вновь начал подъем, по левому сегменту дуги...

— Хорошо, я все понял! — закричал Эдди. — Забери его, Хенчек. По крайней мере, останови!

Хенчек вымолвил одно лишь слово, скорее гортанный звук, какой слышится, если что-то выдергивают из вязкой глины. Отвес не начал замедлять движение, с каждым проходом сокращая длину дуги, а просто повис у колена Эдди, нацелившись острием в сапог. Еще с мгновение сохранялось гудение в руке и голове. Потом стихло. А вместе с ним исчез и вес. Чертова штуковина вновь стала легкой, как перышко.

— Тебе есть, что сказать мне, Эдди из Нью-Йорка? — спросил Хенчек.

— Да, прости, прошу тебя.

Вновь появились зубы Хенчека, блеснув меж зарослей густой бороды и усов, и исчезли.

— Соображаешь ты быстро, не так ли?

— Надеюсь на это, — ответил Эдди и облегченно выдохнул, когда старик мэнни взялся за серебряную цепочку.

Хенчек настоял на репетиции. Эдди понимал, в чем причина, но затягивающаяся прелюдия злила его. Уходящее время ощущалось буквально физически, как кусок грубой материи, скользящий под ладонью. Тем не менее, он смолчал. Однажды уже сорвался и более не хотел выставлять себя на посмешище.

Старик завел в пещеру шесть своих amigos^[9] (пятеро из которых, по мнению Эдди, выглядели постарше Бога). Троим дал в руки отвесы, остальным — магниты в форме раковины. Отвес Бранни, самый мощный

из принадлежащих клану, оставил себе. Все семеро образовали кольцо у входа в пещеру.

— Не вокруг двери? — спросил Роланд.

— Только когда возникнет такая необходимость, — ответил Хенчек. Старики взялись за руки, их пальцы переплелись на отвесе или магните. Как только круг замкнулся, Эдди вновь услышал гудение. Заметил, как Джейк заткнул уши руками, а лицо Роланда скривилось в короткой гримасе. Посмотрел на дверь и увидел, что от ее «ненужности» не осталось и следа. Вновь четко выделялись иероглифы, означающие на давно забытом языке слово: НЕНАЙДЕННАЯ. Хрустальная ручка светилась и волны белого света омывали вырезанную в ней розу. «Могу я открыть ее сейчас? — гадал Эдди. — Открыть и пройти через нее?» Решил, что нет. Пока — нет. Но уверенности в успехе куда как прибавилось, в сравнении с той, что была пятью минутами раньше.

Внезапно ожили голоса в глубинах пещеры, но только зазвучали все разом, перекрывая и заглушая друг друга. Эдди различил голос Бенни Слайтмана-младшего, выкрикивающего слово «Доган», услышал, как его мать выговаривает ему, что он всегда все терял, а теперь вот потерял жену, услышал какого-то мужчину (вероятно, Элмера Чеймберза), говорящего Джейку, что Джейк сошел с ума, что он — ку-ку, Monsieur Lunatique^[10]. К этим голосам присоединялись все новые и новые.

Хенчек резко кивнул своим коллегам. Их руки разделились. И в тот же самый момент голоса, доносившиеся снизу, пропали, словно их отрезало. И Эдди несколько не удивился, увидев, что дверь мгновенно потеряла свою уникальность, стала обычной дверью, мимо которой он бы прошел по улице, не удостоив и взгляда.

— Что, во имя Господа, это было? — спросил Каллагэн, мотнув головой в сторону темноты, сгущающейся там, где пол пещеры уходил вниз. — Раньше я такого не слышал.

— Я думаю, землетрясение и потеря магического кристалла свели пещеру с ума, — спокойно ответил Хенчек. — В любом случае, к нашему делу это отношения не имеет. Для нас главное — дверь, — он посмотрел на рюкзак Каллагэна. — В свое время ты был бродягой.

— Да.

Зубы Хенчека вновь нанесли им короткий визит вежливости. И Эдди решил, что, возможно, и подсознательно, старику все это нравится.

— Глядя на твою амуницию, сэй Каллагэн, поневоле задумываешься над тем, а не растерял ли ты прежние навыки.

— Наверное, мне трудно поверить, что мы действительно куда-то

отправимся, — ответил Каллагэн и улыбнулся. В сравнении с Хэнчеком улыбка вышла очень уж жалкой. — И я стал старше.

Хенчек издал какой-то пренебрежительный звук, что-то вроде: «Фу!»

— Хенчек, ты знаешь, что заставило землю вздрогнуть этой ночью? — спросил Роланд.

Глаза старика чуть затуманились. Он кивнул. Вне пещеры, вытянувшись цепочкой вдоль тропы, терпеливо ждали более тридцати мэнни.

— Мы думаем, разрушился один из Лучей.

— И я так думаю, — кивнул Роланд. — Так что времени у нас все меньше и меньше. Я бы хотел положить конец этим пустопорожним разговорам, если ты не возражаешь. Давай посоветуемся о том, что мы должны делать, а потом приступим.

Хенчек глянул на Роланда столь же холодно, как смотрел на Эдди, но стрелок не отвел глаз. Брови Хенчека сошлись у переносицы, потом лоб разгладился.

— Ага. Как скажешь, Роланд. Ты сослужил нам великую службу, как мэнни, так и забывшим людям, и мы в ответ сделаем все, что сможем. Магия по-прежнему здесь, пещера пропитана ею. Требуется только искра. Мы можем высечь эту искру, ага, это просто, как каммала. Возможно, ты получишь желаемое. С другой стороны, мы вместе можем отправиться на пустошь в конце тропы. Или в тьму. Ты понимаешь?

Роланд кивнул.

— И согласен на это пойти?

Роланд с мгновение молчал, опустив голову, положив руку на рукоятку револьвера. А когда вскинул глаза на Хенчека, на его губах играла улыбка. Красивая улыбка, в которой читались усталость, отчаяние и совет не становиться у него на пути. Он дважды вертанул здоровой левой рукой в воздухе: «Начинаем».

Коффы поставили на землю, осторожно и тщательно, в силу узости тропы, ведущей к пещере, которую мэнни называли Кра-Каммен, и достали их содержимое. Пальцы с длинными ногтями (мэнни дозволялось стричь ногти только раз в год) скребли по магнитам, издавая пронзительные звуки, которые, как ножи, втыкались в голову Джейка. Звуки эти напоминали ему колокольца Прыжка, и он полагал, что удивляться тут нечему: эти

колокольца и назывались каммен.

— Что означает Кра-Каммен? — спросил он Кантаба. — Дом колоколов?

— Дом духов, — ответил тот, не отрывая глаз от цепочки, которую разматывал. — Оставь меня в покое, Джейк, это тонкая работа.

Джейк не понимал, почему, но подчинился. Роланд, Эдди и Каллагэн стояли в пещере, у самого входа. Джейк присоединился к ним. Хенчек, тем временем, разместил самых пожилых мэнни полукругом за обратной стороной двери. Фасад, с иероглифами и хрустальной ручкой оставались без охраны, пока.

Старик вернулся на площадку перед пещерой, коротко переговорил с Кантабом, затем взмахом руки предложил подниматься к пещере мэнни, выстроившимся вдоль тропы. Как только первый из них вошел в пещеру, Хенчек остановил его и шагнул к Роланду. Присел на корточки, взглядом предложил стрелку составить ему компанию.

Пол пещеры покрывала пыль. Она сыпалась со свода, в нее превращались косточки мелких зверьков, которые на свою беду забредали сюда. Ногтем Хенчек нарисовал прямоугольник, не замкнув его в одном узком основании, потом охватывающий его полукруг.

— Дверь, — указал он. — И люди моего кра. Ты меня понимаешь?

Роланд кивнул.

— Ты и твои люди замкнут круг, — он дорисовал недостающий сегмент. — Мальчик силен в прикосновениях, — Хенчек внезапно взглянул на Джейка, и от неожиданности тот даже подпрыгнул.

— Да, — согласился Роланд.

— Мы поставим его прямо перед дверью, но достаточно далеко, чтобы дверь, если она резко откроется, а такое может быть, не разбила ему голову. Ты встанешь там, мальчик?

— Да, если не получу другого указания от тебя или Роланда, — ответил Джек.

— В голове у тебя возникнет ощущение... как всасывание. Не самое приятное, — он помолчал. — Дверь придется открывать дважды.

— Да, — вновь кивнул Роланд. — Дважды.

Эдди знал, что второе с конца открытие двери связано с Келвином Тауэром, но он давно уже потерял всякий интерес к книготорговцу. Нет, трусом Эдди назвать его не мог, но видел в нем только жадность, упрямство и эгоизм, другими словами, образцового жителя Нью-Йорка. А самый последний раз этой дверью воспользовалась Сюзи, и он намеривался проскочить в дверь, как только она откроется вновь. Если потом она

откроется еще раз, в маленьком городке штата Мэн, где спрятались от нью-йоркских бандитов Келвин Тауэр и его друг Эрон Дипно, что ж, будем петь и плясать. Если остальные отправятся туда, попытаюсь защитить Тауэра и приобрести право владения на некий пустырь и некую дикую розу, флаг им в руки. Эдди же главным для себя считал Сюзанну. Все остальное — вторичным.

Даже Башню.

6

— Кого ты пошлешь через дверь, когда она откроется в первый раз? — спросил Хенчек.

Роланд обдумывал ответ, рассеянно поглаживая шкаф с книгами, который по настоянию Келвина Тауэра оказался в Пещере двери. В шкафу стояла книга, которая так расстроила отца Каллагэна. Он не хотел посылать Эдди, по натуре импульсивного, а теперь еще и ослепленного любовью и тревогой, за его женой. Однако, подчинится ли Эдди, если он прикажет ему отправляться за Тауэром и Дипно. Роланд в этом сильно сомневался. Что означало...

— Стрелок? — подал голос Хенчек.

— Когда дверь откроется в первый раз, через нее пройдем мы с Эдди, — ответил Роланд. — Дверь захлопнется сама?

— Именно захлопнется, — кивнул Хенчек. — Вы должны быть быстрее укуса дьявола, а не то вас разрежет пополам, и одна половина останется здесь, а остальное — в том месте, куда перенеслась коричневокожая женщина.

— Мы будем быстры, не сомневайся, — заверил его Роланд.

— Ага, постарайтесь, — и опять сверкнули зубы Хенчека. В улыбке.

(Чего он не говорит? Что-то такое, что знает или только думает, что знает?)

Только Роланду так и не удалось подумать о ее сущности.

— На вашем месте я бы оставил оружие здесь, — продолжил Хенчек. — Если попытаетесь пронести его с собой, возможно, потеряете.

— Я с пистолетом не расстанусь, — ответил Джейк. — Принес его с той стороны, следовательно, с ним ничего не должно случиться. А если он потеряется, я найду другой, так или иначе.

— Я думаю, мои тоже попадут на ту сторону двери, — добавил Роланд. Он долго об этом думал и решил, что они с Эдди должны взять с

собой большие револьверы.

Хенчек пожал плечами, как бы говоря: «Воля ваша».

— А как насчет Ыша? — спросил Эдди.

Глаза Джейка широко раскрылись, челюсть отпала. Роланд понял, что до этого момента мальчик и не думал о своем друге — пересмешнике. И отметил про себя (не в первый раз), как это легко, забыть о Джоне «Джейке» Чеймберзе самое главное: он еще ребенок.

— Когда мы уходили в Прыжок, Ыш... — начал Джейк.

— Это совсем другое, сладенький, — ответил Эдди, и, услышав любимое словечко Сюзанны, соскользнувшее с губ, почувствовал, как сжалось сердце. Впервые он допустил, что может больше не увидеть ее, как Джейк может не увидеть Ыша после того, как они покинут эту вонючую пещеру.

— Но... — начал Джейк, и Ыш с упреком тявкнул. Джейк слишком сильно прижал его к себе.

— Мы позаботимся о нем, — раздался мягкий голос Кантаба. — Хорошо позаботимся, будь уверен. Здесь всегда будет человек, до того момента, как ты вернешься за своим другом и оставшимися вещами.

По своей доброте он не мог произнести: «Если когда-нибудь вернешься», но Роланд прочитал эти слова в его глазах.

— Роланд, ты уверен, что я должен... что он не может... нет. Все ясно. Это не Прыжок. Ладно. Нет.

Джейк сунул руки в передний карман пончо, вытащил Ыша, поставил на пыльный пол. Наклонился, уперевшись руками в ноги, чуть повыше коленей. Ыш поднял голову, вытянул шею. Мордочкой практически коснулся лица Джейка. И Роланд увидел нечто удивительное: слезы не только в глазах Джейка, но и Ыша. Ушастик-путаник плакал. Да, такую историю с восторгом приняли бы в салуне, когда время позднее и много выпито, о верном пересмешнике, который плачет, потому что хозяин оставляет его. В такие истории, само собой, не веришь, но не говоришь об этом, чтобы избежать драки (а может, и стрельбы). И однако, в глазах пересмешника стояли слезы, Роланд видел это собственными глазами, отчего и самому хотелось плакать. Ыш вновь просто имитировал Джейка или действительно понимал, что происходит? Роланд всем сердцем надеялся, что именно первый вариант соответствует действительности.

— Ыш, ты должен некоторое время побыть с Кантабом. Ты с ним поладишь. Он — славный парень.

— Табом! — повторил путаник. Слезы уже падали с мордочки и оставляли на светлой пыли темные, размером с пятицентовик, пятна. На

Роланда слезы зверька производили жуткое впечатление, даже слезы ребенка он бы, пожалуй, воспринял легче.

— Эйк! Эйк!

— Нет, я должен уйти, — Джейк вытер щеки ребрами ладоней. Оставшиеся грязные разводы напоминали боевой раскрас.

— Нет! Эйк!

— Я должен. Ты остаешься с Кантабом. Я вернусь за тобой, Ыш... если не умру, вернусь за тобой, — он прижал к себе зверька, поднялся. — Иди к Кантабу. Вон он, — Джейк указал. — Иди к нему, немедленно, слушайся меня.

— Эйк! Таб! — только глухой не услышал бы переполнявшее голос горе. Еще мгновение Ыш постоял, потом, по-прежнему плача или имитируя слезы Джейка, на что надеялся Роланд, пересмешник повернулся, затрусил к Кантабу и сел между запыленных сапог с короткими голенищами молодого мэни.

Эдди попытался обнять Джейка, но мальчик стряхнул руку и отошел на шаг. Эдди в недоумении посмотрел на него, лицо Роланда оставалось бесстрастным, но мысленно стрелок одобрил поступок Джейка: еще нет тринадцати, а стали в характере уже предостаточно.

Но время поджимало.

— Хенчек?

— Ага. Не хочешь ли сначала помолиться, Роланд? Тому Богу, которому поклоняешься?

— Я не поклоняюсь никакому Богу, — ответил Роланд. — Я поклоняюсь Башне, а ей молиться не нужно.

На лицах некоторых amigos Хенчека отразился ужас, но старик лишь кивнул, словно ничего другого и не ожидал. Повернулся к Каллагэну.

— Отец?

— Господи, на твою помощь уповаю, на твою волю надеюсь, — он прочертил крест в воздухе и кивнул Хенчеку. — Если мы куда-то собрались, пора в путь.

Хенчек выступил вперед, коснулся хрустальной ручки Ненайденной двери, повернулся к Роланду. Его глаза ярко сверкали.

— Выслушай меня в этот последний раз, Роланд из Гилеада.

— Я слушаю тебя, и слушаю внимательно.

— Я — Хенчек из мэни Кра-Красной-тропы-а-Стерджис. Мы заглядываем в далекие дали и посещает далекие миры. Мы — матросы парусника, несущегося под ветром ка. Ты готов к путешествию под этим ветром? Ты и твой ка-тет?

— Ага, готов оказаться там, куда он нас понесет.

Хенчек обернул вокруг тыльной стороны ладони цепочку отвеса Бранни, и Роланд сразу почувствовал возникновение в пещере новой силы. Пока еще слабой, но она нарастала. Распускалась, словно роза.

— Сколько раз должна открыться дверь?

Роланд поднял два оставшихся пальца правой руки.

— Два. Твим, как говорили в Эльде.

— Два или твим, суть одно, — кивнул Хенчек. — Каммала-кам — два, — он возвысил голос. — Подходите, мэгни! Кам-каммала, соедините свою силу с моей! Подходите и выполните свое обещание! Подходите и заплатите наш долг этим стрелкам! Помогите мне послать их, куда им нужно! Ну же!

7

Прежде чем, кто-то из них начал осознавать, что желания ка и их чаяния не совпадают, ка уже начала реализовывать свои планы. Но поначалу казалось, что ничего не произойдет.

Мэгни, которых отобрал Хэнчек, шесть старейшин плюс Кантаб, взяли в полукольцо заднюю сторону двери и ее боковые торцы. Эдди переплел пальцы одной руки с Кантабом, магнит в форме раковины разделил их ладони. Эдди чувствовал, что магнит вибрирует, как что-то живое. Наверное, так оно и было. Каллагэн ухватился за его другую руку и крепко ее сжал.

У второго края двери Роланд уже держал за руку Хенчека, заплетая цепочку отвеса Бранни в свои пальцы. Теперь круг практически замкнулся, за исключением небольшого сегмента по центру двери. Джейк глубоко вдохнул, огляделся, увидел Ыша, сидевшего у стены пещеры в десяти футах за Кантабом, и кивнул.

«Ыш, оставайся на месте, я вернусь», — послал он короткую команду и занял свое место. Взялся за правую руку Каллагэна, а после короткого колебания, за правую Роланда.

Тут же вернулось гудение. Отвес Бранни пришел в движение, но теперь двинулся не по дуге, а начал описывать круг малого диаметра. У двери прибавилось четкости, она словно надвинулась на них из сумрака пещеры: Джейк видел это собственными глазами. Линии и круги иероглифов, обозначающих слово НЕНАЙДЕННАЯ, теперь выделялись куда сильнее. Роза, выгравированная на ручке, засветилась.

Дверь, однако, оставалась закрытой.

(Сосредоточься, мальчик!)

Голос Хенчека звучал в голове Джейка, да так сильно, что буквально расплющивал мозг. Он наклонил голову, уставился на ручку. Видел розу. Видел ее очень хорошо. Представил себе, как она поворачивается, по мере того, как поворачивается ручка, на которой ее выгравировали. Однажды, не так уж и давно, двери стали его навязчивой идеей, двери и другой мир,

(Срединный мир)

который, он это знал, должен находиться за одной из них. И теперь прежние ощущения вернулись. Он представил себе все двери, которые только знал в своей жизни: двери спален двери ванных комнат двери кухонь двери чуланов двери залов для боулинга двери раздевалок двери кинотеатров двери ресторанов двери с табличками «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» двери с табличками «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ» дверцы холодильников, да, даже их... а потом увидел, как все они разом открылись.

«Откройся! — мысленно приказал он двери, чувствуя себя арабским мальчишкой в какой-то древней сказке. — Откройся сезам! Откройся, говорю я!»

Из глубины, из чрева пещеры вновь зазвучали голоса. Что-то ухнуло, что-то упало. Пол пещеры задрожал под их ногами, будто еще один Луч приказал долго жить. Джейк не обратил на это ни малейшего внимания. Ощущение присутствия некой живой силы все усиливалось, мальчик чувствовал, как она щиплет его кожу, заставляет вибрировать нос и глаза, поднимает волосы дыбом, но дверь оставалась закрытой. Он еще сильнее вцепился в руку Роланда и руку отца Каллагэна, сосредоточился на дверях зданий пожарных команд, дверях полицейских участков, двери кабинета директора школы Пайпера, даже на научно-фантастическом романе, который он когда-то читал, назывался роман «Дверь в лето». Запах пещеры, тяжелый — плесени, древних костей, занесенного издалека дымка — вдруг резко усилился. Неимоверная радость охватила его, радость уверенности: «Сейчас, сейчас это произойдет, я знаю, что произойдет», — но дверь оставалась закрытой. И теперь до его ноздрей долетел другой запах. Нет, не пещеры, запах собственного, с металлическим привкусом, пота, струящегося по лицу.

— Хенчек, не получается. Думаю, я...

— Да, пока не получается, но только не думай, парень, что ты все должен сделать сам. Нащупай что-то между собой и дверью... что-то похожее на крюк... или шип... — произнес эти слова, Хенчек обратился к

стоящим у входа в пещеру мэнни. — Хедрон, иди сюда. Тонни, ухватись за плечи Хедрона. Льюис, ухватись за Тонни. И так далее! Сделайте это! Все!

Колонна мэнни придвинулась. Ыш твякнул, похоже, сомневался в результате.

— Ищи, мальчик! Ищи крюк! Он между тобой и дверью! Нащупай его!

Джейк напрягся, тогда как его воображение внезапно нарисовало образы невероятной и ужасающей четкости и яркости, недостижимых ни в каком сне. Он увидел Пятую авеню между Сорок восьмой и Шестидесятой улицами («Двенадцать кварталов, где каждый январь исчезают мои рождественские премии», — частенько бурчал его отец). Он видел как все двери, на обеих сторонах улицы, распахнулись одновременно: «Фенди»! «Тиффани»! «Бергдорфа Гудмана»! «Картье», «Даблдей букс»! Отеля «Шерри Нитенленд». Он увидел бесконечный холл, застланный коричневым линолеумом, и знал, что холл этот — в кинотеатре «Пентагон». Он видел двери, никак не меньше тысячи дверей, разом распахнувшихся и создающих мощнейший сквозняк.

Однако, дверь перед ним, единственная, нужная им, оставалась закрытой. Да, закрытой, но... Ее трясло, она стучала о дверной косяк. Он это слышал.

— Давай, малыш! — процедил Эдди сквозь сжатые зубы. — Если не сможешь отрыть ее, вышиби пинком.

— Помогайте мне! — прокричал Джейк. — Помогайте, черт побери! Все вместе!

Сила в пещере, казалось, удвоилась. От гудения завибрировали кости черепа Джейка. Зубы давно уже выбивали барабанную дробь. Пот застилал глаза, туманя зрение. Он видел двух Хенчеков, кивающих кому-то, стоявшему за их спинами: Хедрону. А за Хедроном стоял Тонни. А за Тонни — остальные, змеей вытягиваясь из пещеры на тропу.

— Приготовься, парень, — выдохнул Хенчек. Рука Хедрона скользнула под рубашку Джейка и ухватилась за пояс джинсов. Джейк почувствовал, как его толкает в двери, а не оттаскивает назад. Что-то в его голове устремилось вперед, он увидел как все двери тысячи, тысячи миров широко распахнулись, вызвав ветер такой силы, что он мог практически задуть солнце. А потом все замерло. Зато что-то появилось... появилось перед дверью... Крюк. Это крюк!

Он накинуд на крюк, словно петлю, свой разум и жизненную силу. И одновременно почувствовал, как Хедрон и другие тянут его назад. Тут же возникла боль, невыносимая, рвущая в клочья. А потом чувство, будто из

тебя вытягивают все нутро. Отвратительное чувство, казалось, кто-то наматывал на крюк кишку за кишкой. И при этом мерзкое жужжание в ушах и глубоко в мозгу.

Джейк попытался выкрикнуть: «Нет, хватит, отпустите меня», — и не смог. Он попытался вскрикнуть и услышал свой крик, да только в голове. Боже, его подцепили. Подцепили на крюк и теперь рвут надвое. Только одно существо услышало его крик. С яростным лаем Ыш рванулся к Джейку. И в тот же самый момент Ненайденная дверь открылась, распахнулась, с шипящим свистом повернулась на петлях перед носом Джейка.

— Возрадуемся! — крикнул Хенчек, и в его голосе слышались ужас и восторг. — Возрадуемся, дверь открылась! Оувер кам-каммен! Кан-тах, кан-кавар каммен! Оувер-кан-тах!

Остальные мэнни подхватили крик Хенчека, но к тому времени Джейк Чеймберз уже вырвал руку из руки Роланда, который стоял справа от него. К тому времени он уже летел, и не один. На пару с отцом Каллагэном.

8

Эдди едва успел услышать Нью-Йорк, учуять Нью-Йорк, и осознать, что же случилось. А самое ужасное заключалось в том, что его рассудок четко все фиксировал, он отдавал себе отчет: все идет с точностью до наоборот от ожидаемого им, но ничего не мог поделать.

Он увидел, как Джейка выдернуло из круга, и почувствовал, как рука Каллагэна вырвалась из его руки; увидел, как они летят по воздуху к двери, в тандеме крутят сальто, словно пара гребаных акробатов. Что-то пушистое и гавкающее прямо-таки как пуля пронеслось мимо его головы. Кувыркающийся Ыш, с прижатыми к голове ушами, выпученными от ужаса глазами, которые, казалось, отделились от мордочки зверька и летели сами по себе.

Более того, Эдди вдруг понял, что он более не держит Кантаба за руку и устремился к двери... его двери, его городу и к затерявшейся там, его, покинувшей Кэллу, беременной жене. И внезапно ощутил (еще как ощутил) невидимую руку, которая толкнула его назад, и голос, который говорил, не произнося ни единого слова. Услышанное Эдди было ужаснее любых слов. Слова еще можно оспорить. Тут же он услышал бессловесное нет, и насколько мог судить, приказ это мог поступить из самой Темной Башни.

Джейк и Каллагэн проскочили в дверной проем, словно пули,

выпущенные из двустволки: умчались в темноту, наполненную звуками автомобильных сигналов и шуршанием шин движущегося транспорта. Издалека, но ясно, как голоса, которые слышишь во сне, до Эдди донесся резкий, хрипатый, экзальтированный голос, вещающий тем прохожим, которые хотели его слышать: «Упомяни имя Божье, брат мой, это правильно, упомяни имя Божье на Второй авеню, упомяни имя божье на авеню Би, упомяни имя Божье в Бронксе. Я говорю Бог, я говорю Бог — Бомба, Я говорю Бог!» То звучал голос настоящего нью-йоркского безумца, если Эдди когда-нибудь доводилось такого слышать, и он рвался к нему всем своим сердцем. Он увидел, как Ыш пролетел сквозь дверь, словно обрывок газеты, подброшенный с мостовой воздушным вихрем от промчавшегося автомобиля, а потом дверь захлопнулась, так быстро и сильно, что ему пришлось прищуриться от ударившего в лицо ветра, и ветер этот тащил облако пыли, поднятой с пола пещеры.

Прежде чем Эдди успел закричать от ярости, дверь распахнулась вновь. На этот раз в яркий солнечный свет, наполненный пением птиц. Он почувствовал запах сосен, услышал, как вдали что-то гроыхнуло. А потом его засосало в эту яркость, и он не смог даже крикнуть, что все пошло не так, что... Эдди обо что-то стукнулся виском. Одно короткое мгновение остро чувствовал, что летит между мирами. Потом раздалась стрельба. Пришла смерть.

КУПЛЕТ:

*Commala — come — two
The wind'll blow you through
Ya gotta go where ka's wind blow ya
Cause there's nothing else to do.*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — two!
Nothing else to do!
Gotta go where ka's wind blows ya
Cause there's nothing else to do.*

Строфа 3. Труды и Миа

1

До первого июня 1999 года Труды Дамаскус полагала себя практичной женщиной, которая могла объяснить любому, что НЛО в большинстве своем — атмосферные зонды (а остальные сработаны людьми, которые хотели покрасоваться на экране телевизора), Туринская плащаница — подделка какого-то мошенника четырнадцатого века, а призраки, включая и Джейкоба Марли^[11] — свидетельства психического нездоровья или вызваны расстройством пищеварения. Будучи практичной женщиной, она хвалила себя за свою практичность, и чему-либо суеверному и сверхъестественному не было места в ее мыслях, когда она шла по Второй авеню на работу (бухгалтерскую фирму «Гаттерберг, Ферт и Патель»), с холщовым пакетом для покупок и сумочкой на плече. Одним из клиентов «ГФиП» была сеть магазинов детских игрушек «КидзПлей», и сеть эта задолжала «ГфиП» приличную сумму. То обстоятельство, что они также балансировали на грани банкротства, для Труды ровным счетом ничего не значило. Она хотела получить причитающиеся фирме 69211 долларов и 19 центов и провела большую часть отведенного на ленч часа (в одной из дальних кабинок кафе «Блины и оладьи у Денниса», которое до 1994 года было рестораном «Чав-Чав»), размышляя над тем, как их добыть. За последние несколько лет она уже сделала несколько шагов к тому, чтобы фирма «Гаттенберг, Ферт и Патель» сменила название на «Гаттенберг, Ферт, Патель и Дамаскус», и получение долга с «КидзПлей» стало бы еще одним шагом, причем большим, в этом направлении.

Так что, пересекая Сорок шестую улицу и держа путь к большущему небоскребу из темного стекла, который теперь стоял на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, обращенному к Верхнему Манхэттену^[12] (раньше там находился некий магазин деликатесов, а потом некий пустырь), Труды думала не о богах, призраках или визитерах из астрального мира. Она думала о Ричарде Голдмане, говнюке, который возглавлял некую компанию, торговавшую детскими игрушками, и о том...

Но именно тогда жизнь Труды переменилось. Произошло это, если быть точным, в час девятнадцать минут пополудни, по ЛВВ^[13]. Она как раз добралась до бордюрного камня. Собственно, уже поставила на него ногу, и

в этот самый момент прямо перед ней на тротуаре возникла женщина. Афроамериканка с большими глазами. Нью-Йорк не страдал недостатком черных женщин, и, видит, Бог, большие глаза у них не редкость, но Труды никогда не видела, чтобы женщина материализовалась прямо из воздуха, что, собственно эта афроамериканка и проделала. Десятью секундами раньше Труды Дамаскус рассмеялась бы и сказала, что нет ничего более невероятного, чем вот такое появление женщины, аккурат перед ней, на тротуаре в Среднем Манхэттене, но именно так и случилось. Определенно случилось.

И теперь она знала, что, должно быть, испытывали все эти люди, которые рассказывали о том, что видели летающие тарелки (не говоря уже о гремящих цепями призраках), как они злились, сталкиваясь со стойким недоверием таких людей, как... да, таких, как Труды Дамаскус, какой она была в один час восемнадцать минут пополудни первого июня, когда покидала угол Второй Авеню и Сорок шестой улицы со стороны Верхнего Манхэттена. Ты можешь говорить людям: «Вы ничего не понимаете, это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЛУЧИЛОСЬ!**» — и не вызывать никаких эмоций. Разве что услышать в ответ: «Ну, наверное, она просто вышла из-за автобусной остановки, а вы этого не заметили» или «Она, вероятно, вышла из маленького магазинчика, а вы не обратили на это внимания». И сколько ни талдычь им, что нет никакой автобусной остановки ни на одной стороне Сорок шестой улицы, толку от этого не будет. И сколько не талдычь им, что и маленьких магазинчиков поблизости нет, во всяком случае, после постройки Хаммаршельд-Плаза-2^[14], тебе не поверят. Вскорости Труды предстояло прочувствовать все это на собственной шкуре, и практичные люди едва не довели ее до безумия. Она не привыкла к тому, чтобы к ее восприятию действительности относились, как к капельке горчицы, случайно упавшей на стол, которая тут же стиралась, или к кусочку недоваренной картофелины, который отодвигался на край тарелки.

Никакой автобусной остановки. Никаких маленьких магазинчиков. Только ступени, поднимающиеся к Хаммаршельд-Плаза-2, которые несколько человек облюбовали для ленча, вот и сидели там с пакетами из коричневой бумаги, но призрак-женщина не спускалась и со ступеней. Фактически произошло следующее: когда Труды Дамаскус поставила свою обутую в кроссовку левую ногу на бордюрный камень, тротуар непосредственно перед ней пустовал. А когда перенесла свой вес на левую ногу, перед тем, как оторвать от мостовой правую, появилась женщина.

Какое-то мгновение Труды могла видеть сквозь нее Вторую авеню, и что-то еще, что-то похожее на вход в пещеру. Потом все исчезло, вместе с

прозрачностью женщины. Процесс ее «загустевания» занял, по прикидкам Труды, секунду, может, меньше. Уже потом в голову Труды пришла старая присказка: «Если б мигнула, ничего бы и не увидела», — и она пожалела, что не мигнула. Потому что черная женщина не просто материализовалась из воздуха.

Она отрастила ноги прямо на глазах у Труды Дамаскус.

Именно так: отрастила ноги.

Труды ничего не мерещилось, ее органы чувств ясно и четко фиксировали происходящее, и потом она говорила людям (число тех, кто хотел ее слушать, уменьшалось и уменьшалось), что каждая подробность этого происшествия отпечаталась в ее памяти, как татуировка. Поначалу рост призрака чуть превышал четыре фута. Маловато, конечно, для обычной женщины, полагала Труды, но, возможно, нормально, если ноги начинались от колен.

Призрак был в белой рубашке, запачканной темно-бордовой краской или высохшей кровью, и джинсах. До колен джинсы облегали ноги, а ниже штанины распластались на тротуаре, как кожа двух невиданных синих змей. Потом, внезапно, штанины раздулись. Раздулись, пусть и звучит это безумно, но Труды видела, как это произошло. И в тот же самый момент рост женщины изменился, с четырех футов и ничего ниже колен до пяти футов с семью или восемью дюймами. Такой трюк Труды с интересом посмотрела бы в кино, но происходило все не на экране кинотеатра, а в ее реальной жизни.

На левом плече женщины висела отделанная материей сумка, похоже, сплетенная из соломки. В ней лежали вроде бы какие-то тарелки или блюда. В правой руке женщина сжимала вылинявший красный мешок, с завязанной тесемками горловиной. В мешке находился ящик или коробка с прямыми углами, упирающимися в материю. Мешок раскачивался из стороны в сторону, поэтому Труды не смогла полностью прочесть надпись на нем. Разобрала лишь «НА ДОРОЖКАХ МИДТАУНА».

А потом женщина схватила Труды за руку.

— Что у тебя в пакете? — спросила она. — У тебя есть туфли?

Вопрос заставил Труды взглянуть на ступни черной женщины, и вновь она увидела что-то фантастическое: ступни у афроамериканки были белые. Такие же белые, как у нее самой.

Труды слышала о людях, которые лишались дара речи; именно это произошло и с ней. Язык присох к нёбу и отказывался спуститься. Однако, к глазам никаких претензий она предъявить не могла. Они все видели. Белые ступни. Засохшие капельки на лице черной женщины. Почти

наверняка, капельки крови. А в нос бил запах пота, словно такая вот материализация на Второй авеню могла произойти лишь при затрате огромных усилий.

— Если у тебя есть туфли, женщина, тебе лучше отдать их мне. Я не хочу убивать тебя, но я должна добраться до людей, которые помогут мне с моим малым, и я не смогу пойти к ним босиком.

Этот маленькой отрезок Второй авеню пустовал. Люди, раз, два, да обчелся, сидели лишь на ступенях перед Хаммаршельд-Плаза-2, одна парочка смотрела прямо на Труди и черную женщину (по большей части черную женщину), но безо всякой тревоги, даже без интереса, так что Труди оставалось только задаться вопросом: что с ними такое, они что, слепые?

«Ну, во-первых, за руку черная женщина схватила не их. А во-вторых, не им пригрозила смертью...»

Холщовый пакет от «Бордерс» с туфлями, которые она носила на работе (средний каблук, из кордовской цветной кожи), сорвали с ее плеча. Черная женщина заглянула в него, вновь посмотрела на Труди.

— Какого они размера?

Язык Труди наконец-то отлепился от нёба, но ничем не помог: мертвым грузом упал вниз.

— Неважно, Сюзанна говорит, что у тебя, похоже седьмой размер. Значит, туфли по...

Внезапно лицо призрака словно затуманилось. Женщина подняла руку, с трудом, словно плохо ее контролировала, кисть висела, как парализованная, потом ударила себя по лбу, промеж глаз. И разом ее лицо переменилось. В базовом пакете кабельных каналов, на который подписывалась Труди, был и «Комедийный», так что она не раз и не два видела комиков, которые точно так же меняли выражение лица.

Когда черная женщина заговорила, изменился и голос. Теперь к Труди обращалась образованная женщина. И (Труди могла в этом поклясться) испуганная.

— Помогите мне. Меня зовут Сюзанна Дин и я... я... о... о, Боже...

На этот раз боль перекосила лицо женщины и она схватилась за низ живота. Опустила голову. А когда подняла, вернулась первая женщина, та, что грозила убить за пару туфель. Отступила на шаг, по-прежнему босоногая, с пакетом, в котором лежали элегантные туфли на среднем каблуке фирмы «Феррагамо» и сегодняшний номер «Нью-Йорк таймс».

— О, Боже, — повторила она. — Ну почему так больно! Мама! Ты должна заставить его подождать. Он не может появиться сейчас, прямо

здесь, на улице, ты должна заставить его немного подождать.

Труди попыталась возвысить голос и позвать полицейского. Ничего не вышло, с губ сорвался едва слышный вздох.

Женщина-призрак наставила на нее палец.

— Теперь можешь убираться отсюда. А если позовешь констебля или поднимешь шум, я тебя найду и отрежу тебе груди, — она достала тарелку из плетеной сумки. Труди заметила, что кромка тарелки металлическая, острая, как мясницкий нож, и внезапно ей пришлось бороться с мочевым пузырем, у которого вдруг возникло желание опорожниться прямо в штаны.

«Я тебя найду и отрежу тебе груди», — и кромка «тарелки», на которую смотрела Труди, определенно бы с этим справилась. Вжик-вжик, мгновенная мастэктомия^[15]. О, Господи.

— Доброго вам дня, мадам, — услышала Труди слова, сорвавшиеся с собственных губ. Голос звучал, как у пациента, пытающегося заговорить с дантистом до того, как закончилось действие «новокаина». — Наслаждайтесь этими туфлями, носите в добром здравии.

Правда, добрым здравием призрак явно похвалиться не мог. Пусть даже и обзавелся белыми ступнями.

Труди пошла. Зашагала по Второй авеню. Пыталась сказать себе (безо всякого успеха), что не видела женщину, которая появилась из воздуха перед ней рядом с Хаммаршельд-Плаза-2, здания, которое работающие там люди в шутку называли «Черная башня». Пыталась сказать себе (и тоже безуспешно), что во всем виноваты ростбиф и жареный картофель. Ей следовало, как всегда, заказать американский блин с яйцом^[16], она пошла в «Деннис» за американским блином, а не за ростбифом с жареным картофелем, и, если вы в это не поверили, посмотрите, что с ней случилось несколькими минутами раньше. Она увидела афроамериканского призрака и...

И ее пакет! Ее холщовый пакет от «Бордерс»! Должно быть, она уронила его!

Какое там уронила. Каждую секунду ожидала, что эта женщина-призрак бросится за ней, вопя, как какой-нибудь охотник за головами из самых непроходимых джунглей Папуа. Она почувствовала онекальвающее покаменение (точнее, покальвающее онемение, но она воспринимала его онекальвающим покаменением, а сама спина вдруг стала холодной, чужой, ей не принадлежащей) в том самом месте, куда, она знала, вонзится тарелка этой безумной женщины, пустит кровь, разрубит одну почку и, подрагивая,

застрянет в позвоночнике. Труды не сомневалась, что вот-вот услышит, как летит тарелка, знала, какой она будет издавать посвист до того, как вонзится ей в спину и теплая кровь польется по ягодицам, по ногам...

Она ничего не смогла с собой поделать. Мочевой пузырь «сдулся», и на ее слаксах, она была в дорогом брючном костюме-тройке от Нормы Камали, появилось и начало расширяться темное пятно. К этому моменту она практически добралась до угла Второй авеню и Сорок пятой улицы. И только тут, уже не та практичная женщина, которой она себя полагала ранее и какой больше никогда не стала, Труды сумела собраться с духом и оглянуться.

2

Труды держала одежду, в которой играла в софтбол^[17], футболки и пару старых джинсов, в стенном шкафу своего кабинета. Вернувшись на работу, в офис «Гаттенберг, Ферт и Патель», она первым делом переоделась. Потом сразу позвонила в полицейский участок. Рассказала о случившемся с ней патрульному Полу Антасси, с которым ее соединил дежурный.

— Я — Труды Дамаскус, — сообщила она, — и меня только что ограбили на Второй авеню.

По телефону голос Антасси звучал очень сочувственно, и воображение Труды незамедлительно нарисовало итальянского Джорджа Клуни. Не такая уж большая натяжка, учитывая имя Антасси и черные волосы и глаза Клуни. Наяву Антасси, конечно же, не имел ничего общего с Клуни, но, черт побери, кто ждет чудес и встречи с кинозвездами. Простые люди живут в реальном мире. Хотя... учитывая, что произошло с ней на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы в час девятнадцать минут пополудни, ЛВВ...

Патрульный Антасси прибыл примерно в половине четвертого, и она начала рассказывать ему все, что произошло, с мельчайшими подробностями, включая онекальвающее покаменение спины вместо покальвающего онемения и странную уверенность в том, что женщина готовится метнуть в нее тарелку...

— Так вы говорите, тарелка с заостренной кромкой? — переспросил патрульный Антасси, что-то записывая в блокнот, а после ее ответа: «Да», — сочувственно кивнул. Что-то в этом кивке показалось ей знакомым, но в тот момент она слишком увлеклась своим рассказом, чтобы

вспомнить, откуда. Потом, конечно, она никак не могла объяснить собственной тупости. Ведь точно такие же кивки она многократно видела в фильмах про рехнувшихся женщин, начиная со «Змеиной ямы» с Оливией де Хевилленд и заканчивая «Прерванной жизнью» с Уайноной Райдер.

Но в тот момент она слишком увлеклась своим рассказом. Расписывала патрульному Антасси, как штанины джинсов призрака ниже колен распластались на асфальте. И когда закончила, впервые услышала предположение, что черная женщина, возможно, появилась из-за автобусной остановки. А потом, вы будете смеяться до слез, другое, что черная женщина, вероятно, вышла из одного из маленьких магазинчиков, каких там тьма тьмушая. Что же касается Труды, то и она первый раз заявила, что на том углу нет никаких автобусных остановок, ни на той стороне Сорок шестой улицы, что ближе к Верхнему Манхэттену, ни на той, что ближе к Нижнему. А также резонно заметила, что после возведения Хаммаршельд-Плаза-2 на той стороне Сорок шестой улицы, которая ближе к Нижнему Манхэттену, там не осталось ни одного маленького магазинчика. Впоследствии она чаще всего сначала указывала на отсутствие автобусных остановок, а уж потом — маленьких магазинчиков, и вполне возможно, что со временем ей удастся рассказать все это в одной из программ, которые записываются в Радио-Сити^[18].

Труды в первый раз спросили, что она ела на ленч перед тем, как увидела эту женщину, и она в первый раз осознала: ее ленч практически ничем не отличался, разве что приготовили его в другом, двадцатом веке, от съеденного Эбenezером Скруджем перед тем, как он увидел своего давнего (и давно умершего) делового партнера: картофель и ростбиф. Не говоря уже про горчицу.

Она напроць забывала спросить патрульного Антасси, не хочет ли тот пообедать с ней.

Более того, просто вышвырнула его из кабинета.

Вскоре Митч Гаттенберг сунулся в дверь.

— Они думают, что смогут вернуть тебе пакет, Тру...

— Отвали, — обрезала его Труды, не поднимая головы. — быстро.

Гаттенберг глянул на бледные щеки, закаменевшую челюсть. И ретировался без единого слова.

Труды ушла с работы без четверти пять, гораздо раньше обычного.

Вернулась на угол Второй авеню и Сорок шестой улицы и, хотя онекальвающее покамение вернулось, едва она приблизилась к Хаммаршельд-Плаза-2, не сбавила шага. Постояла на углу, не обращая внимания на поочередно загорающиеся прямоугольные таблички, белый «ИДИТЕ» и красный «СТОЙТЕ». Повернулась на триста шестьдесят градусов, не сходя с места, прямо-таки, как балерина, полностью игнорируя тех, кто шел по Второй авеню. Впрочем, и прохожие в той же мере игнорировали ее.

— Прямо здесь, — вырвалось у нее. — Это произошло прямо здесь. Я знаю, что произошло. Она спросила, какой у меня размер ноги, и, прежде чем я успела ответить... Я бы ответила, сказала бы, какого цвета у меня нижнее белье, если б она спросила, я была в шоке... прежде чем я успела ответить, она сказала...

«Неважно, Сюзанна говорит, что у тебя, похоже, седьмой размер. Значит, они подойдут.»

Нет, второе предложение она не закончила, но Трудि не сомневалась, что именно это она собиралась сказать. Только ее лицо вдруг изменилось. Как у комика, собравшегося имитировать Билла Клинтона, или Майкла Джексона, или даже Джорджа Клуни. И она попросила о помощи. Попросила о помощи и добавила, что ее зовут... как?

— Сюзанна Дин, — продолжила Труди вслух. — Вот как ее зовут. А патрульному Антасси я этого не сказала.

Нет, не сказала, но кому нужен этот патрульный Антасси? Патрульный Антасси с его автобусными остановками и маленькими магазинчиками. Да пошел он...

Эта женщина... Сюзанна Дин, Вупи Голдберг, Коретта Скотт-Кинг, кем бы они ни была, думала, что она беременна. Думала, что у нее родовые схватки. Я в этом практически уверена. Она показалась тебе беременной, Труди?

— Нет, — ответила она.

На ближней к Верхнему Манхэттену стороне Сорок шестой улицы вновь засветилась красная табличка с надписью «СТОЙТЕ». И Труди вдруг осознала, что к ней возвращается спокойствие. Она успокаивалась лишь потому, что стояла здесь, на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, рядом с выскайся по правую руку громадой Хаммаршельд-Плаза-2. Словно почувствовала холодную руку, легшую на горячий лоб, словно услышала доброе слово, заверившее ее, что нет причины, нет абсолютно никакой причины ощущать онекальвающее покамение.

Она слышит гудение, вдруг осознала Труди. Сладостный гудящий

звук.

— Это не гудение, — уточнила она, когда красная табличка «СТОЙТЕ» погасла и вновь зажглась белая «ИДИТЕ» (она вспомнила, как один из ухажеров в колледже сказал ей, что для кармы просто беда, если человек уподобляется световому указателю на пешеходном переходе). — Это не гудение, это пение.

И тут же у нее за спиной, она вздрогнула от неожиданности, но не испугалась, раздался мужской голос:

— Совершенно верно, — повернувшись, она увидела джентльмена лет сорока с небольшим. — Я постоянно прихожу сюда, только для того, чтобы его послушать. И вот что я вам скажу, раз уж мы, как говорится, всего лишь корабли, встретившиеся в ночи, в молодости у меня все лицо было в жутких угрях. И я думаю, это пение, уж не знаю каким образом, их вылечило.

— Вы думаете, что избавились от угрей, потому что время от времени стояли на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы.

Его улыбка, и без того легкая, но приятная, поблекла.

— Я понимаю, звучит безумно...

— Я видела женщину, которая появилась из ниоткуда прямо здесь, — перебила его Труди. — Я видела это три с половиной часа тому назад. Когда она появилась, у нее не было ног ниже колен. Потом она их отрастила. Так кто безумец, друг мой?

Он смотрел на нее, широко раскрыв глаза, незнакомый ей служащий в хорошем костюме и с чуть ослабленным, рабочий день закончился, узлом галстука, и да, она видела едва заметные кратеры и полосы от давнишних угрей на щеках и лбу.

— Это правда?

Она подняла правую руку.

— Пусть я умру, если лгу. Эта сука украла мои туфли, — она запнулась. — Нет, она не сука. Я не верю, что она сука. Она была испуганная, босая и думала, что у нее родовые схватки. Жаль только, что я не успела отдать ей мои кроссовки вместо дорогих гребаных туфель.

Мужчина с тревогой смотрел на нее, и внезапно Труди Дамаскус почувствовала жуткую усталость. Она вдруг поняла, что теперь ей придется привыкать к таким вот взглядам. Засветилась белая табличка «ИДИТЕ», и мужчина, заговоривший с ней, зашагал через Сорок Шестую улицу, помахивая брифкейсом.

— Мистер!

Он не остановился, но обернулся.

— Что здесь было, в прошлом, когда вы останавливались, чтобы вылечить ваши угри?

— Ничего, — ответил он. — Пустырь за забором. Я думал, он исчезнет, этот прекрасный звук, когда началось строительство, но он никуда не делся.

Он пересек мостовую, ступил на тротуар. И продолжил путь по Второй авеню. Труди осталась на месте, погруженная в мысли. Я думал, он исчезнет, но он никуда не делся.

— Как такое могло быть? — спросила она и повернулась лицом к Хаммаршельд-Плаза-2. «Черной башне». Теперь, когда она сосредоточилась на гудении, оно только усилилось. И стало еще сладостней. Она слышала не один голос — много. Будто пел целый хор. А потом оно пропало. Исчезло так же внезапно, как появилась черная женщина.

«Нет, все не так, — подумала Труди. — Я просто потеряла способность слышать его, ничего больше. Если я простою здесь достаточно долго, готова спорить, оно вернется. Господи, бред какой-то. Я рехнулась».

Она в это верила? По правде говоря, нет. Как-то сразу мир для нее истончился, от его реальности осталось совсем ничего, в значительной мере она превратилась в эфемерность. Но никогда в жизни она не ощущала себя более практичной, более здравомыслящей. А еще она чувствовала слабость в коленях, жжение в животе и понимала, что вот-вот может грохнуться в обморок.

На другой стороне Второй авеню находился маленький скверик. Его украшал фонтан и скульптура черепахи, панцирь которой влажно блестел от брызг. Фонтаны и скульптуры Труди совершенно не волновали, но в скверике она увидела скамью.

Когда опять загорелась белая табличка «ИДИТЕ», Труди поплелась через Вторую авеню, прямо-таки восьмидесятитрехлетняя старуха, а не тридцативосьмилетняя женщина в расцвете сил, добралась до скамьи, села. Начала медленно, глубоко вдыхать и где-то минуты через три ее самочувствие определенно улучшилось.

Рядом со скамьей стояла урна с надписью печатными буквами «ДЕРЖИТЕ МУСОР В ПОЛОЖЕННОМ ЕМУ МЕСТЕ». Ниже кто-то напылил из баллончика розовой краской: «ЧЕРЕПАХА огромна, панцирь

горой». Труды, конечно, обратила внимание на черепаху, но размерами последняя не поражала; скульптура была скромненькой. Обратила она внимание и на кое-что еще: экземпляр «Нью-Йорк таймс», скрученный так, как она всегда скручивала свой, если не хотела сразу выбрасывать и имела при себе пакет, в который могла положить. Разумеется, вечером как этого, так и любого другого дня, по Манхэттену могли валяться как минимум миллион экземпляров «Нью-Йорк таймс», но этот покупала она. Труды знала об этом до того, как выудила его из мусорной урны, и сразу же нашла доказательство своей правоты: практически решенный кроссворд, она заполняла его за ленчем, записывая буквы в пустые клеточки любимыми ею лиловыми чернилами.

Она вернула газету в урну и через Вторую авеню посмотрела на то место, где изменилось ее представление о мироустройстве. Возможно, навсегда.

Взяла мои туфли. Пересекла Вторую авеню, присела у черепахи, надела их. Оставила при себе мой холщовый пакет и выбросила «Таймс». Зачем ей понадобился пакет? У нее не было своей обуви, чтобы положить в него.

Труды подумала, что может ответить на этот вопрос. Женщина положила в пакет свои тарелки. Коп, если б заметил острую кромку, мог бы полюбопытствовать, а для чего нужны тарелки, о которые можно порезаться, схватившись не там, где следует.

Ладно, но куда она пошла потом?

Совсем недалеко, на углу Первой авеню и Сорок шестой улицы находился отель, который когда-то назывался «ООН Плаза». Труды не знала, как он назывался теперь, да ее это не волновало. Не хотела она идти туда и спрашивать, не появлялась ли здесь несколько часов тому назад черная женщина в джинсах и запачканной белой рубашке. Интуиция подсказывала, что ее версия призрака Джейкоба Марли именно туда и направилась, но как раз в данном случае следовать интуиции и не хотелось. Лучше забыть об этом. Туфлей в городе хватало, а вот рассудок, рассудок у человека...

Лучше поехать домой, принять душ, и просто... забыть об этом. Да только...

— Что-то не так, — вырвалось у нее, и мужчина, проходящий мимо скверика, посмотрел на нее. Она ответила воинственным взглядом. — Что-то очень даже не так. Что-то...

На ум пришло слово наклоняется, но она не решилась его произнести. Словно боялась, что слово это, произнесенное, разом превратится в другое:

опрокидывается.

Для Труды Дамаскус это лето стало летом кошмарных снов. В некоторых она видела женщину, которая сначала появилась перед ней, а потом отрастила ноги. Это были ужасные сны, но не самые жуткие. В последних она оказывалась в крошечной тьме, звенят какие-то рвущие барабанные перепонки и душу колокольца, она чувствовала, как что-то наклоняется и наклоняется к точке, пройдя которую остановить падение и вернуться в вертикальное положение невозможно.

КУПЛЕТ:

*Commala — come — key
Can ya tell what ya see?
Is it ghosts or just the mirror
that makes you want to flee?*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — three!
I beg ya, tell me!
Is it ghost or just darker self
that makes ya want to flee?*

Строфа 4. «Доган» Сюзанны

1

Память Сюзанны стала пугающе отрывочной, не заслуживающей доверия, ненадежной, похожей на коробку передач старого автомобиля, на шестернях которой посшибало половину зубцов. Она помнила бой с Волками, и Миа, которая терпеливо ждала, пока он продолжался...

Нет, не так. Несправедливо. Миа не просто ждала. Она подбадривала Сюзанну (и остальных), всем своим сердцем воительницы была с ними. Сдерживала схватки, пока суррогатная мать ее малого метала отнимающие жизнь тарелки. Да только Волки на поверку оказались роботами, так что нельзя сказать, что тарелки...

Нет. Нет, можно. Потому что они были не просто роботами, больше, чем роботами, и мы их убивали. Сражались за правое дело и убивали.

Но произошло это не здесь, не в этом мире, и чего об этом говорить, раз все закончилось. А как только закончилось, она почувствовала, как схватки вернулись, не просто вернулись — усилились. И она похоже, родила бы прямо на обочине той чертовой дороги, если б не собрала волю в кулак. И там он бы и умер, потому что был голодный, малой Миа был голодный и...

«Ты должна мне помочь!» Миа. Нет никакой возможности не отреагировать на этот крик. И даже чувствуя, как Миа оттирает ее (так Роланд однажды оттер Детту Уокер), она не могла не откликнуться на этот отчаянный материнский крик. Частично, предположила Сюзанна, потому что они делили ее тело, и тело поспешило на помощь младенцу. Вероятно, по-другому и быть не могло. Так что она пришла на помощь. Сделала то, что сама Миа делать более не могла: еще на какое-то время задержала схватки. Хотя все это, слишком долгая задержка родов, грозило немалой опасностью для малого (забавно, как это слово незаметно прокралось в ее сознание, стало ее словом, не только Миа). Она вспомнила историю, которую рассказала одна девушка во время ночных посиделок в общежитии Колумбийского университета: они сидели кружком, пять или шесть студенток, в пижамах, курили и передавали по кругу бутылку «Уайлд айриш роуз», абсолютно запрещенного, а потому вдвойне более сладкого ликера. Историю о девушке их возраста, отправившуюся в долгую

автомобильную поездку, о девушке, слишком стеснительной, чтобы сказать своим друзьям, что ей давно пора справить малую нужду. Согласно истории, кончилось все тем, что у девушки лопнул мочевого пузыря и она умерла. Таким историям обычно веришь, хотя и думаешь, что они — чушь собачья. Вот и насчет малого... младенца...

Но, какой бы ни была опасность, она сумела остановить схватки. Потому что имелись выключатели, которые могли это сделать. Где-то (в «Догане»). Только техника «Догана» никогда не предназначалась для того, как она... они... (мы) использовали ее для спасения младенца. В конце концов это привело бы к перегрузке и (разрушению) все машины перегрелись бы и сгорели. Поднялась бы тревога. Погасли бы пульты управления и телевизионные экраны. Как скоро это могло произойти? Сюзанна не знала. Она смутно помнила, как доставала свое кресло из фургона, пока остальные отвлеклись, празднуя победу или оплакивая павших. Залезть куда-то и что-то достать — не так уж легко, если ноги у тебя оканчиваются чуть ниже колена, но и не так сложно, как полагают некоторые. Конечно, она привыкла преодолевать подобные трудности, скажем, сесть на унитаз и слезть с него, достать книгу с одной из верхних полок (для этого в каждой комнате ее нью-йоркской квартиры стояла специальная табуретка). Во всяком случае, Миа настаивала, практически подгоняла ее, как ковбой мог подгонять дворовую псину. И Сюзанна забралась в фургон, вытащила и опустила на землю кресло, а потом аккуратно уселась в него. Далось ей это не без труда, скажем, откатить бревно куда как проще, но она не могла сказать, что с тех пор, как она потеряла в росте шестнадцать дюймов или около того, на ее долю не выпадало более тяжелой работы.

На кресле она смогла проехать милю, может, чуть больше (никаких ног для Миа, ничьей дочери, во всяком случае, в Кэлле). А потом колесо наехало на гранитный выступ, выбросив ее из кресла. К счастью, ей удалось смягчить падение руками, уберечь бунтующий, раздираемый болью живот.

Она помнила, как приподнялась... поправка, она помнила, как Миа приподняла украденное тело Сюзанны Дин... и на коленях, а кое где и упираясь в землю руками, двинулась вверх по тропе. Из того, что потом произошло в Кэлле, она ясно помнила только одно: попытку не позволить Миа снять с шеи кожаный шнурок. На этом шнурке висело кольцо, прекрасное легкое кольцо, которое Эдди вырезал для нее из ивы. Когда увидел, что оно велико для ее пальцев (хотел сделать ей сюрприз, поэтому обошелся без примерки), очень огорчился и пообещал вырезать другое.

«Ты можешь вырезать, если хочешь, — сказала тогда Сюзанна, — но я всегда буду носить это».

И носила, повесив на кожаный шнурок, ей нравилось, как оно трется о ее груди, а теперь эта незнакомая женщина, эта сука, хотела его снять.

Детта рванулась вперед, схватившись с Миа. Детта ровным счетом ничего не добила, попытавшись установить контроль над Роландом, но Миа не могла тягаться с Роландом из Гилеада. Руки Миа отпустили кожаный шнурок. Ее контроль над телом дал слабину. Когда это произошло, пошла очередная схватка. От боли Сюзанна согнулась пополам и застонала.

«Его нужно снять! — выкрикнула Миа. — Иначе у них окажется его запах, как и твой! Твоего мужа! Тебе это не нужно, поверь мне!»

«У кого? — спросила Сюзанна. — О ком ты говоришь?»

«Неважно... на объяснения нет времени. Но, если он пойдет за тобой, и я знаю, ты думаешь, он попытается, они не должны знать его запах! Я оставлю кольцо здесь, где он сможет его найти. Потом, если ка захочет, ты, возможно, снова будешь его носить».

Сюзанна уже собралась сказать ей, что они смогут отмыть кольцо, убрать запах Эдди, но поняла, что Миа говорит не просто о запахе. Это было кольцо любви, а такой запах оставался навеки.

Но кто мог его унюхать?

Волки, предположила она. Настоящие Волки. Те, что находились в Нью-Йорке. Вампиры, о которых говорил Каллагэн, «низкие люди»^[19]. А может, кто-то еще? Кто-то страшнее?

«Помоги мне!» — крикнула Миа, и вновь Сюзанна не устоять перед этим зовом. Миа ли мать этого ребенка или нет, монстр он или нет, но ее тело хотело, чтобы он появился на свет. Глаза хотели увидеть его, каким бы он ни был, уши — услышать, как он кричит, даже если это будет звериное рычание.

Она сняла шнурок, поцеловала кольцо, положила на тропу, где Эдди обязательно бы его нашел. В том, что он пойдет следом за ней, она не сомневалась.

Что за этим последовало? Она не помнила. Вроде бы на чем-то ехала по крутой тропе, и, конечно же, тропа эта вела к Пещере Двери.

А потом, темнота.

(не темнота)

Ну, не полная темнота. Мигающие огни. Слабое свечение телевизионных экранов, которые не показывали картинку, а только лучились мягким серым светом. Далекий гул моторов, щелканье реле. То

есть («Доган» «Догана» Джейка) какой-то командный пункт. Может, место, которое она создала сама, может, ее воображаемая версия куонсетского модуля^[20], найденного Джейком на западном берегу реки Уайе.

Следующее воспоминание пришлось уже на Нью-Йорк. Ее глаза превратились в окна. Сквозь которые она смотрела, как Миа отбирает туфли у какой-то перепуганной женщины.

Сюзанна попыталась вмешаться, обратилась к женщине за помощью. Хотела продолжить, сказать, что ей нужно в больницу, что ей нужен врач, что она собирается рожать и с этим у нее какие-то сложности. Но, прежде чем успела продолжить, очередная схватка скрутила ее, сопровождаемая чудовищной, захватывающей все тело болью, какую она не испытывала никогда в жизни, даже после того, как ей отрезало ноги. Эта боль... эта...

— О, Боже, — вырвалось у нее, но Миа опять оттерла ее, прежде чем она успела что-то добавить, велела Сюзанне замолчать и сказала женщине, что она может остаться без пары чего-то более ценного, чем туфли, если попытается обратиться к копам.

«Миа, послушай меня, — подала голос Сюзанна. — Я снова могу это остановить... Думаю, что могу... но ты должна помочь. Ты должна сесть. Если не сядешь, сам Господь не сможет помешать схваткам довести дело до естественного завершения. Ты меня понимаешь? Ты меня слышишь?»

Миа слышала. Какое-то время стояла на месте, наблюдая за женщиной, у которой отняла туфли. Потом, прямо-таки, как послушная девочка, спросила: «И куда мне пойти?»

Сюзанна почувствовала, что похитительница ее тела впервые ощутила огромность города, в который попала, увидела толпы спешащих пешеходов, потоки металлических карет (и каждая третья ярко-желтая, до рези в глазах), дома-башни, такие высокие, что в облачный день их верхние этажи пропадали бы из виду.

Обе женщины смотрели на незнакомый город через одну пару глаз. Сюзанна знала, что это ее город, но уж очень он изменился. Она покинула Нью-Йорк в 1964 году. Сколько лет прошло с тех пор? Двадцать? Тридцать? Неважно, сколько бы ни прошло. Не время сейчас тревожиться из-за этого.

Их общий взгляд нашел маленький скверик на другой стороне авеню. Схватки на какое-то время прекратились и, когда зажглась белая табличка «ИДИТЕ», черная женщина Труди Дамаскус, которая, на взгляд Труди Дамаскус совсем и не выглядела беременной, медленно, но уверенно пересекла мостовую.

На другой стороне рядом с фонтаном и металлической скульптурой стояла скамья. Увидев черепаху, Сюзанна немного успокоилась, у нее

возникло ощущение, что это Роланд оставил ей знак, прислал весточку.

«От тоже пойдет за мной, — предупредила она Миа. — И тебе следует остерегаться его, женщина. Тебе следует очень остерегаться его».

«Я сделаю то, что должна сделать, — ответила Миа. — Ты хочешь посмотреть бумаги той женщины? Зачем?»

«Я хочу посмотреть, в каком мы году. Газета подскажет».

Коричневые руки вытащили скрученную газету из холщового пакета от «Бордерс», развернули, поднесли к синим глазам, которые начинали этот день коричневыми, как и руки. Сюзанна увидела дату, 1 июня 1999 года, изумленно покачала головой. Не двадцать лет, даже не тридцать, целых тридцать пять. До этого момента она и представить себе не могла, что миру удастся протянуть так долго. Ее современники по прежней жизни, студенты, борцы за гражданские права, знакомые на вечеринках, aficionados^[21] народной музыки, приближались к пенсионному возрасту. Некоторые наверняка умерли.

«Хватит», — оборвала ее раздумья Миа и бросила газету в урну для мусора, где она вновь скрутилась. Стряхнула грязь и пыль с голых ступней (из-за этой грязи Сюзанна не обратила внимания, что они другого цвета), потом надела отобранные туфли. Они немного жали, носок не было, так что она наверняка натерла бы ноги, если бы идти пришлось далеко, но...

«Тебе-то что до этого, а? — спросила ее Сюзанна. — Ноги-то не твои».

И, едва вымолвила эти слова, нет, не вымолвила, весь разговор-то шел у нее в голове, поняла, что, возможно, ошибается. Потому что ее собственные ноги, те самые, которые до поры, до времени верно служили телу Одетты Холмс (а иногда и Детты Уокер), конечно же, давно канули в лету, сгнили или, что более вероятно, сгорели в какой-нибудь муниципальной мусоросжигательной печи.

Но изменения цвета кожи она не заметила. Да только потом подумала: «Ты заметила, чего уж там. Заметила, но сразу отсекала эту мысль. И без того проблем хватало».

Но прежде чем Сюзанна успела продолжить поиски ответа на вопрос, как философский, так и физический, на чьих ногах она теперь ходила, пошла очередная схватка. Боль скрутила живот, превратила его в камень, а бедра — в желе. Впервые она испытала неприятное и пугающее желание тужиться, вытолкнуть из себя младенца.

«Ты должна это остановить! — вскричала Миа. — Женщина, ты должна! Ради блага малого, ради нас обоих!»

Да, твоя правда, но как?

«Закрой глаза», — велела ей Сюзанна.

«Что? Ты меня не слышала? Ты должна...»

«Я тебя слышала, — ответила Сюзанна. — Закрой глаза».

Сквер исчез. Мир потемнел. Она — черная женщина, все еще молодая и, несомненно, прекрасная, сидящая на скамье у фонтана и металлической скульптуры черепахи с мокрым от брызг, а потому блестящим панцирем. Не просто сидящая, но, похоже, медитирующая во второй половине этого теплого первого летнего дня года 1999.

«Сейчас я на какое-то время отлучусь, — продолжила Сюзанна. — Я вернусь. А пока сиди, где сидишь. Сиди тихо. Не шевелись. Боль должна уйти, но, даже если она уйдет не сразу, сиди тихо. Двинешься — станет только хуже. Ты меня понимаешь?»

Миа, возможно, испугалась, попав в незнакомую обстановку, но она точно знала, что ей нужно, да и ума ей хватало.

Поэтому задала только один вопрос: «Куда ты собралась?»

"Обратно в «Доган», Тот, что внутри. — последовал ответ. — Мой «Доган».

2

Здание, которое Джейк обнаружил на другом берегу реки Уайе, являлось древним коммуникационно-наблюдательным пунктом. Мальчик им его описал, с какими-то подробностями, но, скорее всего, не узнал бы воображаемый «Доган» Сюзанны, базировавшийся на технологических решениях, которые давно уже отстали от жизни тринадцатью годами позже, когда Джейк покинул Нью-Йорк ради Срединного мира. При Сюзанне президентствовал Линдон Джонсон, а на цветной телевизор смотрели, как на диковинку. Однако Сюзанна побывала в городе Луде^[22] и видела тамошние технические чудеса, так что, возможно, Джейку все-таки удалось бы узнать место, где он прятался от Бена Слайтмана-старшего и Энди, робота-посыльного.

Определенно он узнал бы пыльный линолеум на полу, с рисунком из чередующихся красных и черных квадратов, стулья на колесиках, стоящие у пультов управления с перемигивающимися лампочками и светящимися дисками приборов. Узнал бы он и скелет в углу, улыбающийся поверх изношенного воротничка древней форменной рубашки.

Она пересекла зал и села на один из стульев. Перед ней черно-белые экраны показывали десятки картинок. На некоторых она увидела Кэллу (городская площадь, церковь Каллагэна, магазин Тука, дорога, уходящая из

города на восток). На других — застывшие картинки, вроде фотопортретов: Роланда, улыбающегося Джейка с Ышом на руках и, на эту она заставила себя посмотреть, Эдди, в шляпе, по-ковбойски сбитой на затылок, с ножом, которым он все вырезал, в руке. Еще на одном мониторе худая черная женщина сидела на скамье рядом с черепахой: глаза закрыты, ноги сдвинуты, руки сложены на коленях, в отобранных туфлях. И еще пакет, украденный у женщины со Второй авеню, плетеная сумка с заостренными орисами в ней и... мешок для боулинга. Выцветший красный мешок, а в нем — что-то с прямыми углами, выпирающими сквозь материю. Ящик. Глядя на этот экран Сюзанна вдруг разозлилась... почувствовала себя преданной... но не могла понять, почему.

«На той стороне мешок был розовым, — подумала она. — Он изменил цвет при переходе, но ненамного».

Лицо женщины на черно-белом экране исказила гримаса. Сюзанна почувствовал отзвук боли, которую испытывала Миа, слабый и далекий.

«Должна это прекратить. И быстро».

Однако оставался все тот же вопрос: как?

«Так же, как ты это сделала на той стороне, пока она добиралась до пещеры, насколько могла, быстро».

Но ведь произошло это давным-давно, в другой жизни. Но почему нет? Все так, другая жизнь, другой мир, но, если она мечтала о возвращении туда, помогать следовало здесь. Так что же она сделала?

«Использовала тот метод, вот что ты сделала. Все, что для этого нужно, у тебя в голове, ты же знаешь. Профессор Оувермейер называл его визуализацией, когда рассказывал о нем на семинарах по психологии. Закрой глаза».

Что Сюзанна и сделала. Теперь закрылись обе пары глаз, реальные, которые контролировала Миа, сидя на скамье в Нью-Йорке, и те, что находились в ее сознании.

«Визуализируй».

Она сделала и это. Во всяком случае, попыталась.

«Открой».

Она открыла глаза. Теперь на пульте управления перед ней вместо перемигивающих лампочек и реостатов появились два больших диска и один тумблер. Диски вроде бы из бакелита, как и переключатели на кухонной плите матери в доме, где прошло детство Сюзанны. Она решила, что удивляться этому нет нужды: любая визуализация, пусть даже самая фантастическая, не более чем замаскированная версия того, что ты уже знаешь.

Под диском по левую ее руку Сюзанна прочитала: «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАУРА». Согласно числам на диске, она изменялась в диапазоне от 32 до 212^[23] (32 — синий фон, 212 — ярко красный). Сейчас напротив стрелки стояло число 160. Диск по центру показывал «ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК». Она варьировалась от 0 до 10 и в настоящий момент составляла 9. Тумблер с короткой маркировкой «МАЛОЙ» мог находиться в двух положениях: «СОН» и «БОДРСТВОВАНИЕ». Стоял тумблер в последнем.

Сюзанна подняла голову и увидела, что теперь один из экранов показывает младенца in utero^[24]. Мальчика. Красавца-мальчика. Его пенис, как крошечная водоросль, плавал под пуповиной. А раскрытые глаза, несмотря на черно-белое изображение, были пронизательно-синими. И взгляд малого словно просвечивал ее насквозь.

«Это же глаза Роланда, — изумленно подумала она, чувствуя себя круглой душой. — Как такое может быть?»

Не может, конечно. Все это всего лишь плод ее воображения, метод визуализации, ничего больше. Но, если и так, почему она представила себе синие глаза Роланда? Почему не светло-карие Эдди? Почему не светло-карие своего мужа?

«Нет времени думать об этом. Делай, что нужно».

Она взялась за диск «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА», всосав нижнюю губу между зубов (на мониторе, показывающем скамью в скверике, Миа тоже прикусила нижнюю губу). После короткой заминки, повернула диск, установив напротив стрелки число 72, словно имела дело с термостатом. А разве нет?

И сразу же успокоилась. Расслабилась, сидя на стуле, отпустила нижнюю губу. На мониторе то же самое сделала и черная женщина. Ладно, пока все шло хорошо.

Она уже поднесла руку во второму диску «ИНТЕРСИВНОСТЬ СХВАТОК», но в последний момент передумала и перевела тумблер «МАЛОЙ» из положения «БОДРСТВОВАНИЕ» в положение «СОН». Глаза младенца тут же закрылись. А Сюзанне сразу полегчало. Очень уж тревожили ее эти синие глаза.

Ладно, теперь пора заняться «ИНТЕНСИВНОСТЬЮ СХВАТОК». Сюзанна хорошо понимала, что это самый важный элемент пульта управления, Эдди назвал бы его «Большим казино». Она положила руку на устаревший, какой давно не использовался ни на одном пульте управления, диск, попыталась повернуть и особо не удивилась, обнаружив, что ось

диска «залипла» в гнезде. Диск определенно не хотел поворачиваться.

«Но ты повернешься, — подумала Сюзанна. — Потому что нам это нужно. Нам нужно, чтобы ты повернулся».

Она сильнее сжала его пальцами и начала медленно вращать против часовой стрелки. Болевой укол пронзил голову, и она поморщилась. Второй укол достался шее, словно она проглотила рыбную косточку. Потом боль ушла, так же внезапно, как и появилась. Справа от нее замигала целая панель с лампами, в основном, желтые, но несколько ярко-красных.

«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, — раздался голос, на удивление схожий с голосом Блейна Моно. — ПРОЦЕСС МОЖЕТ ВЫЙТИ ЗА ПАРАМЕТРЫ БЕЗОПАСНОСТИ».

«Кто бы спорил, Шерлок», — подумала Сюзанна. Напротив стрелки уже стояла цифра 6. Продолжая вращать диск «ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК», она провернула мимо стрелки цифру 5, и тут замигала еще одна панель желто-красных огней, а три монитора, показывающих Кэллу, с шипением отключились. Вновь боль раскаленными пальцами сжала голову. Где-то под ней включились моторы или турбины. Мощные, судя по звуку. Она чувствовала, как вибрация с пола передается на ее ноги, естественно, босые: туфли взяла Миа. «Ну и ладно, — подумала она. — До этого у меня вообще ног не было, так что может, грех жаловаться».

«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, — повторил механический голос. — ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ОПАСНО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ПОСЛУШАЙ, ПРОШУ ТЕБЯ. НЕЛЬЗЯ ИДТИ ПРОТИВ ПРИРОДЫ».

На ум пришла одна из поговорок Роланда: «Ты делаешь то, что должен, и я сделаю то, что должен, а потом посмотрим, кому достанется ярмарочный гусь». Она не могла с точностью сказать, что сие означает, но поговорка эта в полной мере соответствовала сложившейся ситуации, а потому Сюзанна повторила ее вслух, медленно, но без остановок поворачивая диск «ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК». Мимо стрелки прошла цифра 4, потом 3...

Она собиралась дойти до 1, но, когда напротив стрелки оказалась цифра 2, голову пронзила такая дикая боль, что она едва не лишилась чувств, и убрала руку.

С мгновение боль не уходила, даже усилилась, и Сюзанна уже подумала, что боль эта ее убьет. Миа свалилась бы со скамьи, на которой сидела, и обе умерли бы еще до того, как тело, которое они делили, упало бы на асфальт перед скульптурой черепахи. А завтра, или днем позже, ее останки отправили бы на «Поттерс филд»^[25]. И что написали бы в свидетельстве о смерти? Инсульт? Инфаркт? А может, что чаще всего писал

вечно спешащий, заваленный работой паталогоанатом, смерть от естественных причин?

Но боль ушла, и после ее ухода Сюзанна обнаружила себя среди живых. Сидела перед пультом управления с двумя нелепыми дисками и тумблером, медленно и глубоко дышала, обеими руками стирала со щек пот. Ну и ну, похоже, в визуализации она могла претендовать на звание чемпиона мира.

Но это больше, чем визуализация... ты это знаешь, так?

Она полагала, что да, знала. Что-то ее изменило... изменило их всех. Джейк овладел прикосновениями, одной из разновидностей телепатии. Эдди — умением (и оно только совершенствовалось) создавать магические предметы, талисманы, одним из которых уже удалось открыть дверь между мирами. А она?

Я... представляю себе. Вот и все. Только, если что-то я представляю себе достаточно четко, представленное начинает превращаться в реальное. Точно также, как становилась реальной Детта Уокер. Теперь по всему «Догану», в версии Сюзанны, горели желтые лампы. Прямо у нее на глазах некоторые из них сменили цвет на красный. Под ее ногами, особыми ногами, только для гостей, она видела сквозь них, трясся и дребезжал пол. Тряска эта могла привести к появлению трещин. Трещины стали бы углубляться и расширяться. Дамы и господа, добро пожаловать в Дом Ушеров. Сюзанна поднялась, огляделась. Пора возвращаться. Или, прежде чем уйти, ей еще нужно что-то сделать? И в голову пришла дельная мысль.

3

Сюзанна закрыла глаза и представила себе радиомикрофон. А открыв, увидела его. Он стоял на пульте, справа от дисков и тумблера. На подставке она «нарисовала» фирменный зенитовский знак^[26] — слово «Зенит» рядом с молниеобразной Z, но обнаружила там логотип другой компании — «Норд сентрал позитроникс». Значит, кто-то или что-то подкорректировало ее визуализацию. И это пугало.

На пульте управления, позади микрофона, появился какой-то прибор с полукруглой трехцветной индикаторной шкалой. Под ней тянулась надпись: СЮЗАННА — МИА. Игла-индикатор уже сместилась из зеленого сектора в желтый. За желтым следовал красный, с черным словом: «Опасность».

Сюзанна взяла микрофон, повертела в руках, не зная, как им

воспользоваться. Опять закрыла глаза, представила себе тумблер, похожий на тот, что переключался в одно из двух положений: «СОН» и «БОДРСТВОВАНИЕ», на боковой стороне подставки. Открыв глаза, увидела тумблер. Надавила на него, переводя в положение «ВКЛЮЧЕНО».

— Эдди, — начала она, подумала, как глупо все это выглядит со стороны, но продолжила. — Эдди. Если ты меня слышишь, я в порядке, по крайней мере, сейчас. Я с Миа, в Нью-Йорке. Сегодня первое июня 1999 года, и я постараюсь помочь ей родить. Выбора у меня нет, во всяком случае, я его не вижу. Если не останется ничего другого, я попытаюсь избавиться от ребенка сама. Эдди, береги себя. Я... — глаза у нее наполнились слезами. — Я люблю тебя, сладенький. Очень сильно.

Слезы покатались по щекам. Она уже начала вытирать их, потом убрала руки от лица. Разве она не имела права плакать, тоскуя по своему мужчине? Как и любая другая женщина? Она подождала ответа, зная, что может получить его, если захочет, и устояла перед соблазном. Не та ситуация, когда разговор с самой собой, только голосом Эдди, мог принести хоть какую-то пользу. Внезапно ее зрение раздвоилось. Она видела и «Доган», существовавший только в ее сознании, и реальный мир за его пределами. На этот раз не пустыню на восточном берегу Уайе, а забитую транспортом Вторую авеню. Миа открыла глаза. Она вновь отлично себя чувствовала (благодаря мне, сладенькая, благодаря мне) и более не желала сидеть на скамье. Сюзанна вернулась.

Черная женщина (которая все еще полагала себя негритянкой), сидела на скамье в Нью-Йорке в первый день лета 1999 года. Черная женщина, со своими пожитками, ее амуницией. В том числе мешком из вылинявшей красной материи с надписью «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА». На другой стороне, в мире Кэллы, мешок был розовым. Цвета розы.

Миа встала. Сюзанна тут же перехватила контроль и заставила ее сесть. «Зачем ты это сделала?» — в удивлении спросила Миа. «Я не знаю. Понятия не имею. Но давай сначала посоветуемся. Почему бы тебе прежде всего не сказать мне, куда ты хочешь пойти?» «Мне нужен телефон. Мне позвонят». «Телефон, — поправила ее Сюзанна. — Между прочим, твоя рубашка в крови, сладенькая, в крови Маргарет Эйзенхарт, и рано или поздно кто-нибудь поймет, что это кровь. И что ты тогда будешь делать?»

Миа ответила не словами, а презрительной улыбкой. Понятное дело, Сюзанна разозлилась. Пять минут тому назад, может, и пятнадцать, трудно следить за временем, когда уходишь в себя, эта, укравшая ее тело сучка, молила о помощи. Теперь ей помогли, и что получает спасительница? Презрительную улыбку. А еще обиднее то, что эта сучка, скорее всего, права: небось проходит по Среднему Манхэттену весь день, и никто не спросит, запекшаяся ли кровь у нее на рубашке или она вывернула на себя шоколадный коктейль с содовой^[27]. «Хорошо, допустим никто не потревожит тебя насчет крови, — согласилась она, — но куда ты собираешься деть все эти вещи?» — и тут же в голову пришел еще один вопрос, который, наверное, следовало задать в первую очередь. «Миа, а откуда тебе известно о существовании телефона? Только не говори мне, что там, откуда ты, пришла, они тоже есть». Никакой реакции. Только настороженное молчание. Но она стерла улыбку с лица сучки; хоть этого, но добилась. «У тебя есть друзья, не так ли? Или ты, по крайней мере, думаешь, что они — друзья. Люди, с которыми ты говорила у меня за спиной. Люди, которые помогут тебе. Так ты, во всяком случае, думаешь». «А ты собираешься мне помочь?» — вернулась, стало быть. И злая. Но что за злостью? Страх? Возможно, чересчур смело, на текущий момент. Но волнение — точно. «Сколько у меня... у нас... времени до того, как снова начнутся схватки?» Сюзанна полагала, что схватки вернутся через шесть, максимум, через десять часов, наверняка до наступления полуночи, то есть точно первого, а не второго июня, но предпочла не делиться этой информацией. «Не знаю. Думаю, достаточно скоро». «Тогда нам пора. Я должна найти телефон. Фон. В укромном месте». Сюзанна подумала об отеле на пересечении Сорок шестой улицы и Первой авеню, но постаралась сохранить сие в тайне от Миа. Взгляд ее упал на мешок, когда-то розовый, теперь красный, и внезапно ей многое стало ясно, пусть не все, но достаточно для того, чтобы встревожиться и разозлиться. «Я оставлю его здесь, — говорила Миа о кольце, которое сделал ей Эдди. — Я оставлю его здесь, где он сможет его найти. Потом, если ка захочет, ты, возможно, снова будешь его носить». Не обещание, конечно, во всяком случае, не прямое, но Миа намекала... Ярость захлестнула рассудок Сюзанны. Нет, ничего она не обещала. Она просто развернула Сюзанну в определенном направлении, а Сюзанна сделала все остальное.

«Она не обманывала меня, лишь позволила мне обмануть себя».

Миа встала, но Сюзанна опять перехватила контроль и заставила ее сесть. На этот раз просто припечатала к скамье. «Что? Сюзанна, ты обещала! Малой...» «Я помогу тебе с малым», — мрачно ответила

Сюзанна. Наклонилась, подняла красный мешок. Мешок с ящиком внутри. А что в ящике? В ящике из «дерева призраков» со словом «НЕНАЙДЕННАЯ», написанном рунами? Она почувствовала зловещее биение сквозь слой магического дерева и ткань, которая его покрывала. Итак, Черный Тринадцатый в ящике. Миа пронесла его через дверь. А если дверь открывал магический кристалл, то как Эдди сможет пойти следом за ней, Сюзанной?

«Я сделала то, что следовало сделать, — нервно вырвалось у Миа. — Это мой ребенок, мой малой, и все сейчас играют против меня. Все, за исключением тебя, и ты помогаешь мне только потому, что должна. Вспомни, что я сказала... если ка захочет, сказала я...» Ответил ей голос Детты Уокер. Грубый, хриплый, не терпящий возражений. «На ка мне насрать, и тебе лучше помнить об этом. У тебя проблемы, девочка. Ты ведь знать не знаешь, что тебя ждет. Какие-то люди сказали тебе, что помогут, а ты даже не знаешь, кто они. Черт, да ты не знаешь, что такое телефон и где его найти. Так что мы будем сидеть здесь, а ты будешь рассказывать мне, что должно произойти. Мы будем совещаться, девочка, и если ты будешь юлить и вертеть хвостом, мы просидим здесь с мешками до ночи, а потом ты сможешь родить своего драгоценного малого прямо на этой скамье и омыть его из этого гребаного фонтана».

И черная женщина, сидящая на скамье, оскалила зубы в злобной ухмылке, характерной для Детты Уокер.

«Тебе дорог этот малой... и Сюзанна, она тоже питает к малому какие-то чувства... но меня практически выжали из этого тела и мне... на него... насрать».

Женщина, проходившая мимо скверика с детской прогулочной коляской (и коляска эта казалась пушинкой по сравнению с инвалидным креслом Сюзанны, оставшемся у тропы, что вела к Пещере двери) нервно глянула на негритянку, которая сидела на скамье, и тут же ускорила шаг, буквально побежала, увозя своего ребенка от греха подальше.

«Вот так! — воскликнула Детта. — Здесь, однако, клево, ты согласна? И погода располагает к долгой беседе. Ты меня слышишь, мама?» Ничего не ответила Миа, ничья дочь и мать одного. Детту ее молчание несколько не смутило; ухмылка стала шире.

«Ты меня слышала, все так. Ты хорошо меня слышала. Так что давай немного поболтаем. Давай посовещаемся.»

КУПЛЕТ:

Commala — come — ko

Whatcha doing at my do'?

*If you doing tell me now, my friend,
I'll lay you on de flo'.*

ОТВЕТСТВІЕ:

Commala — come — fo'!

I can lay ya low!

The things I done to such as you

You never want to know.

Строфа 5. Черепаха

1

Миа сказала: «Разговор пойдет легче... и быстрее... если мы встретимся лицом к лицу».

«Как нам это сделать?» — спросила Сюзанна. «Мы можем посоветоваться в замке, — без запинки ответила Миа. — В „Замке-над-бездной“. В банкетном зале. Ты помнишь банкетный зал?» Сюзанна кивнула, но неуверенно. Ее воспоминания о банкетном зале всплыли недавно и оставались смутными. Однако, она об этом не сожалела. Миа там ела... скажем так, с большим аппетитом. Из многих тарелок, в основном, брала еду пальцами, и пила из многих стаканов, и говорила со многими фантомами разными позаимствованными голосами. Позаимствованными? Хрен с два, украденными голосами. Два из них Сюзанна знала очень хорошо. Один — нервный и довольно-таки высокомерный Одетты Холмс, «культурный» голос. Другой, грубый, неприятный — Детты. Миа уворовала все составляющие личности Сюзанны, и если Детта вернулась, злющая, готовая мстить, то заслуга в этом принадлежала, по большей части, незваной гостье в теле Сюзанны. «Стрелок видел меня там, — продолжила Миа. — И мальчик тоже». Последовала короткая пауза. «Я встречалась с ними прежде». «С кем? Джейком и Роландом?» «Ага, с ними». «Где? Когда? Как ты смогла...»

«Мы не можем говорить здесь. Пожалуйста. Давай уйдем в более укромное место». «Место с телефоном, ты это хочешь сказать? Чтобы твои друзья могли тебе позвонить». «Я мало что знаю, Сюзанна из Нью-Йорка, но, думаю, ты хотела бы услышать даже ту малость, что известна мне». Сюзанна придерживалась того же мнения. И пусть не хотела признаваться в этом Миа, ей тоже не терпелось покинуть Вторую авеню. Случайный прохожий мог принять пятна на рубашке за пролитый шоколадный коктейль с содовой или кофе, но Сюзанна точно знала, что эти пятна — не просто кровь, а кровь храброй женщины, которая отважно сражалась за спасение детей своего городка. Да еще мешки, которые лежали у ее ног. В Нью-Йорке она насмотрелась на мешочников, будьте уверены. А сейчас ощущала себя одной из них, и чувство это ей совершенно не нравилось. Ее растили для лучшей жизни, как сказала бы мать. Всякий раз, когда кто-то

проходил по тротуару или через скверик и бросал на нее короткий взгляд, у нее возникало желание сказать ей или ему, что она совсем не полоумная, пусть таковой и выглядит: рубашка в пятнах, грязное лицо, длинные, спутанные волосы, сумочки нет, только три мешка у ног. Бездомная — ага, да только второй такой бездомной просто нет, потому что лишили ее не только дома, но и своего времени, однако, в здравом уме. Она понимала, ей нужно посоветоваться с Миа и разобраться, что, собственно, происходит, все так. Но еще более необходимым полагала другое, более естественное: помыться, переодеться в чистое, на какое-то время укрыться от посторонних глаз.

«С тем же успехом можно желать луну с неба, сладенькая, — сказала она себе... и Миа, если последняя слушала. — Уединение стоит денег. Ты в том Нью-Йорке, где за один гамбургер могут попросить больше доллара, каким бы безумием это ни казалось. А у тебя нет ни су. Лишь с дюжину тарелок с заостренной кромкой да черный магический кристалл. И что ты собираешься делать?»

Прежде чем она успела ответить на свой же вопрос, Нью-Йорк исчез, и она вернулась в Пещеру двери. Когда побывала там впервые, мало что запомнила: тело контролировала Миа и стремилась как можно скорее проскочить в дверь, но теперь видела все ясно и отчетливо. Там был отец Каллагэн. Эдди. И брат Эдди, в каком-то смысле. Сюзанна слышала голос Генри Дина, долетающий из глубин пещеры, печальный и обвиняющий: «Я в аду, брат! Я в аду, не могу добыть дозы, и все это твоя вина!»

И пусть Сюзанна никак не могла сообразить, как она оказалась в пещере и почему, этот противный визгливый голос невероятно разъярил ее: «А в том, что жизнь Эдди пошла наперекосяк, виноват ты! — заорала она. — Тебе следовало сделать всем одолжение и сдохнуть молодым, Генри!»

Те, кто находился в пещере, и ухом не повели. Как такое могло быть? Неужто она перенеслась туда посредством Прыжка, как говорится, для полного счастья? Если так, почему не звучали колокольца? «Успокойся. Успокойся, любимая, — зазвучал в голове голос Эдди, до боли родной. — Просто смотри и слушай». «Ты его слышала? — спросила она Миа. — Ты...» «Да. А теперь заткнись!»

— Как думаешь, сколько нам придется тут пробыть? — спросил Эдди Каллагэна.

— Боюсь, какое-то время мне потребуется, — ответил Каллагэн, и Сюзанна поняла, что видит эпизод прошлого. Эдди и Каллагэн отправились в Пещеру двери для того, чтобы постараться отыскать Келвина Тауэра и его

друга Эрона Дипно. Произошло это накануне сражения с Волками. Каллагэн прошел через дверь. Черный Тринадцатый подчинил себе Эдди, пока священник отсутствовал. И едва не убил его. Каллагэн все-таки сумел вернуться вовремя и перехватил Эдди на краю пропасти, в которую тот, задержись он чуть дольше, неминуемо бы прыгнул. А в этот момент Эдди вытаскивал мешок... розовый, да, она не ошиблась, в Кэлле он был розовым, из-за книжного шкафа с первыми изданиями, принадлежащего доставившему всем столько хлопот сэю Тауэру. Магический кристалл, который хранился в мешке, требовался им, как и Миа, только для одного: чтобы открыть Ненайденную дверь.

Эдди поднял мешок, начал поворачиваться, застыл. Брови его сошлись у переносицы.

— Что такое? — спросил Каллагэн.

— Там что-то есть.

— Да, ящик.

— Нет, что-то в мешке. Защито в материю. На ощупь — камешек, — и внезапно он уже в упор смотрел на Сюзанну, а она осознала, что сидит на скамье в скверике. И слышит не голоса, доносящиеся из глубин пещеры, а плеск воды в фонтане. Пещера таяла. Эдди и Каллагэн таяли. Последние слова Эдди донеслись до нее из далекого далека. — Может, это потайной карман.

И все исчезло.

2

Она не уходила в Прыжок. Ее короткий визит в пещеру был ничем иным, как видением. Но кто ей его послал? Эдди? Если он, означает ли это, что до него дошли ее слова, произнесенные в «Догане»? На эти вопросы ответить Сюзанна не могла. Но спросила бы у него, если б увидела вновь. После того, как поцеловала тысячу раз, обязательно бы спросила.

Миа уже подняла красный мешок и медленно ощупывала его руками. На дне стоял ящик, это точно. Но на полпути от тесемок до ящика обнаружилось маленькое затвердение. Эдди не ошибся: на ощупь похоже на камешек.

Она (а может, они, на тот момент это не имело никакого значения), развязала тесемки, вывернула верхнюю часть мешка наизнанку. Биение, исходившее от магического кристалла, лежащего в ящике, конечно же, усилилось, но она постаралась отгородиться от него ментальным барьером.

На внутренней поверхности мешка увидела... что-то похожее на шов. Наклонилась ниже и обнаружила, что никакой это не шов, а застежка. Она с такой никогда не сталкивалась, эта застежка стала бы диковинкой и для Джейка, а вот Эдди сразу бы понял, что перед ним «велкро»^[28]. Впрочем, Сюзанна слышала песню группы Z.Z.Тор^[29], в которой отдавалось должное этому достижению технической мысли. Называлась она «Ширинка на «велкро». Она сунула ноготь в застежку и потянула на себя. Застежка разошлась с мягким шуршанием, открыв маленький карман в материи.

«Что там?» — заворожено спросила Миа.

«Сейчас увидим».

Она сунула руку в карман, но достала не камешек, а маленькую черепашку. Судя по внешнему виду, вырезанную из слоновой кости. Резчик постарался, тщательно скопировав каждую миниатюрную деталь панциря, но красоту черепашке подпортили царапиной, отдаленно напоминающей вопросительный знак. Голову черепашка наполовину высунула из-под панциря. Глазки — маленькие черные точки, выглядели на удивление живыми. Заметила она и еще один дефект, на носу черепахи — не царапину, но крошечный скол.

— Она древняя, — прошептала Сюзанна вслух. — Такая древняя.

«Да», — так же шепотом ответила ей Миа. С черепашкой в руке Сюзанне как-то сразу стало очень хорошо. С черепашкой она почувствовала себя в полной безопасности. «Смотри — черепаха, — подумала она. — Смотри — черепаха, панцирь горой, тащит на нем весь шар земной». Такие строки? Она предположила, что, пожалуй, все вспомнила правильно. Ведь к Башне они шли по Лучу. Медведь на одном конце — Шардик. Черепаха на другом — Матурин.

С миниатюрной черепашки, найденном в потайном кармане в материи мешка она перевела взгляд на скульптуру у фонтана. За исключением разницы в размерах и материале, скульптуру у скамьи сработали из какого-то темного металла, который кое-где поблескивал медью, обе черепахи были совершенно одинаковыми, вплоть до царапины на панцире и клинообразного скола на носу. На мгновение у нее перехватило дыхание, да и сердце, похоже, тоже остановилась. В этом невероятном походе к Башне она шла от события к событию, иной раз ото дня ко дню, ни над чем не задумываясь, просто влекомая тем, что Роланд называл ка. А потом что-то происходило, что-то из ряда вон выходящее, позволяющее ей пусть на чуть-чуть, но увидеть более общую картину, и вид этот заставлял ее замирать в благоговейном восторге и изумлении. Она чувствовала силы, которые не

могла не то, чтобы понять, даже представить себе. Некоторые, как шар в ящике из «дерева призраков», олицетворяли зло. Но эта... эта...

— Вау, — произнес кто-то. Скорее, выдохнул.

Она подняла глаза и увидела бизнесмена, весьма процветающего, судя по костюму, который стоял у скамьи. Он проходил через сквер, возможно, направлялся на какое-то столь же важное, как и он сам, мероприятие, совещание, конференцию, а может, даже на заседание в ООН, штаб-квартира которой находилась поблизости (если, конечно, ее за эти годы не перенесли в другое место, город, страну). Но вот остановился у скамьи, как вкопанный. Дорогой брифкейс выпал из правой руки. Глаза широко раскрылись, взгляд не отрывался от черепашки в руке Сюзанны — Миа. Лицо расплылось в широченной, несколько глуповатой, словно ее обладатель обкурился травкой, улыбке.

«Убери ее! — в испуге воскликнула Миа. — Он ее украдет!»

«Пусть только попробует», — ответила Детта Уокер. Голос звучал расслабленно, ее забавляла эта идея. Выглянуло солнце, и Сюзанна, все ее составляющие, вдруг осознали, что день-то, если отбросить все остальное, прекрасный. Великолепный. Потрясающий.

— Она прекрасная, великолепная, потрясающая, — вновь заговорил бизнесмен (а может, дипломат), который напрочь забыл о своих делах. Повторил те же определения, что возникли в голосе черной женщины, но соотнес их с черепашкой, вырезанной из слоновой кости.

«А ведь так оно и есть», — подумала Сюзанна. Она прекрасно понимала незнакомца. И Джейк тоже бы понял... да еще лучше, чем она. Она рассмеялась. В ее голове рассмеялись Детта и Миа. Миа, пожалуй, против воли. И бизнесмен или дипломат тоже рассмеялся.

— Да, и день и черепашка, — подтвердил бизнесмен, на английском он говорил с легким скандинавским акцентом. — Какая очаровательная у вас вещица! Какая очарофательная у фас вещица!

Да, черепашка очаровательная. Маленькое очаровательное сокровище. И однажды, впрочем, не так уж и давно, Джейк Чеймберз нашел что-то на удивление похожее. В книжном магазине Келвина Тауэра Джейк купил книжку Берил Эванз «Чарли Чух-Чух». Почему? Потому что книжка позвала его. Позже, аккуратно перед тем, как ка-тет попал в Кэллу Брин Стерджис, автор у книжки сменился. Им стала Клаудия-и-Инесс Бахман, и тем самым попала в члены постоянно расширяющегося ка-тета Девятнадцати. Джейк положил ключ в эту книжку и Эдди вырезал двойник ключа в Срединном мире. Ключ Джейка завораживал людей, которые его видели, и они с готовностью выполняли любые просьбы мальчика. Как и у

ключа Джейка, у черепашки из слоновой кости был двойник; она, Сюзанна, сидела рядом с ним. Черепашка завораживала людей точно так же, как и ключ Джейка. И вопрос теперь заключался лишь в одном: появится ли у них готовность выполнять просьбы того, кто держал черепашку в руке?

Судя по тому, как скандинавский бизнесмен смотрел на черепашку, Сюзанна решила, что ответ, скорее всего, будет положительный. Подумала: «Дад-да-чака, дад-да-пах, не волнуйся, крошка, у тебя черепах!» От этого глупого стишка Сюзанна едва не расхохоталась. А Миа она сказала: «Позволь мне все уладить». «Уладить что? Я не понимаю...» «Знаю, что не понимаешь. Вот и позволь мне все уладить. Договорились?» Ждать ответа Миа не стала. Повернулась к бизнесмену, радостно улыбаясь, подняла черепашку так, чтобы он мог хорошо ее видеть. Переложила из правой руки в левую, заметила, как его глаза последовали за черепашкой, хотя голова, с величественной гривой седых волос, не шевельнулась.

— Как ваше имя, сэй? — спросила Сюзанна.

— Матиссен ван Вик, — ответил он. Глаза медленно перемещались вслед за черепашкой, которая вернулась в правую руку. — Я второй заместитель посла Швеции при ООН. Моя жена завела любовника. Меня это печалит. Кишечник у меня вновь функционирует нормально. Лечебный чай, который порекомендовал мне массажист отеля, подействовал, и меня это радует, — пауза. А потом. — Глядя на вашу skolpadda^[30], я становлюсь счастливым.

Сюзанна пришла в восторг. Если б она попросила мужчину скинуть брюки и опорожнить вновь функционирующий нормально кишечник прямо на тротуаре, он бы выполнил ее просьбу? Несомненно.

Она огляделась, убедилась, что поблизости никого нет. Это, конечно, радовало, но она решила, что не стоит тянуть с задуманным, лучше все сделать, как можно быстрее. Джейк со своим ключом собрал целую толпу. Ей же хотелось по возможности этого избежать.

— Матиссен, — начала она, — вы упомянули...

— Матс.

— Простите?

— Зовите меня Матс. Мне так больше нравится.

— Хорошо, Матс. Вы упомянули...

— Вы говорите на шведском?

— Нет, — ответила она.

— Тогда будем говорить на английском.

— Да, я бы не возражала.

— Я занимаю важный пост, — глаза Матса ни на мгновение не

отрывались от черепахи. — Я встречаюсь с влиятельными людьми. Я бываю на коктейль-пати, куда красивые женщины приходят в «маленьких черных платьях».

— Должно быть, вам это в кайф. Матс, я хочу, чтобы вы заткнули пасть и открывали ее, лишь когда я задам вам прямой вопрос. Вы это сделаете?

Матс закрыл рот. Даже очень смешно провел рукой вдоль губ, словно застегнул их на молнию, но глаза его не отрывались от черепашки.

— Вы упомянули отель. Вы живете в отеле?

— Йя-я, живу в нью-йоркском «Плаза-Парк-Хайатт»^[31], на углу Первой авеню и Сорок шестой улицы. Скоро перееду в квартиру в кондоминиуме...

Матс, похоже, понял, что опять говорит слишком много, и закрыл рот. Сюзанна торопливо обдумывала продолжение разговора, держа черепашку перед грудью, чтобы ее новый друг видел ее очень хорошо.

— А теперь, Матс, слушайте меня внимательно.

— Я слушаю, чтобы слышать, госпожа-сэй, и слышать, чтобы повиноваться, — Детте, конечно, это понравилось: говорил-то белый.

— У вас есть кредитная карточка?

Матс гордо улыбнулся.

— У меня их много. «Америкен экспресс», «МастерКард», «Виза». У меня есть «Евро-Голд-кард». У меня...

— Хорошо, это хорошо. Я хочу, чтобы вы пошли... — она запнулась, потом вспомнила название отеля, — ...в отель «Плаза-Парк» и сняли номер. Сняли номер на неделю. Если вас спросят, скажите, что этот номер для вашей подруги, — тут в голове мелькнула неприятная мысль. Конечно, это Нью-Йорк, север, 1999 год, и хотелось бы верить, что общество развивалось в правильном направлении, но в этом следовало убедиться заранее. — Они не станут возражать из-за того, что я — негритянка.

— Нет, разумеется, нет, — в голосе явственно слышалось изумление.

— Снимите номер на свое имя и скажите портье, что жить в нем будет женщина, которую зовут Сюзанна Миа Дин. Вы понимаете?

— Йя-я, Сюзанна Миа Дин.

Что еще? Естественно, деньги. Она спросила, есть ли у него наличные. Ее новый друг достал бумажник и протянул ей. Продолжая держать черепашку в одной руке, так чтобы Матс ее видел, другой Сюзанна порылась в бумажнике, кожаном, дорогом, известной фирмы «Лорд Бакстон». Нашла пачку дорожных чеков, для нее бесполезных, учитывая витиеватую подпись с немыслимыми загогулинами, и примерно две сотни долларов, старую, добрую, американскую «капусту». Достала их и бросила

в пакет от «Бордерс», в котором не так уж и давно лежали туфли. А когда подняла голову, ее ждал неприятный сюрприз: к бизнесмену присоединились парочка герлскаутов, лет четырнадцати, с рюкзаками на спине. Они уставились на черепашку. Блестели глаза, блестели влажные губы. Сюзанне сразу вспомнились девушки-зрительницы на «Шоу Эда Салливана»^[32] в тот вечер, когда ведущий пригласил Элвиса Пресли.

— Это кру-у-у-то, — выдохнула одна.

— А-ахренительно, — откликнулась вторая.

— А теперь, девочки, идите по своим делам, — приказала Сюзанна. Лица сморщились, на обоих отразилась печаль. Они вдруг стали похожими друг на друга, как близняшки из Кэллы.

— А надо? — спросила первая.

— Да! — отрезала Сюзанна.

— Спасибо, сэй, долгих дней и приятных ночей, — ответила вторая. Слезы покатались по щекам. Ее подруга тоже заплакала.

— И забудьте, что видели меня! — добавила Сюзанна, когда они повернулись, чтобы уйти.

Наблюдала за ними, пока они не вышли на Вторую авеню и не зашагали к Верхнему Манхэттену, после чего вновь взглянула на Матса ван Вика.

— Тебе тоже пора пошевеливаться, Матс. Бери ноги в руки, двигай в отель и сними номер. Скажи им, что твоя подруга Сюзанна скоро придет.

— Что значит, бери ноги в руки? Я не понимаю...

— Это значит, поторопись, — она протянула ему бумажник, жалея о том, что не рассмотрела как следует все эти пластиковые карточки, и гадая, почему их так много у одного человека. — Как только снимешь номер, отправляйся по своим делам, уж не знаю, куда ты шел, когда оказался в сквере. Забудь, что видел меня.

И тут Матс заплакал, совсем как девочки в зеленой форме.

— Я должен забыть и skolpadda?

— Да, — Сюзанна вспомнила гипнотизера, которого видела в каком-то телевизионном варьете-шоу, может того же Эда Салливана. — Никакой черепахи вы не видели, но до конца дня будете пребывать в прекрасном расположении духа, слышите меня? Будете чувствовать себя... — «словно выиграли миллион баксов, крон»? Возможно миллион баксов для него ничего не значил, а миллиона крон не хватило бы на стрижку. — Будете чувствовать себя так, будто вас назначили послом Швеции в ООН. И перестаньте тревожиться насчет любовника вашей жены. К черту его, так?

— Йя-я, к черту этого парня! — воскликнул Матс и уже заулыбался,

пусть и продолжал плакать. Что-то удивительно детское проглянуло в этой улыбке. Глядя на нее, Сюзанна одновременно радовалась и огорчалась. Ей захотелось сделать для Матса ван Вика что-то еще, раз уж была такая возможность.

— А ваш кишечник...

— Йя-я?

— Будет ко конца вашей жизни работать, как часы, — Сюзанна подняла черепашку повыше. — Когда вы обычно справляете большую нужду, Матс?

— Сразу после завтрака.

— Пусть так и будет. До конца вашей жизни. Если только вы не будете заняты. Будете опаздывать на встречу или куда-то еще, просто скажите... э... Матурин, и желание облегчиться перенесется на следующий день.

— Матурин.

— Совершенно верно. А теперь идите.

— Я не могу взять skolpadda?

— Нет, не можете. Идите, сейчас же.

Он уже шагнул от скамьи, остановился, вновь посмотрел на Сюзанну. И хотя щеки оставались влажными, на губах играла хитрая, даже озорная улыбка.

— Может, мне следует взять ее? Может, она моя по праву?

«Давай поглядим, что получится из твоей затеи, козел», — подала голос Детта, но Сюзанна, которая все больше и больше чувствовала себя лидером этой странной триады, по крайней мере, на текущий момент, осадила ее.

— Почему вы так сказали, друг мой? Скажите, прошу вас?

Озорства в улыбке прибавилось. «Только не говори, будто не понимаешь», — читалось в ней. Так, во всяком случае, воспринимала эту улыбку Сюзанна.

— Матс, Матурин. Матурин, Матс. Вы чувствуете?

Сюзанна чувствовала. Хотела сказать ему, что это всего лишь совпадение, потом подумала: «Кэлла, Каллагэн».

— Я чувствую. Но skolpadda не ваша. И не моя.

— Тогда чья? — умоляюще. И, прежде чем рассудок смог остановить ее (хотя бы скорректировать ответ), Сюзанна сказала правду, которую знали душа и сердце:

— Она принадлежит Башне, сэй. Темной Башне. И туда я ее возвращу, если будет на то воля ка.

— Да пребудут боги с тобой, леди-сэй.

— И с тобой, Матс. Долгих тебе дней и приятных ночей.

Она проводила шведского дипломата взглядом, потом посмотрела на вырезанную из слоновой кости черепашку: «А ведь это забавно, не так ли, Матс, старина?» Миа черепашка не интересовала, ее заботило только одно: «Этот отель. Там будет телефон?»

3

Сюзанна-Миа сунула черепашку в карман синих джинсов и заставила себя подождать двадцать минут на скамье в скверике. Провела это время, восхищаясь своими отросшими ногами (кому бы они ни принадлежали, ножки были, что надо) и шевеля новенькими пальцами в новых (отобранных, украденных) туфлях. Однажды закрыла глаза и перенеслась к зал управления «Догана». Желтых и красных огней прибавилось, машины, установленные под полом, гудели сильнее, но стрелка на индикаторной шкале, маркированной СЮЗАННА-МИА лишь на чуть-чуть сдвинулась по желтому сектору в сторону красного. На полу начали появляться трещины, как она и предполагала, но пока они не выглядели угрожающими. Ситуация, конечно, оставляла желать лучшего, но Сюзанна склонялась к тому, что с этим можно жить. «Чего мы ждем? — спросила Миа. — Почему мы здесь сидим?»

«Я даю шведу шанс сделать в отеле все, что нам нужно, и уйти», — ответила Сюзанна.

И когда она решила, что времени прошло достаточно и номер наверняка заказан, собрала мешки, поднялась, пересекла Вторую авеню и двинулась по Сорок шестой улице к отелю «Плаза-Парк».

4

Вестибюль заливал приятный глазу послеполуденный свет, отраженный стоящими угловыми панелями зеленого стекла. Сюзанна никогда не бывала в таком прекрасном зале, разумеется, за исключением собора святого Патрика, и все-таки чувствовалось в нем что-то чужое. «Потому что это будущее», — подумала она. Видит Бог, свидетельств тому она видела предостаточно. Автомобили стали меньше, их обводы разительно изменились. Большинство молодых женщин, которые попались ей по пути, выставляли напоказ нижнюю часть живота. Виднелись и

бретельки бюстгалтеров. Лишь увидев их четвертый или пятый раз кряду на коротком отрезке Сорок шестой улицы, Сюзанне удалось убедить себя, что это какой-то необъяснимый изыск моды, а не случайная небрежность хозяйки бюстгалтера. В ее дни, если из-под платья вдруг вылезала бретелька или подол комбинации, женщина стремглав бросалась в ближайший туалет и приводила одежду в порядок. Что же касается голых животов...

"С голым животом тебя арестовали бы где угодно, за исключением разве что Кони-Айленда^[33], — подумала она. — Двух мнений тут быть не может".

Но наибольшее впечатление на нее произвело другое, ощущение, что город стал больше. И она подразумевала под этим не только высоту домов. Город гремел. Вибрировал от распирающей его энергии. Даже воздух нес в себе особый отпечаток Нью-Йорка. Женщины, которые стояли в ожидании такси на тротуаре перед отелем (с виднеющимися бретельками или без оных), могли быть только нью-йоркскими женщинами; швейцары (два, а не один), которые останавливали такси, могли быть только нью-йоркскими швейцарами; таксисты (она изумлялась, как много среди них черных, и даже увидела одного в тюрбане), могли быть только нью-йоркскими таксистами, но все они стали... другими. Мир точно сдвинулся. Словно ее Нью-Йорк, Нью-Йорк 1964 года, играл в детской бейсбольной лиге, а этот выступал в одной из высших^[34].

Войдя в вестибюль, Сюзанна остановилась, чтобы достать черепашку из кармана джинсов и собраться с духом. Слева находился салон красоты. Там сидели две женщины, о чем-то оживленно болтали, и взгляд Сюзанны на мгновение задержался на них. Она просто не могла поверить своим глазам, настолько женщины оголили ноги. Действительно, их юбки (эти полоски материи считались юбками? Ха-ха) едва прикрывали признаки пола. А ведь она смотрела не на девочек-подростков или молоденьких студенток. Этим женщинам было глубоко за тридцать (а может, и за шестьдесят, она же не знала, каких успехов добилась наука за последние тридцать пять лет).

Справа Сюзанна увидела небольшой сувенирный магазинчик. В царящем в нем полумраке кто-то наигрывал на пианино блаженно-знакомую мелодию, «Ночь и день», и Сюзанна знала: пойдя она на звук, обязательно увидит обитые кожей стулья, множество поблескивающих бутылок и джентльмена в белом, который почтет за счастье обслужить ее, хотя до вечера еще далеко. И это грело душу.

Прямо перед ней расположилась регистрационная стойка, а за ней восседала самая экзотическая женщина, какую Сюзанне довелось увидеть за всю жизнь. В ней смешалась белая, черная и китайская кровь. В 1964 году такую женщину, какой бы она ни была красивой, в приличном доме не пустили бы на порог. А здесь одели в ладный костюмчик и посадили за регистрационную стойку большого первоклассного отеля. Темная Башня могла шататься и мир, возможно, все сдвигался и сдвигался, но Сюзанна подумала, что эта красotka за регистрационной стойкой — живое доказательство того (если такие доказательства требовались), что далеко не все разваливалось или двигалось в неправильном направлении. Девушка разговаривала с одним из жильцов отеля, который жаловался по поводу счета за просмотр фильмов в номере по кабельному каналу, что бы это ни означало.

«Не бери в голову, это же будущее, — вновь сказала себе Сюзанна. — Научная фантастика, как город Луд. Лучше не вникать в подробности».

«Мне без разницы, какая она и в каком мы году, — подала голос Миа. — Когда я окажусь рядом с телефоном? Я должна заботиться о малом».

Сюзанна уже прошла мимо таблички на треноге, потом повернулась, пригляделась к надписи:

" С 1-ГО ИЮЛЯ 1999 Г. НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ОТЕЛЬ «ПЛАЗА-ПАРК-ХАЙАТТ» СТАНОВИТСЯ ОТЕЛЕМ «КОРОЛЕВСКИЙ ООН-ПЛАЗА» ЕЩЕ ОДИН БОЛЬШОЙ ПРОЕКТ «СОМБРА/СЕВЕРНОГО ЦЕНТРА»

«Сомбра», как в роскошном кондоминиуме «Бухта Черепахи»... который так и не построили, — подумала Сюзанна, — судя по башне из черного стекла на углу. А Северный центр — это Норд центр позитроникс. Любопытно".

Она почувствовала резкий приступ головной боли. Сильной боли, от которой едва не раскололась голова. И она знала, чья это работа. Миа, которую нисколько не интересовали ни «Сомбра корпорейшн», ни «Норд центр позитроникс», ни сама Темная башня, начала терять терпение. Сюзанна понимала, что должна вразумить ее, хотя бы попытаться. Миа целиком заиклилась на малом, но, если она хотела его сохранить, ей, возможно, придется, пусть немного, но расширить свой кругозор. «Она будет бороться с тобой за каждый чертов шаг, если ты избереешь этот путь, — вставила Детта. И голос звучал очень уж радостно. Любила Детта хорошую драку. — Ты это понимаешь, не так ли?» Она понимала. Подождала, пока жилец объяснит, в чем проблема: он заказал какой-то фильм, называемый "категория X^[35]", по ошибке, не против того, чтобы

оплатить просмотр, но только без соответствующего указания в счете. После того, как девушка решила вопрос, к стойке подошла Сюзанна. Ее сердце гулко билось.

— Как я понимаю, мой друг, Матиссен ван Вик, снял мне номер, — начала она, заметила неодобрение, с каким красotka смотрит грязную рубашку и нервно рассмеялась. — Очень хочется принять душ и переодеться. Несчастный случай, знаете ли. За ленчем.

— Да, мадам. Позвольте взглянуть, — женщина отошла к какому-то устройству, гибриду пишущей машинки и маленького телевизионного экрана. Нажала на несколько клавиш, посмотрела на экран, повернулась к Сюзанне. — Сюзанна Миа Дин, так?

«Ты говоришь правильно, спасибо тебе», — едва не сорвалось с языка Сюзанны, но она успела плотно сжать губы.

— Да, совершенно верно.

— Вас не затруднит показать мне какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность?

На мгновение Сюзанна остолбенела. Потом сунула руку в плетеную сумку и достала орису, взявшись за сектор с тупой кромкой. Ей вдруг вспомнились слова Роланда, сказанные Уэйну Оуверхолсеру, одному из самых крупных землевладельцев Кэллы: «Наше дело — свинец». Рисы, конечно, не следовало считать пулями, но они тоже несли смерть. Одной рукой она протянула красотке тарелку, второй — черепашку, вырезанную из слоновой кости.

— Это вас устроят? — вежливо спросила она.

— Что... — начала красotka и замолчала, как только ее глаза сместились с тарелки на черепашку. Они широко раскрылись, остекленели. Губы девушки, покрытые чем-то розовым и блестящим (Сюзанна подумала, что это скорее леденец, чем помада), чуть разошлись. Послышалось: «Ох-х-х-х...».

— Это мое водительское удостоверение, видите? — пояснила Сюзанна. К счастью рядом никого не было, даже коридорного. Несколько человек из тех, кто поселился в отеле во второй половине дня, ловили на тротуаре такси, вестибюль практически полностью опустел. В баре за сувенирным магазином мелодия «Ночи и дня» сменилась более меланхоличной «Звездной пылью».

— Водительское удостоверение, — восторженно, с придыханием согласилась девушка за регистрационной стойкой.

— Хорошо. Мне нужно где-нибудь расписаться?

— Нет... Мистер ван Вик снял номер... все что от меня требуется...

это проверить ваши... могу я подержать черепаху, мэм?

— Нет, — ответила Сюзанна, и красотка заплакала. Сюзанна изумленно наблюдала за этим феноменом. Так много людей она заставила плакать только однажды, когда в двенадцать лет сыграла на скрипке (первый и последний раз).

— Нет, мне нельзя ее подержать, — сказала красотка, слезы текли ручьем. — Нет, нет, мне нельзя, мне нельзя ее подержать, о, Дискордия, мне нельзя...

— Перестаньте хныкать, — приказала Сюзанна, и хныканье тут же прекратилось. — Дайте мне ключ от номера, пожалуйста. Но вместо ключа женщина смешанных кровей протянула ей маленькую папку с карманом на правой внутренней стороне, в котором лежал пластиковый прямоугольник. На левой внутренней стороне, вероятно его написали там, чтобы не подсмотрели потенциальные воры, Сюзанна увидела номер снятой для нее комнаты, 1919. И нисколько не удивилась. Миа, естественно, о такой ерунде и не думала.

Внезапно Сюзанна покачнулась. Ее повело в сторону. Ей пришлось взмахнуть рукой (в которой она держала «водительское удостоверение»), чтобы сохранить равновесие. Она уже думала, что валится на пол, но все-таки устояла на ногах.

— Мэм? — осведомилась девушка за регистрационной стойкой. На лице отразилась легкая, очень легкая тревога. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, — кивнула Сюзанна. — Только... Вдруг закружилась голова, но теперь все в порядке.

Но не могла при этом не подумать: «А что, черт побери, произошло?» Впрочем, ответ она и так знала. Ноги-то принадлежали Миа. Миа! А Сюзанна вела автобус с того самого момента, как они встретили мистера Я-не-могу-взять-skolpadda, вот тело и начало возвращаться к прежнему, безногому состоянию. Бред какой-то, но правда. Тело приводило себя в соответствие со своей хозяйкой.

«Миа, чего ты ждешь? Занимай мое место». «Не могу. Пока не могу. Займу, как только мы останемся одни». Господи Иисусе, Сюзанна узнала этот тон, узнала его очень хорошо. Сучка стеснялась.

— Что это такое? — спросила Сюзанна девушку за регистрационной стойкой, указав на пластиковый прямоугольник. — Это ключ?

— Да, разумеется, сэй. Его используют как в лифте, так и для того, чтобы открыть дверь. Просто вставьте в щель в направлении, указанном стрелкой. И быстро вытаскивайте. Когда на двери загорится зеленый

огонек, может заходить. У меня в сейфе чуть больше восьми тысяч долларов. И я отдам вам их все за эту прелесть, вашу черепаху, вашу skolpadda, вашу tortuga, вашу kavvit, вашу...

— Нет, — оборвала ее Сюзанна и вновь пошатнулась. Ухватилась за край стойки. Пол уходил у нее из-под ног.

— Я иду наверх, — она собиралась сначала зайти в сувенирный магазин и потратить часть денег Матса на новую рубашку, если их там продавали, но теперь понимала, что с покупкой рубашки придется повременить. Со всем придется повременить.

— Да, сэй, — не мадам, не мэм, эти обращения забылись. Черепашка действовала. Стирала черту между мирами.

— Вы сразу же забудете, что видели меня, понимаете?

— Да, сэй. Отключить вам телефон?

Миа зашлась криком. Сюзанна даже не потрудилась ее успокоить.

— Нет, не нужно. Мне должны позвонить.

— Как скажете, сэй, — Глаза девушки не отрывались от черепашки. Ни на долю секунды не отрывались от черепашки. — Приятного вам отдыха в «Плаза-Парк». Позвать коридорного, чтобы он помог донести ваши вещи?

«Неужели я выгляжу такой малохольной, что не могу донести эту ерунду?» — вскинулась Детта, но Сюзанна лишь покачала головой.

— Очень хорошо.

Сюзанна начала поворачиваться, но следующие слова девушки за регистрационной стойке заставили ее резко развернуться в обратную сторону.

— Скоро придет Король, король Глаза.

Сюзанна вытаращилась на девушку за регистрационной стойкой, ее удивление больше смахивало на шок. По рукам побежали мурашки. Лицо же красавицы оставалось бесстрастным. Темные глаза не отрывались от черепашки. Губы разошлись, теперь они выглядели влажными не только от блеска, но и от слюны. «Если я задержусь у стойки чуть подольше, — подумала Сюзанна, — слюна потечет по подбородку и начнет капать на пол».

Сюзанне очень хотелось поговорить о Короле и Глазе, она понимала, сколь это важно, и могла поговорить, потому что именно она контролировала тело, сидела за рулем автобуса, но опять пошатнулась и поняла, что не может продолжить разговор, если, конечно, не хочет добираться до лифта на руках и коленях, с волочащимися позади пустыми штанинами. «Может, позже», — подумала она, уже зная, что позже не

получится. Потому что пружина катящегося к вечеру дня закручивалась все туже.

Она двинулась через вестибюль к лифту, походкой бывалого моряка. Но, как выяснилось, женщина смешанных кровей сказала еще не все, и в ее голосе, хотя говорила она об ужасном, звучало лишь легкое сожаление.

— Когда придет Король и Башня рухнет, сэй, все красивые вещицы, вроде вашей, разрушатся. А затем наступит тьма и не будет ничего, кроме воя Дискордии и криков кан-тоев.

Сюзанна ничего не ответила, хотя мурашки уже добрались до шеи, а волосы встали дыбом. Ее ноги (точнее, чьи-то ноги) быстро теряли чувствительность. Будь она в платье до колен, а не в джинсах, увидела бы она, как ее прекрасные новые ноги становятся прозрачными? Увидела бы, как кровь бежит по сосудам, ярко-алая вниз, по артериям, более темная, отработанная вверх, по венам, к сердцу? Увидела бы переплетенье мышц?

Она думала, что да.

Нажала на кнопку «Вверх», убрала орису в плетеную сумку, моля, чтобы один из трех лифтов открылся до того, как она упадет. Пианист переключился на «Штормовую погоду».

Двери среднего лифта раздвинулись. Сюзанна-Миа вошла в кабину и нажала на кнопку «19». Двери закрылись, но кабина не тронулась с места.

«Пластиковая карточка, — напомнила себя Сюзанна. — Нужно воспользоваться пластиковой карточкой».

Она увидела щель, вставила в нее карточку, естественно, по направлению стрелки. И когда вновь нажала на кнопку с числом «19», кнопка засветилась изнутри. Мгновением позже кабина начала подъем, а Миа взяла управление на себя.

Сюзанна отступила в глубь салона, то бишь, своего разума, испытывая облегчение и усталость. Да, пусть порулит кто-то еще, почему нет? Пусть кто-то еще ведет автобус, хотя бы короткое время. Она чувствовала, как ноги наливаются силой и массой. И ее это вполне устраивало.

Миа могла быть чужаком в чужой стране, но училась она быстро. Выйдя из лифта на девятнадцатом этаже, заметила табличку со стрелкой и номерами под ней: 1911-1923, и быстро зашагала по коридору к номеру 1919. Зеленый ковер, с высоким, густым ворсом, мягко пружинил под ее (их) украденными туфлями. Она вставила ключ-карточку, открыла дверь,

переступила порог. В номере стояли две кровати и телефон.

«Как мне заставить его звонить?»

Сюзанна рассмеялась, вопрос действительно ее развеселил. «Сладенькая, ты не первая, кто об этом спрашивает, поверь мне. Может, миллионная. Он или зазвонит, или нет. Когда сочтет нужным. А пока почему бы тебе не осмотреться. Не поискать место, куда сможешь положить свою амуницию».

Она ожидала возражений, но Миа спорить с ней не стала. Закружила по комнате, не сподобившись раздвинуть шторы (а Сюзанне очень хотелось взглянуть на город с высоты), сунулась в ванную (как во дворце, мрамор и множество зеркал), потом в стенной шкаф. И там, на одной из полок, рядом с пластиковыми мешками, в которые жильцы клали вещи, предназначенные для химчистки), стоял сейф. Надпись на нем Миа прочитать не смогла. У Роланда время от времени возникали аналогичные проблемы, но их причина таилась в различиях между алфавитами английского языка и Высокого слога Внутреннего мира. Сюзанна полагала, что у Миа проблемы куда серьезнее. Хотя похитительница ее тела и знала цифры, Сюзанна сильно сомневалась, что мать малого вообще умеет читать.

Сюзанна выступила вперед, но не стала полностью перехватывать контроль над телом. Какое-то время смотрела двумя парами глаз на две надписи, отчего голова закружилась, а к горлу подкатила тошнота. Потом две надписи слились в одну и она смогла прочитать написанное:

"Этот сейф предназначен для хранения личных вещей. Администрация «Плаза-Парк-Хайатт» не несет ответственности, за оставленные в сейфе вещи. Наличные и драгоценности следует хранить в сейфе отеля в вестибюле. Чтобы набрать код, нажмите на четыре кнопки с цифрами плюс «ENTER» Чтобы открыть сейф, наберите ваш код и нажмите на кнопку «OPEN».

Сюзанна ретировалась и позволила Миа выбрать цифры. Та остановилась на единице и трех девятках. Набранный код совпадал в текущим годом, и грабители, скорее всего, попробовали бы эту комбинацию одной из первых, но, по крайней мере, он отличался от номера на двери. А кроме того, цифры Миа выбрала правильные. Цифры силы и власти. Знаковые цифры. Они обе это знали.

Задав код, Миа попробовала открыть сейф. Дверца не подалась, поэтому она последовала указаниям: вновь нажала на те же четыре кнопки с цифрами и на кнопку «OPEN». Внутри сейфа что-то зажужжало, дверца распахнулась. Она положила в сейф выцветший красный мешок с надписью «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО

МАНХЭТТЕНА», ящик едва уместился на полке, и плетеную сумку с орисами. Закрыла и вновь заперла сейф. Подергала за ручку, убедилась, что дверца не открывается, удовлетворенно кивнула. Пакет от «Бордерс» по-прежнему лежал на кровати. Она достала из него пачку денег, сунула в карман джинсов, в тот, где не было черепашки.

«Нужно купить чистую рубашку», — напомнила Сюзанна незваной гостье.

Миа, ничья дочь, не ответила. Понятное дело, рубашки ей были до фонаря, чистые или грязные. Миа интересовал только телефон. Какое-то время, пока предродовые схватки не донимали ее, она не хотела думать ни о чем, кроме телефона.

«А теперь мы посовещаемся, — продолжила Сюзанна. — Ты обещала, и это обещание тебе придется выполнить. Но не в том банкетном зале, — ее передернуло. — Где-нибудь снаружи, слышишь меня, я прошу. На свежем воздухе. Тот банкетный зал пахнет смертью».

Вновь Миа не стала спорить. У Сюзанны возникло смутное ощущение, что другая женщина роется в памяти, просматривает, отмечает, просматривает, отмечает... и, наконец, находит то, что может подойти.

«Как мы туда попадем?» — равнодушно спросила Миа.

Черная женщина, которая теперь являла собой двух женщин (опять), села на одну из кроватей, положила руки на колени. «Как на санках, — ответила Сюзаннина часть. — Я буду толкать, ты — направлять. И помни, Сюзанна-Миа, если ты хочешь, чтобы я тебе помогала, я должна услышать честные ответы».

«Ты их услышишь. Только не ожидай, что они тебе понравятся. Или, что ты их все поймешь».

«Что ты...»

«Неважно. О, боги, никогда не встречала человека, который задает так много вопросов! Время коротко! Совещаться мы можем только до телефонного звонка. Поэтому, если ты хочешь, чтобы...» Сюзанна не дала ей закончить фразу. Закрыла глаза и откинулась назад. Кровать не остановила ее. Сюзанна провалилась сквозь нее, падая все дальше и дальше, сквозь пространство, сквозь время. Откуда-то издалека доносилось позвякивание колокольцев Прыжка или тодэша, как называли его Мэнни. "Вновь я куда-то иду, — подумала она. И:

— Эдди, я тебя люблю".

КУПЛЕТ:

Commala — gin — jive!

Ain't it grand to be alive?

*To look out on Discordia
When Demon moon arrives.
ОТВЕТСТВІЕ:
Commala — come — five!
Even when the shadows rise!
To see the world and walk the world
Makes ya glad to be alive.*

Строфа 6. Галерея в замке

1

Она падала в свое тело, и ощущение это вызвало воспоминание ослепляющей яркости: Одетта Холмс шестнадцати лет, сидящая на кровати в комбинации и натягивающая на ногу шелковый чулок. То мгновение, пока воспоминание держалось, нос щекотал аромат духов «Белые плечи» и запах мыла «Кусочек красоты» компании «Пондс», мыла ее матери и позаимствованных у матери духов. Уже достаточно взрослая, чтобы ей позволяли душиться, она думала: «Это весенний бал! Я иду с Натаном Фриманом!»

Потом все ушло. Сладкий запах мыла «Пондс» сменил свежий и холодный (а иногда сырой) ночной ветерок, и осталось лишь чувство, такая странное и такое удивительное, растягивания нового тела, словно оно было чулком, который кто-то надевал на голень и колено.

Она открыла глаза. Ветер дул порывами, бросая в лицо мелкую пыль. Она прищурилась, скорчила гримаску, подняла руку, словно собиралась отразить удар.

— Сюда! — позвал женский голос. Не тот голос, который ожидала услышать Сюзанна. Не резкий, торжествующий клекот. — Сюда, здесь не так дует!

Сюзанна повернулась и увидела высокую и миловидную женщину, которая махала ей рукой. И облик Миа во плоти изумил Сюзанну, потому что мать малого оказалась белой. Вероятно, в Одетте имелась некая белая составляющая, которая особенно раздражала Детту Уокер, исповедовавшую предельную расовую нетерпимость!

Она опять стала безногой и сидела на грубо сколоченной тележке. Стояла тележка у выемки в низком парапете стены. Сюзанна выглянула за парапет и перед ней открылась самая жуткая, самая пугающая местность, какую ей только доводилось видеть в своей жизни. Гигантские скалы тянулись к небу и налезали друг на друга, уходя к горизонту. Блестели, как инопланетные кости, под яростным светом лунного серпа. На почтительном удалении от этой лунной усмешки сверкали мириады звезд. Среди скал, отвесных стен и обрывов вилась узкая, пропадающая вдаль тропа. Глядя на нее, Сюзанна подумала, что любому отряду пришлось бы

идти по этой тропе лишь колонной по одному. "Взяв с собой достаточно припасов. Тут не растут ни грибы, ни физалис^[36]". А за всеми этими скалами, тускло и злобно, источник находился за горизонтом, то разгоралось, то слабело темно-алое зарево. "Сердце розы, — подумала Сюзанна и тут же пришла другая мысль:

— Нет, кузница Короля". Она смотрела на пульсирующий, зловещий свет, ощущая свое бессилие, охваченная ужасом, не в силах оторвать взгляд. Сжаться... разжаться. Разгореться... притухнуть. Зараза, сообщающая о себе небу.

— Сейчас же иди ко мне, а не то вообще не сможешь прийти, Сюзанна из Нью-Йорка, — вновь позвала Миа, одетая в мексиканскую шаль из плотной материи и вроде бы кожаные штаны, оканчивающиеся чуть ниже колена. Голени были в струпьях и царапинах, на ногах — huaraches^[37] на толстой подошве. — Ибо Король может завораживать даже на расстоянии. Мы — в Замке на стороне Дискордии. Ты хочешь закончить жизнь на скалах у подножия этой стены? Если он заморозит тебя и прикажет прыгнуть, ты прыгнешь. И стрелков, которые у тебя в друзьях, здесь нет, так что помочь тебе они не смогут, так? Нет, нет. Ты тут сама по себе, совсем одна.

Сюзанна попыталась оторвать взгляд от этого пульсирующего зарева, но сначала у нее ничего не вышло. Паника пыльным цветом расцвела в ее рассудке (если он заморозит тебя и прикажет прыгнуть) и она ухватилась за нее, как за спасительную соломинку, заострила и проткнула кокон страха, который обездвижил ее. Еще с мгновение напоминала статую, а потом так резко подалась назад, что ей пришлось ухватиться за край телеги. Иначе свалилась бы на булыжники, которыми вымостили вершину крепостной стены. Очередной порыв ветра, словно в насмешку, плескнул пылью в лицо и волосы.

Но это притяжение... зачарованность... волшебба... как ни назови, отпустило, исчезло. Она посмотрела на собачью тележку (так Сюзанна ее назвала, а как она называлась на самом деле, значения не имело) и сразу поняла, как с ней управляться. Большого ума для этого и не требовалось. Мула, которой тащил бы ее, не было. Роль мула отводилась ей самой. Телега эта и рядом не стояла с тем удобным, легким креслом-коляской, которое они нашли в Топеке, и поездка на ней разительно отличалась от прогулки на крепких, сильных ногах, которые довели ее от скверика на Второй авеню до отеля. Господи, как же ей не доставало ног. Уже не доставало.

Но не оставалось ничего другого, как обходиться без них.

Она ухватилась за деревянные колеса телеги, напряглась, ничего не добила, прибавила усилий. И когда уже смирилась с тем, что с «трона» придется слезать и добираться до Миа на своих четверых, колеса противно закрипели, видать, давненько их не смазывали, и телега покатила к Миа, которая стояла за квадратной каменной колонной. Колонн этих было великое множество, они, вместе с плавно закругляющейся стеной, уходили в темноту. Сюзанна предположила, что в стародавние времена (до того, как мир сдвинулся) лучники использовали колонны для защиты, когда осаждающие стреляли по ним из луков или катапульт, а может, из чего еще. А потом выступали в проемы между колоннами и открывали ответный огонь. Как давно это было? В каком мире? И сколь близко от этого замка высится Темная Башня? Сюзанна чувствовала, что достаточно близко. Она толкала тяжелую, неудобную, скрипящую телегу и смотрела на женщину в мексиканской шали, стыдясь, что запыхалась, не проехав и двенадцати ярдов. Несколько раз она глубоко вдохнула влажный, с каменным привкусом воздух. Колонны, вроде бы она припоминала, что назывались они *merlons*, уходили вправо от нее. Слева она видела круглое озеро черноты, окруженное каменными, частично порушенными стенами. Далее, над дальней стеной, высились две башни, да только одна превратилась в руины, уничтоженная ударом молнии или мощным взрывом.

— Место, где мы стоим — галерея, — объяснила Миа. — Дорожка, которая тянется по всему периметру Замка-над-бездной, когда-то он назывался Замком Дискордия. Ты говорила, что тебе нужен свежий воздух. Я надеюсь, этот тебе подойдет, ага, как сказали бы в Кэлле. Замок расположен далеко от Пограничья, на просторах Крайнего мира, совсем рядом с тем местом, где закончится ваш поход, найдете ли вы Башню или свою гибель, — она помолчала, потом продолжила. — Вероятнее всего, гибель. Однако мне нет до этого никакого дела, нет, отнюдь. Я — Миа, ничья дочь, мать одного. Я забочусь о моем малом и больше ни о ком. Кроме малого мне никто не нужен, ага! Ты хочешь посоветоваться? Отлично. Я расскажу тебе, все, что смогу, и только правду. Почему нет? Так или иначе, мне-то без разницы.

Сюзанна огляделась. Когда повернулась к центру замка, там, где, по ее разумению, следовало находиться внутреннему двору, на нее пахло гнилью. Миа увидела, как она поморщилась, и улыбнулась.

— Ага, они давно умерли, и машины, которые построили те, кто пришел позже, в основном, остановились, но запах их смерти все еще висит здесь, не так ли? С запахом смерти это обычное дело. Спроси своего

друга — стрелка, истинного стрелка. Он знает, потому что часть этого запаха — его работа. И немалая часть, Сюзанна из Нью-Йорка. Гибель миров висит на его шее, как гниющий труп. Однако, он слишком далеко зашел в своей решимости и наконец привлек внимание сильных мира сего. Он будет уничтожен, ага, и те, кто стоит рядом с ним. Я ношу его смерть в своем животе, и меня это совершенно не тревожит, — она вскинула подбородок к звездному свету. Шаль облегла набухшие груди... и, Сюзанна видела, раздутый живот. В этом мире Миа была беременной. Более того, на сносях.

— Задавай свои вопросы, я готова к ответам, — продолжила Миа. — Только помни, мы существуем и в другом мире, в том, где мы связаны воедино, в одно целое. Мы лежим на кровати в гостинице, словно спим... но мы не спим, не так ли, Сюзанна? Нет. И когда телефон зазвонит, когда позвонят мои друзья, мы покинем этот замок и пойдем к ним. Если ты уже успеешь задать свои вопросы, отлично. Если нет, тоже отлично. Спрашивай. Или... может, ты не стрелок? — и ее губы изогнулись в пренебрежительной улыбке. Сюзанна подумала, что очень уж она наглая, да, действительно наглая. Слишком наглая для человека, который не сможет найти дорогу с Сорок шестой улицы на Сорок седьмую в том мире, куда они должны вернуться. — Так спрашивай, говорю тебе!

Сюзанна вновь посмотрела на черный, разрушенный колодец, который когда-то был сердцевинной замка, его центральную, самую укрепленную часть, с ареной для турниров, навесными башнями, подземельями и еще Бог знает чем. Она изучала средневековую историю и помнила некоторые термины, но как давно это было. Конечно же, где-то там находился и банкетный зал, в который она ходила за едой, пусть и короткое время. Но кормежка эта осталась в прошлом. Если Миа будет слишком сильно на нее напирать или зайдет слишком далеко, она узнает об этом на собственной шкуре.

А пока, подумала Сюзанна, начнем с относительно простого.

— Если это Замок-над-бездной, то где Бездна? Я тут не вижу ничего, кроме нагромождения скал. И этого красного зарева на горизонте.

Миа, ветер играл ее черными, до плеч волосами, мягкими, как шелк, совершенно прямыми, без намека на курчавость, свойственную волосам Сюзанны, указала на дальнюю стену по другую сторону черного колодца, где высились башни и тоже тянулась галерея.

— Вот это — центральная крепость. За ней — город Федик, теперь заброшенный, все умерли от Красной смерти тысячу лет тому назад, а то и больше. Дальше...

— От Красной смерти? — переспросила Сюзанна, удивленно и одновременно испуганно, пусть и не понимала, чем вызван страх. — От Красной смерти Эдгара По? Как в новелле^[38]? — а почему нет? Разве они уже не забредали (к счастью, выбрались оттуда) в страну Оз Лаймена Френка Баума? Кто еще мог попасться им на пути? Белый кролик и Черная королева^[39]?

— Женщина, я не знаю. Могу сказать лишь одно: за заброшенным городком высится наружная стена, за стеной — огромный разлом в земле, в котором живут чудовища, копошатся там, размножаются и строят планы вырваться наружу. Когда-то над разломом стоял мост, но он давно как рухнул. В незапамятные времена. Они ужасны, эти чудовища, и обычные люди, что мужчины, что женщины, сходят с ума, лишь глянув на них.

Тут она удостоила Сюзанну собственного взгляда. Переполненного сарказмом.

— Но не стрелки. Конечно, такие, как ты, с ума не сойдут.

— Почему ты насмехаешься надо мной? — спокойно спросила Сюзанна.

На лице Миа отразилось недоумение, потом она насупилась.

— Разве это моя идея прийти сюда? Стоять на холоде там, где Глаз Короля марает горизонт и даже саму луну своим грязным светом? Нет, женщина! Она принадлежала тебе, так что нечего мне выговаривать!

Сюзанна могла бы ответить, что идея забеременеть ребенком демона принадлежала отнюдь не ей, но понимала, что сейчас не время начинать словесную перепалку, убеждая собеседника, или в данном случае, собеседницу, что дура именно она, а не ты.

— Я ничего тебе не выговариваю, — возразила Сюзанна, — только спрашиваю.

Миа нетерпеливо взмахнула рукой, как бы говоря: «Хватит толочь воду в ступе», — и чуть повернулась, встав в пол-оборота к Сюзанне. А потом пробормотала: «Я не пошла ни в больше-чем-дом, ни в никакой дом. И в любом случае я выношу моего малого, ты слышишь? Как бы ни легли карты. Выношу и выкормлю.»

И вот тут Сюзанна поняла многое, если не все. Миа насмехалась, потому что боялась. Пусть знала она многое, очень уж значительная ее часть была Сюзанной.

«Я не пошла ни в больше-чем-дом, ни в никакой дом», например. Это фраза из «Невидимки», романа Ральфа Эллисона^[40]. Когда Миа проникла в Сюзанну, она приобрела две субличности по цене одной. Это Миа, и никто

другой, вытащила из небытия (или из глубокой заморозки) Детту, и именно Детте особенно нравилась эта фраза, в которой выражалось глубокое презрение и подозрительность негров к тому, что иногда называлось «усовершенствованное послевоенное образование для негров». Ни в больше-чем-дом, ни в никакой дом; я знаю, что я знаю, другими словами, до меня дошли такие слухи, мне шепнули об этом на ушко, дорогая, сорока принесла на хвосте.

— Миа, а кто второй родитель твоего ребенка? Какой демон стал ему отцом, ты это знаешь?

Миа ухмыльнулась. И ухмылка эта очень не понравилась Сюзанне. Слишком много в ней было от Детты. Она уже понимала, что ответ ее не порадует.

— Да, женщина, знаю. И ты права. Это демон накачал тебя, действительно, великий демон, ты говоришь правильно. Человеческий демон! И по-другому просто быть не могло, ибо ты знаешь, что настоящие демоны, те, что остались на берегах всех этих миров, которые вращаются вокруг Башни, после того, как Прим^[41] пошел на убыль, бесплодны. И по очень веской причине...

— Тогда как...

— Твой дин — отец моего малого, — ответила Миа. — Роланд из Гилеада, ага, он. У Стивена Дискейна наконец-то появится внук, хотя он сам давно сгнил в могиле и не узнает об этом.

Сюзанна таращилась на нее, напрочь забыв о холодном ветре, дующим со скал Дискордии.

— Роланд?.. Этого не может быть! Он находился рядом со мной, когда демон был во мне, «извлекал» Джейка из дома на Голландском холме и физически не мог трахаться со... — она замолчала, подумав о младенце, которого видела в «Догане». Подумав об его глазах. Этих синих глазах воина. «Нет. Нет. Я отказываюсь в это верить».

— Тем не менее, Роланд — его отец, — настаивала Миа. — И когда малой родится, я назову его именем, которое почерпнула из твоей памяти, Сюзанна из Нью-Йорка, которое ты узнала, когда изучала крепостные зубцы, внутренние дворы, подъемные мосты и навесные башни. Почему нет? Это хорошее имя, и ему оно подойдет.

«Введение в средневековую историю» профессора Мюррея, вот о чем она говорит».

— Я назову его Мордред, — продолжила Миа. — Расти он будет быстро, мой дорогой мальчик, быстрее любого человека, благодаря его демонической природе. Он вырастет сильным. Станет воплощением всех

стрелков, когда либо существовавших. А потом, как и Мордред твоего сказания^[42], убьет своего отца.

И с этим Миа, ничья дочь, вскинула руки к сверкающему звездами небу и закричала, но Сюзанна так и не смогла понять, был ли то крик печали, ужаса или радости.

2

— Подкрепись, — предложила Миа. — Вот что у меня есть.

Из-под мексиканской шали она достала гроздь винограда и бумажный кулек с оранжевыми ягодами физалиса, раздутыми от наполняющего их сока, как ее живот. И откуда только, задалась вопросом Сюзанна, взялись эти фрукты? Неужто их общее тело ходило по «Плаза-Парк» само по себе, как лунатик? А может, в номере стояла ваза с фруктами, которую она не заметила? Или эти фрукты — плод воображения?

Ответы не имели ровно никакого значения. Если чуть раньше ей и хотелось есть, то бомба, взорванная Миа, начисто отбила аппетит. А невозможность того, о чем она говорила, только подчеркивала чудовищность самой идеи. Но из головы не выходил младенец, которого видела in utero на одном из телевизионных экранов. Эти синие глаза.

— Нет. Этого не может быть, ты слышишь? Этого не может быть!

Холодный ветер, врывающийся в проходы между колоннами, пронизывал до костей. Она слезла с телеги и уселась на каменный пол, спиной к колонне галереи, рядом с Миа, слушая завывания ветра и вглядываясь в звездное небо.

Миа набивала рот виноградом. Сок тек из одного уголка рта, тогда как из другого она выплевывала косточки со скоростью пулемета. Она проглотила то, что было во рту, вытерла подбородок, повернулась к Сюзанне:

— Может. Еще как может. Более того, так оно и есть. Ты все еще рада, что пришла, Сюзанна из Нью-Йорка, или теперь жалеешь о том, что уступила своему любопытству?

— Если я собираюсь родить ребенка, которым меня не брюхатили, я должна знать об этом ребенке все, что только возможно. Ты это понимаешь?

Миа поморщилась от этой нарочитой грубости, потом кивнула.

— Как угодно.

— Скажи мне, как Роланд может быть его отцом. И, если ты хочешь,

чтобы я хоть в чем-то тебе поверила, начни с того, чтобы я поверила в это.

Миа взяла плод физалиса, ногтями содрала кожицу, жадно съела. Хотела снять кожицу со второго, передумала, начала катать между ладонями (этими ставящими в тупик белыми ладонями), согревая ее. Сюзанна знала, что тем самым кожица лопнет сама. А Миа тем временем начала.

3

— Сколько всего Лучей, Сюзанна из Нью-Йорка?

— Шесть, — без запинки ответила Сюзанна. — Во всяком случае, было. Теперь, полагаю, осталось только два, которые...

Миа нетерпеливо махнула рукой, как бы говоря: «Не трать попусту мое время».

— Шесть, ага, и когда лучи появились из большей Дискордии, супа творения, который некоторые (включая мэнни) называют Оувером, а другие — Примом, что их создало?

— Я не знаю, — ответила Сюзанна. — Ты думаешь, их создал Бог?

— Может, Бог и есть, но Лучи поднялись из Прима благодаря магии, Сюзанна, истинной магии, которая исчезла давным-давно. Бог ли создал магию или магия — Бога? Не знаю. Это вопрос для философов, а мое дело — материнство. Но когда-то давно не было в мире ничего, кроме Дискордии, и из нее поднялись шесть Лучей, мощные, крепкие, пересекающиеся в одной точке. Существовала магия, которая могла целую вечность поддерживать их, но когда магия ушла отовсюду, за исключением Темной Башни, которую некоторые называли Кан калих, Зал возвращения, люди впали в отчаяние. Когда эпоха магии закончилась, ей на смену пришла эпоха машин.

— Норд сентр позитроникс, — пробормотала Сюзанна. — Биполярные компьютеры, слотрансные двигатели, — она помолчала. — Блейн Моно. Но не в нашем мире.

— Нет? Ты говоришь, твой мир исключение? А как насчет объявления в вестибюле? — кожица плода лопнула. Миа очистила ее и бросила сердцевину в рот, брызжа соком сквозь знакомую ухмылку.

— Мне почему-то казалось, что ты не умеешь читать, — ответила Сюзанна. К делу это не относилось, но ничего другого на ум не пришло. Потому что мыслями она то и дело возвращалась к младенцу с яркими синими глазами. Глазами стрелка.

— Ага, зато умею кое-что другое, поэтому, зная твои мысли, могу читать очень даже хорошо. Так ты говоришь, что не помнишь объявления в вестибюле отеля? Ты мне это говоришь?

Разумеется, она помнила. Согласно объявлению, месяцем позже отель «Плаза-Парк» переходил под контроль некой организации, которая называлась «Сомбра/Северный центр». Но, говоря: «Не в нашем мире», — она думала о 1964 годе, мире черно-белого телевидения, огромных, размером в комнату, компьютеров и алабамских полицейских, которым не терпелось спустить собак на чернокожих борцов за права избирателей. За минувшие тридцать лет многое изменилось. Взять, к примеру, гибридный телевизор и пишущей машинки, которым воспользовалась женщина смешанных кровей за регистрационной стойкой. Могла ли Сюзанна утверждать, что это не биполярный компьютер, приводимый в действие слотрансным двигателем? Не могла.

— Продолжай, — попросила она Миа. Та пожала плечами.

— Вы предопределили свою судьбу, Сюзанна. Что бы ни делали, все сводилось к одному: вы теряли веру и восполняли ее рациональным мышлением. Но в мышлении нет любви, в дедукции нет вечного, в рационализме — только смерть.

— Как все это связано с твоим малым?

— Я не знаю. Многого не знаю, — она подняла руку, останавливая Сюзанну, которая хотела что-то сказать. — Нет, я не тяну время, не пытаюсь увести от того, что тебя интересует. Лишь озвучиваю то, что говорит мне сердце. Будешь слушать или нет?

Сюзанна кивнула. Она послушает... во всяком случае, еще чуть-чуть. Но, если Миа в самом скором времени не вернется к младенцу, она повернет ее в нужном направлении.

— Магия ушла. Мейрлин удалился в свою пещеру в одном из миров, меч Эльда уступил место револьверам стрелков в другом, и магия ушла. Но с течением времени великие алхимики, великие ученые и великие... кто? Думаю, инженеры... Короче, люди большого ума, вот что я хочу сказать, великие мастера дедукции, собрались вместе и создали машины, которые поддерживали Лучи. То были великие машины, но машины смертные. Они заменили магию машинами, ты понимаешь, а теперь машины ломаются. В некоторых мирах эпидемии выкосили все население.

Сюзанна кивнула.

— Мы побывали в одном из них. Они называли болезнь супергриппом.

— Разрушители Алого Короля лишь ускоряют процесс, который идет и так. Машины сходят с ума. Ты сама это видела. Создатели машин верили,

что всегда будут люди, такие, как они, которые смогут создавать новые машины. Никто из них не предвидел того, что произошло. Этого... этого вселенского истощения.

— Мир сдвинулся.

— Да, женщина. И не оставил никого, чтобы заменить эти машины, которые удерживают остатки магии творения, ибо Прим давно уже отступил. Магия ушла, и машины ломаются. Очень скоро рухнет и Темная Башня. Может, еще будут мгновения расцвета рационального мышления, прежде чем навеки воцарится власть тьмы. Чудесная перспектива, не так ли?

— Разве Алый Король не погибнет, когда упадет Башня? Он и все его прислужники? Парни с кровавыми дырами во лбу?

— Ему обещано собственное королевство, где он будет править вечно, предаваясь своим, специфическим удовольствиям, — в голос Миа прокралась неприязнь. Может, еще и страх.

— Обещано? Обещано кем? Более могущественным, чем он?

— Женщина, я не знаю. Возможно, это королевство пообещал себе он сам, — Миа пожалала плечами. А глаза всячески избегали взгляда Сюзанны.

— Может что-нибудь предотвратить падение Башни?

— Даже твой стрелок не надеется это предотвратить, — ответила Миа, — освободив Разрушителей и, возможно, убив Алого Короля. Спасти Башню! Спасти ее. Это ж надо! Он хоть раз говорил, что его цель — спасение Башни?

Сюзанна задумалась и покачала головой. Если Роланд такое и говорил, то она не помнила. А наверняка запомнила бы, если б услышала.

— Не говорил, — продолжила Миа, — ибо не лжет своему ка-тету без крайней на то необходимости, таков его принцип. Он хочет только одного — увидеть Башню, — а потом добавила, прямо-таки проворчала. — Или, возможно, войти в нее, подняться на вершину, его честолюбие может простираться так далеко. Он мечтает встать на галерее, как стоим сейчас мы, и выкрикивать имена своих погибших друзей и всех своих предков, до самого Артура из Эльда. Но спасти? Нет, добрая женщина. Только возвращение магии, возможно, может ее спасти, а дело твоего дина, как ты хорошо знаешь, свинец.

Никогда раньше, странствуя сквозь миры, Сюзанна не слышала такой жесткой и емкой характеристики профессии Роланда. Грусть и злость охватили ее, но она, как могла, попыталась скрыть свои чувства.

— Объясни мне, как твой малой может быть сыном Роланда, я хочу это услышать.

— Ага, это ловкий трюк, который смогли бы объяснить тебе старики из Речного Перекрестка, я в этом не сомневаюсь.

Сюзанна даже вздрогнула.

— Откуда ты так много обо мне знаешь?

— Потому что ты одержима демоном, — ответила Миа, — и я — тот самый демон. Я могу просматривать все твои воспоминания, какие только захочется. Я могу видеть все, что видят твои глаза. А теперь помолчи и слушай, если хочешь что-то узнать, потому что я чувствую, что наше время истекает.

4

И вот что рассказал Сюзанне ее демон.

— Лучей шесть, как ты и сказала, но Хранителей двенадцать, по два на каждый Луч. Этот, ибо мы все еще на нем, Луч Шардика. Если бы мы перенеслись на другую сторону Башни, то оказались бы на Луче Матурин, великой черепахи, на панцире которой покоится мир. Соответственно, есть шесть первородных демонов, по одному на Луч. Под ними находится весь невидимый мир, создания которого остались на берегу существования после того, как отступил Прим. Есть говорящие демоны, демоны дома, которых называют привидениями, демоны нездоровья, которых создатели машин и последователи великого ложного бога рационализма полагают болезнями. Много маленьких демонов, но только шесть первородных. Однако, поскольку у шести Лучей двенадцать Хранителей, то демонических начал тоже двенадцать, потому что каждый первородный демон един в двух лицах: и мужчина, и женщина.

Сюзанна начала понимать, к чему клонит Миа, и внезапно у нее засосало под ложечкой. Из нагроможденья голых скал под галереей, которое Миа называла Дискордия, донесся жуткий, лающий смех. К невидимому хохоту присоединился второй, третий, четвертый, пятый. Создалось ощущение, будто весь мир смеется над ней. И может, не без причины, ибо шутка-то была хороша. Только как она могла это знать.

И пока гиены, или кто-то еще, заливались лающим смехом, она высказала свою догадку:

— Ты говоришь мне, что первородные демоны — гермафродиты. Потому что они и бесплодны, что объединяют в себе два начала.

— Ага. И в круге Оракула твой дин совокупился с одним из первородных демонов для того, чтобы получить информацию, которая

зовется пророчеством на Высоком Слоге^[43]. Он предполагал, и вполне логично, что Оракул — всего лишь суккуб, какие иногда встречаются в пустынных местах...

— Точно, — кивнула Сюзанна, — обычная дьяволица, изнывающая от желания.

— Можно сказать и так, — Миа предложила Сюзанне плод физалиса. Сюзанна взяла его и начала катать между ладонями, согревая. Есть ей не хотелось, но во рту пересохло, ужас как пересохло.

— Демон взял сперму стрелка, как женщина, а отдал ее тебе, как мужчина.

— Когда мы были в говорящем круге^[44], — печально вздохнула Сюзанна. Она вспоминала, как проливной дождь барабанил по ее вскинутому к небу лицу, ощущение невидимых рук на плечах, член демона, заполняющий ее и одновременно рвущий на части. А наибольшее отвращение вызывал холод, идущий от его огромного члена. Тогда она еще подумала, что ее трахают сосулькой.

И как она это пережила? Разумеется, призвав Детту. Обратившись к этой сучке, победительнице сотни секс-стычек, которые проходили на автостоянках двух десятков придорожных ресторанчиков или на обочинах отходящих от трассы дорог. Детту, которая заловила демона...

— Он пытался вырваться, — сказала она Миа. — Как только он понял, что его конец попал в китайскую машинку для выдергивания ногтей, он попытался вырваться.

— Если бы он хотел вырваться, ему бы это удалось, — ровным голосом ответила Миа.

— С чего ему приспичило обманывать меня? — спросила Сюзанна, но, чтобы получить ответ на этот вопрос, она могла обойтись и без Миа, во всяком случае, теперь, когда многое узнала. Потому что он в ней нуждался. Потому что она могла выносить ребенка.

Ребенка Роланда. На погибель Роланду.

— Теперь ты знаешь все, что тебе нужно знать о малом, — Миа повернулась к Сюзанне. — Не так ли?

Сюзанна полагала, что да. Демон взял сперму Роланда, будучи женщиной, каким-то образом сохранил ее, а потом влил в Сюзанну Дин, как мужчина. Миа не ошиблась. Она знала все, что требовалось знать.

— Я выполнила обещание, — продолжила Миа. — Пора возвращаться. Такой холод вреден для малого.

— Еще минуту, — Сюзанна показала плод. Золотистый сок сочился

сквозь трещины в оранжевой коже. — Кожица только что лопнула. Позволь мне съесть его. И я хочу задать тебе вопрос.

— Ешь и спрашивай, и поторопись и с тем, и с другим.

— Кто ты? Кто ты на самом деле? Ты действительно этот демон? Между прочим, у нее есть имя? У нее и у него, у них вместе есть имя?

— Нет, — ответила Миа. — Первородные демоны в именах не нуждаются, они — те, кто они есть. Демон ли я? Это ты хочешь узнать? Йя-я, полагаю, я — демон. Или была им. Теперь все неопределенно, как сон.

— Так ты — не я... или я?

Миа не ответила. И Сюзанна поняла, что, скорее всего, она этого не знает.

— Миа?

Миа натянула шаль на колени, Сюзанна увидела, что лодыжки у нее опухли, и на мгновение ей стало жаль эту женщину. Но тут же она подавила жалость. Не было на нее времени, не способствовала она выяснению истины.

— А ведь ты всего лишь нянька, девочка.

Реакция даже превзошла ожидания Сюзанны. На лице Миа отразился шок, потом злость. Какая там злость — ярость.

— Ты лжешь! Я — мать малого! И когда он родится, Сюзанна, отпадет необходимость в поисках Разрушителей, потому что мой малой будет самым сильным из них, способным в одиночку сокрушить оба оставшиеся Луча! — голос наполняла гордость, но по интонациям чувствовалось, что его обладательница очень уж близка к границе безумия. — Мой Мордред! Ты слышишь меня?

— О, да, — кивнула Сюзанна. — Я слышу. Так ты действительно собираешься прямиком пойти к тем, кто поставил перед собой задачу свалить Башню, не так ли? Они позвонят, ты пойдешь, — она помолчала, а потом закончила мягко и вкрадчиво. — А когда ты придешь к ним, они заберут твоего малого, тепло поблагодарят и отправят обратно в тот самый суп, из которого ты вышла.

— Нет! Я буду его растить, они мне это обещали! — Миа обхватила руками живот, словно защищая своего малого. — Он — мой, я — его мать и буду его растить!

— Девочка, почему бы тебе не спуститься с облаков на твердую землю? Ты думаешь, они сдержат данное тебе слово? Они? Как ты можешь видеть так много и не видеть этого?

Сюзанна, конечно, знала ответ. Материнство застлало Миа глаза.

— Почему они не позволяют мне растить его? — пронзительно

воскликнула Миа. — Кто с этим справится лучше? Кто справиться с этим лучше Миа, которая создана только для того, чтобы родить сына и вырастить его?

— Но ты — не просто ты, — указала Сюзанна. — Ты — как близнецы Кэллы, да и практически все остальное, с чем мои друзья и я сталкивались на этом пути. Ты — одна из двойни, Миа! Я — твоя вторая половина, твоя связь с этим миром. Ты смотришь на него моими глазами, ты дышишь моими легкими. Я должна вынашивать твоего малого, потому что ты этого не можешь, не так ли? Ты так же бесплодна, как те большие парни. А как только к ним попадет твой ребенок, этот Суперразрушитель, они избавятся от тебя, тем более, что для этого им потребуется лишь избавиться от меня.

— Они мне обещали, — на мрачном лице читалось упрямство.

— Встань на мое место. Встань на мое место, прошу тебя. Представь себе, что я — это ты, а ты — это я. И что бы ты подумала, когда я сказала бы о таком вот обещании?

— Я бы посоветовала тебе перестать трепать языком!

— Кто ты на самом деле? Где, черт побери, они тебя взяли? Или ты откликнулась на газетное объявление: «Требуется суррогатная мать, высокое вознаграждение, короткое время найма?» Кто ты на самом деле?

— Заткнись!

Сюзанна встала на колени, наклонилась вперед. Это положение всегда доставляло ей массу неудобств, но она забыла и про неудобства, и про недоеденную ягоду в руке.

— Давай! — в голосе зазвучали скрипучие нотки Детты Уокер. — Давай, сними со своих глаз повязку, сладенькая, точно так же, как ты заставила меня снять ее с моих! Скажи мне правду и плюнь дьяволу в глаз! Кто ты на самом деле?

— Я не знаю! — вскричала Миа, и со скал под ними раздались ответные крики то ли шакалов, то ли гиен, только крики эти были смехом. — Я не знаю, не знаю, кто я, этот ответ тебя устраивает?

Конечно же, он Сюзанну не устроил, и она уже собралась надавить сильнее, когда заговорила Детта Уокер.

И вот что сказал Сюзанне другой ее демон.

«Крошка, тебе нужно об этом немного подумать. Она-то не может, тупа, как пробка, не умеет читать, едва умеет считать, не была в больше-

чем-доме, не была в никаком доме, но ты-то побывала, мисс Одетта Холмс училась в Колумбийском университете, жемчужина ты наша океанская, так что у тебя-то с мозгами полный порядок. Во-первых, ты должна подумать о том, как она забеременела. Она говорит, что трахнула Роланда, чтобы добыть его „вафлю“, потом превратилась в мужчину, в демона говорящего круга, залила ее в тебя, вот так ты и начала вынашивать ребенка, жрать все дерьмо, которая она впихивала тебе в рот, но какую роль играла в этом она, вот что хотела бы знать Детта. Как получилась, что она сидит с толстым пузом, прикрытым этим грязным одеялом? Может это тоже... как там ты его называешь... метод визуализации?»

Сюзанна оскалилась. Ее глаза сощурились. Видела ли это Миа, Сюзанна не знала. Но увидела, как она, несомненно, услышала вдруг часть монолога Детты. Какую часть? Сюзанна ставила на то, что небольшую. Словечко там, словечко здесь. Вот, пожалуй, и все. И в любом случае, Миа действительно вела себя, как мать младенца. Младенца Мордредда! Очень все это напоминало комиксы Чарльза Аддамса^[45].

«Мало того, что она беременна, — мурлыкала Детта, — так и ведет себя, как заботливая мамаша, все ее мысли только о будущем ребенке, тут ты совершенно права».

Холодная рука протянулась и сжала запястье Сюзанны.

— Кто это? Та, что со скрипучим голосом? Если так, прогони ее. Она пугает меня.

По правде говоря, она все еще пугала и Сюзанну, но чуть-чуть, не так сильно, как раньше, когда ей впервые пришлось признать, что Детта реально существует. Они не стали друзьями, да и не могли стать, но не вызывало сомнений, что Детта Уокер может быть могучим союзником. Тем более, что ей хватало не только силы, но и ума.

«Эта Миа тоже может стать могучим союзником, если тебе удастся перетащить ее на свою сторону. Редко кто в этом мире может устоять перед разъяренной мамашей. Она все сметет на своем пути».

— Мы возвращаемся, — сказала Миа. — Я ответила на твои вопросы, холод ребенку вреден, да и злобы тут слишком много. Посовещались, и хватит.

Но Сюзанна стряхнула ее руку со своего запястья и подалась назад, чтобы Миа не могла до нее дотянуться.

Холодный ветер, врывающийся в галерею между колоннами, пронизывал до костей, но и прочищал голову, помогал думать. "Часть ее — я, потому что у нее есть доступ к моим воспоминаниям. Кольцо Эдди, жители Речного Перекрестка, Блейн Моно. Но она — нечто большее, чем я,

потому что... потому что...

«Продолжай, девочка, неплохо у тебя получается, но очень уж медленно».

«Потому что она знает и многое другое. Знает о демонах, маленьких и первородных. Знает о том, как появились Лучи, знает об этом магическом супе творения, Приме. Но насколько мне известно, grim — это слово, которым называют девочек, всегда прикрывающих юбкой колени. Другого его значения узнать от меня она не могла».

В голову пришла мысль о том, как этот разговор может выглядеть со стороны: родители изучают только что родившегося ребенка. Нового малого. У него твой нос, да, и у него твои глаза, но, скажите на милость, от кого он взял такие волосы?

«И у нее есть друзья в Нью-Йорке, не забывай об этом, — вставила Детта. — Во всяком случае, она хочет думать, что это ее друзья».

«Значит, она кто-то или что-то еще. Кто-то из невидимого мира привидений и демонов болезни. Но кто? Неужели она действительно первородный демон?»

Детта рассмеялась.

«Она так говорит, но тут она лжет, сладенькая! Я знаю, кто она!»

«Тогда кто? Кем была до того, как стала Миа?»

И в этот момент начал звонить телефон, да так громко, что у Сюзанны едва не полопались барабанные перепонки. Телефонный звонок настолько не вязался с этим заброшенным замком, что поначалу Сюзанна даже не поняла, что это такое. Твари, живущие в Дискордии, гиены, шакалы, кем бы они ни были, уже затихшие, услышав этот звонок, вновь подняли лай.

А вот Миа, ничья дочь, мать Мордредра, сразу поняла, что это за звук. И перехватила контроль над телом. Сюзанна почувствовала как окружающий ее мир туманится, из реального становится эфемерным. Превращается в картину, не слишком, кстати, хорошую, отторгает ее от себя.

— Нет! — вскричала она и бросилась на Миа.

Но Миа, беременная или нет, поцарапанная или нет, с опухшими лодыжками или нет, справилась с ней без труда. Роланд показал им несколько приемов рукопашного боя (той ее части, которая являлась Детта, приемы очень понравились), но против Миа они не помогли. Миа парировала каждый еще до того, как Сюзанна начинала его выполнять.

"Оно и понятно, она же знает все твои приемы, как знает о тетушке Талите из Речного Перекрестка и моряке Топси из Луда, потому что у нее есть доступ к твоей памяти, потому что она, до какой-то степени — ты...

И вот здесь мысли ее оборвались, потому что Миа выкрутила ей руки

за спину и, о, Боже, какую же она почувствовала боль.

«Ты же у нас всегда была неженкой», — презрительно бросила Детта, и, прежде чем Сюзанна успела ответить, случилось удивительное: мир разорвался, как лист ломкой бумаги. Разрыв потянулся от грязных бульжников пола галереи к ближайшей колонне, а потом ушел в небо. Добрался до самых звезд, развалил надвое лунный серп.

В этот самый момент Сюзанна подумала, что разрушился один или оба оставшихся Луча и Башня рухнула. А потом в разрыве увидела двух женщин на одной из двуспальных кроватей в номере 1919 отеля «Плаза-Парк». Они лежали в обнимку, с закрытыми глазами. Обе в белых, с пятнами крови рубашках и синих джинсах. И лица у них были похожи, только одну отличали ноги ниже колен, прямые шелковистые волосы и белая кожа.

— Не смей мне мешать! — прошипела Миа ей в ухо. Сюзанна почувствовала, как ее обдало слюной. — Не смей мешать мне или моему малому. Потому что я сильнее, ты меня слышишь? Я сильнее!

«Кто ж в этом сомневается, — подумала Сюзанна, когда ее утягивало в разрыв. — Во всяком случае, сейчас».

И когда она летела сквозь дыру в реальности, кожа ее одновременно горела огнем и синела от холода. Где-то далеко зазвучали колокольца Прыжка, а потом...

...она села на кровати. Одна женщина — не две, но, по крайней мере, с ногами. Сюзанну тут же грубо оттеснили назад. За рулем сидела Миа. Она и схватила телефонную трубку. Сначала приставила микрофоном к уху, потом перевернула.

— Алле? Алле!

— Алле, Миа. Меня зовут...

Она его перебила.

— Вы собираетесь оставить мне моего ребенка? Эта сука, которая сидит во мне, говорит, что нет.

Последовала пауза, сначала долгая, потом очень долгая. Сюзанна почувствовала страх Миа, сначала ручеек, потом поток. «Ты не должна так бояться, — попыталась она сказать ей. — Ведь это у тебя то, что они хотят, то, что им нужно, разве ты этого не понимаешь?»

— Алле, вы еще слушаете? Боги, вы слушайте? ПОЖАЛУЙСТА,

СКАЖИТЕ, ЧТО ВЫ СЛУШАЕТЕ!

— Я слушаю, — ответил спокойный мужской голос. — Мы должны все начинать сначала, Миа, ничья дочь? Или мне перезвонить еще раз, когда ты... придешь в себя?

— Нет! Нет, не делайте этого, не надо, я прошу!

— Больше не будешь меня перебивать? Потому что причины для этого нет.

— Я обещаю!

— Меня зовут Ричард П. Сейр, — имя это Сюзанна знала, но откуда? — Ты знаешь, куда ты должна прийти, не так ли?

— Да, — со страстным желанием ублажить. — «Дикси-Пиг», на пересечении Шестьдесят первой и Лексингтон.

— Лексингтон, — поправил ее Сейр. — Одетта Холмс поможет тебе найти это место, я уверен.

Сюзанне хотелось закричать: «Это не мое имя!» — но она промолчала. Этот Сейр хотел, чтобы она закричала, не так ли? Хотел, чтобы она потеряла контроль над собой.

— Ты здесь, Одетта? — легкая ирония. — Ты здесь, злобная сучка?

Она по-прежнему хранила молчание.

— Она здесь, — заверила его Миа. — Я не знаю, почему она не отвечает. Сейчас я ее не держу.

— О, я думаю, мне известна причина ее молчания, — в голосе Сейра слышалась снисходительность. — Прежде всего ей не нравится имя, — после чего, изменив голос процитировал человека, о котором Сюзанна слыхом не слыхивала. — «Не зовите меня больше Клей. Клей — мое рабское имя. Зовите меня Мухаммед Али!» Так, Сюзанна? Или он появился позже твоего времени? Думаю, чуть позже. Извини. Время может и запутать, не так ли? Неважно. Через минуту другую я тебе кое-что скажу, дорогая моя. Боюсь, тебе это не понравится, но, думаю, ты должна знать.

Сюзанна продолжала молчать. И молчание давалось ей все труднее.

— Что же касается ближайшего будущего твоего малого, Миа, я удивлен, что ты сочла необходимым спрашивать меня об этом, — и в голосе Сейра, таком мягком, обволакивающем, слышалась должная толика праведного возмущения. — Король выполняет свои обещания, в отличие от тех, кого я мог бы назвать. Даже если отставить в сторону вопрос честности, взгляни на чисто практические аспекты ситуации. Кто еще может растить, возможно, самого важного в истории человечества младенца... включая Христа, включая Будду, включая пророка Мухаммеда. Из чьей груди, уж извини за грубость, мы можем позволить ему сосать

молоко?

«Не слова — музыка для ее ушей, — с отвращением подумала Сюзанна. — Именно то, что она хочет слышать. А почему? Потому что она — Мать».

— Вы доверите его мне! — воскликнула Миа. — Естественно, только мне! Спасибо вам! Спасибо!

Сюзанна наконец-то заговорила. Посоветовала не доверять ему. И, само собой, ее полностью проигнорировали.

— Я никогда бы не солгал тебе, как не нарушил бы обещание, данное собственной матери, — донеслось из телефонной трубки («А была ли у тебя мать, сладенький?» — пожелала знать Детта). — Даже если правда иногда причиняет боль, ложь всегда возвращается, чтобы укунить нас, не так ли? Правда состоит в том, Миа, что твой малой не сможет пробыть с тобой долго, его детство будет не таким, как у других, обычных детей...

— Я знаю! О, я знаю!

— ...но пять лет, которые он будет с тобой... может, и семь, вполне возможно, что семь... он будет получать все самое лучшее. От тебя, разумеется, но и от нас тоже. Наше участие будет минимальным...

Детта Уокер выскочила вперед, быстрая и злобная, словно только что обожглась брызгами раскаленного масла. Лишь на мгновение ей удалось завладеть голосовыми связками Сюзанны Дин, но это мгновение она использовала на все сто.

— Совершенно верно, дорогая, совершенно верно, — пролаяла она. — Он не кончит тебе в рот или на волосы.

— Заткни пасть этой суке! — рявкнул Сейр, и Сюзанна почувствовала, как ее тряхнуло: Миа в мгновение ока скрутила Детту, которая продолжала смеяться лающим смехом, и зашвырнула в глубины их общего разума. Где и заперла за крепкой решеткой.

«Я уже сказала все, что хотела! — выкрикнула Детта. — Сказала тебе, с каким козлом ты имеешь дело!»

Теперь от голоса Сейра веяло ледяным холодом.

— Миа, ты контролируешь ситуацию?

— Да! Да, контролирую!

— Тогда не допускай повторения!

— Не допущу.

И где-то, вроде бы выше ее, хотя с определением высоты, ширины и длины в глубине разделенного разума возникали проблемы, что-то лязгнуло. По звуку железо.

«Мы действительно в камере», — сказала она Детте, но та продолжала

смеяться. Сюзанна подумала: «А я ведь практически уверена, что знаю, кто она. Помимо того, что она это я». Часть Миа, которая не была Сюзанной и того нечто, что явилось из мира пустоты, чтобы выполнить поручение Алого Короля... конечно же, третья ее часть была Оракулом, первородным или нет; женским началом, которое сначала попыталось совратить Джейка, а потом удовлетворилось Роландом. Грустный, одержимый желанием призрак. И наконец-то она получила тело, в котором нуждалась. Способное выносить малого.

— Одетта? — голос Сейра, поддразнивающий и жестокий.

— Или Сюзанна, если тебе так больше нравится. Я обещал тебе новости, не так ли? Боюсь, они у меня, как в том анекдоте, двух видов, хорошие и плохие. Ты хотела бы их услышать?

Сюзанна промолчала.

— Плохая новость — малому Миа, возможно, не удастся повторить путь своего тезки и в конце концов убить отца. Хорошая новость — через несколько минут Роланд, скорее всего, умрет. Насчет Эдди, к сожалению, сомнений у меня нет никаких. Он не может сравниться с твоим дином ни в быстроте реакции, ни в боевом опыте. Дорогая моя, очень скоро ты станешь вдовой. Это тоже плохая новость.

Она более не могла молчать, а Миа позволила ей говорить.

— Ты лжешь! Во всем!

— Отнюдь, — спокойно ответил Сейр, и тут до Сюзанны дошло, откуда она знает эту фамилию: финальная часть истории Каллагэна. Детройт, где он нарушил один из основополагающих догматов церкви и совершил самоубийство, лишь бы не попасть в руки вампиров. Каллагэн выпрыгнул из окна небоскреба, чтобы избежать такой страшной судьбы. Приземлился сначала в Срединном мире, а потом, через Ненайденную дверь, перенесся в Пограничье, где мэнни и нашли его неподалеку от Кэлла Брин Стерджис. А думал отец Каллагэн, по его же словам, когда попался в ловушку Сейра, слуг закона, вампиров, следующее: «Они не должны победить, они не должны победить». Правильно думал, и у нее в голове та же мысль, но, если Эдди умер...

— Мы знали, где и когда появятся твой дин и твой муж, пройдя через известную тебе дверь, — продолжил Сейр. — И позвонили надежным людям, начав с Энрико Балазара... Уверяю тебя, Сюзанна, с этим проблем у нас не возникло.

Сюзанна слышала искренность в его голосе. Если его слова не соответствовали действительности, он мог бы претендовать на звание лучшего в мире лжеца.

— Как вы могли это выяснить? — спросила Сюзанна. Ответа не последовало, и она уже открыла рот, чтобы повторить вопрос. Но, прежде чем смогла, ее вновь отбросило назад. Кем бы Миа не была прежде, в теле Сюзанны она обладала невероятной силой.

— Она ушла? — спросил Сейр.

— Да, ушла, на глубину, — подобострастно, с готовностью услужить.

— Тогда прошу к нам Миа. Чем быстрее ты придешь, тем быстрее сможешь взглянуть своему малому в лицо.

— Да, — воскликнула Миа, переполненная радостью, и тут же Сюзанна, буквально на мгновение уловила «картинку». Словно заглянула в щелку тента цирка-шапито и увидел разодетого клоуна.

На самом же деле увиденное ей было куда проще, но сердце у нее зашло от ужаса: отец Каллагэн покупает ломтик салами в магазине. Отрезает салами янки^[46]. А находится магазин в Ист-Стоунэме, штат Мэн, в 1977 году. Каллагэн рассказывал эту историю в своем доме... и Миа слушала.

Осознание пришло, как красное солнце, поднимающееся над полем битвы, заваленном тысячами павших. Сюзанна рванулась вперед, не боясь силы Миа, крича снова и снова:

«Сука! Предательница! Убийца! Ты сказала им, куда направит их Дверь! Где они смогут найти Эдди и Роланда! О, какая же ты СУКА!»

Силы Миа, конечно, хватало, но эта новая атака застала ее врасплох. Яростная атака, потому что и Детта вложила в нее всю свою ненависть. На мгновение совместными усилиями Сюзанне и Детте удалось отбросить захватчицу. В номере отеля трубка выпала из руки Миа. Ее саму мотало по ковру из стороны в сторону, она чуть не упала, зацепившись за край одной из кроватей, а потом закружилась, словно пьяная танцовщица. Сюзанна влепила ей оплеуху, и на шее появилась красная отметина.

«Влепила оплеуху себе, вот что я сделала, — подумала Сюзанна. — Бить оболочку, что может быть глупее?» Но она ничего не могла с собой поделать. Предательство Миа, ее невероятное предательство...

А внутри, где шло не физическое сражение (но и не совсем битва разумов), Миа наконец-то сумела схватит Сюзанну-Детту за горло и заставить отступить. Глаза Миа остались широко раскрытыми, так шокировала ее эта неожиданная атака. А может, она широко раскрыла их и

от стыда. Сюзанна надеялась, что Миа способна испытывать стыд, что это чувство не было ей чуждо.

«Я сделала то, что должна была сделать, — повторила Миа, загоня Сюзанну обратно в камеру. — Это мой малой, все против меня, я сделала то, что должна была сделать».

— Ты обменяла Эдди и Роланда на своего монстра, вот что ты сделала! — крикнула Сюзанна. — Исходя из того, что ты подслушала и передала, Сейр догадался, что они воспользуются Дверью, чтобы выйти на Тауэра, не так ли? И сколько человек выставил против них Сейр?"

Ответил ей лязг железа. За первым засовом закрылся второй. Потом третий. Миа почувствовала руки хозяйки тела на собственной шее и больше не хотела рисковать. И на этот раз заперла дверь камеры на три засова. Камеры? Черт, да с тем же успехом она могла сказать «Черной дыры Калькутты».

«Выбравшись отсюда, я отправлюсь в „Доган“ и разворочу весь пульт управления, — крикнула она. — Не могу поверить, что я пыталась тебе помочь! А теперь, хер с тобой. Рожай на улице, мне без разницы!»

«Ты не сможешь отсюда выбраться, — в голосе Миа вроде бы слышались извиняющиеся нотки. — Потом, если смогу, я оставлю тебя в покое...»

«О каком покое для меня ты говоришь, если Эдди мертв? Не удивительно, что ты хотела снять с меня его кольцо! Ты просто не могла допустить, чтобы оно прикасалось к твоей коже, после всего того, что ты сделала».

Миа подняла трубку, приложила к уху, но более не услышала Ричарда П. Сейра. «Вероятно, — подумала Сюзанна, — он отправился в другое место, чтобы там отравлять людям жизнь». Миа положила трубку на рычаг, оглядела пустую, безликую комнату, так оглядываются люди, зная, что больше здесь не появятся, и желая убедиться, что не забыли ничего важного. Похлопала по одному из карманов джинсов, нащупала пачку денег. Коснулась другого, убедилась, что черепашка, scolpadda, на месте.

«Извини, — сказала Миа, — я должна заботиться о своем малом. И сейчас все играют против меня».

«Это не правда, — ответила Сюзанна из темницы, в которую бросила ее Миа. И где она находилась, эта темница? В подземелье под Замком-над-бездной? Возможно. Какое это имело значение? — Я была на твоей стороне. Я тебе помогала. Я остановила твои чертовы схватки, когда их потребовалось остановить. И посмотри, что ты сделала? Как ты могла поступить так трусливо и низко?»

Рука Миа замерла над дверной ручкой, щеки залило румянцем. Да, она стыдилась за содеянное, все так. Но стыд не мог ее остановить. Ничто не могло ее остановить. До тех пор, пока она не поймет, что и ее предали, Сейр и его друзья.

Но осознание неизбежности этого предательства не приносили Сюзанне ни малейшей удовлетворенности.

«Ты проклята, — выдохнула она. — И ты знаешь об этом, не так ли?»

— Меня это не волнует, — ответила Миа. — Вечность в аду — справедливая цена за возможность взглянуть моему малому в лицо. Слушай меня и слушай внимательно, прошу тебя.

А потом Миа, неся с собой Сюзанну и Детту, открыла дверь номера отеля, вышла в коридор и сделала первый шаг на пути к «Дикси-Пиг», где уже ждали ужасные хирурги, чтобы принять роды не менее ужасного младенца.

КУПЛЕТ:

Commala — mox — nix!

You are in a nasty fix!

To take the hand in a traitor's glove

Is to grasp a sheaf of sticks!

ОТВЕТСТВИЕ:

Commala — come — six!

Nothing there but thorns and sticks!

When you find your hand in a traitor glove

You are in a nasty fix.

Строфа 7. Засада

1

Роланд Дискейн был последним из великих воинов Гилеада, и, пожалуй, самым лучшим из них, во многом благодаря по-своему романтической натуре, отсутствию воображения и смертоносным рукам. Теперь его конечности поразил артрит, но сухой скрут никоим образом не отразился ни на остроте слуха, ни на зоркости глаз. Он слышал, как голова Эдди ударилась о боковую стойку коробки Ненайденной двери, когда их засосало в проем (и, наклонив голову, в последнюю долю секунды успел уйти от контакта с верхней перекладиной дверной коробки). Он слышал пение птиц, поначалу странное и далекое, словно птицы пели в его сне, потом оно приблизилось и стало совершенно обычным. Солнечный свет ударил в лицо и, наверное, ослепил бы, учитывая, что Роланд с Эдди вышли в него из глубокого сумрака пещеры. Но глаза Роланда превратились в узкие щелочки в тот самый момент, как он увидел этот яркий свет. Прищурился он автоматически, даже не думая об этом. А если бы не прищурился, не заметил бы яркую круглую вспышку по правую руку от него в тот самый момент, когда он и Эдди коснулись твердой, темной земли. И Эдди бы точно умер. Возможно, умерли бы они оба. Но опыту Роланд знал, что такие идеально круглые вспышки бывают лишь в двух случаях: если солнце отражается от очков или оптического оружейного прицела.

Автоматически, точно так же, как прищуривал глаза, стрелок ухватил Эдди под рукой за рубашку. Он почувствовал, как напряглись мышцы молодого мужчины, когда их ноги отрывались от забросанного камнями и костями пола Пещеры двери, почувствовал, как они расслабились после удара головой о боковую стойку. Но Эдди стонал, пытался что-то сказать, то есть не потерял сознание.

— Эдди, за мной! — проревел Роланд, поднимаясь, поставил на ноги и Эдди. Боль взорвалась в правом бедре, спустилась почти до колена, но он не подал и вида. Едва заметил ее. Тащил Эдди к зданию, к какому-то зданию, мимо ряда, даже Роланд знал, что это такое, заправочных колонок. Только их украшал логотип «МОБИЛ», а не «СИТГО» или «СУНОКО», знакомые стрелку.

Эдди, возможно, не потерял сознание, но в тот момент мало что соображал. По его левой щеке текла кровь из раны на голове. Тем не менее, ногами он шевелил, как мог, и с помощью Роланда преодолел три деревянные ступеньки, ведущие, как теперь уже понял Роланд, к местному универсальному магазину. Размерами он заметно уступал магазину Тука, но в остальном не сильно...

Сзади и чуть слева гроыхнуло. Стрелявший находился так близко, что Роланд сразу понял: раз слышит выстрел и ничего не чувствует, значит, пуля летит мимо.

И действительно, тут же около уха раздалось: «Вж-ж-ж-ж!» Витрина магазинчика разлетелась вдребезги, осколки посыпались в торговый зал. Табличка, висевшая на двух шнурках, с надписью «МЫ ОТКРЫТЫ, ТАК ЧТО ЗАХОДИТЕ В ГОСТИ» подпрыгнула и завертелась.

— Ролан... — голос Эдди, слабый и далекий, словно он говорил с набитым ртом. — Ролан... что... кто... О-ох! — последний изумленный вскрик последовал после того, как Роланд с такой силой втолкнул Эдди в дверь, что тот шлепнулся на пол, а сам Роланд тут же упал на него.

Вновь гроыхнуло, стрелял все тот же человек, и винтовка у него была очень мощная, большого калибра. Роланд услышал, как кто-то закричал: «Твою мать, Джек!» — после чего затарахтел скорострел, Эдди и Джейк называли его автоматом.

Еще две пыльные витрины, по обе стороны двери разлетелись мелкими осколками. Бумажки, которые висели в них, какие-то объявления для жителей городка, Роланд в этом не сомневался, подбросило к потолку, после чего они спланировали на пол.

В магазине в этот момент находились только три покупателя, две женщины и пожилой джентльмен. Все трое, конечно же, повернулись к входной двери, к Роланду и Эдди, и на их лицах читалось непонимание, свойственное всем людям, никогда не державшим в руках оружие. Роланд, случалось, называл такое выражение лица жвачным, словно видел в этой троице, жители Кэллы Брин Стерджис, в большинстве своем ничем от нее не отличались, овец, а не людей.

— На пол! — проревел Роланд, лежа на своем находящемся в полубессознательном состоянии, а теперь еще и пытающемся отдышаться, напарнике. — Ради любви к вашим богам, НА ПОЛ!

Пожилой джентльмен в клетчатой фланелевой рубашке выпустил из руки банку с изображением помидора на ней, и повалился на пол. Женщины — нет, и вторая очередь скорострела убила их обоих: первой пули прошли грудь, второй — снесли верхнюю часть головы. Женщина с

простреленной грудью рухнула, как мешок с зерном. Со снесенной макушкой — сделала два шага к Роланду, кровь из раны изливалась на волосы, как лава из вулкана. На улице «заговорили» второй и третий скорострелы, наполняя день шумом, наполняя воздух над ними свинцовыми пулями. Женщина с отстреленной макушкой повернулась вокруг оси, взмахивая руками и, наконец, свалилась на пол. Роланд потянулся за револьвером и облегченно вздохнул, обнаружив, что он по-прежнему в кобуре: пальцы обхватили такую родную, отделанную сандаловым деревом рукоятку. Риск оправдался. Оружие перенеслось вместе с ними. И они с Эдди попали в этот мир не посредством Прыжка. Стрелявшие их видели, видели их очень хорошо.

Более того. Они их поджидали.

— Вперед! — кричал кто-то. — Вперед, вперед, не давайте им шанс очухаться, вперед, кретины!

— Эдди! — проревел Роланд. — Эдди, мне нужна твоя помощь!

— Ч..? — едва слышно, ничего не соображая. И смотрел Эдди на него только одним глазом. Правым. Левый залила кровь из раны на голове.

Роланд протянул руку и вlepил ему затрещину, достаточно сильную, чтобы брызги крови полетели во все стороны.

— Охотники! Идут, чтобы убить нас! Убить всех, кто здесь есть!

Взгляд (само собой, только правого глаза) обрел осмысленность. И быстро. Роланд понимал, каких это стоило усилий, не просто прийти в себя, но прийти в себя с такой скоростью, учитывая жуткую боль в голове, и почувствовал гордость за Эдди. Он ни в чем не уступал Катберту Олгуду. Стал вернувшимся к жизни Катбертом.

— Что тут творится? — спросил кто-то осипшим, нервным голосом. — Что тут, черт побери, творится?

— Лежать, — не оглядываясь, ответил Роланд. — Если хотите жить, оставайтесь на полу.

— Делай, что он говорит, Чип, — добавил второй голос. Роланд подумал, что принадлежал он мужчине в возрасте, который держал банку с нарисованным на ней помидором.

Роланд пополз по полу, усыпанному осколками стекла, не обращая внимания на то, что впивались в руки и колени. Пуля просвистела у виска. Роланд даже не дернулся. За разбитыми окнами магазина стоял прекрасный летний день. У заправочных колонок с надписью «МОБИЛ» перед магазином Роланд видел старый автомобиль, принадлежащий то ли женщинам, то ли мистеру Фланелевая рубашка. За колонками и автостоянкой проходила асфальтированная дорога. По другую ее сторону

расположились несколько серых, чем-то похожих зданий. На одном висела большая вывеска «МУНИЦИПАЛИТЕТ СТОУНЭМА», на втором «ПОЖАРНАЯ И СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА СТОУНЭМА», на третьем и самом большом — «ГОРОДСКОЙ ГАРАЖ». На стоянке перед этими зданиями, тоже заасфальтированной (Роланд бы сказал, что она покрыта металлом), автомобилей было больше, один размерами превосходил большой фургон. Из-за них выскочили человек семь или восемь и помчались к магазину. Один держался сзади, и Роланд его узнал: Джек Андолини, правая рука Энрико Балазара. Такие уродливые физиономии не забывались. Стрелок видел, как этот человек умер, подстреленный и сожженный живьем омароподобными чудовищами, которые населяли мелководье Западного моря, но теперь Андолини вновь стоял перед ним. Потому что вокруг оси, которая звалась Темной Башней, вращалось бесконечное множество миров, и, пройдя через Ненайденную дверь, они оказались в другом. Однако, только один мир был настоящим, истинным. Мир, где человек, умирая, умирал навсегда. Возможно, этот мир был настоящим, возможно, и нет. В любом случае, Роланд не мог позволить себе такую роскошь, как думать и волноваться об этом.

Встав на колени, Роланд открыл огонь, взводя курок ребром ладони правой руки, целясь прежде всего в парней со скорострелами. Один из них рухнул мертвым на белую разделительную полосу дороги, кровь струей захлестала из горла. Второго отбросило назад на земляную обочину дороги, с дырой между глаз.

А тут и Эдди оказался рядом с ним, стреляя из второго револьвера Роланда. Первые две пули не нашли цель, удивляться этому не приходилось, учитывая его состояние. Зато три следующие уложили троих: двое упали мертвыми, третий завопил: «Я ранен! Джек, помоги мне, у меня пуля в животе!»

Кто-то схватил Роланда за плечо, не отдавая себе отчета в том, как это опасно, прикоснуться к стрелку, тем более во время боя.

— Мистер, что тут...

Роланд искоса глянул на голос, увидел мужчину лет сорока, в галстук и фартук мясника, успел подумать: «Хозяин магазина, должно быть, он и объяснял Каллагэну, как пройти на почту», а затем с силой оттолкнул мужчину. Спустя долю секунды с левой стороны головы мужчины брызнула кровь. Касательное ранение, предположил Роланд, ничего серьезного. А вот если бы Роланд не оттолкнул его...

Эдди перезарядил револьвер. Роланд сделал то же самое, но чуть медленнее. Тем временем двое из оставшихся в живых охотников укрылись

за одним из старых автомобилей на ближней к магазину стороне дороги. Очень уж близко от них. И это плохо. Роланд услышал приближающийся шум мотора. Посмотрел на мужчину, которому хватило ума послушаться Роланда, упасть на пол и избежать участи женщин.

— Эй! — позвал Роланд. — У тебя есть пистолет?

Мужчина во фланелевой рубашке покачал головой. Его синие глаза ярко блестели. Он испуган, да, решил Роланд, но не в панике. Перед этим покупателем, раскинув ноги, сидел хозяин магазина и в изумлении смотрел, как красные капли падают и пятнают белый фартук.

— Магазищик, у тебя есть пистолет? — спросил Роланд.

Прежде чем хозяин магазина успел ответить, если он вообще мог ответить, Эдди схватил Роланда за плечо. «Атака легкой бригады»^[47], — воскликнул он. Слова слились в одно, буквы путались и налезали друг на друга, получилось что-то вроде «атаалекобликаты», но Роланд все равно не понял бы, о чем речь. Но главное заключалось в том, что Эдди увидел еще шесть человек, которые бежали через дорогу. На этот раз рассыпавшись и зигзагом.

— Давай, давай, давай! — подгонял их Андолини, размахивая обеими руками.

— Господи, Роланд, это же Трикс Постино, — вырвалось у Эдди. Трикс вновь тащил какой-то огромный карабин, хотя Эдди и не мог сказать, что это модификация «М-16» большего калибра, которую тот называл «чудесная машина Рэмбо». В любом случае, Триксу повезло не больше, чем в перестрелке в «Падающей башне»^[48]. Эдди выстрелил, и Трикс повалился на парня, уже лежащего на дороге, не снимая пальца со спускового крючка, паля по ним из своего огромного карабина. Возможно, в пальбе этой не было ничего героического, просто умирающий мозг посылал последние сигналы в указательный палец правой руки, но Эдди и Роланду вновь пришлось плашмя броситься на пол, и еще пятеро бандитов сумели укрыться за старыми автомобилями на этой стороне дороги. Ситуация менялась к худшему. Поддержанные огнем прикрытия из-за автомобилей на другой стороне дороги, автомобилей, на которых и приехали эти парни, в этом Роланд не сомневался, в самом ближайшем будущем они могли превратить маленький магазинчик в стрелковый тир, без особой опасности для себя.

Все это очень уж напоминало случившееся на Иерихонском холме.

Так что пришло время трубить отход.

Шум приближающегося автомобиля продолжал нарастать, большой

двигатель, тяжелый груз, судя по звуку. И действительно, на вершине холма, слева от магазина, показался огромный лесовоз, груженный спиленными, в три обхвата стволами. Роланд увидел, как широко раскрылись глаза водителя, как отвисла его челюсть, и почему нет? Перед магазинчиком маленького городка, рядом с которым он, несомненно, останавливался много раз, чтобы купить там бутылочку пива или эля в конце долгого, жаркого дня в лесу, на дороге лежало с полдюжины окровавленных тел, прямо-таки солдат, убитых в бою. И Роланд точно знал, что они и были солдатами, пусть и не регулярной армии.

Заскрежетали тормоза передних колес лесовоза. Тут же включились пневматические задних. К скрежету тормозов добавился визг гигантских черных шин, которые и заблокированные продолжали двигаться по асфальту, оставляя дымящийся черный след. Многотонный груз лесовоза повело в сторону. Роланд видел, как от стволов летят щепки, потому что бандиты на другой стороне дороге не прекращали стрельбу. Что-то застораживающее было в этом лесовозе и кренящихся бревнах, чем-то напоминал он погибших чудовищ Эльда, падающих с неба с объатыми огнем крыльями.

Безлошадный передний торец лесовоза накрыл первое тело, потом оно угодило под переднее колесо. Красными веревками полетели кишки. Ноги и руки оторвало, наконец, голова Трикса Постино лопнула, как грецкий орех, взорвавшийся в огне. Стволы, заваливались все сильнее и грозили перевернуть платформу. Колеса, высота которых доходила Роланду до плеча, с шипением продвигались вперед, поднимая тучи кровавой пыли. Лесовоз, все более замедляя ход, величественно скользил мимо магазина. Водителя в кабине Роланд уже не видел. На мгновение лесовоз отрезал магазин и находящихся внутри людей от бандитов, которые вели огонь с другой стороны дороги. Хозяин магазина, Чип и единственный выживший покупатель, мистер Фланелевая рубашка, смотрели на проплывающий мимо лесовоз, на лицах читалось беспомощность и изумление. Хозяин магазина рассеянно вытирал кровь, которая стекала из раны на щеку, и, как воду, сбрасывал капли на пол. Рана-то у него серьезнее, чем у Эдди, подумал Роланд, только он этого еще не понял. Может, оно и к лучшему.

— Отходим, — приказал стрелок Эдди. — Немедленно.

— Дельная мысль.

Роланд схватил мужчину во фланелевой рубашке за руку. Взгляд мужчины переместился с лесовоза на стрелка. Роланд мотнул головой в сторону дальней от фронтона стены магазина, и пожилой джентльмен тут же кивнул. В том, что сообщает он быстро, двух мнений быть не могло.

Снаружи платформа лесовоза, наконец-то перевернулась, аккуратно на один из старых автомобилей (и, с надеждой подумал Роланд, прятавшихся за ним охотников). Покатились бревна, скрежет раздавленного металла напрочь заглушил ружейный огонь.

Эдди схватил магазинщика точно так же, как Роланд — второго мужчину, но Чип не продемонстрировал ни сообразительности, ни стремления выжить, свойственные мистеру Фланелевая рубашка. Он продолжал смотреть на дыры, окаймленные осколками стекла, которые совсем недавно были витринами магазина, и его глаза раскрылись еще шире, хотя, казалось, что дальше некуда, когда лесовоз вошел в последнюю стадию самоуничтожения: тягач оторвался от перевернувшийся платформы и, съехав по склону мимо магазина, нырнул в придорожный лес. Стволы же продолжали раскатываться, поднимая облако пыли и оставляя за собой вздыбленную землю, расплюснутый «шевроле» и еще двух раздавленных охотников.

Однако, живых было гораздо больше. Так, во всяком случае, показалось Эдди, потому что стрельба возобновилась с новой силой.

— Давай, Чип, пора сматываться, — рявкнул Эдди, и силком потащил Чипа в глубь магазина. Чип пошел, продолжая оглядываться через плечо и вытирая кровь со щеки.

В глубине магазина, в левой части, находился пристроенный зал для ленча, с прилавком, несколькими табуретками, тремя или четырьмя столами. Тут же стоял кофейный столик, на котором лежали старые глянцевого женские журналы. Когда они добрались до этой части магазина, интенсивность стрельбы усилилась. Но потом прекратилась, заглушенная взрывом. Топливный бак лесовоза, догадался Эдди. Услышал посвист пули, увидел, черная дыра появилась в башне маяка, изображенного на картине, которая висела на стене.

— Кто эти люди? — спросил Чип ровным, будничным голосом. — Кто вы? Я ранен? Мой сын служил во Вьетнаме, знаете ли. Вы видели этот лесовоз?

Эдди не ответил ни на один вопрос, только кивнул, улыбнулся и потащил Чипа следом за Роландом. Он понятия не имел, куда они идут и как будут выбираться из этой передраги. Наверняка знал только одно: Келвина Тауэра в магазине точно нет. Что, вероятно, следовало считать

плюсом. Тауэр мог обрушить на них весь этот адский огонь, а мог и не обрушить, но в том, что адский огонь обрушился на них из-за Тауэра, сомнений у Эдди не было. Если бы только старина Кел...

Огненная игла внезапно пронзила левую руку Эдди, и он вскрикнул от удивления и боли. Мгновением позже вторая вонзилась в голень. Нижняя часть правой ноги просто взорвалась об боли, и он вскрикнул вновь.

— Эдди! — Роланд оглянулся. — Ты...

— Да, все нормально, иди, иди!

Они приблизились к тонкой стене из древесноволокнистых плит с тремя дверьми: «ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ», «ДЛЯ ДЕВОЧЕК», «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ».

— ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ, — крикнул Эдди, посмотрел вниз и увидел кровавую дыру на правой штанине джинсов, на три дюйма ниже колена. Пуля не раздробила колена, что было хорошо, но, мамочка родная, болела нога ужасно. Над его головой разлетелась лампа. Осколки стекла посыпались на голову и плечи Эдди.

— Я застрахован, но одному Богу известно, покроет ли страховка такой ущерб, — будничным голосом Чипа не изменился ни на йоту. Он все стирал кровь с лица, потом стряхивал с пальцев на пол, оставляя цветочные пятна теста Роршаха. Пули так и свистели вокруг. Эдди увидел, как одна чиркнула по воротнику Чипа. Джек Андолини, старина Двойной Уродец, что-то кричал на итальянском. И Эдди почему-то не думал, что он приказывает своим людям отступать.

Роланд и покупатель во фланелевой рубашке уже проскочили через дверь. Эдди последовал за ними, поддерживаемый лошадиной дозой адреналина, выплеснувшегося в кровь, таща с собой Чипа. Они оказались в подсобке, довольно-таки приличных размеров. Энди учуял какие-то приправы, мяту, но, прежде всего, кофе.

Теперь уже мистер Фланелевая рубашка показывал дорогу. Роланд следом за ним шел по центральному проходу подсобки, мимо поддонов, на которых стояли ящики с консервами. Эдди хромал за ними, не отпуская хозяина магазина. Старина Чип потерял много крови, и Эдди думал, что он в любой момент может грохнуться в обморок, но Чип, наоборот, оживлялся. Все спрашивал Эдди, что произошло с Рут Бимер и ее сестрой. Если Чип спрашивал про женщин, которые оказались в магазине, когда началась стрельба (а Эдди полагал, что именно о них Чип и спрашивал), ему оставалось только надеяться, что память не сразу вернется к Чипу.

В дальней стене подсобки была еще одна дверь. Мистер Фланелевая рубашка открыл ее и уже хотел выйти. Роланд схватил его за рубашку,

оттолкнул от двери, вышел первым, низко пригнувшись. Эдди поставил Чипа рядом с мистером Фланелевая рубашка, а сам встал перед ними. Позади пули пробивали дверь с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ», создавая удивленные белые глаза дневного света.

— Эдди! — позвал Роланд. — Ко мне!

Эдди прохромал через дверной проем. Они стояли на разгрузочной площадке. За ней простирался акр неухоженного двора. Справа Эдди увидел какие-то бочки, слева — два больших мусорных контейнера, но у него сложилось впечатление, что мусор бросали куда угодно, только не в контейнеры. Картину дополняли несколько горок из банок из-под пива, достаточно больших, чтобы вызвать интерес археологов будущих столетий. «Ничего такого, на чем может отдохнуть глаз, если выйти на заднее крыльцо после тяжелого трудового дня», — подумал Эдди.

Роланд указывал револьвером еще на одну заправочную колонку, только более древнюю и старую в сравнении с теми, что находились перед магазином. С написанными на ней двумя буквами.

— "ДТ", — прочитал их Роланд. — Это что-то вроде бензина? Да?

— Да, — кивнул Эдди. — Чип, колонка дизельного топлива работает?

— Конечно, конечно, — ответил Чип, все также буднично. — Многие здесь заправляются.

— Я знаю, как с ней управляться, — подал голос Фланелевая рубашка. — Вы уж позвольте мне, она капризная. Вы и ваш дружок сможете меня прикрыть?

— Да, — кивнул Роланд. — Лей туда, — и указал на подсобку.

— Эй, нет, — удивленно возразил Чип.

Сколько все это заняло времени? Эдди сказать не мог, во всяком случае, наверняка. Зато мог гарантировать, что лишь раз в жизни ощущал такую вот остроту чувств: когда добивал загадками Блейна Моно. Они реагировали на малейший нюанс, даже на изменение боли в правой ноге, где пуля могла задеть, а могла и не задеть кость. Он чувствовал, как отвратительно пахнет на заднем дворе: гнилым мясом, плесенью, дрожжами, человеческими испражнениями, и одновременно улавливал чудесный запах хвойного леса, который начинался буквально за забором. Он слышал гудение самолета, который летел где-то далеко-далеко. Он знал, что любит мистера Фланелевая рубашка, потому что мистер Фланелевая рубашка был здесь, рядом, связанный с ним и Роландом едва ли не самыми крепкими узами на свете. Но время? Нет, сколько прошло времени, он сказать не мог, но полагал, что приказ отступить Роланд подал не более чем девяносто секунд тому назад, ибо в противном случае их бы смяли,

независимо от того, перевернулся бы лесовоз или нет.

Роланд указал налево, сам повернулся вправо. Он и Эдди стояли на платформе для разгрузки спиной к спине, на расстоянии каких-то шести футов, подняв револьвер к щеке, словно дуэлянты, ожидающие команды повернуться лицом друг к другу. Мистер Фланелевая рубашка спустился по лесенке в конце разгрузочной площадки, настоящий живчик, взялся за хромированную ручку на боковой поверхности колонки, начал ее быстро-быстро вращать. Цифры в маленьких окошечках побежали назад, но, вместо того, чтобы вернуться к четырем нулям, застыли на 0019. Фланелевая Рубашка попытался довернуть рукоятку. Потом, поняв, что она дошла до упора, сдернул «пистолет» шланга с ржавого крюка.

— Джон, нет! — воскликнул Чип. Он все еще стоял в дверном проеме, подняв обе руки, одну чистую, вторую — по локоть в крови.

— Отойди в сторону, Чип, а не то тебя...

Два человека выбежали из-за угла магазина со стороны Эдди. Оба в джинсах и фланелевых рубашках, только, в отличие от рубашки джентльмена в возрасте, эти выглядели совершенно новенькими, с еще не разглаженными складками на рукавах. Эдди не сомневался, что купили их именно для этой поездки в Ист-Стоунэм. И одного из бандитов Эдди узнал, узнал очень хорошо: в последний раз видел его в «Манхэттенском ресторане для ума», книжном магазине Келвина Тауэра. Однажды Эдди уже убил этого парня. Десять лет спустя, в «Наклонной башне», берлоге Балазара, из того же револьвера, который сейчас держал в руке. В голову пришли строчки из старой песни Боба Дилана, что-то насчет цены, которую ты платишь за то, чтобы пройти через все дважды.

— Эй, Большой Нос! — крикнул Эдди (похоже, кричал так всякий раз, встречая этого представителя болотной живности). — Как поживаешь?

По правде говоря, выглядел Джордж Бьонди не очень. Даже собственная мать не назвала бы его красавцем и в лучшие дни (а все из-за чудовищных размеров носа), а тут его лицо опухло и сильно изменило цвет из-за синяков, которые только-только начали бледнеть. Особенно выделялся синяк промеж глаз.

«Это я его так отделал, — подумал Эдди. — На складе в магазине Тауэра». Так оно и было, но только казалось, что произошло все это тысячью годами раньше.

— Ты, — Джордж Бьонди так изумился, что даже не поднял пистолет. — Ты. Здесь.

— Я-то здесь, — ответил Эдди, — а вот тебе следовало остаться в Нью-Йорке, — и с этими словами снес Джорджу Бьонди лицо. И его

приятелю тоже.

Тем временем Фланелевая рубашка сжал рукоятку «пистолета», утопив клавишу включения колонки, и из ствола вырвалась темная струя дизельного топлива. Окатила Чипа, который что-то негодуяще вскрикнул и, пошатываясь, вышел на разгрузочную площадку.

— Это же опасно! — крикнул он. — Может начаться пожар! Прекрати это, Джон!

Джон не прекратил. Еще три человека появились из-за угла со стороны Роланда, успели взглянуть в спокойное и ужасное лицо Роланда, попытались податься назад. Умерли, не успев сделать и шага. Эдди подумал о полудюжине легковых автомобилей и большом «Уиннебейго»^[49], что стояли по другую сторону дороги, прикинул, сколько же человек послал Балазар в эту маленькую экспедицию. Конечно же, не только своих людей. И как он заплатил за наемников?

«А ему и не пришлось платить из собственного кармана, — подумал Эдди. — Кто-то отвалил ему кругленькую сумму и велел не скупиться. Набрать как можно больше людей, предпочтительнее из других городов. И этот кто-то убедил его, что парни, на которых им придется охотиться, заслуживают того, чтобы к ним отнеслись серьезно».

Из магазина донесся глухой удар. Зола вылетела из трубы и исчезла на фоне темного, маслянистого дыма, поднимающегося над местом крушения тягача лесовоза. Дверь в подсобку слетела с петель, «прошагала» половину прохода, окутанная облаком дыма, упала плашмя. Скоро бандит, который бросил гранату, бросит вторую, а учитывая, что на полу уже с дюйм дизельного топлива...

— Притормози его, если сможешь, — Роланд коротко глянул на Эдди. — Пусть натечет побольше.

— Притормозить Андолини? — переспросил Эдди. — Как я это сделаю?

— Своим незакрывающимся ртом! — крикнул в ответ Роланд, и Эдди увидел удивительное, радующее глаз и греющее душу зрелище: Роланд улыбался, почти что смеялся. При этом он посмотрел на Фланелевую рубашку, Джона, и крутанул правой рукой: продолжай качать.

— Джек! — крикнул Эдди. Он понятия не имел, где в этот момент находится Андолини, поэтому крикнул в небо, насколько мог, громко. С учетом того, что вырос он на улицах Бруклина, где не привыкли к хорошим манерам, получилось очень громко.

Последовала пауза. Интенсивность стрельбы упала, потом выстрелы смолкли.

— Чего? — откликнулся Андолини. В голосе слышалось удивление, где-то даже добродушное, без злобы. Правда, Эдди сомневался, что Андолини удивило его обращение к нему. Зато твердо знал, что Джеку хочется отдать должок. Конечно, на складе книжного магазина Тауэра он получил по физиономии, но главное заключалось в другом: его там жестоко унизили. — Это ты, Шустрик? Тот самый парень, который пообещал размазать мои мозги от Нью-Йорка до Хобокена, а потом сунул мне ствол под подбородок? Слушай, отметина у меня так и осталась!

Эдди буквально видел, как Андолини, произнося эту глупую речь, одновременно машет руками, расставляя оставшихся людей в позицию для атаки. Сколько их у него осталось? Восемь, десять? Они уже многих уложили. Парочку он поставит справа от магазина. Парочку — слева. Остальные встанут за спиной мсье Гранаты. И как только Джек даст отмашку, они бросятся вперед. Аккурат в озеро дизельного топлива.

Во всяком случае, Эдди на это надеялся.

— Сегодня у меня тот же револьвер! — крикнул он Джеку. — Только на этот раз ствол я воткну тебе в задницу, если не возражаешь.

Джек рассмеялся. Легко, расслабленно. Конечно, он играл, но играл неплохо. Внутри-то у него все кипело, пульс наверняка перевалил за сто тридцать, верхнее артериальное давление — за сто семьдесят. И не потому, что он хотел отдать должок панку, который унизил его, просто близилось к завершению выполнение самого серьезного задания во всей его карьере плохиша, по значимости сравнимое с Суперкубком.

Приказ, разумеется, отдал Балазар, но на поле боя командовал Джек Андолини, фельдмаршал, и на этот раз речь шла не о том, чтобы убедить какого-нибудь бармена делиться прибылью или еврейчика, владельца ювелирного магазина на Ленокс-авеню — в необходимости защиты от тех, кто зарится на чужое. Здесь развернулось настоящее сражение. Ума Джеку хватало, во всяком случае, в сравнении с уличной шушерой, с которой доводилось общаться Эдди, когда он наркоманил в компании Генри, но Джек одновременно был и глупцом, правда, по шкале, не имеющей ничего общего с IQ^[50]. Панк, которого он сейчас поддразнивал, однажды уже побил его, и очень ловко, но Джек Андолини ухитрился про это забыть.

Струя дизельного топлива перелетала через разгрузочную платформу и разливалась по старым, покоробленным половым доскам подсобки. Сэй Янки фланелевая рубашка, вопросительно глянул на Роланда. Стрелок сначала покачал головой, потом махнул правой рукой: еще.

— А где магазинчик, Шустрик? — голос Андолини, такой же добродушный, определенно приблизился. Значит, он перешел дорогу. Эдди

решил, что Двойной Уродец направляется к магазину. И пожалел о том, что дизельное топливо не взрывается. — И где Тауэр? Отдай его нам, и мы оставим в покое тебя и твоего друга, до следующего раза.

"Конечно, — подумал Эдди и вспомнил фразу, которую иной раз произносила Сюзанна (с интонациями и голосом Детты Уокер), когда хотела выразить крайнее недоверие: «А также я не кончу тебе в рот или на волосы».

Эту засаду специально устроили для прибывающих стрелков, Эдди был в этом уверен практически на сто процентов. Плохиши могли знать, а могли и не знать, где находится Тауэр (он, конечно, не верил ни единому слову, срывающему с губ Андолини), но кто-то точно знал, где и когда появятся Роланд и Эдди, войдя в Ненайденную дверь, и поделился своими знаниями с Балазаром. «Вам нужен парнишка, который вздрючил вашего человечка, мистер Балазар? Тот самый, что прогнал из книжного магазина Джека Андолини и Джорджа Бьонди до того, как Тауэр сломался и подписал нужный вам документик? Отлично. Он появится вот в этом месте. Он и еще один тип. Между прочим, вот вам денежки, чтобы нанять небольшую армию наемников. Их может и не хватить, потому что парень крут, а его дружок еще круче, но вам может повезти. Даже если не повезет, даже если тот, кого зовут Роланд, сможет уйти, оставив за собой гору трупов... ну, прикончить парнишку — уже большое достижение. А в наемниках недостатка нет, не так ли? Само собой. Мир набит ими битком. Мир».

А как насчет Джейка и Каллагэна? Им тоже подготовили торжественную встречу, через двадцать два года после этого когда? Короткое стихотворение на заборе, огораживающем пустырь, предполагало, что они, если последовали за его женой, попадут именно туда. «СЮЗАННА-МИА, РАЗДВОЕННАЯ ДЕВОЧКА МОЯ» — это одна строка стихотворения. «ПРИШВАРТОВАЛА СВОЙ БРИГ АЖ В ДИКСИ-ПИГ В ГОДУ 99». И, если их тоже поджидали, живы ли они сейчас?

Но Эдди свято верил: если бы кто-то из их ка-тета умер, Сюзанна, Джейк, Каллагэн и даже Ёш, они с Роландом об этом бы узнали. А если он заблуждался, и идея это была лишь романтической блажью... что с того, Эдди не собирался от нее отречься.

Роланд поймал взгляд мужчины во фланелевой рубашке и провел

рукой по горлу. Джон кивнул и тут же разжал пальцы на рукоятке «пистолета», отпустив клавишу включения колонки. Чип уже стоял рядом с разгрузочной платформой и лицо его, там где не было крови, посерело. Роланд не сомневался, что в самом скором времени хозяин магазина грохнется в обморок. Что ж, невелика потеря.

— Джек! — закричал стрелок. — Джек Андолини!

— Это большой братец Шустрика? — спросил Андолини. Очень веселым голосом. И близким. Роланд решил, что он сейчас у самого магазина, возможно, на том самом месте, где появились он и Эдди, пройдя через Ненайденную дверь. То есть до новой атаки оставалось совсем ничего. Понятное дело, местность сельская, но люди здесь все равно жили. И поднимающийся столб черного дыма над перевернувшимся лесовозом кто-то уже заметил. То есть осталось совсем немного времени до того, как они все услышат приближающийся вой сирен.

— Полагаю, ты можешь называть меня его командиром, — ответил Роланд. Указал на револьвер в руке Эдди, на подсобку, потом на себя: «Жди команды», — Эдди кивнул.

— Почему бы не послать его к нам, *mi amigo*^[51]. К тебе все это не имеет никакого отношения. Я его возьму и позволю тебе уйти. Шустрик — единственный, с кем я хочу поговорить. Его ответы на мои вопросы доставят мне огромное удовольствие.

— Тебе нас не взять, — вежливым голосом ответил Роланд. — Ты забыл лицо отца своего. Ты — двуногий мешок с говном. Твоего командира зовут Балазар, и ты лижешь его грязную жопу. Другие знают об этом и смеются над тобой. «Посмотрите на Джека, — говорят они, — от этого лизожопства он становится еще уродливее».

Последовала короткая пауза.

— У вас грязный рот, мистер, — голос Андолини звучал спокойно, да только все добродушие из него исчезло. Уже не чувствовалось, что разговор забавляет его. — Но вы знаете, что говорят о палках и камнях^[52].

Издали донесся вой сирены. Роланд кивнул сначала Джону (который не отрывал от него глаз), потом Эдди. «Скоро», — предупреждал кивок.

— Балазар будет строить свои башни из карт и после того, как ты превратишься в грудку костей в безымянной могиле, Джек. У некоторых грезы становятся явью, но не у тебя. Твои так и останутся грезами.

— Заткнись!

— Слышишь сирены? Твое время практически...

— Вперед! — проорал Джек Андолини. — Вперед! Взять их! Мне

нужна голова этого старого гребаного козла, слышите? Мне нужна его голова!

Круглый черный предмет влетел в дыру, образовавшуюся на том месте, где стояла дверь «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». Еще одна граната. Роланд ее ждал. Выстрелил один раз, от бедра, и граната взорвалась в воздухе, практически разнесла тонкую стенку между подсобкой и залом для ленча. Оттуда донеслись крики удивления и боли.

— Давай, Эдди! — прокричал Роланд и начал палить в разлитое по полу подсобки дизельное топливо. Поначалу Роланд уже подумал, что ничего из его затеи не выйдет, но потом слабые язычки синего пламени появились в центральном проходе и начали распространяться к остаткам дальней от них стены. Но пламя не взметнулось к потолку. Боги, как же он хотел, чтобы в колонке было топливо, которое в этом мире называли бензином!

Роланд откинул цилиндр, выбросил отстрелянные гильзы, начал перезаряжать револьвер.

— Справа, мистер, — будничным голосом предупредил Джон, и Роланд мгновенно распластался на разгрузочной платформе. Одна пуля пролетела там, где только что была его грудь, вторая зацепила кончики длинных волос. Он успел зарядить только три из шести гнезд барабана, на одно больше, чем ему потребовалось. Два охотника упали на спину с одинаковыми дырами по центру лба, чуть ниже линии волос.

Еще один бандит выскочил из-за угла магазина со стороны Эдди, увидел, что Эдди поджидает его с хищной усмешкой на окровавленном лице. Бандит тут же отбросил пистолет и начал вскидывать руки. Пуля Эдди пробила ему сердце еще до того, как они поднялись на уровень плеч. «Он учится, — подумал Роланд. — Да помогут ему боги, но он учится».

— По моему разумению, огонь слишком медленно разгорается, парни, — заметил Джон, забираясь на разгрузочную платформу. Подсобку заполнял дым от расстрелянной гранаты, но пули продолжали лететь сквозь него. Джон не обращал на них ни малейшего внимания, и Роланд поблагодарил ка за то, что на их пути оказался такой хороший человек. Такой мужественный человек.

Джон достал из кармана брюк прямоугольную серебристую коробочку, откинул крышку и большим пальцем вертанул маленькое колесико. Над коробочкой возник приличных размеров язык пламени. Вот эту горящую коробочку Джон и бросил в подсобку. И в том месте, где она упала в дизельное топливо, ярко вспыхнул огонь и начал быстро распространяться по подсобке.

— Что с вами такое? — бушевал Андолини. — Возьмите их!

— Приходи сам и возьми нас! — крикнул Роланд. Он уже спрыгнул с разгрузочной платформы и дернул Джона за штанину. Джон последовал его примеру и упал бы, если б Роланд не поддержал его. А Чип, магазинщик, именно в этот момент решил отключиться, со стоном, похожим на вздох повалился на замусоренную землю.

— Да, приходи! — поддакнул Эдди, слезая с платформы. — Возьми Шустрика, возьми паршивого Шустрика, не посылай мальчишек делать мужскую работу, слышишь меня? Сколько у тебя было парней, два десятка? А мы все стоим на своих ногах! Так что приходи! Приходи и возьми нас сам! Или ты хочешь до конца своих дней лизать жопу Балазару?

Новые пули полетели сквозь дым и пламя, но охотники, оставшиеся в магазине, не выказывали желания форсировать огненное озеро. Никто не появлялся и из-за углов.

Роланд указал на правую голень Эдди, куда попала пуля. Эдди поднял руку с оттопыренным большим пальцем, но брючина ниже колена потемнела от крови, а при каждом шаге в сапоге хлюпало. Боль же пульсировала в такт сердцебиению. Однако, он все больше склонялся к тому, что кость не задета. «Может, — признавался он себе, — причина в том, что я хочу в это верить».

К первой сирене присоединились две или три новых, и все они приближались.

— Вперед! — провизжал Джек. Чувствовалось, что он на грани истерики. — Вперед, трусливые сучьи дети, возьмите их!

Роланд полагал, что оставшиеся в живых плохиши могли атаковать их двумя минутами раньше, может, тридцатью секундами раньше, если бы Андолини лично возглавил атаку. Но теперь о лобовой атаке не могло быть и речи, и Андолини не мог не понимать, что, поведи он своих людей вокруг любого из углов магазина, Роланд и Эдди расстреляли бы их, как глиняных птичек в ярмарочном тире. Единственное, что ему оставалось, это осада или обходной маневр через лес, но и первый, и второй варианты требовали времени, которого у Андолини не было. Впрочем, не мог он и оставаться у магазина. В этом случае ему пришлось бы иметь дело с местными полицейскими или пожарниками, в зависимости от того, кто подъехал бы первым.

Роланд подтянул к себе Джона, чтобы перейти на шепот.

— Нам нужно немедленно убираться отсюда. Ты нам поможешь?

— Ага, думаю, да, — ветер переменился. Воздух втягивало в магазин через разбитые витрины и выдувало через дверь черного хода, благо стена,

отделявшая магазин от подсобки приказала долго жить. Клубы черного, маслянистого дыма от горящего дизельного топлива заполняли двор. Джон закашлялся, замахал рукой, разгоняя дым. — Следуйте за мной. И смотрите под ноги.

Джон поспешил через заваленный мусором двор. Переступил через разломанный ящик, проскользнул между ржавой мусоросжигательной печью и грудой еще более ржавых железяк. На одной из них Роланд увидел слова, которые встречались ему в его странствиях: «ДЖОН ДИР»^[53].

Роланд и Эдди шли спиной вперед, прикрывая Джона, то и дело оглядываясь, чтобы не споткнуться. Роланд не терял надежды, что Андолини все-таки решится на последнюю атаку, и он убьет его, как однажды уже убил. Случилось это на берегу Западного моря, а теперь он вновь попался на пути стрелка, десятью годами моложе.

«Тогда как я, — думал Роланд, — чувствую себя на тысячу лет старше».

Однако, слова эти были далеки от истины. Да, теперь он страдал, наконец-то, от болезней, свойственных преклонному возрасту. Но у него был ка-тет, существование которого зависело от него, не просто ка-тет, но состоящий из стрелков, они вдохнули в него новую жизнь, чего он никак не ожидал. Вновь появились люди, которых он хотел сберечь и защитить, которые стали дороги ему никак не меньше Темной Башни. Вот он и надеялся, что Андолини поведет своих бандитов в последнюю атаку. Потому что чувствовал: убив Андолини в этом мире, он убьет его навсегда. Этот мир был другим. Более реальным, чем все другие миры, включая его собственный. Он чувствовал это каждой косточкой, каждым нервом. Роланд вскинул голову и увидел то, что и ожидал: облака, вытянувшиеся в линию. Из замусоренного двора в лес уходила тропка, начинающаяся меж двух гранитных глыб. И здесь Роланд увидел елочкообразные тени, накладывающиеся друг на друга, но все равно указывающие направление. Ему пришлось присмотреться, чтобы увидеть их, но, раз увидев, он понял, что ошибки быть не может. Как и Нью-Йорк, в котором они нашли мешок на пустыре и где Сюзанна увидела бродячих мертвяков, это был настоящий мир, тот самый, в котором время бежало только в одном направлении. Они смогли бы попасть в будущее, если б нашли дверь, как, он в этом не сомневался, попали туда Джейк и Каллагэн (Роланд тоже помнил стихотворение, написанное на заборе, и теперь понимал, как минимум, его часть), но вот вернуться в прошлое возможности у них не было. Это был настоящий мир, где поговорка «Сделанного не вернешь» являлась абсолютной истиной, наиболее близкий к Темной Башне. И они по-

прежнему находились на Тропе Луча.

Джон уводил их в лес, вниз по склону, подальше от поднимающихся столбов черного дыма и нарастающего воя сирен.

4

Они не прошли и четверти мили, как Эдди заметил среди деревьев синие блики. Ноги скользили на усыпавших тропу сосновых иголках, и когда им осталось преодолеть последний пологий склон, ведущий к длинному, узкому и неописуемо красивому озеру, Эдди увидел, что с одной стороны тропы чьей-то заботливой рукой поставлен поручень. Привела тропа к маленькому пирсу, вдающемуся в озеро. У пирса чуть покачивалась на воде моторная лодка.

— Это моя, — пояснил Джон. — Я пришел в магазин за продуктами и ленчем. Не ожидал никаких приключений.

— Что ж, зато получили их по полной программе.

— Это точно. Будьте осторожны, а то остаток пути придется преодолевать на пятой точке, — Джон ловко добрался до озера, держась за поручень для подстраховки и, скорее скользя, чем переступая ногами. Эдди заметил, что башмаки у него старые, изношенные, какие, в основном, и носили в Срединном мире.

Спустился следом, стараясь не нагружать раненую ногу. Роланд замкнул колонну. Внезапно за лесом прогремел взрыв, внезапный и резкий, совсем, как первый выстрел из винтовки большого калибра, только куда более громкий.

— Это пропан Чипа, — пояснил Джон.

— Не понял? — Роланд вопросительно посмотрел на него.

— Газ, — ответил Эдди. — Он хотел сказать, газ.

— Ага, газ для плиты, — Джон забрался в лодку, схватился за шнур стартера. Навесной компактный двадцатисильный мотор завелся сразу, с пол-оборота. — Залезайте, ребята. Пора нам отсюда сматываться, — добавил он.

Эдди не заставил просить себя дважды. Роланд задержался на мгновение, чтобы трижды постучать себя по горлу. Эдди вспомнил, что Роланд прибегает к этому ритуалу всякий раз, когда предстоит пересечь открытую воду, и решил, что при случае надо спросить стрелка, что сие означает. Но такого шанса ему не представилось; прежде чем вопрос этот вновь пришел ему в голову, между ними проскользнула смерть.

Плоскодонка легко и грациозно буквально летела над водой, как и любая легкая лодка с мощным мотором, догоняя собственную тень под бездонным голубым летним небом. За их спиной облако черного дыма пачкало эту синеву, поднимаясь все выше и выше, расширяясь с каждой минутой. Десятки людей, в большинстве своем в шортах, плавках или купальниках, стояли на берегах маленького озера, повернувшись к дымовому облаку, ладонями прикрывая глаза от солнца. Лишь некоторые удостоили взглядом проплывающую мимо моторку.

— Это Кейвадин-Понд, на случай, если вы не знаете, — нарушил молчание Джон. Указал вперед, еще на один вдающийся в воду пирс, размером побольше. А рядом с ним аккуратный, выкрашенный белой краской с вертикальными зелеными полосами на углах, и горизонтальными под крышей, элинг с открытыми воротами. Когда они приблизились, Роланд увидел покачивающиеся на воде, привязанные каноэ и каяк.

— Элинг мой, — добавил мужчина во фланелевой рубашке. Выговором и интонациями он практически ничем не отличался от жителей Кэллы, так что Роланд и Эдди понимали его без труда.

— Выглядит ухоженным, — заметил Эдди, главным образом, чтобы хоть что-то сказать.

— Само собой, — кивнул Джон. — Я и сторож, и маляр, и плотник. Никто же и близко не подойдет к полуразвалившемуся элингу или дому. Мешает бизнесу, не так ли?

Эдди улыбнулся.

— Пожалуй, мешает.

— Мой дом в полумиле от воды. Джон Каллем, — он протянул правую руку Роланду, продолжая уводить лодку от все поднимающегося столба черного дыма, держа курс на элинг. Роланд пожал руку, крепкую и шершавую.

— Роланд Дискейн из Гилеада. Долгих дней и приятных ночей, Джон.

Потом протянул руку Эдди.

— Эдди Дин, из Бруклина. Рад познакомиться.

Джон пожал его руку, а глаза не отрывались от его глаз. Когда же руки расцепились, он спросил:

— Молодой человек, что-то сейчас произошло? Произошло, не так ли?

— Я не знаю, — ответил Эдди. И честности в ответе определенно не доставало.

— Ты давно уже не был в Бруклине, сынок, не так ли?

— Не был ни в больше-чем-доме, ни в никаком доме, — ответил Эдди Дин, и тут же добавил, словно боялся потерять мысль. — Миа заперла Сюзанну. Заперла в году девяносто девятом. Сюзи может попасть в «Доган», но смысла в этом нет. Миа заблокировала контрольные рычаги. Сюзи ничего не может сделать. Она похищена. Она... она...

Он замолчал. Мгновение все слышал ясно и отчетливо, как во сне перед самым пробуждением. И тут же отрезало, как часто бывает со снами. Он даже не знал, то ли это действительно послание от Сюзанны, то ли игра воображения. «Молодой человек, что-то сейчас произошло?» Значит, Каллем тоже почувствовал? Тогда на воображение не спишешь. Скорее, какая-то разновидность телепатии. Джон ждал, а поскольку продолжения не последовало, повернулся к Роланду.

— Ваш приятель часто становится таким странным?

— Не часто, нет. Сэй... Мистер, то есть. Мистер Каллем, я благодарю за помощь, оказанную нам, когда мы в ней нуждались. Я говорю, спасибо тебе, большое спасибо. Возможно, с нашей стороны неприлично просить о большем, но...

— Но вы просите. Я понимаю, — Джон чуть подкорректировал курс, направил лодку точно на распахнутые ворота маленького эллинга. Роланд прикинул, что доберутся они туда через пять минут. Он ничего не имел против поездки в этой тесной моторной лодке (которая, к тому же, заметно просела под весом троих взрослых мужчин), но вот Кейвадин-Понд находил уж очень открытым местом. Если бы Джек Андолини (или его сменщик, за провал Джека могли и отстранить) опросил достаточное число зевак на берегу, то нашел хотя бы двух-трех, которые вспомнили бы маленькую моторку с тремя мужчинами на борту. И аккуратный, белый с зелеными полосами эллинг («Эллинг Джона Каллема, и пусть будет тебе от этого польза», — сказали бы эти свидетели). И до того, как это произошло, им следовало двинуться дальше по Тропе Луча, отправив Джона Каллема в какое-нибудь безопасное место. Безопасным Роланд понимал три расстояния до горизонта или примерно сто колес. Он нисколько не сомневался, что Каллем, этот совершенно незнакомый им человек, спас жизнь и ему, и Эдди, решительно встав на их сторону. И ему совершенно не хотелось, чтобы в результате Каллем расстался с собственной жизнью.

— Что ж, я сделаю все, что смогу, уже принял такое решение, но должен у вас кое-что спросить прямо сейчас, пока есть такая возможность.

Эдди и Роланд быстро переглянулись.

— Мы ответим, если сможем. То есть, Джон из Ист-Стоунэма, если

сочтем, что ответ не принесет тебе вреда.

Джон кивнул. Собрался с духом, слова дались ему нелегко.

— Я знаю, вы — не призраки, потому что видел вас в магазине, а теперь еще и пожал вам руки. Я вижу тени, которые вы отбрасываете, — он указал на тени, которые частично лежали на борту лодки, а частично скользили по воде.. — Вы настоящие, все так. И вот мой вопрос: вы — приходящие?

— Приходящие, — повторил Эдди. Посмотрел на Роланда, но лицо стрелка оставалось бесстрастным. Эдди вновь повернулся к Джону Каллему, который сидел на корме и рулем нацеливал моторку на эллинг. — Извините, но я что-то не...

— Они часто здесь появляются, в последние несколько лет, пояснил Джон. — В Уотерфорде, Стоунэме, Ист-Стоунэме, Лоувелле, Суидене... даже в Брайтоне и Денмарке, — название последнего городка он произнес, как «Денмаа-ааак».

И увидел, что они по-прежнему ничего не понимают.

— Приходящие — люди, которые вдруг появляются, — продолжил он. — Иногда они в старомодной одежде, словно пришли... из прошлого, по-другому и не скажешь. Один вот шел голым по разделительной полосе на дороге 5. Его видел Анстрем-младший. В прошлом ноябре. Иногда они говорят на других языках. Такой вот тип появился в доме Дона Рассерта в Уотерфорде. Расселся на кухне. Донни — вышедший на пенсию профессор истории из колледжа Вандербилта, он записал этого парня. Тот полопотал по-своему, потом ушел в прачечную. Донни решил, что парень принял ее за ванную, последовал за ним, но тот исчез. Прачечная в доме Донни — комнатка без окон и дверей, но этот парень исчез.

Донни прокрутил запись на кафедре (каа-аафедре) иностранных языков колледжа, и никто из профессоров и преподавателей этот язык не признал. Один, правда, сказал, что это искусственный язык, как эсперанто. Вы, парни, говорите на эсперанто?

Роланд покачал головой. Эдди ответил осторожно:

— Я о нем слышал, но в действительности не знаю, что это за яз...

— А иногда, — Джон понизил голос, они уже скользили в тени эллинга, — иногда они покалеченные. Или обезображенные. Рунты.

Роланд дернулся, так внезапно и сильно, что лодку сильно качнуло. И они едва не оказались в воде.

— Что? Что ты сказал? Повтори снова, Джон, ибо я хочу тебя расслышать.

Джон вероятно, подумал, что причина в его выговоре, а потому

постарался произнести слово по всем правилам грамматики.

— Ruined. Словно участвовали в атомной войне, или попали в зону радиоактивного заражения, или что-то в этом роде.

— Медленные мутанты, — догадался Роланд. — Я думаю, он говорит о медленных мутантах. Здесь, в этом городе.

Эдди кивнул, на ум пришли Серые и Млады из Луда. А также бесформенный улей и чудовищные насекомые, которые по нему ползали.

Джон заглушил двигатель, и какое-то время все трое посидели, вслушиваясь, как вода плещется о алюминиевые борта лодки.

— Медленные мутанты, — повторил Джон, словно пробуя слова на вкус. — Думаю, это хорошее название, не хуже любого другого. Но они — не единственные. Появлялись животные, и птицы, которые никогда не встречались в наших краях. Но больше всего людей тревожили, конечно же, приходящие. О них, в основном, и говорили. Донни Рассерт позвонил какому-то своему знакомому из университета Дьюка^[54], тот связался с кем-то на кафедре исследования духов, просто удивительно, что в известном колледже может быть такая кафедра, но она есть, и вот женщина с кафедры исследования духов сказала, как называются такие личности: приходящие. А потом, когда они вновь исчезают, а они всегда исчезают, за исключением одного парня в Ист-Конвей-Виллидж, который умер, они называются уходящими. Дама сообщила, что некоторые ученые, из тех, кто изучает такие явления, я полагаю, что их можно назвать учеными, хотя многие из тех, кого я знаю, придерживаются иного мнения, считают, при приходящие — инопланетяне, и космические корабли сбрасывают их, а потом забирают, но большинство уверено, что они — путешественники во времени, или пришельцы из других миров, которые расположены параллельно нашему.

— Как давно это происходит? — спросил Эдди. — Как долго появляются приходящие?

— Ну, два или три года. И ситуация меняется к худшему, а не к лучшему. Я сам пару раз сталкивался с такими, а однажды увидел лысую женщину с кровоточащим глазом во лбу. Но все они были далеко, а вы — вот они, совсем рядом.

Джон наклонился к ним поверх костлявых коленей, его глаза (такие же синие, как у Роланда) ярко блестели. Вода все плескалась об алюминиевые борта. Эдди едва сдержался, чтобы вновь взять Джона Каллема за руки: а вдруг Сюзанна еще раз даст о себе знать. Дилан в свое время написал песню «Видения Джоанны». Эдди видения Джоанны совершенно не интересовали, но хоть имя было схожим.

— Вы, парни, совсем рядом и настоящие, — говорил Джон. — И я

помогу вам, чем только сумею, потому что не чувствую ничего плохого ни в одном из вас, хотя скажу, как на духу, никогда не видел такой стрельбы, но я хочу знать одно: вы — приходящие или нет?

Вновь Роланд и Эдди переглянулись, и теперь ответил Роланд.

— Да, пожалуй, что да.

— Боже, — прошептал Джон, и от благоговейного трепета, отразившегося на его лице, оно, несмотря на множество морщинок, стало совсем детским. — Приходящие! И откуда же вы пришли, можете вы мне это сказать? — тут он посмотрел на Эдди, рассмеялся, как смеются люди, признавая, что над ними удачно пошутили. — Только не из Бруклина.

— Но я действительно из Бруклина, — ответил Эдди. Мог бы, правда добавить, что из Бруклина другого мира, о чем уже знал наверняка. В мире, откуда он пришел, детскую книжку, которая называлась «Чарли Чух-чух», написала женщина по имени Берил Эванз; в этом ее написала другая женщина, Клаудия-и-Инесс Бахман. Берил Эванз звучало нормально и понятно, Клаудия-и-Инесс Бахман — фальшиво, как трехдолларовая купюра, однако Эдди все больше склонялся к мысли, что настоящий автор именно Бахман. А почему? Да потому что она жила в этом мире.

— Я действительно из Бруклина. Только... э... не совсем того.

Джон Каллем по-прежнему смотрел на них широко раскрытыми от изумления глазами ребенка.

— А как насчет других парней? Тех, что поджидали вас? Они тоже..?

— Нет, — качнул головой Роланд. — Они — нет. И больше на это времени нет, Джон. Во всяком случае, сейчас, — он осторожно поднялся, схватился за балку над головой, вылез из лодки, чуть скривившись от боли. Джон последовал за ним, потом Эдди. Уже с помощью обоих мужчин. Боль в правой голени немного утихла, но нога онемела и слушалась с неохотой.

— Сейчас идем к тебе, — распорядился Роланд. — Есть человек, которого нам нужно найти. Если боги будут милостивы, ты, возможно, сможешь нам в этом помочь.

«Он сможет помочь нам не только в этом», — подумал Эдди, выходя за ними в солнечный свет, скрипя зубами от боли, которая пронзала ногу при каждом шаге. В этот момент ему казалось, что он убил бы святого за десяток таблеток аспирина.

КУПЛЕТ:

Commala — loaf — leaven!

They go to hell or up to heaven!

When the guns are shot and the fire's hot,

You got to poke em in the oven.

ОТВЕТСТВІЕ:

Commala — come — seven!

Salt and yow for leaven!

Heat em up and knock em down

And poke em in the oven.

Строфа 8. Перекидывание мячей

1

Зимой 1984-85 годов, когда пристрастие Эдди к героину незаметно пересекло границу между Страной расслабляющих наркотиков и Королевством действительно плохих привычек, Генри Дин встретил девушку и на короткое время влюбился. Эдди полагал Сильвию Голдовер уродиной El Supremo^[55] (потные подмышки и зловонное дыхание, вырывающееся из губ Мика Джаггера), но держал язык за зубами, потому что Генри видел в ней красавицу, а Эдди не хотелось расстраивать старшего брата. В ту зиму влюбленная парочка проводила много времени, прогуливаясь по продуваемому ветрами берегу Кони-Айленда или сидя последнем ряду одного из кинотеатров на Таймс-сквер, где они принимались обниматься и целоваться, как только заканчивался попкорн и большой пакет арахиса.

Эдди философски относился к появлению в жизни Генри нового человека; если Генри несколько не беспокоило зловонное дыхание Сильвии Голдовер, и он мог сосаться с ней, переплетаясь языками, флаг ему в руки. Большую часть этих трех серых месяцев Эдди провел в семейной квартире Динов, в одиночестве и обдолбанный. Он не возражал, наоборот, ему нравилось. Генри, если появлялся, немедленно включал телевизор и постоянно изводил Эдди насмешками из-за аудиокассет с фэнтези («О, наш Эдди опять слушает сказочки об эльфах, людоедах-великаках и таких очаровательных лилипутиках!») Всегда называл великанов великаками. Генри считал, что все это выдуманное дерьмо сплошной обман. Эдди иногда пытался заикнуться, что большего обмана, чем сериалы, которые показывали днем по ти-ви, просто быть не может, но Генри не желал этого слушать. Генри мог со всеми подробностями рассказать тебе о злобных близнецах из «Центральной больницы»^[56] и не менее злобной мачехе из «Путеводного света»^[57].

Во многих аспектах великая любовь Генри Дина (закончилась она, когда Сильвия Голдовер украла девяносто баксов из бумажника Генри, оставив на их месте записку: «Извини, Генри», — и сбежала неизвестно куда со своим прежним бойфрендом) только радовала Эдди. Никто не мешал ему сидеть на диване в гостиной, слушая аудиокассеты Джона

Гилгуда, читая трилогию Толкиена, а потом, уколовшись, отправляться в леса Мирвуда и копи Мории с Фродо и Сэмом.

Он любил хоббитов, думал, что смог бы счастливо провести остаток жизни в Хоббитоне, где самым страшным наркотиком считался табак, а старшие братья не получали удовольствие, целыми днями насмехаясь над младшими, и маленький, окруженный лесом домик Джона Каллема вернул его в те дни и на удивление живо напомнил ту мрачноватую историю. Потому что в коттедже у него возникло ощущение: а ведь тут могли жить и хоббиты. Аккуратная, миниатюрная мебель в гостиной, диван и два кресла, с белыми накидками на подлокотниках и верхней части спинки, где к ней прикасается затылок. Черно-белая фотография в золотой рамке, похоже, родителей Каллема, на одной стене, и дедушек и бабушек — на другой. Так же в рамке благодарственная грамота «Добровольной пожарной команды Ист-Стонэма». Длиннохвостый попугай в клетке, радостно щебечущий, кошка на каминной доске. Когда они вошли, она подняла голову, с мгновение изучала незнакомцев сузившимися глазами, потом вроде бы вновь заснула. Около кресла-качалки на высокой подставке стояла пепельница, в которой лежали две трубки, одна из стержня кукурузного початка, вторая из древесины корня верескового дерева. Старой радиоле «Эмерсон»^[58], с линейной шкалой радиочастот и большим диском настройки, место в гостиной нашлось, а вот телевизора не было. В комнате приятно пахло табаком и ароматической смесью сухих цветочных лепестков. Фантастическая чистота свидетельствовала (хватало одного взгляда, чтобы это понять) о том, что хозяин коттеджа неженат. Так что гостиная Джона Каллема являла собой скромную оду прелестям холостяцкой жизни.

— Как твоя нога? — спросил Джон. — Кровь, похоже, течь перестала, но при ходьбе ты сильно прихрамываешь.

Эдди рассмеялся.

— Болит чертовски, но ходить на ней я могу, следовательно, должен считать себя счастливчиком.

— Ванная там, если ты хочешь помыться, — указал Каллем.

— Я с удовольствием, — ответил Эдди.

Мытье, пусть и болезненное принесло облегчение. Рана на голени оказалась глубокой, но пуля точно не задела кость. С раной на руке проблем не возникло вовсе. Пуля пробила мышцы насквозь, слава тебе, Господи, а в аптечке Каллема нашлась перекись водорода. Эдди налил ее в рану на руке, сцепив зубы от боли, а потом, чтобы еще раз не собираться с духом, продезинфицировал рану на ноге и ссадину на голове. Попытался

вспомнил, случилось ли Фродо и Сэму сталкиваться с ужасами использования перекиси водорода, но в голову ничего не пришло. Решил, что, скорее всего, не случилось. Да и с какой стати? Их же лечили эльфы.

— Я знаю, чем тебе помочь, — сказал Каллем, когда Эдди вернулся в гостиную. Исчез в соседней комнате и вернулся с пузырьком из коричневого стекла, в котором лежали три таблетки. Высыпал их на ладонь Эдди. — Мне их прописали, когда я прошлой зимой поскользнулся на льду, упал и сломал чертову ключицу. Это «перкодан». Не знаю, будет ли от них толк, но...

Эдди просиял.

— "Перкодан", говорите? — и бросил таблетки в рот, прежде чем Джон Каллем успел что-то ответить.

— А вода, чтобы их запить, тебе не нужна, сынок?

— Нет, — Эдди энергично жевал таблетки. — И так сойдет.

На столе у камина стоял стеклянный ларец с бейсбольными мячами, и Эдди подошел, чтобы взглянуть на них.

— Боже, у вас мяч с автографом Мела Парнелла! И Лефти Глова! Святое дерьмо!

— Это еще что, — Каллем взял вересковую трубку. — Посмотри на верхнюю полку, — из ящика приставного столика он достал мешочек табака «Принц Альберт» и начал набивать трубку. Заметил, что Роланд смотрит на него. — Ты куришь?

Роланд кивнул. Из нагрудного кармана достал полученную от Розалиты оболочку кукурузного початка.

— Пожалуй, сверну самокрутку.

— О, я смогу предложить тебе кое-что получше, — и Каллем опять вышел. Комнатка, примыкающая к гостиной, служила ему кабинетом и размерами не превышала чулан. И хотя письменный стол не поражал размерами, протискиваться мимо него Джону пришлось боком.

— Святое дерьмо! — вновь воскликнул Эдди, должно быть, добравшись до бейсбольного мяча, о котором упоминал Каллем. — Мяч с автографом Бейба!

— Ага, — откликнулся Каллем. — И тогда он еще не играл за «Янки», я не держу мячей с автографами игроков «Янки». Рут подписал мне этот мяч, когда выходил на поле в форме «Ред сокс»... — он запнулся. — Ага, вот они. Конечно, залежались, но лучше залежавшиеся, чем никакие, как говаривала моя матушка. Возьми, мистер. Их оставил мой племянник. Он все равно еще молод, чтобы курить.

Каллем протянул стрелку пачку сигарет, заполненную на три четверти.

Роланд задумчиво повертел ее в руках, потом указал на название.

— Я вижу изображение дромадера, но слово тут написано другое, не так ли?

Каллем улыбнулся, в глазах стояло изумление.

— Так. Здесь написано «Camel». Значение то же, верблюд.

— Ясно, — ответил Роланд, делая вид, что понимает. Достал сигарету, посмотрел на фильтр, сунул в рот табачной стороной.

— Наоборот, — поправил его Каллем.

— Ты уверен?

— Ага.

— Господи Иисусе, Роланд! У него мяч Бобби Доурра... два Теда Уильямса... Джонни Пески... Френка Мальцони...

— Эти имена ничего тебе не говорят, не так ли? — спросил Джон Каллем Роланда.

— Ничего, — подтвердил Роланд. — Мой друг... спасибо тебе, — он наклонился к спичке, зажженной сэм Каллемом. — Мой друг достаточно давно покинул эту сторону. Думаю, он соскучился.

— Боже, — выдохнул Каллем. — Приходящие! Приходящие в моем доме! Не могу в это поверить!

— А где Девью Эванс? — спросил Эдди. — У вас нет мяча Девью Эванса.

— Пардон? — переспросил Каллем. Вышло, как пааа-ааадон.

— Может, в семьдесят седьмом его еще так не звали, — Эдди, похоже, рассуждал вслух. — Дуайт Эванс? Правый полевой игрок?

— А-а-а, — Каллем кивнул. — У меня здесь автографы только самых лучших, как ты уже, наверное, понял.

— Девью в эту категорию входит, будьте уверены! — воскликнул Эдди. — Может, сегодня он еще недостоин Зала славы Джона Каллема, но подождите еще несколько лет. Подождите до восьмьдесят шестого года. Между прочим, Джон, как болельщик бейсбола, я хочу сказать вам пару слов, не возражаете?

— Нет, конечно, — и в Кэлле так говорили: «конечно». Роланд, тем временем, затянулся. Выдохнул дым, хмурясь, посмотрел на сигарету.

— Слова такие: Роджер Клеменс, — продолжил Эдди. — Запомните это имя.

— Клеменс, — повторил Джон Каллем, в голосе слышалось сомнение. Издалека, с другого берега Кейвадин-Понд, донесся вой новых сирен. — Роджер Клеменс, ладно, я запомню. Кто он?

— Вы захотите иметь его мяч здесь, будьте уверены, — он постучал

пальцем по стеклянной вазе. — А может, и на одной полке с Бейбом.

Глаза Каллема сверкнули.

— Скажи мне вот что, сынок. «Ред сокс» удалось победить? Они сумели взять...

— Это не табачный дым, это грязный воздух, — оборвал его Роланд. С упрёком, даже обидой, посмотрел на Каллема. Такого с ним никогда не случалось, и Эдди поневоле улыбнулся. — И вкуса никакого. Люди действительно это курят?

Каллем взял сигарету из пальцев Роланда, отломил фильтр, вернул.

— Попробуй еще раз, — и вновь повернулся к Эдди. — Ну? Я вытащил тебя из переделки по другую сторону воды. Похоже, ты у меня в долгу. Они выиграли Мировую серию^[59]? По крайней мере, в твоё время?

Улыбка сползла с лица Эдди, взгляд стал серьёзным.

— Я скажу, если вы действительно этого хотите, Джон. Но вы хотите?

Джон задумался, попыхивая трубкой.

— Пожалуй, что нет. Если результат известен, теряется интерес.

— Скажу вам только одно, — голос Эдди звучал весело. Таблетки, которые дал ему Джон, содержали наркотические вещества, вот он и забалдел, пусть и чуть-чуть. — Советую не умирать до восьмидесяти шестого года. Та ещё будет рубка.

— Точно?

— Абсолютно, — тут Эдди повернулся к Роланду. — А как нам быть с нашей амуницией, Роланд?

Пока Эдди не задал свой вопрос, Роланд и не думал об этом. Всех своих немногих пожиток, от новенького ножа Эдди, приобретенного в магазине Тука до древнего мешочка-кошелька, доставшегося Роланду от отца по другую сторону горизонта времени, они лишились, когда прошли через Ненайденную дверь. Когда их буквально вынесло через Ненайденную дверь. Стрелок предположил, что их вещи остались на асфальте перед магазином Ист-Стоунэма, хотя наверняка он этого не помнил: там думал только о том, как бы вместе с Эдди добраться до безопасного места, прежде чем тот парень с винтовкой с оптическим прицелом отстрелит им головы. Душа болела при мысли, что вещи, которые прошли с ним через столько испытаний, теперь стали добычей огня, который, несомненно, пожрал магазин. Но было бы ещё хуже, если бы они попали в руки Джека Андолини. Роланд представил себе, как его мешочек-кошелек болтается на поясе Джека Андолини, будто боевой трофей (или скальп врага), и его аж передернуло.

— Роланд? Как насчет нашей...

— Револьверы при нас, и это вся амуниция, которая нам нужна, — ответил Роланд, более резко, чем собирался. — Книжка «Чух-Чух» у Джейка, я смогу сделать другой компас, когда он нам потребуется. А в остальном...

— Но...

— Если ты говоришь о своих вещах, сынок, я смогу спросить о них, когда придет время, — вмешался Каллем. — А вот на текущий момент думаю, твой друг прав.

Эдди знал, что его друг прав. Его друг практически всегда бывал прав, и вот это до сих пор бесило Эдди. А он, черт побери, хотел, чтобы его амуниция вернулась к нему, и не потому, что в заплечном мешке лежали чистые джинсы и пара рубашек. Не из-за патронов и новенького ножа, каким бы хорошим он ни был. В мешке остался и локон волос Сюзанны, который до сих пор хранил ее запах. Вот чего ему не доставало. Но он понимал, что деваться некуда.

— Джон, какой сегодня день? — спросил он. Кустистые брови Каллема приподнялись.

— Ты серьезно? — а когда Эдди кивнул, добавил. — Девятое июля. Тысяча девятьсот семьдесят седьмого года от рождества Христова.

Эдди беззвучно присвистнул, поджав губы.

Роланд, с окурком дромадерной сигареты, дымящимся у самых пальцев, отошел к окну, выглянул наружу. Не увидел ничего кроме деревьев, да в просветах между ними — нескольких синих пятен, озера, которое Каллем называл Кейвадин. Но черный столб дыма все еще поднимался в небо, как бы напоминая Роланду, что ощущение умиротворенности, которые он испытывал в этом уютном доме, всего лишь иллюзия. Так что пора выметаться отсюда. Как бы он ни боялся за Сюзанну Дин, они прибыли сюда для того, чтобы найти Келвина Тауэра и решить с ним все вопросы. И сделать это следовало быстро. Потому что...

Словно прочитав его мысли, Эдди подал голос:

— Роланд? Здесь оно идет быстрее. Время на этой стороне идет быстрее.

— Я знаю.

— А это означает, что мы все должны делать, как надо, с первого раза, потому что в этом мире вернуться в прошлое невозможно. Здесь время течет только в одну сторону.

Роланд знал и это.

— Человек, которого мы ищем, приехал из Нью-Йорка, — сказал Эдди Джону Каллему.

— Летом сюда многие приезжают.

— Его зовут Келвин Тауэр. Он приехал с другом, Эроном Дипно.

Каллем открыл стеклянный ларец с бейсбольными мячами, достал один, с подписью «Карл Ястржемски» чуть ли не по всей окружности, аккуратными буквочками, как обычно расписывались профессиональные спортсмены (по собственному опыту Эдди знал, что основная проблема для большинства из них — орфография), и начал перебрасывать его из руки в руку.

— Народ начинает приезжать сюда с июня... ты это знаешь, не так ли?

— Знаю, — кивнул Эдди, вдруг осознав, что все потеряно. Подумал, что Двойной Уродец, возможно, уже добрался до Келвина Тауэра. А засаду оставил на десерт.

— Как я понимаю, вы не можете...

— Если я не могу, то, пожалуй, мне лучше уйти на пенсию, — резко ответил Каллем и бросил мяч Яста Эдди. Тот поймал мяч правой рукой, а пальцами левой провел по красным стежкам и почувствовал, как к горлу неожиданно подкатился комок. Если бейсбольный мяч не скажет тебе, что ты дома, тогда что могло сказать? Только этот мир более не был его домом. Джон говорил правду, он — приходящий.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Роланд. Эдди бросил мяч ему, и стрелок поймал его, не отрывая взгляда от Джона Каллема.

— Именами я не интересуюсь, но все равно знаю практически всех, кто приезжает в этот город, — ответил он. — Знаю их по внешнему виду. Как и любой другой сторож, полагаю, который не зря ест свой хлеб. Нужно знать, кто находится на твоей территории, — Роланд кивнул, в этом он прекрасно понимал Каллема. — Скажите мне, как выглядит этот человек.

— Рост у него пять футов и девять дюймов, — ответил Эдди. — Вес... ну, наверное, фунтов двести тридцать.

— Значит, не худенький.

— Это точно. И еще, волос на голове осталось немного, огромные залысины, — Эдди поднял руки и оттянул волосы назад, за виски, чтобы показать размер залысин (на одном из висков еще сочилась кровь, после едва не ставшего смертельным контакта с боковиной коробки Ненайденной двери). Он чуть поморщился от боли, которое вызвало это движение в

левой руке, но из этой раны кровь уже практически не текла. Куда больше волновала Эдди рана в ноге. «Перкодан» Каллема, конечно, унял боль, но пуля оставалась в голени, и Эдди понимал, что рано или поздно ее придется вынимать.

— Сколько ему лет? — спросил Каллем.

Эдди посмотрел на Роланда, который только качнул головой. А видел ли Роланд Тауэра? В тот момент Эдди вспомнить не мог. Скорее всего, нет.

— Думаю, ему за пятьдесят.

— Он собирает книги, не так ли? — спросил Каллем, тут же рассмеялся, увидев изумление на лице Эдди. — Говорю вам, я поглядываю на всех этих приезжих. Никогда не знаешь, чего от кого можно ждать. Вдруг, кто-нибудь окажется вором. Лет восемь или девять назад из Нью-Джерси приехала женщина, которая любила все поджигать. Больная, конечно, но сразу-то не скажешь, — Каллем покачал головой. — Выглядела, как библиотекарьша из маленького городка, какая и мухи не обидит, а потом начала поджигать сараи в Стоунэме, Лоувелле, Уотерфорде.

— Откуда ты знаешь, что он торгует книгами? — спросил Роланд, бросил мяч Каллему, который тут же переправил его Эдди.

— Этого я не знал, — ответил Каллем. — Мне лишь известно, что он собирает книги. Нам говорил об этом Джейн Саргус. У Джейн маленький магазинчик в том месте, где Димири-роуд отходит от дороги 5. Примерно в миле к югу отсюда. Собственно, на Димири-роуд этот парень и его друг и остановились, если мы говорим о тех людях, которые вам нужны. Я полагаю, что они самые.

— Фамилия его друга — Дипно, — Эдди кинул Яста Роланду. Стрелок его поймал, отправил Каллему, сам подошел к камину, бросил крохотный окурок на поленья, аккуратно уложенные на каминной решетке.

— Имена и фамилии я не запоминаю. Как уже и говорил, но его приятель худощавый и на вид ему лет под семьдесят. Ходит, будто у него болят бедра. В очках со стальной оправой.

— Это он, все точно, — кивнул Эдди.

— Магазинчик Джейн называется «Сельские находки». У нее есть кое какая мебель, комоды, туалетные столики и тому подобное, но специализируется магазин на стеганых одеялах, посуде и старых книгах. На вывеске так и написано.

— Так Кел Тауэр... что? Просто пришел и начал рыться в книгах? — Эдди не мог этому поверить, и одновременно мог. Тауэр отказывался уехать из Нью-Йорка даже после того, как Джек Андолини и Джордж Бьонди пригрозили сжечь самые ценные книги прямо у него на глазах. И как

только он и Дипно прибыли сюда, этот идиот оставил свое имя на почте, для получения корреспонденции «До востребования». Конечно, это сделал его друг Эрон, но для плохишей разницы между фамилиями не было никакой. Каллагэн оставил ему записку с просьбой не светиться в Ист-Стоунэме. «Неужели он мог быть таким глупцом?» — помнится, удивлялся отец Каллагэн. Получалось, что сэй Тауэр оказался еще глупее, хотя дальше вроде бы и некуда.

— Ага, — кивнул Каллем. — Только он не просто рылся. — Его глаза, синие, как у Роланда, весело сверкнули. — Накупил книг на добрых двести долларов. Расплатился дорожными чеками. Потом уговорил Джейн написать ему адреса других магазинчиков, торгующих старыми книгами. Их не так и мало, доложу я вам, если учесть «Мелочи» в Норуэе и «Ваш мусор, мои сокровища» во Фрайбурге. Плюс он получил от нее имена местных жителей, владельцев больших библиотек, которые тоже продавали книги. На Джейн его визит произвел впечатление. Она раззвонила о нем всему городу.

Эдди прижал руку ко лбу, застонал. Да, это был тот самый человек, с которым он встречался в «Манхэттенском ресторане для ума», тот самый Келвин Тауэр. Ну о чем он думал? Или считал себя в полной безопасности, оказавшись севернее Бостона?

— Ты можешь сказать нам, где его найти? — спросил Роланд.

— И не только сказать. Могу отвезти вас к тому дому, где они остановились.

Роланд, какое-то время он перебрасывал мяч из одной руки в другую, зажал его в правой и покачал головой.

— Нет, ты поедешь в другое место.

— Куда?

— Где будешь в безопасности. А куда именно, сэй, я не хочу знать. Мы оба не хотим.

— Черт побери. Не могу сказать, что мне это нравится.

— Нравится — не нравится, это неважно. Время коротко, — Роланд помолчал. — У тебя есть картомобиль?

На лице Каллема отразилось недоумение, потом он заулыбался.

— Есть, и картомобиль, и грузомобиль. Полный комплект.

— Тогда ты будешь показывать нам дорогу к дому на Димити-роуд, где живет Тауэр, на одном, а Эдди... — Роланд помолчал. — Эдди, ты еще помнишь, как вести картомобиль?

— Роланд, ты меня обижаешь.

Стрелок не улыбнулся: даже в лучшие времена с чувством юмора у

него было не очень. Вновь повернулся к дан-тету, маленькому спасителю, с которым свела их ка.

— Как только мы найдем Тауэра, ты поедешь своей дорогой, Джон. Которая не совпадет с нашей. Если хочешь, устрой себе небольшой отдых. Дня на два, а потом можешь возвращаться, — Роланд надеялся, что они задержатся в Ист-Стоунэме максимум до захода солнца, но ему не хотелось ограничивать себя какими-то рамками, даже на словах.

— Мне кажется, ты не понимаешь, что у меня сейчас самый горячий сезон, — он протянул руки, и Роланд бросил ему мяч. — Мне нужно покрасить эллинг... починить крышу сарая...

— Если ты останешься с нами, — перебил его Роланд, — возможно, тебе больше никогда не придется чинить крышу.

Каллем посмотрел на него, изогнув бровь, пытаясь понять, насколько серьезно следует воспринимать слова Роланда, и ему определенно не понравилось то, что он увидел.

Не участвующий в их разговоре Эдди вновь вернулся к вопросу о том, видел ли Роланд Тауэра или нет. И теперь осознал, что в первый раз дал на этот вопрос не правильный ответ: Роланд таки видел Тауэра собственными глазами.

«Конечно, видел. Именно Роланд перетащил шкаф, набитый первыми изданиями, в Пещеру двери. Роланд смотрел прямо на него. Конечно, видел его искаженным, но...»

Цепочка умозаключений оборвалась, но, похоже, ассоциативный процесс привел к тому, что мысли Эдди вернулись к драгоценным книгам Тауэра, таким раритетам, как «Доган» Бенджамина Слайтмана-младшего и «Салемс-Лот» Стивена Кинга.

— Я только возьму ключи, и в путь, — но Каллем не успел сделать и шага, как его остановил голос Эдди:

— Подождите.

Каллем вопросительно взглянул на него.

— Думаю, нам еще есть о чем поговорить, — и поднял руки в ожидании мяча.

— Эдди, времени у нас в обрез, — напомнил Роланд.

— Я знаю, — ответил Эдди. «Может, даже лучше, чем ты, потому что именно у моей жены времени остается все меньше». — Если бы я мог, то оставил бы этого говнюка Тауэра Джеку, а сам бы попытался попасть к Сюзанне. Но ка мне этого не позволила. Твоя чертова старушка ка.

— Нам нужно...

— Помолчи, — никогда раньше он не позволял себе так говорить с

Роландом, но слово сорвалось с губ само по себе, и он не испытывал ни малейшего желания забрать его назад. А где-то в голове раздался привычный напев Кэллы: «Каммала — кам — кам, разговор закончу сам».

— И что ты надумал? — спросил его Каллем.

— Есть такой человек, Стивен Кинг. Вам знакомо это имя?

И по глазам Каллема понял: да, знакомо.

3

— Эдди, — такой неуверенности в голосе Роланда Эдди слышать еще не доводилось. «Он, как я, не очень-то понимает, что нам делать». Мысль эта не радовала. — Андолини, возможно, до сих пор ищет нас. Что более важно, он может переключиться на Тауэра, раз уж мы ускользнули от него... и, как ясно дал понять сэй Каллем, Тауэр сделал все, что мог, чтобы найти его не составило труда.

— Послушай меня, — ответил Эдди. — Я руководствуюсь интуицией, но не только ей. Мы встретили одного человека, Бена Слайтмана, который написал книгу в другом мире. В мире Тауэра. В этом мире. И мы встретили еще одного человека, Доналда Каллагэна, который был персонажем книги из другого мира. Опять же, этого мира, — Каллем бросил ему мяч, и Эдди снизу, сильно перекинул его Роланду. Конечно же, стрелок без труда мяч поймал. — Все это может показаться ерундой, да только книги просто преследовали нас, не так ли? «Доган». «Волшебник страны Оз». «Чарли Чух-Чух». Даже выпускное сочинение Джейка. А теперь «Салемс-Лот». Я думаю, если этот Стивен Кинг — реальный человек...

— О, он реальный, все так, — Каллем посмотрел в окно, выходящее на Кейвадин-Понд. На другом берегу выли сирены. А черный столб дыма по-прежнему пачкал синее небо. Поднял руки, прося мяч. Роланд бросил его по дуге, и мяч едва не задел потолок. — И я читал книгу, о которой вы говорите. Купил ее в Сити, в магазине «Книжная страна». И подумал, что она стоит тех денег, которые я за нее заплатил.

— История о вампирах.

— Точно. Я слышал, как он говорил о ней по радио. Сказал, что позаимствовал идею из «Дракулы».

— Вы слышали этого писателя по радио, — кивнул Эдди. У него вновь возникло ощущение, будто летит сквозь зеркало, вниз по кроличьей норе, сваливается с кометы, и попытался приписать происходящее с ним «Перкодану». Но не складывалось. Внезапно он стал сам себе казаться

эфемерным, чуть ли не прозрачным, тенью, через которую видно почти все, стал тонким, как... ну, тонким, как страница книги. И не помогало осознание того, что этот мир, лежащий на отрезке луча времени, датированным летом 1977 года, представлялся более реальным, чем все прочие где и когда, включая его собственные. Чувство это было абсолютно субъективным, не так ли? Если уж ставить вопрос ребром, как мог кто-нибудь знать, что он — не персонаж истории, сочиненной каким-то писателем, или не мимолетная мысль, мелькнувшая в голове едущего в автобусе чмо, или не пылинка в глазу Бога? Думать о таком — безумие, а если думать долго, точно можно свихнуться.

И все-таки...

«Дад-а-чам, дад-а-чи, нечего волноваться, ключ у тебя».

"Ключи, это по моей части, — подумал Эдди. А потом:

— Кинг — это ключ, не так ли? Calla, Callahan. Crimson King, Stephen King. Так что, Стивен Кинг — Алый Король этого мира?"

Роланд уже принял решение. Эдди не сомневался, что далось оно ему нелегко, но Роланд и считался специалистом по трудностям.

— Если у тебя есть вопросы, задавай, — и вертанул правой рукой.

— Роланд, я, право, не знаю, с чего и начать. Идеи эти... такие глобальные... такие... я не знаю, такие фундаментальные, что мне страшно...

— Тогда лучше начинать с простого, — Роланд поймал мяч, который бросил ему Эдди, но чувствовалась, что игра эта сильно ему надоела. — Нам действительно пора в путь.

И Эдди прекрасно это понимал. Он бы задал все вопросы по дороге, если бы они поехали в одном автомобиле. Но они не могли ехать в одном, а Роланд никогда не сидел за рулем, так что Каллему и Эдди точно пришлось бы сидеть в разных автомобилях.

— Хорошо, — кивнул Эдди. — Кто он? Давай начнем с этого. Кто такой Стивен Кинг?

— Писатель? — уточнил Каллем, и взгляд, брошенный на Эдди спрашивал: «Ты сдурел, сынок?» — Живет с семьей в Бридгтоне. Насколько мне известно, хороший парень.

— Как далеко отсюда до Бридгтона?

— Ну... двадцать, двадцать пять миль.

— Сколько ему лет? — пока Эдди задавал вопросы наобум, надеясь, что правильные в конце концов придут в голову, да только не очень представлял себе, какие из них будут правильными. Джон Каллем прищурился, начал что-то подсчитывать.

— Думаю, он не старый. Если ему и перевалило за тридцать, то недавно.

— Эта книга... «Салемс-Лот»... стала бестселлером?

— Не знаю, — покачал головой Каллем. — Здесь ее многие прочитали, это я тебе точно скажу. Потому что место действия — штат Мэн. И из-за рекламных объявлений по телевизору, знаешь ли. Опять же, по его первой книге сняли фильм, но я его не смотрел. Слишком много крови.

— Как она называлась?

Каллем задумался, покачал головой.

— Не могу вспомнить. В одно слово, я в этом уверен, вроде бы имя девушки, а больше ничего сказать не могу. Может, еще выскочит из памяти.

— Он не приходящий, как по-вашему?

Каллем рассмеялся.

— Родился и вырос прямо здесь, в штате Мэн. Так что по всем параметрам он — живущий. Роланд смотрел на Эдди с все возрастающим нетерпением и тот понял, что пора сдаваться. Играть в «Двадцать вопросов»^[60] и то легче. Но, черт побери, отец Каллагэн — реальный человек и одновременно персонаж книги, написанной этим самым Кингом, и Кинг жил на территории, которая, как магнитом притягивала тех, кого Каллем называл приходящими. И одна из этих приходящих, судя по словам Каллема, служила Алому Королю. Лысая женщина с кровоточащим глазом во лбу, так описал ее Каллем.

Что ж, пока надо с этим завязать и ехать к Тауэру. Конечно, оставшиеся без ответа вопросы злили Эдди, но Тауэру принадлежал некий пустырь, на котором росла самая дорогая, пусть и дикая, роза вселенной. Опять же, Тауэр многое знал о редких книгах и людях, которые их написали. Вполне вероятно, что он смог бы рассказать об авторе «Салемс-Лот» куда больше, чем сэй Каллем. Да, с вопросами лучше повременить. Но...

— Ладно, — он бросил мяч Каллему. — Кладите его на место и поехали на Димити-роуд, если вы не возражаете. Только еще пара вопросов.

Каллем пожал плечами, положил мяч Яста в стеклянный ларец.

— Как скажешь.

— Я понимаю, — ответил Эдди... и внезапно, уже второй раз после того, как он прошел через Ненайденную дверь, Сюзанна оказалась буквально рядом. Он увидел ее в каком-то помещении среди устаревшего научного оборудования и множества черно-белых телевизионных экранов. В «Догане» Джейка, это точно, но только каким представляла его себе

Сюзанна. Он видел, как она говорит в микрофон, и пусть не мог слышать ее, от него не укрылся раздутый живот и испуганное лицо. Теперь-то не оставалось сомнений в том, что она беременная. Не просто беременная, а готовая вот-вот родить. И он очень хорошо знал, что она сейчас говорит: «Приходи, Эдди, спаси меня, Эдди, спаси нас обоих, сделай это до того, как будет поздно».

— Эдди? — спросил Роланд. — Ты прямо-таки посерел. Заболела нога?

— Да, — ответил Эдди, хотя нога как раз и не болела. Вновь подумал о вырезании ключа. Об ужасной ответственности, которая тогда легла на него, осознании, что все нужно сделать правильно. И сейчас он оказался в аналогичной ситуации. За что-то ухватился, он это знал... но за что? — Да, нога.

Эдди смахнул со лба пот.

— Джон, насчет названия книги. «Салемс-Лот». На самом деле, это «Джерусалемс-Лот», правильно?

— Ага.

— Так назывался городок в книге.

— Ага.

— Второй книге Стивена Кинга.

— Ага.

— Его второго романа.

— Эдди, по-моему, хватит, — вставил Роланд. Эдди отмахнулся, поморщился от боли в руке, его взгляд не отрывался от Джона Каллема.

— Никакого Джерусалем-Лота здесь нет, так?

Каллем посмотрел на Эдди, как на безумца.

— Разумеется, нет. Это выдуманная история, выдуманные люди в выдуманном городе. История о вампирах.

«Вот-вот, — подумал Эдди. — А скажи я тебе, что вампиры реальны, есть у меня причины тому верить... не говоря уже про невидимых демонов, магических кристаллов и ведьм... у тебя отпадут последние сомнения в том, что я — псих, не так ли?»

— Вы, часом не знаете, Стивен Кинг живет в Бридгтоне с рождения?

— Нет. Он с семьей приехал сюда два или три года тому назад. Если не ошибаюсь, поначалу они поселились в Уиндхэме, когда приехали из северной части штата. А может, в Раймонде. Во всяком случае, в одном из городков на Биг-Себаго.

— И я не погрешу против истины, сказав, что все эти приходящие, о которых вы упоминали, стали появляться после того, как Кинг переехал в

эти края?

Кустистые брови Каллема взлетели вверх, потом сошлись у переносицы. Со стороны озера до них донеслось громкое, ритмичное уханье, словно кто-то включил туманный горн.

— А знаешь, в этом что-то есть сынок. Возможно, совпадение, а может и нет.

Эдди кивнул. Вдруг почувствовал, что эмоционально выдохся донельзя, как адвокат в конце долгого и трудного перекрестного допроса.

— Сваливаем отсюда, — бросил он Роланду.

— Пожалуй, дельная мысль, — Каллем мотнул головой в сторону звуков туманного горна. — Это катер Тедди Уилсона. Он у нас полицейский. И егерь, — на этот раз он бросил Эдди ключи от автомобиля, а не мяч. — Коробка передач автоматическая. На случай, если ты подзабыл, как с ней управляться. На пикапе переключение скоростей более хитрое. Поедешь следом за мной. Возникнут проблемы — жми на клаксон.

— Нажму, можете не волноваться, — заверил его Эдди.

— Опять Сюзанна? — спросил Роланд, когда они, следом за Каллемом выходили из дома. — Поэтому ты так переменялся в лице?

Эдди кивнул.

— Мы поможем ей, если сумеем, — заверил его Роланд. — Но это единственный путь, который может привести нас к ней.

Эдди это знал. Знал он и другое: добраться до нее они могут и слишком поздно.

КУПЛЕТ:

*Commala — ka — kate!
You're in the hands of fate.
No matter if you're real or not,
The hour groweth late.*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — eight!
The hour groweth late!
No matter what shade ya cast
You 're in the hands of fate.*

Строфа 9. Эдди прикусывает язык

1

Отец Каллагэн побывал в почтовом отделении Ист-Стоунэма почти за две недели до перестрелки в магазине Чипа Макэвоя, и там бывший приходской священник Джерусалимс-Лота оставил наскоро написанное письмо. Хотя на конверте значились два адресата, Эрон Дипно и Келвин Тауэр, письмо предназначалось только второму из них, и, пожалуй, никто бы не назвал его дружеским:

"27.06.77 Тауэр! Я — друг того парня, который помог Вам с Андолини.

Где бы вы ни жили, вам нужно незамедлительно съехать оттуда. Найдите сарай, летний домик, даже заброшенный дом, все равно что. Возможно, вам этот переезд доставит некоторые неудобства, но помните, альтернатива — смерть. И я говорю совершенно серьезно! Оставьте свет в том доме, где вы сейчас живете, оставьте автомобиль в гараже или на подъездной дорожке. Спрячьте записку с указанием, как вас найти, под ковриком у водительского сидения или под задним крыльцом. Мы с вами свяжемся. Помните, мы — единственные, кому вы можете передать ношу, что лежит у вас на плечах. Но, если мы можем помочь вам, вы должны помочь нам.

Каллагэн, из Эльда.

И этот приход на почту должен стать ПОСЛЕДНИМ! Разве можно быть таким глупцом?"

Каллагэн рисковал жизнью, чтобы оставить эту записку, а Эдди, под чарами Черного Тринадцатого едва не расстался со своей. И какой результат принесли все эти усилия? Тауэр по-прежнему носился по западному Мэну в поисках редких и старых книг.

И когда они ехали следом за Каллемом, сначала по дороге 5, потом свернули на Димити-роуд, Эдди чувствовал (Роланд, тот спокойно сидел рядом), как медленно, но верно подбирается к точке кипения.

«Придется сунуть руки в карманы и прикусить язык», — думал он, но не мог гарантировать, что эти верные и надежные способы помогут в данном конкретном случае.

Проехав примерно две мили от дороги 5, «форд F-150» замигал правым поворотником и свернул с Димити-роуд. На ржавом столбе у поворота крепились две таблички. На одной Эдди прочитал: «РОКЕТ-РОУД», на второй — «КОТТЕДЖИ У ОЗЕРА». Рокет-роуд оказалась проселком, петляющим меж деревьев, и Эдди пришлось значительно отстать, чтобы не глотать пыль, которую поднимал грузовик их нового друга. Модель картомобилия, тоже «форда», с двумя дверями, Эдди смог бы определить лишь по названию на хромированной полосе над задним бампером или заглянув в руководство по обслуживанию. Но до чего же приятно, думал он, снова вести машину, когда у тебя под задницей не одна лошадь, а несколько сотен, готовых рвануться в карьер от легкого движения правой ноги. Радовало и другое: вой сирен становился все глуше и глуше.

Тени деревьев, кроны которых смыкались над проселком, поглотили их. Воздух наполнял сладкий и одновременно резкий запах хвои и смолы.

— Красивые места, — заметил стрелок. — Человеку тут жить в удовольствие, — на том его комментарии и закончились.

Грузовичок Каллема один за другим оставлял за собой пронумерованные съезды. На каждой табличке рядом с номером соседствовала надпись «ДЖЕФФОРДС РЕНТАЛС». Эдди уже хотел сказать Роланду, что они знали Джеффорсов в Кэлле, знали их очень хорошо, но передумал. Чего, собственно, ломиться в открытую дверь?

Они проехали съезды с номерами 15, 16 и 17. Каллем притормозил у 18-го, вроде бы собрался свернуть, но потом высунул руку из кабины и махнул ей, показывая, что надо ехать дальше. Эдди притормаживать и не собирался, и без взмаха руки Каллема знал, что около коттеджа 18 делать им совершенно нечего.

Каллем, само собой, свернул к следующему по счету коттеджу. Эдди последовал за ним, и колеса седана теперь шуршали по толстому слою опавших сосновых иголок. Синие блики начали появляться среди деревьев, но, когда они наконец добрались до коттеджа 19, Эдди увидел, что перед ними не настоящее озеро, как Кейвадин-Понд, а искусственный пруд. Возможно, чуть шире футбольного поля. В коттедже, похоже, было две комнаты. Застекленное крыльцо выходило на пруд, на нем стояли два обшарпанных, но, по виду, удобных кресла-качалки. Над крышей торчала металлическая труба. Гаража не было, автомобиля перед коттеджем — тоже, хотя Эдди подумал, что недавно он тут стоял. Впрочем, пружинистая

лесная подстилка из сосновых веток не позволяла сделать однозначный вывод.

Каллем заглушил двигатель. Эдди последовал его примеру. Теперь они слышали лишь легкий плеск воды, шелест ветра в кронах сосен да пение птиц. Посмотрев направо, Эдди увидел, что стрелок сидит, умиротворенно сложив на коленях так много умеющие, с длинными пальцами руки.

— Как тебе тут? — спросил Эдди.

— Тихо.

— Кто-нибудь есть?

— Думаю, да.

— Опасность?

— Йя-я. Рядом со мной.

Эдди нахмурился, не отрывая от стрелка глаз.

— Ты, Эдди. Ты хочешь убить его, не так ли?

Через секунду-другую Эдди признал, что так оно и есть. От этой стороны собственного характера, дикой и необузданной, ему иной раз становилось не по себе, но он не мог отрицать, что она имеет место быть. И, кто, в конце концов, извлек ее на поверхность и заточил, как бритву? Роланд кивнул.

— Однажды, после долгих лет странствий в одиночестве по пустыни, в моей жизни появился хныкающий и занятый только собой молодой человек, жизненные устремления которого состояли только в одном: принять очередную дозу наркотика, от которой ему хотелось разве что чихать да спать. Этот самодовольный, эгоистичный, горластый позер не вызывал положительных эмоций...

— Но симпатичный, — перебил его Эдди. — Не забывай об этом. Парень-то был симпатичный, настоящий секс-символ.

Роланд посмотрел на него, без тени улыбки.

— Если я смог не убить тебя тогда, Эдди из Нью-Йорка, сегодня ты сможешь не убить Келвина Тауэра, — с этим Роланд открыл дверцу со стороны пассажирского сидения и вылез из кабины.

— Ну, раз ты так говоришь, — сказал Эдди салону легковушки Каллема, и открыл свою дверцу.

Каллем еще сидел за рулем грузовичка, когда сначала Роланд, а потом Эдди присоединились к нему.

— Мне кажется, в доме никого нет, — заметил он, — но на кухне горит свет.

— Это точно, — кивнул Эдди. — Джон, у меня...

— Только не говори, что у тебя еще один вопрос. Только один человек, из тех, кого я знаю, задает больше вопросов, чем ты. Это мой внучатый племянник, Айдан. Ему как раз исполнилось три года. Не томи душу, спрашивай.

— Можете вы указать конкретное место, где в последние несколько лет приходящие появлялись наиболее часто?

Каллем задумался, но ненадолго.

— Тэтлбек-лейн^[61], в Лоувелле.

— Чувствуется, вы в этом уверены.

— Уверен. Помнишь, я упоминал моего приятеля, Донни Рассерта, профессора истории из колледжа Вандербилта?

Эдди кивнул.

— Так вот, лично столкнувшись с одним их приходящих, он заинтересовался этим феноменом. Написал несколько статей, хотя и говорил, что ни один респектабельный журнал не опубликует их, какими бы документами не подтверждались приведенные в статьях факты. Потом он признался мне, что статьи о появлении приходящих в западном Мэне научили его одной простой истине, хотя он и представить себе не мог, что в столь почтенном возрасте жизнь может еще чему-то научить: есть такое, во что люди не хотят верить, даже если ты выложишь перед ними все необходимые доказательства. Он еще процитировал какого-то греческого поэта: «В колонне истины есть дыра». Так или иначе, у себя в кабинете он повесил карту района, в котором расположены эти семь городков: Стоунэм, Ист-Стоунэм, Уотерфорд, Лоувелл, Суиден, Фрайбург и Ист-Фрайбург. И стал вкалывать булавки в те места, где видели приходящих, понимаете?

— Понимаю вас очень хорошо, сэй, говорю, спасибо вам, — кивнул Эдди.

— Так вот, как я уже сказал... да, на Тэтлбек-лейн они появлялись чаще всего, в нее Донни воткнул шесть или восемь булавок, а длиной Тэтлбек-лейн не больше двух миль. Начинается от дороги 7, петлей огибает озеро Кезар и возвращается к дороге 7.

Роланд, который смотрел на дом, повернулся влево, замер, положил левую руку на сандаловую рукоятку револьвера.

— Джон, я рад, что мы встретились, но теперь тебе пора уезжать.

— Ты уверен?

Роланд кивнул.

— Мужчины, которые приехали сюда, дураки. Тут все еще пахнет дурью, вот почему я знаю, что никуда они не съехали. Ты — не такой, как они.

Джон Каллем чуть улыбнулся.

— Хотел бы на это надеяться, но все равно, спасибо за комплимент, — он замолчал, почесал седую голову. — Если это комплимент.

— Не возвращайся на главную дорогу и начинай думать о том, что мои слова — всего лишь слова. А еще лучше, что нас здесь и не было и тебе все привиделось. Не возвращайся в свой дом даже за чистой рубашкой. Там тебя может поджидать опасность. Уезжай куда-нибудь. Как минимум, в три раза дальше горизонта.

Каллем прищурил глаз, начал что-то прикидывать.

— В пятидесятых я проработал десять лет охранником в тюрьме штата Мэн. О них и вспоминать не хочется, но там я встретил замечательного человека, которого звали...

Роланд покачал головой и прижал к губам два оставшихся пальца правой руки. Каллем кивнул.

— Имя его я запомнил, но живет он в Вермонте, и я уверен, что имя вспомню, может, даже дорогу к его дому, к тому моменту, как перееду границу Нью-Гэмпшира.

Эдди показалось, что в этой речи прозвучала фальшивая нота, но выделить ее не смог и решил, что у него просто паранойя. Уж за Джоном Каллемом лжи не замечалось... или он ошибался?

— Счастливого вам пути, — Эдди пожал Каллему руку. — Долгих дней и приятных ночей.

— И вам того же, парни, — и пожал правую руку Роланда, задержав ее в своей. — Как ты думаешь, там Бог спас мою жизнь? Когда засвистели пули?

— Йя-я, — ответил стрелок. — Если тебе так нравится. И пусть он и дальше пребывает с тобой.

— Что же касается моего старого «форда»...

— Он останется здесь или где-то неподалеку, — ответил Эдди. — Вы его найдете, а может, кто-то другой. Не волнуйтесь.

Каллем улыбнулся.

— Именно это я и хотел тебе сказать.

— *Vaya con Dios*^[62], — сказал Эдди. Улыбка Каллема стала шире.

— Именно так, сынок. Остерегайтесь этих приходящих, — он помолчал. — Некоторые из них неприятные личности. Судя по свидетельствам тех, кто с ними сталкивался.

Каллем сел за руль, включил двигатель и уехал. Роланд проводил его взглядом, разлепил губы: «Дан-тет».

Эдди кивнул. Дан-тет. Маленький спаситель. Джону Каллему это определение подходило как нельзя больше. Теперь он ушел из их жизни, как ушли старики Речного Перекрестка, как ушли другие люди. А он ушел, не так ли? Хотя, когда он говорил о своем друге в Вермонте, что-то...

Паранойя. Обычная паранойя. И Эдди выбросил эти мысли из головы.

4

Поскольку автомобиль около дома не стоял и, следовательно, заглянуть под коврик у водительского сидения не представлялось возможным, Эдди решил исследовать пространство под нижней ступенькой крыльца. Но, едва он шагнул к дому, Роланд ухватил его за плечо одной рукой, а другой указал на заросший кустами склон, спускающийся к воде и крышу, скорее всего, еще одного эллинга. Выкрашенную зеленой краской кровельную дранку засыпали опавшие сосновые иголки.

— Кто-то там есть, — губы Роланда едва шевелились. — Возможно, не самый большой дурак. И он наблюдает за нами. Подними руки.

— Роланд, ты думаешь, опасности нет?

— Нет, — и Роланд поднял руки. Эдди подумал о том, чтобы спросить, а на чем, собственно, основана его уверенность, но ответ знал и так: на интуиции. Роланд специализировался именно на этом. Со вздохом Эдди поднял руки.

— Дипно! — позвал Роланд, глядя на элинг. — Эрон Дипно! Мы — друзья, и времени у нас в обрез! Если это ты, выходи! Нам нужно посоветоваться!

Последовала пауза, потом раздался старческий голос: «Как вас зовут, мистер?»

— Роланд Дискейн из Гилеада и рода Эльда. Думаю, ты знаешь.

— И ваша профессия?

— Мое дело — свинец! — ответил Роланд, и Эдди почувствовал, как по рукам побежали мурашки. Долгая пауза. Потом: «Вы убили Келвина?»

— Нам об этом ничего не известно, — откликнулся Эдди. — Если вы знаете что-то такое, чего не знаем мы, почему бы вам не подойти и не рассказать нам?

— Вы — тот парень, который появился, когда Кел улаживал возникшие недоразумения с Андолини?

Услышав про улаживание возникших недоразумений Эдди побелел от злости. Он-то полагал, что для описания тех событий в подсобке-складе книжного магазина Тауэра следовало подобрать другие слова.

— Значит, он там улаживал возникшие недоразумения? Так он вам сказал? — и продолжил, не дожидаясь ответа Дипно. — Да, я — тот парень. Подходите сюда и давайте поговорим.

Ответа не последовало. Прошло двадцать секунд. Эдди уже набрал полную грудь воздуха, чтобы вновь позвать Дипно. Роланд положил руку ему на плечо и покачал головой. И только спустя еще двадцать секунд заскрипела, открываясь, сетчатая дверь. Из эллинга вышел высокий, худой мужчина, моргая, как сова. В одной руке он держал за ствол большой автоматический пистолет. Дипно поднял его над головой.

— Это «беретта», и он не заряжен. У меня только одна обойма, и я храню ее в спальне на полке с носками. Заряженное оружие меня нервирует. Понимаете?

Эдди закатил глаза. Злейшие враги этих людей — они сами, как сказал бы Генри.

— Отлично, — кивнул Роланд. — А теперь иди к нам.

И... да, чудесам, похоже, несть конца... Дипно пошел.

5

Кофе он сварил куда лучше, чем они пили в Кэлла Брин Стерджис, собственно такого хорошего кофе Роланд не пробовал с тех пор, как покинул Меджис, городок, затерянный на Внешней Дуге. Он угостил их еще и клубникой. Садовой и купленной в магазине, по словам Дипно, но Эдди не мог не отметить, какая она ароматная. Все трое сидели на кухне коттеджа номер 19, сдаваемого на лето компанией «Джеффордс ренталс», пили кофе и макали крупные ягоды в миску с сахаром. Когда разговор подходил к концу, они выглядели убийцами, выпачкавшими кончики пальцев в крови своей последней жертвы. Разряженный пистолет Дипно, забытый хозяином, остался на подоконнике.

Дипно прогуливался по Рокет-роуд, когда услышал стрельбу, громкую и отчетливую, потом взрыв. Поспешил к коттеджу (поспешил — громко сказано, отметил он, учитывая его нынешнее состояние), а увидев поднимающийся на юге столб дыма, пришел к выводу, что вернуться в эллинг — не самое плохое решение. К тому времени он уже практически не сомневался, что за выстрелами, взрывами и пожаром стоит тот бандит-

итальянец, который...

— Что значит, вернуться в элинг? — спросил Эдди.

Дипно шевельнул ногами под столом. На очень бледном лице темными пятнами выделялись мешки под глазами, на голове остался лишь венчик седых волос, напоминающих пух одуванчика. Эдди вспомнил слова Тауэра о том, что пару лет назад у Дипно нашли рак. Выглядел он, конечно, не очень, но Эдди видел людей, особенно в городе Луд, которые выглядели куда как хуже. Скажем, старина Гашер, давний друг Джейка.

— Эрон? Что значит, вернуть...

— Я слышал вопрос, — с легким раздражением оборвал его старик. — Мы получили письмо, в почтовом отделении, вернее, его получил Кел, с предложением перебраться из коттеджа куда-то еще, по соседству, и не высовываться. Написал его некто Каллагэн. Вы его знаете? — Роланд и Эдди кивнули. — Этот Каллагэн... можно сказать, он отчитал Кела, как мальчишку.

«Cal, Calla, Callahan», — подумал Эдди и вздохнул.

— Кел, во многих отношениях хороший человек, но не любит, когда его отчитывают. Мы на несколько дней переехали в элинг... — Дипно помолчал, возможно, занятый короткой борьбой с совестью. Потом продолжил. — Точнее, на два дня. Только на два. А потом Кел сказал, что мы — психи, что от сырости у него разболелись суставы, и он слышал, как я кашляю. «Не хватало еще, чтобы мне пришлось везти тебя в эту паршивую больницу в Норузе, — сказал он, — чтобы тебя лечили там не только от рака, но и от пневмонии». Добавил, что Андолини никогда нас здесь не найти, при условии, что молодой человек... вы... — он указал узловатым, в клубничном соке пальцем на Эдди, — будет держать язык за зубами. «Эти нью-йоркские бандиты севернее Уэстпорта шага не сделают без компаса». Его слова.

Эдди застонал. Впервые в жизни он злился из-за того, что оказался прав.

— Он сказал, что мы сделали все возможное, чтобы замести следы. На это я ответил: «Но ведь кто-то нас нашел, этот Каллагэн нас нашел». «Естественно, нашел, — согласился со мной Кел, — вновь палец нацелился на Эдди, — потому что знал, где искать почтовый индекс, а остальное труда не составило». Потом Кел сказал: «Правильно рассчитал, что нужно прямиком идти в почтовое отделение. Поверь мне, Эрон, мы здесь в полной безопасности. Никто не знает, где мы, за исключением агента, сдавшего нам этот коттедж, а она уже в Нью-Йорке».

Дипно посмотрел на них из-под густых бровей, наклонился вперед,

макнул ягоду в сахар, откусил половину.

— Так вы нас нашли? Через нью-йоркского агента?

— Нет, — ответил Эдди. — Через местного. И он привез нас прямо сюда, Эрон.

Дипно откинулся на спинку стула.

— Ох.

— Да, тут есть над чем поохать, — согласился Эдди. — Значит, вы вернулись в коттедж, а Кел продолжил закупать книги, вместо того, чтобы прятаться здесь и читать уже купленные. Так?

Дипно устался в скатерть.

— Вы должны понимать, что Кел — увлеченный человек. Книги — его жизнь.

— Нет, — ровным голосом ответил Эдди, — Кел — не увлеченный человек. Кел — одержимый, вот кто у нас Кел.

— Как я понимаю, ты у нас — стряпчий, — Роланд впервые подал голос, после того, как Дипно пригласил их в коттедж. Он закурил еще одну сигарету Каллема (предварительно обломив фильтр, как и показывал ему Джон), но, по мнению Эдди, не получал от курения никакого удовольствия.

— Стряпчий? Я не...

— Адвокат.

— А-а. Да, конечно. Но я на пенсии, не практикую с...

— Нам нужно, чтобы ты вернулся к работе и составил нам одну бумагу, — и Роланд объяснил, какая бумага им нужна. Дипно закивал буквально после первых слов стрелка, из чего Эдди сделал вывод, что Тауэр ввел своего друга в курс дела. Его это вполне устраивало. Что не нравилось, так это выражение лица старика. Однако, Дипно дал Роланду выговориться до конца. Пусть и на пенсии, он не забыл основополагающие принципы работы с клиентами.

И лишь убедившись, что Роланд закончил, позволил себе высказаться:

— Полагаю, я должен предупредить вас, что Келвин решил еще на какое-то время оставить эту недвижимость за собой.

Эдди двинул себя по той части головы, где не было ссадины, используя для этого театрального жеста здоровую правую руку. Левая рука онемела, а в раненой ноге, между лодыжкой и коленом, вновь запульсировала боль. Он предположил, что старина Эрон наверняка взял с собой в поездку какие-нибудь сильные болеутоляющие средства, и подумал, что перед расставанием нужно попросить у него несколько таблеток.

— Извините, прошу вас, но по пути в этот очаровательный маленький

городок меня крепко стукнули по голове, и, похоже, слух у меня повредился. Мне показалось, вы сказали, сэй... что мистер Тауэр решил не продавать нам пустырь.

Дипно улыбнулся, довольно-таки кисло.

— Вы прекрасно знаете, что я сказал.

— Но он должен продать его нам! У него письмо Стефана Торена, его пра-пра-прадедушки, в котором об этом ясно сказано.

— Кел говорит совсем другое, — ровным голосом ответил Дипно. — Съешьте еще ягоду, мистер Дин.

— Нет, благодарю!

— Съешь ягоду, Эдди, — поддержал старика Роланд и протянул Эдди ягоду.

Эдди ее взял. Хотел уже раздавить о нос высокого, костлявого старика, передумал, макнул в блюдечко с молоком, потом в миску с сахаром, начал есть. И, черт победи, до чего же трудно злиться, когда рот наполняет такая сладость! Роланд, несомненно, прекрасно это понимал (да и Дипно, скорее всего, тоже).

— Согласно Келу, в конверте, который достался ему от Стефана Торена, не было ничего, кроме имени этого человека, — практически лысая голова качнулась в сторону Роланда. — Завещание Торена, которое в те далекие дни еще называли «предсмертной волей», давно исчезло.

— Я знал, что находится в конверте, — упорствовал Эдди. — Он меня спросил, и я знал!

— Он мне это говорил, — Дипно бесстрастно смотрел на него. — Он сказал, что это трюк, который по силам любому уличному фокуснику.

— Он также сказал, что пообещал продать нам этот пустырь, если я смогу назвать ему имя в конверте? Он сказал вам про свое гребаное обещание?

— Он заявляет, что находился в состоянии стресса, когда давал такое обещание. И я уверен, что так оно и было.

— Так этот сукин сын думает, что мы собираемся надуть его? — спросил Эдди. Ярость глухими ударами бухала в виски. Хоть раз в жизни разбирала его такая злость? Да, однажды. Когда Роланд отказался вернуть его в Нью-Йорк, где он сумел бы раздобыть столь необходимую ему дозу. — В этом все дело? Так надувать его мы не собираемся. Отдадим все, что ему положено, до последнего цента, и даже больше. Клянусь в этом лицом отца своего! И сердцем моего старшего!

— Выслушайте меня внимательно, молодой человек, потому что это важно.

Эдди посмотрел на Роланда. Тот чуть кивнул, потом затушил окурок на каблуке. Эдди вновь повернулся к Дипно, молча, кипя от злости.

— Он говорит, что в этом и проблема. Он говорит, что вы собираетесь заплатить мизерную, чисто номинальную сумму, в подобных случаях это один доллар, а потом выплатить все остальное. Он заявляет, что вы пытались убедить его, что вы — сверхъестественное существо или человек, который имеет доступ к сверхъестественным существам... не говоря уже о доступе к миллионам «Холмс дентал корпорейшн»... но провести его вам не удалось.

Эдди смотрел на него, раскрыв рот.

— Все это Келвин говорит, — все также спокойно продолжал Дипно, — но сие не означает, что он в это верит.

— О чем вы, черт побери?

— Келвину страшно трудно расставаться с тем, что попало к нему. У него нюх на редкие и антикварные книги, знаете ли. Он — настоящий литературный Шерлок Холмс, а найдя такую книгу, стремится ее приобрести. Я видел, не раз и не два, как он преследовал владельца нужной ему книги, пока тот не сдавался и не продавал ее. Иногда лишь для того, чтобы Кел перестал обрывать ему телефон, я в этом уверен.

С учетом его таланта, местоположения магазина и значительной суммы денег, которую он получил в свое полное распоряжение на двадцать шестой день рождения, Кел должен был стать одним из самых удачливых книготорговцев Нью-Йорка. Но его проблема — не покупка, а продажа. Как только книга, которую он так хотел приобрести, оказывается у него в руках, он просто не может заставить себя с ней расстаться. Я помню, как один книжный коллекционер из Сан-Франциско, почти такой же упорный, как Келвин, уговорил-таки его продать первое издание «Моби Дика» с автографом автора. Кел заработал на этой сделке больше семидесяти тысяч долларов, но и неделю не мог спать. То же самое он испытывает по отношению к пустырю на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы. Это единственная недвижимость, помимо книг, которая принадлежит ему. И он убедил себя, что вы хотите украсть у него эту землю.

Последовала короткая пауза, которую прервал Роланд.

— Но он знает, что это не так, в глубине сердца?

— Мистер Дискейн, я не понимаю...

— Все ты понимаешь, — прервал его Роланд. — Знает?

— Да, — наконец, ответил Дипно. — Я уверен, что знает.

— В глубине своего сердца он знает, что мы — люди слова, которые заплатят за его собственность, если только не умрут.

— Да, вероятно. Но...

— Если он продаст этот пустырь нам, а мы поставим в известность о сделке старшего Андолини... его босса, человека по имени Балазар...

— Я слышал это имя, — сухо прервал его Дипно. — Оно постоянно мелькает в газетах.

— Тогда этот Балазар оставит в покое твоего друга? Если, конечно, мы растолкуем Балазару, что пустырь твой друг больше продать не может, поскольку владелец сменился, а попытка отомстить сэю Тауэру может дорого ему обойтись.

Дипно скрестил руки на узкой груди, ожидая продолжения. Теперь он смотрел на Роланда, как зачарованный.

— Короче, если твой друг Келвин Тауэр продаст нам пустырь, все его беды уйдут в прошлое. Как по-твоему, знает он это в глубине своего сердца?

— Да, — кивнул Дипно. — Все дело в его нежелании... нежелании расставаться с тем, что попало ему в руки.

— Подготовь бумагу, — подвел черту Роланд. — Объект, пустующий участок земли на углу этих двух улиц. Тауэр — продавец. Мы — покупатели.

— Покупатель — «Тет корпорейшн», — вставил Эдди. Дипно качал головой.

— Я могу подговорить документ, но вы не убедите его продать. Если только не потратите на это неделю, а то и больше, да еще вам придется прикладывать раскаленное железо к его пяткам, а то и яйцам.

Эдди что-то пробормотал. Дипно спросил, что он сказал. Эдди ответил, что ничего. На самом деле сказал: «Звучит неплохо».

— Мы его убедим, — заверил его Роланд.

— Я в этом очень сомневаюсь, друг мой.

— Мы его убедим, — повторил Роланд, предельно сухо.

Снаружи донесся приближающийся шум двигателя. Маленький автомобиль (Эдди не сомневался, арендованный у «Хертца») подкатил к дому и остановился.

«Прикуси язык, прикуси язык», — говорил себе Эдди, но, когда Келвин Тауэр выскочил из кабины, удостоив другой автомобиль разве что мимолетного взгляда, почувствовал, как кровь ударила в голову. Сжал руки в кулаки, а когда ногти вонзились в кожу ладоней, улыбнулся: боль позволила отвлечься.

Тауэр открыл багажник арендованного «шеви» и достал большую сумку. «Сегодняшняя добыча», — подумал Эдди. Тауэр коротко глянул на

юг, на дым в небе, пожал плечами и направился к коттеджу.

«Так и надо, — думал Эдди, — так и надо, сволочь поганая, что-то горит, а тебе до этого нет никакого дела». Несмотря на боль в руке, Эдди еще сильнее сжал кулаки, все глубже вгоняя ногти в кожу.

«Ты не можешь его убить, Эдди, — сказала Сюзанна. — Ты это знаешь, не так ли?»

Он это знал? А если и знал, послушался бы голоса Сюзи? Любого голоса разума, если уж на то пошло? Эдди не знал. Знал другое: настоящая Сюзанна ушла, ушла вместе с захватившей ее Миа, растворилась в далеком будущем. А вот Тауэр, с другой стороны, здесь, рядом. И в этом просматривалась определенная логика. Эдди где-то прочитал, что после атомной войны выживут, скорее всего, только тараканы.

«Не бери в голову, сладенький, просто прикуси язычок и позволь Роланду решить этот вопрос. Ты не можешь его убить».

Да, Эдди не мог.

Во всяком случае, пока сэй Тауэр не поставил свою подпись над линией из точек. А вот потом... после того, как...

6

— Эрон! — воскликнул Тауэр, поднявшись на крыльцо. Роланд поймал взгляд Дипно и приложил палец к губам.

— Эрон, ей, Эрон! — голос сильного и счастливого человека, не беглеца, а бушмена, вернувшегося с богатой добычей. — Эрон, я ездил к той вдове в Ист-Фрайбург, и, святой Иосиф, у нее есть все романы, которые только написал Герман Вук^[63]! Не издания книжного клуба, как я мог ожидать, а...

Последовал скрип открывающейся сетчатой двери, шаги в комнате.

— ...первые издания «Даблдей». «Марджори Морнингстар!» «Бунт на «Кейне»! Я думаю, кому-то на другой стороне озера следовало позаботиться о страховке от пожара, потому что...

Он вошел в кухню. Увидел Эрона. Увидел Роланда, сидевшего напротив Дипно, который смотрел на него этими пугающе-голубыми глазами с множеством морщинок по их углам. И, наконец, увидел Эдди. А вот Эдди его не увидел. В последний момент Эдди Дин зажал сцепленные руки между коленями и наклонил голову, уставившись как на руки, так и на доски под ними. Он в прямом смысле прикусил язык. А около большого пальца на правой руке появились две капельки крови. Вот на них Эдди и

сосредоточился. Можно сказать, полностью заиклился. Потому что Эдди точно убил бы обладателя этого веселого голоса, если бы тот попался ему на глаза.

«Увидел наш автомобиль. Увидел, но даже не подошел к нему. Не позвал своего друга, не спросил, все ли в порядке. Не спросил, жив ли Эрон. Потому что все мысли о книгах этого Германа Вука, не изданиях книжного клуба, а настоящих, первых. И никаких тревог. Потому что воображением ты ничем не отличаешься от Джека Андолини. Ты и Джек, пара паршивых тараканов, ползающих по полу вселенной. В глазах у вас только приз, так? Только гребаный приз».

— Вы, — выдохнул Тауэр. Куда только подевались радость и оживление, только что переполнявшие голос. — Парень из...

— Парень из ниоткуда, — говорил Эдди, не поднимая головы. — Тот самый, который вытащил тебя из рук Андолини за две минуты до того, как ты наложил в штаны. И так ты платишь за добро? Ты у нас тот еще тип, не так ли? — высказавшись, Эдди вновь прикусил язык. Сцепленные руки дрожали. Он надеялся, что Роланд вмешается... должен вмешаться, не мог ожидать, что Эдди сам справится с этим эгоистичным монстром... но Роланд молчал.

Тауэр рассмеялся. Очень нервно, дребезжащим смехом, примерно так же звучал его голос, когда он понял, кто сидит за столом кухни в арендованном им и Дипно коттедже.

— О, сэр... мистер Дин... я действительно думаю, что вы преувеличили серьезность той ситуации...

— Что я помню, — Эдди так и не поднимал головы, — так это запах керосина. Я выстрелил из револьвера моего старшего, ты это припоминаешь? Полагаю, нам повезло, что керосин не так сильно испаряется, да и стрелял я в сторону. Они разливали керосин по тому углу, где стоял твой стол. Они собирались сжечь твои самые ценные книги... или я должен сказать твоих лучших друзей, твоих близких? Потому что книги заменяют тебе и друзей, и семью, не так ли? А Дипно, кто он такой, в конце концов? Старикан с раковой опухолью, который побежал с тобой на север, когда тебе понадобился попутчик. Ты бы оставил его умирать в канаве, если бы кто-то предложил тебе первое издание Шекспира или какую-то особенную книгу с автографом Хемингуэя.

— Я не желаю этого слышать! — воскликнул Тауэр. — Мне, между прочим, известно, что мой магазин сгорел дотла, а ведь он не был застрахован! Я разорен, и вина в этом ваша! Я требую, чтобы вы немедленно убрались отсюда!

— Ты не внес очередной взнос по страховому полису, потому что тебе потребовались деньги на покупку полного комплекта произведений о Хопалонге Кэссиди^[64], когда в прошлом году на аукцион выставили библиотеку Кларенса Малфорда, — вставил Эрон Дипно. — Ты сказал мне, что незастрахованным магазин останется лишь временно, но...

— Так и было! — теперь в голосе Тауэра слышались обида и удивление, словно он не ожидал удара в спину со стороны лучшего друга. Возможно, и не ожидал. — Магазин оставался незастрахованным только временно, черт побери!

— ...но винить этого молодого человека, — а вот Дипно продолжал все также сдержанно, но уже с легким укором, — мне представляется в высшей степени несправедливо.

— Я хочу, чтобы вы ушли отсюда! — рывкнул Тауэр на Эдди. — Вы и ваш друг тоже! Я не хочу иметь с вами никаких дел! Если я когда-то думал, что мы ударим по рукам, это была... ошибка! — он схватился за это слово, как за самое редкое первое издание, выкрикнул его на два тона выше.

Эдди еще сильнее сцепил пальцы. Никогда раньше с такой ясностью не отдавал он себе отчета в том, что револьвер совсем рядом, только протяни руку. А револьвер, похоже, прибавил в весе, чтобы о нем, не дай Бог, не забыли. Эдди взмок от пота; чувствовал его запах. Пятна крови теперь просачивались между ладонями и капали на пол. Он чувствовал, как зубы впиваются в язык. Да, это действенный способ забыть о боли в ноге. Эдди решил, что язык стоит помиловать. Укорачивать его определенно не хотелось.

— Что у меня отчетливо сохранилось в памяти после нашей встречи...

— И вы взяли книги, которые принадлежат мне, — перебил его Тауэр. — Я хочу, чтобы вы мне их вернули. Я настаиваю на...

— Заткнись, Кел, — осадил его Дипно.

— Что? — в голосе слышалась не обида — шок. Тауэр едва не потерял дара речи.

— Перестань увиливать. Ты заслужил эту выволочку, и ты это знаешь. Если тебе повезет, выволочкой все и закончится. Так что замолчи, и хоть раз в жизни води себя, как мужчина.

— Что я лучше всего запомнил, — продолжил Эдди, — так это ужас, который отразился на твоём лице, когда я сказал Джеку, что я и мои друзья завалим трупами Грэнд-Арми-плазу^[65], если он не отстанет от тебя. В том числе трупами женщин и детей. Тебе это не понравилось, но знаешь, что я тебе скажу, Кел? Джек Андолини здесь, прямо сейчас, в Ист-Стоунэме.

— Вы лжете! — воскликнул Тауэр. Глубоко вдохнул, произнося эти слова, так что они не сорвались с губ, а влетели в них.

— Господи, я бы только порадовался, будь это ложь. Но я видел, как умерли две ни в чем не повинные женщины, Кел. В магазине. Андолини устроил засаду, и, будь ты верующим человеком, но я полагаю, что к Богу ты можешь обратиться только в одном случае, чтобы Он помог тебе не лишиться какого-нибудь первого издания, которое могло уйти в другие руки... Так вот, будь ты верующим человеком, у тебя, возможно, возникло бы желание встать на колени и помолиться богу эгоистичных, одержимых, жадных, бессердечных, нечестных владельцев книжных магазинов о том, чтобы старший Балазара узнал о нашем появлении здесь от женщины по имени Миа, от нее, а не от тебя. Потому что, если сюда привел их ты, Келвин, кровь этих двух женщин на твоих руках!

Голос Эдди поднимался и поднимался, и хотя он не отрывал взгляда от пола, его начала бить дрожь. Он чувствовал, как глаза набухают в орбитах, как жилы выступают на шее. Чувствовал, как подтягиваются кверху яички, маленькие и твердые, как косточки персиков. Но более всего он чувствовал желание вскочить, прыгнуть через кухню, легко и непринужденно, как прыгают балетные танцоры, и впиться руками в жирную, белую шею Келвина Тауэра. Он ждал, что Роланд вмешается, надеялся на вмешательство Роланда, но стрелок ничем себя не проявил, и голос Эдди продолжил подъем, к яростному крику.

— Одна из этих женщин упала сразу, но вторая... она еще несколько секунд оставалась на ногах. Пуля снесла ей макушку. Я думаю, пулеметная пуля. И эти секунды, оставаясь на ногах, она напоминала вулкан. Только извергала кровь, а не лаву. Да, возможно, проболталась Миа. Есть у меня предчувствие, что это ее работа. Не совсем логичное, но, к счастью для тебя, сильное. Миа воспользовалась знаниями Сюзанны, чтобы защитить своего малого.

— Миа? Молодой человек... мистер Дин... я не знаю никакой...

— Заткнись! — гаркнул Эдди. — Заткнись, крыса! Лживая, скользкая тварь! Ты — не мужчина, а жадная, загребущая, свинская пародия на него. Почему ты не поставил вдоль дороги рекламные щиты? «ПРИВЕТ, Я — КЕЛ ТАУЭР! ОСТАНОВИЛСЯ НА РОКЕТ-РОУД В ИСТ-СТОУНЭМЕ! ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ ЗАГЛЯНУТЬ КО МНЕ И МОЕМУ ДРУГУ ЭРОНУ! ЗАХВАТИТЕ ОРУЖИЕ!»

Эдди медленно поднял голову. По щекам текли слезы ярости. Тауэр уже прижался спиной к стене у двери, его глаза округлились, в них стоял ужас. Лицо блестело от пота. Сумку с приобретенными книгами он

прижимал к груди, как щит.

Эдди сверлил его взглядом. Кровь капала на пол с его крепко сцепленных рук, пятно крови вновь начало расширяться на рукаве рубашке, тоненькая струйка крови потекла из уголка рта. И теперь он уже понимал, почему молчит Роланд. Эту работу лежала на Эдди Дине. Потому что он знал Тауэра, как облупленного, не так ли? Знал его очень хорошо. Ведь он сам, не в такие уж давние времена, ни на йоту не сомневался, что в сравнении с героином все остальное — ерунда и чья-то блажь. Разве не верил, что за дозу героина можно отдать все, что угодно? Разве не дошел до той точки, когда мог отправить на панель собственную мать, чтобы обеспечить себя очередной дозой? Не потому ли он так злился?

— Этот участок на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы никогда не принадлежал тебе, — продолжил Эдди. — Ни твоему отцу, ни отцу твоего отца, и так до Стефана Торена. Вы были только хранителями, точно так же, как я — хранитель револьвера, который висит у меня на боку.

— Я это отрицаю!

— Правда? — спросил Эрон. — Как странно. Я слышал от тебя практически те же слова, когда речь заходила об этом участке земли...

— Эрон, замолчи!

— ...а такое случалось не один раз, — спокойно закончил фразу Дипно.

Что-то треснуло. Эдди вскочил, боль пробила ногу, распространяясь в обе стороны от раны в голени. Спичка. Роланд чиркнул спичкой, чтобы закурить. Фильтр лежал на клеенке, рядом с двумя другими. Они напоминали желатиновые капсулы с лекарством.

— Вот что ты мне сказал, — Эдди разом успокоился. Ярость ушла из него, как яд, высосанный после змеиного укуса. Роланд позволил ему выжать ее из себя, и, несмотря на кровоточащие язык и ладони, он мог только поблагодарить стрелка.

— Все, что я тогда говорил... я находился в состоянии стресса... боялся, что вы можете меня убить!

— Ты сказал, что у тебя есть конверт, датированный мартом 1846 года. Ты сказал, что в конверте листок бумаги с написанным на нем именем. Ты сказал...

— Я отрицаю...

— Ты сказал, если я смогу назвать тебе имя, написанное на бумаге, ты продашь мне пустырь. За один доллар. С условием, что ты получишь гораздо больше, миллионы, в ближайшем будущем... скажем, до 1985 года.

Лающий смешок сорвался с губ Тауэра.

— Почему заодно не предложить мне и Бруклинский мост?

— Ты пообещал. А теперь твой отец наблюдает, как ты пытаешься нарушить данное тобой обещание.

— Я ОТРИЦАЮ КАЖДОЕ СКАЗАННОЕ ВАМИ СЛОВО! — проревел Келвин Тауэр.

— Отрицай и будь проклят, — пожал плечами Эдди. — А теперь я собираюсь кое-что тебе сказать, Кел, кое-что такое, что идет из моего разбитого, но все еще бьющегося сердца. Ты ешь горькое блюдо, но не знаешь этого. Тебе-то сказали, что блюдо сладкое, а вкусовые сосочки твоего языка потеряли чувствительность.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите! Вы безумец!

— Нет, — возразил Эрон. — У него с головой все в порядке. Это ты будешь безумцем, если не послушаешь его. Я думаю... я думаю, он дает тебе шанс вновь обрести цель в жизни.

— Смирись, — продолжил Эдди. — Хотя бы раз послушай хорошего ангела вместо того, чтобы слушать другого. Другой ненавидит тебя, Кел. Единственное его желание — убить тебя. Поверь мне, я знаю.

В коттедже повисла тишина. На пруду закричала гагара. Издалека доносился еще более неприятный вой сирен. Келвин Тауэр облизал губы.

— Насчет Андолини это правда? Он в городе?

— Да, — теперь он слышал и стрекотание приближающегося вертолета. На место пожара спешит съемочная группа ти-ви? Нет, такое станет былью только лет через пять, особенно в захолустье.

Взгляд книготорговца сместился на Роланда. Тауэра, конечно, захватили врасплох, на него давило чувство вины, но он все-таки сумел взять себя в руки. Эдди это видел и отметил (не в первый, кстати, раз), насколько проще была бы жизнь, если бы люди соответствовали характеристике, которую ты им сразу и даешь. Ему не хотелось терять время, прикидывая, а вдруг Кельвин Тауэр — храбрец или не такой уж дальний родственник хороших людей, но возможно, и храбрости ему хватало, и законченным плохишем он не был. Черт бы его побрал.

— Вы действительно Роланд из Гилеада?

Роланд смотрел на него сквозь пелену поднимающегося к потолку табачного дыма.

— Ты говоришь правду, я говорю, спасибо тебе.

— Роланд Эльдский?

— Да.

— Сын Стивена?

— Да.

— Внук Аларика?

Глаза Роланда блеснули, возможно, от удивления. Эдди точно удивился, но испытывал, главным образом, усталость и облегчение. Вопросы, которые задавал Тауэр, означали следующее: во-первых, он знал больше, чем имя Роланда и его основное занятие, во-вторых, мысли его, наконец-то, двинулись в правильном направлении.

— Аларика, ага, — кивнул Роланд, — рыжеволосого.

— Я ничего не знаю насчет цвета его волос, но мне известно, почему он отправился в Гарлан. А вам?

— Чтобы убить дракона.

— Убил?

— Нет, он опоздал. Последнего в тех местах дракона убил другой король, который позднее погиб.

Вот тут Тауэр, удивив Эдди еще больше, обратился к Роланду на лающем языке, который в лучшем случае приходился английскому троюродным братом. Эдди услышал что-то вроде: «Had heet Rol — uh, fa heet gun, fa heet hak, fa — had gun?»

Роланд кивнул и ответил на том же языке, медленно и тщательно выговаривая каждое слово. Когда он закончил, Тауэр привалился к стене и сумка с книгами выпала из его рук на пол.

— Какой же я дурак.

Никто не стал его разубеждать.

— Роланд, не могли бы вы выйти со мной? Мне нужно... мне... нужно... — Тауэр заплакал. Сказал что-то еще на неанглийском языке, судя по интонациям вновь задал вопрос.

Роланд, не отвечая, поднялся. Эдди тоже встал, поморщившись от боли в ноге. В ней сидела пуля, все так, он ее чувствовал. Схватил Роланда за руку, потянул на себя, заставил наклониться, прошептал стрелку на ухо: «Не забудь, что у Тауэра и Дипно встреча в прачечной „Бухта черепахи“, через четыре года. Скажи ему, Сорок седьмая улица, между Второй и Первой авеню. Он, возможно, знает это место. Именно Тауэр и Дипно спасли... спасут жизнь Дону Каллагэну. Я в этом практически уверен».

Роланд кивнул, потом направился к Тауэру. Тот интуитивно сжался в комок, вдавился спиной в стену, потом с видимым усилием заставил себя выпрямиться.

Роланд взял его за руку, как это делали в Кэлле, и вывел из кухни.

После их ухода Эдди повернулся к Дипно.

— Готовьте контракт. Он продает.

Дипно ответил скептическим взглядом.

- Вы действительно так думаете?
— Да, — кивнул Эдди. — Действительно.

7

Написание контракта много времени не заняло. Дипно нашел блокнот на кухне (со смешным бобром в верхней части каждой страницы и надписью «ВАЖНЫЕ ДЕЛА НА СЕГОДНЯ») и начал писать, время от времени отрываясь от блокнота, чтобы задать Эдди тот или иной вопрос.

Покончив с контрактом, Дипно еще раз посмотрел на блестящее от пота лицо Эдди и сказал:

— У меня есть таблетки «Перкосета»^[66]. Хотите принять?

— Еще бы, — ответил Эдди, подумав, что после этих таблеток сможет, когда Роланд вернется, обратиться к нему с насущной просьбой. Пуля сидела в ноге, сомнений в этом не было, и ее следовало вытащить. — Как насчет четырех?

Во взгляде Дипно читалось сомнение.

— Я знаю, что говорю, — заверил его Эдди. — К сожалению.

8

В аптечном шкафчике Эрон нашел пару полосок детского пластыря, одну с Белоснежкой, вторую с Бемби на упаковке, и залепил ими рану на руке Эдди, предварительно обработав антисептическим раствором входное и выходное пулевые отверстия. А после того, как Эдди запил таблетки стаканом воды, спросил молодого человека, откуда он родом.

— Потому что, хоть вы и уверенно обращаетесь с этим револьвером, по выговору вы ближе ко мне и к Келу, чем к нему.

Эдди улыбнулся.

— На то есть веская причина. Я вырос в Бруклине. В Кооп-Сити. Подумал: «А может, сказать ему, что и в этот самый момент я нахожусь там? Эдди Дин, пятнадцатилетний, сексуально озабоченный подросток, слоняется по улицам. Для того Эдди Дина самое важное на свете — трахнуть. А падение Темной Башни или самый большой в мире плохиш, звать которого Алый Король... до них тому Эдди Дину нет никакого дела...»

Потом увидел выражение лица Эрона Дипно, и эти мысли вылетели из

головы.

— Что такое? У меня из носа торчит сопля или что?

— Кооп-Сити не в Бруклине, — ответил Дипно. Таким голосом обычно разговаривали с маленькими детьми. — Кооп-Сити в Бронксе. И всегда был там.

— Это... — начал Эдди, с намерением добавить, нелепо, но, прежде чем произнес это слово, мир задрожал на своей оси. Вновь Эдди сокрушило ощущение хрупкости, ощущение, что вся вселенная (или все вселенные) созданы из хрусталя, а не стали. И не было никакой возможности дать рациональное словесное отображение его чувств, потому что в происходящем рациональное отсутствовало напрочь.

— Есть и другие миры, помимо этого, — продолжил он. — Именно об этом и сказал Джейк Роланду перед смертью. «Тогда иди... есть и другие миры, кроме этого». И, должно быть, говорил правду, потому что вернулся.

— Мистер Дин? — на лице Дипно отражалась тревога. — Я не понимаю, о чем вы говорите, но вы так побледнели. Думаю, вам лучше присесть.

Эдди позволил отвести себя на кухню. Он сам понимал, о чем говорил? Понимал, как Эрон Дипно, предположительно коренной житель Нью-Йорка, мог с такой уверенностью утверждать, что Кооп-Сити находится в Бронксе, тогда как он, Эдди, твердо знал, что Кооп-Сити в Бруклине?

Нет, конечно, он понимал не все, но достаточно для того, чтобы душа ушла у него в пятки. Другие миры. Может, бесконечное число миров, и все вращаются вокруг оси, имя которой — Башня. Все похожие, но все чем-то да отличаются. Физиономиями политиков на банкнотах. Названиями моделей автомобилей. «Такуро спирт» вместо «датсана», например. Командами профессиональных бейсбольных лиг. В этих мирах, в одном из них все население выкосила болезнь, названная супергриппом, ты мог прыгать во времени, и в прошлое, и в будущее. Потому что... «Потому что, по какому-то важному критерию, все они — не реальный мир. А если они реальные, то не являются ключевым миром». Но вот этот мир — ключевой. И он это знал, потому что профессия у него была такая, ключедел: «Дад-а-чам, дад-а-чуч, не волнуйся, у тебя ключ». Берил Эванз? Не совсем реальная. Клаудия-и-Инесс Бахман? Реальная. Мир с Кооп-Сити в Бруклине? Не совсем реальный. Мир с Кооп-Сити в Бронксе? Реальный, пусть и принять это нелегко. И тут в голову пришла мысль о том, что Каллагэн попал из реального мира в один из других задолго до того, как начал свое путешествие по тайным хайвеям; попал туда, даже не зная об

этом. Он что-то говорил о похоронах какого-то мальчика, о том, как после этого...

— После этого, сказал он, все изменилось, — Эдди сел. — Все изменилось.

— Да, да, — Эрон Дипно похлопал его по плечу. — А теперь успокойтесь.

— Отец отправился из бостонской семинарии в Лоуэлл, в реальном мире. Салемс-Лот, уже нереальный мир. Придуманный писателем, которого зовут...

— Я приготовлю вам холодный компресс на лоб...

— Хорошая идея, — Эдди закрыл глаза. Мысли смешались. Реальный, нереальный. Жизнь, выдумка. Вышедший на пенсию профессор, приятель Джона Каллема, как в воду глядел: в колонне истины точно была дыра. И Эдди задался вопросом, а знает ли кто, насколько она глубокая?

9

Пятнадцать минут спустя в коттедж, вместе с Роландом, вернулся другой Келвин Тауэр, спокойный, признавший свои ошибки, исправившийся. Спросил Дипно, готов ли контракт, а когда тот кивнул, ничего не сказал, тоже ограничился кивком. Прошел к холодильнику, вернулся с несколькими банками пива «Синяя лента», раздал. Эдди отказался, не хотел мешать алкоголь с таблетками. Тауэр не стал произносить тост, но одним глотком ополовинил банку.

— Не каждый день меня мешает с дерьмом человек, который обещает при этом дать мне миллионы и освободить от самого тяжелого камня, что лежит у на сердце. Эрон, суд признает юридическую силу этого контракта?

Эрон Дипно кивнул, как показалось Эдди, с сожалением.

— Тогда, ладно, — продолжил Тауэр. После паузы добавил. — Хорошо, давайте это сделаем, — но не подписал. Роланд обратился к нему на другом, незнакомом Эдди языке. Тауэра передернуло, он расписался, его губы превратились в такую узкую полоску, что издалика могло показаться, будто рта у него вовсе и нет. Эдди расписался за «Тет корпорейшен», отметив, как это необычно, держать в руке ручку. Он и припомнить не мог, когда такое случилось с ним в предыдущий раз. После того, как на документе появились все необходимые подписи, с сзем Тауэром произошла очередная метаморфоза: он вдруг вернулся в прежнее состояние, посмотрел на Эдди и надломленным голосом выкрикнул:

— Вот! Я нищий! Дайте мне мой доллар! Мне обещан доллар! Я чувствую, как из меня уже лезет говно, и мне нужно чем-то подтереться.

А потом он закрыл лицо руками. Посидел так несколько секунд, пока Роланд складывал подписанный документ (Дипно засвидетельствовал обе подписи) и убирал в карман. Когда Тауэр опустил руки, слезы на глазах высохли, лицо стало более спокойным. На серых щеках вроде бы даже затеплился румянец.

— Я думаю, мне действительно полегчало, — он повернулся к Эрону. — Ты думаешь, эти два соchuhs^[67] правы?

— Скорее да, чем нет, — улыбнулся Эрон.

А Эдди вдруг понял, что нашел-таки способ узнать наверняка, эта ли парочка спасла отца Каллагэна от Братьев Гитлеров... ну, почти наверняка. Один из них тогда сказал...

— Послушайте меня. Есть одна фраза, вроде бы на идише. Гей кокниф ен йом. Вы знаете, что она означает? Кто-нибудь знает?

Дипно откинул голову, расхохотался.

— Да, на идише, все точно. Моя мать все время повторяла ее, когда злилась на нас. Она означает срать в океан.

Эдди посмотрел на Роланда. Через пару лет один из этих мужчин, скорее всего, Тауэр, купит перстень-печатку с выгравированными на нем словами «Ex Libris». Возможно потому, каким бы безумным ни казалось это предположение, что Эдди Дин сам подбросил ему такую идею. И Тауэр, эгоистичный, жадный, жалкий, думающий только о книгах Келвин Тауэр, спасет жизнь отцу Каллагэну, который и увидит перстень у него на руке. Он, конечно, едва не наложит в штаны от страха (и Дипно тоже), но он это сделает. И... В этот момент взгляд Эдди упал на ручку, которой Тауэр подписал договор о продаже, обычную ручку «Бик клик»^[68], и он наконец-то осознал значение случившегося. Они стали владельцами пустыря. Теперь пустырь принадлежал им. Не «Сомбра корпорейшн», а им. Роза принадлежала им! Ощущение было такое, будто ему только что со всей силы врезали по голове. Роза принадлежала «Тет корпорейшн», компании Дискейна, Дин, Дина, Чеймберза и Ыша. Теперь на них ложилась вся ответственность за судьбу розы, на горе и на радость. Этот раунд они выиграли. Однако, пуля по-прежнему оставалась в ноге.

— Роланд, — Эдди повернулся к стрелку, — ты должен кое-что для меня сделать.

Пять минут спустя Эдди лежал на кухонном линолеуме в нелепых, до колен, подштанниках, какие носили в Кэлла Брин Стерджис, держа в руке кожаный ремень, которые не один год перекочевывал из одних брюк Эрона Дипно в другие. Рядом с ним стояла миска, наполненная темно-коричневой жидкостью.

Дыра в ноге располагалась на три дюйма ниже колена и правее кости. Плоть вокруг нее приподнялась, образовав небольшой твердый конус. Кальдеру^[69] этого миниатюрного вулкана заполнял блестящий красно-пурпурный сгусток крови. Под икру Эдди Эрон Дипно подложил два сложенных полотенца.

— Ты собираешься загипнотизировать меня? — спросил он Роланда. Потом посмотрел на ремень, который держал в руке и понял, каким будет ответ. — Черт, не собираешься, не так ли?

— Нет времени, — Роланд, который до этого рылся в ящике слева от раковины, направился к Эдди. С клещами в одной руке и ножом в другой. Эдди подумал, что это отвратительное сочетание.

Стрелок опустился рядом с ним на колено. Тауэр и Дипно стояли в гостинной, наблюдая за происходящим широко раскрытыми глазами.

— Корт дал нам один совет, когда мы были мальчишками. Мне тебе его повторить, Эдди?

— Если ты думаешь, что он поможет, конечно.

— Боль поднимается. От сердца к голове, боль поднимается. Сложи ремень сэя Эрона пополам и сунь в рот.

Эдди так и сделал, чувствуя себя круглым дураком и очень испуганный. В скольких вестернах он видел аналогичную сцену? Иногда Джон Уэйн прикусывал палку, иногда Клинт Иствуд прикусывал пулю, и вроде бы в каком-то телефильме Роберт Калп прикусывал именно ремень.

Внезапное воспоминание, удивительно яркое, возникло перед его мысленным взором, и ремень вывалился изо рта. Эдди даже вскрикнул.

Роланд, который как раз собирался промыть инструменты в антисептическом растворе, налитом в миску, озабоченно взглянул на Эдди.

— Что такое?

Какие-то мгновения Эдди не мог ответить. В груди не осталось воздуха, легкие просто сложились. Он вспомнил фильм, который вместе с братом смотрел как-то днем по телевизору в их квартире, расположенной в (бруклинском) (бронкском) Кооп-Сити. Обычно Генри, как более сильный и старший, выбирал, что они будут смотреть. Эдди, если и протестовал, то нечасто и недолго, потому что обожал старшего брата (затягивание протестов грозило Ожогом индейской веревки или Голландским захватом

шей). Что Генри нравилось, так это вестерны. Фильмы, в которых кому-то из героев рано или поздно приходилось прикусывать палку или пулю.

— Роланд, — голос слабеньким шепотом сорвался с губ. — Роланд, послушай.

— Я слышу тебя очень хорошо.

— Есть один фильм. Я рассказывал тебе о фильмах, так?

— Истории, рассказанные в движущихся картинках.

— Иногда Генри и я оставались дома и смотрели их по телевизору. Телевизор, в принципе, машина для показа фильмов дома.

— Некоторые говорят, для показа дерьма, — вставил Тауэр. Эдди пропустил его слова мимо ушей.

— В одном из фильмов речь шла о мексиканских крестьянах, тех же фермерах и ранчерах Кэллы, которые наняли стрелков, чтобы те защитили их от бандитов. Бандиты каждый год совершали набег на их деревню и увозили с собой урожай. Тебе это о чем-то напоминает?

Во взгляде Роланда читалось серьезность и, возможно, грусть.

— Да, конечно.

— И название городка Тиана. Мне оно всегда казалось знакомым, только я не мог понять, почему. Теперь понимаю. Фильм назывался «Великолепная семерка», и, между прочим, Роланд, сколько нас было в тот день в окопе, когда мы поджидали Волков?

— Вас не затруднит объяснить нам, о чем вы, собственно, говорите? — спросил Дипно. Спросил вежливо, но Роланд и Эдди проигнорировали и его. Роланд на мгновение задумался.

— Ты, я, Сюзанна, Джейк, Маргарет, Залия и Роза. Еще близнецы Тавери и сын Бена Слайтмана, но бойцов — семеро.

— Да. И связь, которую я никак не мог уловить, — режиссер фильма. Когда снимаешь фильм, нужен человек, который все организует. Это режиссер. Он — старший на съемочной площадке.

Роланд кивнул.

— Старшего «Великолепной семерки» звали Джон Стерджис.

Роланд задумался разве что на мгновение, прежде чем найти объяснение.

— Ка.

Эдди расхохотался. Ничего не мог с собой поделать. Роланд всегда знал ответ.

— Для того, чтобы поймать боль, — наставлял его Роланд, — ты должен прикусить ремень в тот самый момент, когда почувствуешь ее. Ты понимаешь? В тот самый момент. Держи ее своими зубами.

— Все понял. Только давай побыстрее.

— Сделаю все, что в моих силах.

Роланд опустил в антисептический раствор сначала клещи, потом нож. Эдди ждал, с ремнем во рту, чуть прихватив его зубами. Да, достаточно только раз уловить общую картину, чтобы все стало ясно, не так ли? Роланд — главный герой, умудренный опытом воин, которого должна играть умудренная опытом, но еще находящаяся на пике популярности знаменитость, вроде Пола Ньюмена, а может, Иствуда в голливудской версии. Он сам — молодой ковбой, которого должна сыграть самая популярная на тот момент молодая звезда. Том Круз, Эмилио Эстевес, Роб Лоув, кто-нибудь такого уровня. А здесь и сейчас декорации, которые нам всем знакомы: хижина в лесу, и будет сниматься сцена, которую мы видели многократно, но по-прежнему не можем оторвать глаз: Извлечение пули. Чего не хватает, так это доносящегося издали зловещего боя барабанов. И тут Эдди осознал, что барабанов нет, потому что эпизод со зловещими барабанами, они же барабаны Господни, остался в прошлом. Потом этот самый бой барабанов обернулся усиленной динамикой песенной мелодией группы «Z.Z.Тор», которую транслировали через громкоговорители, установленные на уличных углах в городе Луде. Да уж, к сожалению, ситуация с ними становилась все яснее и яснее: они были персонажами чьей-то истории. Весь этот мир...

«Я отказываюсь в это верить. Я оказываюсь верить, что вырос в Бруклине только из-за ошибки какого-то писателя, ошибки, которую вероятно, исправили в верстке. Эй, отец Каллагэн, я с тобой в одной лодке... отказываюсь верить, что я — персонаж. Это моя гребаная жизнь!»

— Давай Роланд! Вытащи из меня это дерьмо.

Стрелок полил антисептическим раствором голень Эдди, потом острием ножа удалил из раны сгусток крови. Поднес к ране клещи.

— Готовься прикусить боль, Эдди, — пробормотал он, и мгновением позже Эдди ее прикусил.

Роланд знал, что делает, проделывал это раньше, да и пуля вошла неглубоко. Ее извлечение заняло не больше девяноста секунд, но эти

полторы минуты стали самыми долгими в жизни Эдди. Когда ему удалось разжать пальцы, стрелок положил ему на ладонь расплюснутую пулю.

— Сувенир, — сказал он. — Остановилась у самой кости. Ты слышал, как щипцы царапнули об нее.

Эдди посмотрел на бесформенный кусочек свинца, отбросил, как камешек.

— Не нужен он мне, — и вытер пот со лба. Тауэр, настоящий коллекционер, поднял пулю с линолеума. Дипно тем временем зачарованно рассматривал следы от зубов на своем ремне.

— Кел, — Эдди приподнялся на локтях. — В вашем шкафу была одна книга...

— Я хочу, чтобы вы вернули мне все книги, — тут же перебил его Тауэр. — И вам бы лучше хорошо о них заботиться, молодой человек.

— Я уверен, что они в прекрасном состоянии, — Эдди напомнил себе о необходимости при случае вновь прикусить язык. «Или снова взять у Эрона ремень и впиться зубами в него, если язык станет жалко».

— Рад это слышать, молодой человек. Теперь у меня не осталось ничего, кроме этих книг.

— Да, если не считать еще сорока или около того, которые хранятся в различных банковских ячейках, — вставил Эрон Дипно, не обращая ни малейшего внимания на злобный взгляд, которым удостоил его Тауэр. — Экземпляр «Улисса» с автографом, возможно, самое лучшее, но хороши и несколько томов Шекспира, и полное собрание сочинений Фолкнера, подписанное автором...

— Эрон, почему бы тебе не замолчать?

— ...и издание «Гекльберри Финна», которое в любой день недели можно легко обратить в «мерседес-бенц», — закончил Дипно.

— Короче, одна из них называлась «Салемс-Лот». Написал ее...

— Стивен Кинг, — назвал автора Тауэр. Еще раз взглянул на пулю и положил на стол рядом с сахарницей. — Мне говорили, что он живет где-то неподалеку. Я купил два экземпляра «Лота» и три его первой книги, «Кэрри». Собирался поехать в Бридгтон и подписать их у него. Теперь, наверное, не получится.

— Я не понимаю, почему она такая ценная, — продолжил Эдди, и тут же воскликнул. — Ох, Роланд, больно!

Роланд проверял только что наложенную на ногу Эдди повязку.

— Не дергайся, — бросил он.

Тауэр не обратил внимания на их реплики. Эдди вновь развернул книготорговца в сторону его любимого конька, навязчивой идеи, самого

дорогого в жизни. По разумению Эдди, Голлум из книг Толкиена сказал бы, «его прелести».

— Вы помните, что я говорил вам, когда мы обсуждали роман «Хоган», мистер Дин? Или «Доган», если вам так больше нравится? Я говорил, что стоимость редкой книги, или редкой монеты, или редкой марки, складывается из многих факторов. Иногда это всего лишь автограф...

— На вашем экземпляре «Салемс-Лот» подписи автора не было.

— Совершенно верно, потому что этот конкретный автор еще молод и не очень известен. Он может вырасти в большого мастера, а может и не вырасти, — Тауэр пожал плечами, словно говоря, что на все воля ка. — Но эта книга... видите ли, тираж первого издания составил лишь семь с половиной тысяч экземпляров, и почти все продали в Новой Англии.

— Почему? Только потому, что автор — уроженец Новой Англии?

— Да. Как часто случается, ценность книги создается исключительно благодаря случаю. Местная сеть книжных магазинов решила организовать рекламную кампанию. Они даже сподобились на рекламный ролик, чего практически не бывает в рамках региональных кампаний. И их стратегия сработала. Сеть магазинов «Книжная страна Мэна» заказала пять тысяч экземпляров, практически семьдесят процентов тиража, и продала едва ли не все. Опять же, как и в случае с «Хоганом», не обошлось без опечаток. Не на титульном листе, но на клапане суперобложки. Вы можете определить первое издание романа «Салемс-Лот» по вырезанной цене. В последнюю минуту издательство «Даблдей» решило увеличить ее с семи долларов девяносто пяти центов до восьми девяносто пяти, и по фамилии священника.

Роланд оторвался от повязки на ноге Эдди.

— А что не так с фамилией?

— В книге фамилия священника Каллагэн. А на клапане написано отец Коди, хотя на самом деле Коди — фамилия городского врача.

— И этого достаточно, чтобы цена книги поднялась с девяти баксов до девяти с половиной сотен? — изумился Эдди. Тауэр кивнул.

— Да, из-за малого тиража, обрезанной суперобложки, опечатки. Но в коллекционировании первых изданий есть еще и элемент спекулятивности, который я нахожу... очень будоражащим.

— Это лишь одно из определений, — сухо заметил Дипно.

— Например, предположим, что этот Кинг станет знаменитым и получит признание критики? Я понимаю, шансы невелики, но, допустим, это случилось? Тогда и без того редкие экземпляры первого издания его

второго романа будут стоить уже не девятьсот пятьдесят долларов, а в десять раз больше, — он хмуро глянул на Эдди. — Так что берегите мой экземпляр.

— Я уверен, что вы получите его в наилучшем виде, — ответил Эдди и задался вопросом, а что подумает Тауэр, узнав, что книга эта стояла на полке в доме одного из персонажей романа? А вышеупомянутый дом находился в городке, практически ничем не отличающемся от другого городка, из старого фильма, в котором звезда экрана Юл Бриннер сыграл двойника Роланда, а подающий большие надежды Хорст Бушхольц — Эдди. «Он подумает, что я — псих, вот что он подумает». Эдди поднялся, его качнуло, он ухватился за кухонный стол. Через несколько секунд мир перестал вращаться.

— Идти сможешь? — спросил Роланд.

— Раньше мог, не так ли?

— Раньше никто в твоей ноге не ковырялся.

Эдди оторвался от стола, сделал несколько пробных шагов, кивнул. Боль вспыхивала в голени всякий раз, когда он перемещал вес тела на правую ногу, но, тем не менее, идти он мог.

— Я дам вам оставшиеся таблетки «Перкосета», — предложил Эрон. — Себе я еще достану.

Эдди уже открыл рот, чтобы сказать, да, конечно, несите их сюда, а потом заметил, что Роланд смотрит на него. Если бы Эдди ответил согласием на предложение Дипно, стрелок бы промолчал, чтобы Эдди не потерял лица... но, да, его старший наблюдал за ним. Эдди подумал о речи, которую произнес, обращаясь к Тауэру, о той ее части, где так поэтично расписал, как Келвин ест горькое блюдо. Он говорил правду, поэтичную или нет. Но речь эта, судя по всему, не лишила Эдди желания приняться за тот же самый обед. Несколько таблеток «Перкодана», потом несколько «Перкосета». И те, и другие, очень уж близкие соседи героя. И сколько пройдет времени, прежде чем он перестанет размениваться на мелочи и начнет искать настоящее обезболивающее?

— Пожалуй, я обойдусь без «Перкосета», — ответил Эдди. — Мы собираемся в Бридгтон...

В глазах Роланда отразилось удивление.

— В Бридгтон?

— Да. По дороге, если потребуется, разживусь где-нибудь аспирином.

— Астином, — в голосе Роланда зазвучали теплые нотки.

— Вы уверены, что обойдетесь? — спросил Дипно.

— Да, — ответил Эдди, — уверен, — и добавил. — Я говорю, спасибо

вам.

Пятью минутами позже все четверо стояли на засыпанной сосновыми иголками подъездной дорожке, слушая сирены и глядя на дым, уже не столь черный и густой. Эдди нетерпеливо вертел в руке ключи от «форда» Джона Каллема. Роланд уже дважды спросил его, так ли необходима эта поездка в Бридгтон, и Эдди дважды ответил, что уверен в необходимости съездить туда практически на сто процентов. Второй раз добавил (где-то с надеждой), что Роланд, как старший, может, если есть у него такое желание, принять другое решение.

— Нет, если ты думаешь, что мы должны повидаться с этим словоплетом, мы повидаемся. Я хочу только услышать от тебя, почему.

— Думаю, мы оба это поймем, когда приедем туда.

Роланд кивнул, но по лицу чувствовалось, что такой ответ его не устраивает.

— Я знаю, что ты не меньше моего хочешь покинуть этот мир... этот уровень Башни. Поэтому, раз ты настаиваешь на том, чтобы мы здесь задержались, значит, твоя интуиция очень сильна.

Интуиция, разумеется, имела место быть, но только ею дело не ограничивалось: Сюзанна вновь дала о себе знать, он получил послание из ее версии «Догана». Она стала пленницей в собственном теле, по крайней мере, Эдди думал, что именно это она пыталась ему сказать, но она в 1999 году и у нее все в порядке. Произошло это, когда Роланд благодарил Тауэра и Дипно за их помощь. Эдди находился в ванной. Пошел туда, чтобы отлить, но вдруг забыл об этом, просто сидел на опущенной крышке сидения унитаза, опустив голову, закрыв глаза. Пытался послать ей сообщение. Пытался сказать, чтобы она, насколько возможно, притормозила Миа. По ее посланию у него сложилось впечатление, что в Нью-Йорке день, вторая половина дня, и это не радовало. Потому что Джейк и Каллагэн, войдя в Ненайденную дверь, оказались в ночном Нью-Йорке. Это Эдди видел собственными глазами. Они еще могли помочь Сюзанне, но при одном условии: если она притормозит Миа. «Продержись день, — посылал он Сюзанне мысленный сигнал... или пытался послать. — Ты должна продержаться день, прежде чем она отведет тебя туда, где должна родить ребенка. Ты слышишь меня? Сюзи, ты слышишь меня? Ответь, если слышишь! Джейк и отец Каллагэн идут к тебе, и ты

должна продержаться!»

«Июнь, — ответил ему напевный голос. — Июнь 1999 года. Девушки ходят по улицам, выставляя напоказ живот и...» И тут раздался стук Роланда в дверь, а голос Роланда спросил, готов ли Эдди трогаться в путь. Потому что до вечера они должны добраться до Тэтлбек-лейн в Лоувелле, где, согласно Джону Каллему, наиболее часто появлялись приходящие и, следовательно, истончалась граница реальности, а ведь им еще надо заехать и в Бридгтон и, возможно, встретиться с человеком, который создал Доналда Каллагэна и городок Салемс-Лот.

«Вот будет номер, если Кинг окажется в Калифорнии, куда его вызвали доработать сценарий или за чем-то еще», — подумал Эдди, но, откровенно говоря, не мог в это поверить. Они по-прежнему находились на тропе Луча и на пути ка. Как, предположительно, и сэй Кинг.

— Вам нужно ехать очень осторожно, — предупредил их Дипно. — Вокруг полно копов. Не говоря уж об Андолини и остатках его веселой банды.

— Раз уж ты упомянул Андолини, — Роланд перевел взгляд с Дипно на Тауэра, — я думаю, вам двоим следует поехать туда, где его нет.

Тауэр, естественно, взбрыкнул. Ничего другого Эдди от него и не ожидал.

— Уехать отсюда? Вы, должно быть, шутите! У меня список из десятка человек, живущих неподалеку, которые собирают книги... покупают, продают, меняют. Некоторые знают, что делают, но другие... — он сжал и разжал указательный и средний пальцы, имитируя ножницы, стригущие невидимую овцу.

— В Вермонте тоже живут люди, которые продают старые книги, лежащие по сараям, — подал голос Эдди. — И вы должны помнить, с какой легкостью нам удалось вас найти. Именно благодаря вам, Кел.

— Он прав, — кивнул Эрон, и на этот раз Келвин Тауэр промолчал, поджал губы, наклонил голову и принялся рассматривать мыски своих ботинок. Дипно же повернулся к Эдди. — Мы с Келом хотя бы сможем показать наши водительские удостоверения, если нас остановят местные копы или полиция штата. Я предполагаю, у вас никаких удостоверений нет.

— Предполагаете правильно, — ответил ему Эдди.

— И я очень сомневаюсь, что вы сможете показать разрешение на ношение этих пугающе больших револьверов.

Эдди бросил взгляд на большой, и невероятно древний револьвер, висевший чуть ниже бедра, улыбнулся, вскидывая глаза на Дипно.

— И в этом вы не ошиблись.

— Тогда будьте осторожны. Вы поедете не к Ист-Стоунэму, а в противоположную сторону, так что, возможно, вас никто и не остановит.

— Спасибо, — Эдди протянул руку. — Долгих дней и приятных ночей. Дипно ее пожал.

— Это добрые слова, сынок, но, боюсь, в последнее время мои ночи не очень-то приятны, а если ситуация на медицинском фронте в самом скором времени не переменится к лучшему, мои дни тоже не будут особо длинными.

— Они протянутся дольше, чем вы, возможно, думаете, — ответил Эдди. — У меня есть веская причина верить, что вы проходите на своих ногах еще как минимум четыре года.

Дипно прикоснулся пальцем к губам, нацелил его в небо.

— Из уст этого человека да в ухо Господа.

Эдди повернулся к Келвину Тауэру, пока Роланд пожимал руку Дипно. На мгновение подумал, что книготорговец не захочет обменяться с ним рукопожатием, но тот в конце концов протянул руку. С видимой неохотой.

— Долгих дней и приятных ночей, сэй Тауэр. Вы поступили правильно.

— Меня вынудили, и вы это знаете, — ответил Тауэр. — Магазины нет... недвижимости нет... и, похоже, заканчивается первый мой отпуск за десять лет...

— "Майкрософт", — вдруг вырвалось у Эдди. А потом:

— Лимоны.

Тауэр моргнул.

— Простите.

— Лимоны, — повторил Эдди и тут же расхохотался.

На конце своей по большей части никчемной жизни Великий Мудрец и Выдающийся Торчок Генри Дин больше всего любил принять дозу, а приняв дозу, порассуждать о том, как он собирается сорвать крупный куш на фондовой бирже. Когда речь заходила об инвестициях, он полагал себя равным Э.Ф.Хаттону^[70].

— В одно я точно никогда не буду инвестировать, братец, — говорил ему Генри, когда они поднялись на крышу. Произошло это незадолго до поездки Эдди на Багамы за кокаином. — Куда я никогда не вложу свои деньги, так это в компьютерное дерьмо. «Майкрософт», «Макинтош»,

«Санио», «Санкио», «Пентиум» и все такое.

— А ведь эти акции пользуются популярностью, — ввернул Эдди. Не потому, что его это волновало, но, черт, возьми, получался разговор. — Особенно «Майкрософт». Их цена только поднимается.

Генри пренебрежительно рассмеялся и сделал несколько движений рукой, словно гонял шкурку.

— Мой член, вот что у нас поднимается.

— Но...

— Да, да, я знаю, люди клюют на это дерьмо. Вот акции и растут в цене. И когда я наблюдаю за этим, знаешь, что я вижу?

— Нет, что?

— Лимоны.

— Лимоны? — переспросил Эдди. Он-то думал, что понимает, о чем толкует Генри, а оказалось, что нет. Разумеется, закат в этот день выдался потрясающим, да и дозу он принял немалую.

— Ты меня слышал! — фыркнул Генри, мгновенно вскипев. — Гребаные лимоны. Чему тебя только учили в школе, братец? Лимоны — это такие маленькие зверушки, которые живут по всей Швейцарии, а может где-то еще. И время от времени, кажется, каждые десять лет, но не уверен, у них возникает желание покончить с собой, и они бросаются с утесов.

— А-а-а, — протянул Эдди и прикусил щеку изнутри, чтобы не расхохотаться. — Те лимоны. Я думал, ты говоришь про другие, из которых делают лимонад.

— Все шутишь, — сощурился Генри, но продолжил тему, решив простить непочтительность брата, как великие и знаменитые иной раз прощают мелкую, невежественную сошку. — В общем, я вот о чем толкую. Все эти люди, которым не терпится инвестировать в «Майкрософт», «Макинтош» и, ну, не знаю, гребаный «Невроз нарвас спид дайл чип»... да, благодаря им Билл Гребан Гейтс и Стив Гребан Джобс-а-рино станут богачами. Но это компьютерное дерьмо обвалится и сгорит к 1995 году, все эксперты так говорят, так чего люди вкладывают в него деньги? Гребаные лимоны, бросающиеся с утесов в гребаный океан.

— Точно, гребаные лимоны, — согласился Эдди и растянулся на теплой крыше, чтобы Генри не догадался, что он полностью потерял ход мыслей старшего брата. Он видел миллионы лимонов бегущих трусцой к утесам, все в красных шортах и белых кроссовках, совсем как шоколадные драже в телевизионном рекламном ролике «Эм-энд-эмс».

— Да, но я сожалею, что не вложился в «Майкрософт» в восемьдесят втором, — продолжил Генри. — Ты понимаешь, тогда эти акции стоили по

пятнадцать баксов, а сейчас их продают за тридцать пять? Такая жалость!

— Лимоны, — мечтательно повторил Эдди, наблюдая за блекнущими красками заката. В своем мире жить ему оставалось меньше месяца, в том мире, где Кооп-Сити находился в Бруклине, и всегда там был, а Генри оставалось меньше месяца до смерти.

— Да, — Генри улегся рядом с ним, — но все-таки мне хотелось бы вернуться в восемьдесят второй.

15

— Я из будущего, — он все держал Тауэра за руку. — Вы это знаете, не так ли?

— Я знаю, что он мне так сказал, да, — Тауэр мотнул головой в сторону Роланда и попытался вырвать руку. Эдди ее не отпустил.

— Послушайте меня, Кел. Если послушаете, а потом последуете моему совету, то сможете заработать в пять, в десять раз больше тех денег, которые стоил на рынке недвижимости ваш пустырь.

— Откровения человека, который даже не носит носков, — усмехнулся Тауэр, вновь попытавшись вырвать руку. И опять Эдди ее удержал. Раньше, резонно предположил он, у него бы не вышло, но теперь его руки стали куда сильнее. И воля тоже.

— Откровения человека, который видел будущее, — поправил он Тауэра. — А будущее за компьютерами, Кел. Будущее за «Майкрософтом». Сможете вы это запомнить?

— Я смогу, — откликнулся Эрон. — «Майкрософт».

— Никогда не слышал о такой компании, — пробурчал Тауэр.

— Не слышали, — согласился Эдди. — Думаю, ее пока и не существует. Но она появится, скоро, и станет гигантской. Компьютеры, понимаете? Компьютеры для всех и каждого, так, по крайней мере, планировалось. Будет планироваться. А рулить всем будет Билл Гейтс. Всегда Билл, никаких Уильямов.

На мгновение в голове мелькнула мысль, что этот мир все-таки отличается от того, где выросли он и Джейк, это мир Клаудии-и-Инесс Бахман, а не Берил Эванз, так что, возможно, великого компьютерного гения будут звать не Билл Гейтс, а, скажем, Чин Хо Фак. Но Эдди решил, что такое все-таки маловероятно. Этот мир очень уж напоминал его собственный: те же марки автомобилей, те же бренды («Кока-кола» и «Пепси», никаких «Нозз-а-Ла»), те же президенты на банкнотах. И он мог с

достаточной уверенностью рассчитывать на появление Билла Гейтса (не говоря уже о Стиве Джобс-а-рино) в положенное им время. С одной стороны, его это совершенно не волновало. Келвин Тауэр во многом был полным говнюком. С другой, Тайэр противостоял Андолини и Балазару, сколько мог. Удержал, уберег от них пустырь. И теперь договор о продаже лежал у Роланда в кармане. Они задолжали Тауэру сумму, равную рыночной стоимости пустыря. И вот этот должок не имел никакого отношения к симпатиям или антипатиям, которые он испытывал по отношению к Тауэру, в чем старине Келу, скорее всего, повезло.

— Акции «Майкрософта» в 1982 году вы сможете купить по пятнадцать долларов, — уточнил Эдди. — К 1987 году, когда я отправился, скажем так, на постоянный отдых, эти акции будут стоить по тридцать пять долларов.

— Это вы говорите, — Тауэр наконец-то смог выдернуть руку.

— Если он так говорит, это правда, — внес свою лепту Роланд.

— Скажете мне спасибо, — добавил Эдди. Подумал о том, что прогноз, выданный Тауэру, построен на наблюдениях обдолбанного наркомана, но решил, что в этом случае ошибки не будет.

— Поехали, — Роланд нетерпеливо вертанул рукой. — Если мы хотим повидаться с писателем, нам пора.

Эдди скользнул за руль «форда» Каллема, внезапно осознав, что никогда больше не увидит ни Тауэра, ни Эрона Дипно. Никто из них не увидит, за исключением отца Каллагэна. Они вступили в пору расставаний.

— Счастья вам, — крикнул он, высунувшись из окна. — И пусть все у вас будет хорошо.

— И у вас, — ответил Дипно.

— Да, — поддержал его Тауэр, и на этот раз в голосе не слышалось ни обиды, ни неприязни. — Удачи вам обоим. Долгих дней и счастливых ночей, или чего там принято у вас желать.

Места едва хватило, чтобы развернуться, не давая задний ход. Эдди только облегченно вздохнул, чувствуя, что еще не в достаточной мере вспомнил навыки вождения автомобиля, чтобы воспользоваться задней передачей.

Когда они поехали к Рокет-роуд, Роланд обернулся и помахал рукой. Такого за ним никогда не замечалось, и, понятное дело, на лице Эдди отразилось изумление.

— Игра завершается, — сказал Роланд. — Я всю жизнь шел к этому, ждал долгие годы. Конец близится. Я это чувствую. И ты тоже?

Эдди кивнул. На ум пришло сравнение исполнением какого-то

музыкального произведения, когда инструменты вдруг набирают ход, устремляясь неизбежному громоподобному финалу.

— Сюзанна? — спросил Роланд

— Пока жива.

— Миа?

— Пока контролирует тело.

— Младенец?

— Пока в животе.

— Джейк? Отец Каллагэн?

Эдди остановился у выезда на шоссе, посмотрел налево, направо, только потом повернул.

— Ничего. Их я не слышал. А ты?

Роланд покачал головой. Джейк, оказавшийся где-то в будущем, под защитой бывшего католического священника и ушастика-путаника, не давал о себе знать. Но Роланд надеялся, что у мальчика все в порядке.

На тот момент ничего другого ему не оставалось.

КУПЛЕТ:

Commala — me — mine!

You have to walk the line.

When you finally get the thing you need

It makes you feel so fine.

ОТВЕТСТВИЕ:

Commala — come — nine!

It makes ya feel fine!

But if you'd have the thing you need

You have to walk the line.

Строфа 10. Сюзанна-Миа, раздвоенная девочка моя

1

«Джон Фицджеральд Кеннеди умер сегодня во второй половине дня в Парклэндской мемориальной больнице».

Этот голос, этот скорбящий голос: голос Уолтера Кронкайта, из сна.

«Последний стрелок Америки мертв. О, Дискордия!»

2

Когда Миа выходила из номера 1919 нью-йоркского отеля «Плаза-Парк» (вскорости ему предстояло стать отелем «Королевский ООН-Плаза», проектом «Сомбра/Норд центр», о, Дискордия), Сюзанна впала в обморочное состояние. А обморок перешел в жуткий сон, наполненный кошмарными новостями.

3

Следующим она услышала голос Чета Хантли, одного из ведущих программы «Хантли-Бринкли рипорт»^[71]. Но голос этот, она не могла понять, как такое могло быть, принадлежал и ее шоферу, Эндрю.

— Дьем и Нгу мертвы, — сообщает голос. — А теперь спускайте псов войны, начинается сага скорби; путь отсюда до Иерихонского холма вымощен кровью и грехом. Ах, Дискордия! Дерево смерти! Приходи, жатва!

«Где я?»

Она оглядывается и видит бетонную стену, исписанную именами, фамилиями, слоганами, ругательствами. Посередине большими буквами приветствие, оно сразу бросается в глаза тому, кто сидит на койке: «ПРИВЕТ НИГГЕР ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД ОКСФОРД ПОСТАРАЙСЯ НЕ ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА».

Промежность слаксов влажная. Трусики просто мокрые, и она вспоминает, почему: хотя поручителя под залог уведомили заранее, копы держали их в камерах, как могли, долго, со смехом игнорирую просьбы выпустить в туалет. В камерах-то не было унитазов, раковин, даже жестяных ведер. И не требовались семь пядей во лбу, чтобы догадаться, почему: от них ждали, что они надут в штаны, покажут свою животную сущность, наглядно продемонстрируют, что они — люди низшего сорта, и, похоже, в какой-то момент она надула, она, Одетта Холмс...

«Нет, — думает она. — Я — Сюзанна. Сюзанна Дин. Меня вновь схватили, я снова в тюрьме, но я по-прежнему Сюзанна Дин».

Она слышит голоса, которые звучат в отдалении, не в соседних камерах, голоса, которые олицетворяют для нее настоящее. Она может предположить, что доносятся они из телевизора, который стоит в комнате охраны, но такого просто быть не может. Или это чья-то дьявольская шутка. Иначе с чего Френку Макги говорить, что брат президента Кеннеди, Бобби, мертв? С чего Дейву Гарроуэю из информационной программы «Сегодня» говорить, что маленький сын президента Кеннеди мертв, что Джон — Джон! — погиб в авиакатастрофе? Как же это ужасно, слышать такую чудовищную ложь, сидя в вонючей тюрьме маленького городка на Юге, когда мокрые трусики липнут к телу. И почему «Бык» Боб Смит из «Хауди-Дуди»^[72], кричит: «Веселитесь детки, Мартин Лютер Кинг мертв»? А дети кричат в ответ: «Каммала — кам — ше! Нам твоя речь по душе! Лишь мертвый ниггер бывает хорошим, убьем одного вечером!»

Поручитель скоро придет. Она должна держаться за эту мысль, как за спасительную соломинку. Должна.

Она подходит к решетке, хватается за прутья. Да, это город Оксфорд, все точно, она опять в Оксфорде, двое мужчин убиты под светом луны, и кто-то должен как можно скорее расследовать это убийство. Но она собирается выбраться отсюда, улететь, улететь далеко, улететь домой, а вскоре перед ней откроется новый, огромный, совершенно неведомый мир, который ей предстоит исследовать, в котором она встретит незнакомца и полюбит его, в котором сама станет другим человеком. Каммала — кам — ось, путешествие началось.

Но это же ложь. Путешествие практически завершилось. Ее сердце это знает.

Дальше по коридору открывается дверь, к ее камере приближаются шаги. Она смотрит в направлении шагов, жадно, в нетерпении, надеясь увидеть поручителя или помощника шерифа со связкой ключей, но нет, это черная женщина в украденных туфлях на ногах. Ее прежнее я. Это Одетта

Холмс. Не пошла в больше-чем-дом, но пошла в Колумбийский университет. И во все эти кофейни в Виллидж. И в Замок-над-бездной, в тот дом, тоже.

— Послушай меня, — говорит Одетта. — Никто не сможет вытащить тебя отсюда, кроме тебя самой, девочка.

— Ты лучше наслаждайся своими ногами, пока они у тебя есть, сладенькая! — голос, который она слышит, срывается с ее губ, хриплый, воинственный, но под этой воинственностью скрыт страх. Голос Детты Уокер. — Ты скоро останешься без них! Тебе их отрежет в подземке поезд А. Знаменитый поезд А! Мужчина, звать которого Джек Морт, столкнет тебя с платформы на станции Кристофер-стрит, аккуратно под колеса поезда.

Одетта спокойно смотрит на нее и говорит:

— Поезд А там не останавливается. И никогда не останавливался.

— Что за херню ты несешь, сука?

Одетту не обманывает ни сам голос, ни ругательства. Она знает, с кем говорит. И знает, о чем говорит. В колонне истины есть дыра. Это голоса не с граммофона, а ее погибших друзей. Это призраки в руинах.

— Возвращайся в «Доган», Сюзанна. И помни, что я говорю: только ты сможешь себя спасти. Только ты сможешь вытащить себя из Дискордии.

4

А теперь это голос Дэвида Бринкли, сообщающий, что некий Стивен Кинг погиб, угодив под колеса минивэна «додж», когда прогуливался неподалеку от дома. Кингу было пятьдесят два года, говорит Бринкли, он написал много романов, наиболее известные из которых «Противостояние», «Сияющий» и «Салемс-Лот». Ах, Дискордия, говорит Бринкли, мир становится темнее.

5

Одетта Холмс, женщина, которой когда-то была Сюзанна, вытягивает руку между прутьями решетки, указывает на что-то за спину Сюзанны. Повторяет:

— Только ты сама сможешь себя спасти. Но путь оружия ведет как к осуждению на вечные муки, так и к спасению души; в конечном итоге разницы нет.

Сюзанна поворачивается, чтобы посмотреть, на что указывает палец и от увиденного ее охватывает ужас: кровь! Господи, кровь! Лохань, наполненная кровью, а в ней плавает мертвое чудовище, мертвый ребенок, не человеческий младенец, и это она убила его?

— Нет! — кричит Сюзанна. — Я никогда этого не сделаю! НИКОГДА!

— Тогда стрелок умрет, а Темная Башня рухнет, — предрекает ужасная женщина, которая стоит в коридоре, ужасная женщина в туфлях Труды Дамаскус. — И это действительно Дискордия.

Сюзанна закрывает глаза. Может она заставить себя упасть в обморок? Может обмороком вытащить себя из этой камеры, из этого жуткого мира? Она может. Проваливается в темноту и мягкое пиканье электронных устройств, последним слышит голос Уолтера Кронкайта, который говорит ей, что Дьем и Нгу мертвы, астронавт Алан Шепард мертв, Линдон Джонсон мертв, Ричард Никсон мертв, Элвис Пресли мертв, Рок Хадсон^[73] мертв, Роланд из Гилеада мертв, Эдди из Нью-Йорка мертв, Джейк из Нью-Йорка мертв, мир мертв, миры, Башня падает, миллион вселенных перемешиваются, всему Дискордия, всему разрушение, всему конец.

6

Сюзанна открыла глаза, судорожно огляделась, жадно ловя ртом воздух. Едва не вывалилась из стула на котором сидела. Стула на колесиках, который мог кататься вдоль пультов управления с множеством кнопок, переключателей, мигающих лампочек. Над головой висели черно-белые экраны. Она вернулась в «Доган». Оксфорд (Дьем и Нгу мертвы) обернулся лишь сном. Сном во сне, если угодно. Это был другой сон, куда как лучший. На большинстве экранов, которые в ее прошлый визит сюда показывали Кэллу Брин Стерджис, теперь она видела «снег»^[74] или тестовые таблицы. На одном экране, впрочем, изображение сохранилось: коридор девятнадцатого этажа отеля «Плаза-Парк». Камера, направленная в пол, двигалась в сторону лифтов, и Сюзанна поняла, камера эта — глаза Миа, через которые она и смотрит. «Мои глаза», — уточнила Сюзанна. Она, конечно, злилась, но чувствовала, что злость эту можно задобрить. А ее следовало задобрить, если она хотела тщательно обдумать то невообразимо чудовищное, что привиделось ей во сне. Нечто в углу тюремной камеры в Оксфорде. Нечто в лохани с кровью. «Это мои глаза. Она их умыкнула, вот и все». Еще один телевизионный экран показал Миа, подошедшую к

лифтам. Оглядев кнопки, она нажала одну, с направленной вниз стрелкой. «Мы идем на встречу с повитухой, — подумала Сюзанна, мрачно глядя на экран, с губ сорвался короткий, невеселый смешок. — Да, мы идем на встречу с повитухой, замечательной повитухой из страны Оз. Потому что, потому что, потому что, ПОТОМУ ЧТО... Потому что она творит чудеса, принимая роды!»

Никуда не делись и диски, которые она устанавливала, не обращая внимания на боль. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА сохранила прежнее значение — 72. Не изменилось и положение тумблера, с маркировкой «МАЛОЙ» — «СОН». И на мониторе над тумблером изображение младенца оставалось двухцветным, никаких тревожащих голубых глаз. На абсурдном диске «ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК» против стрелки все также стояла цифра "2", но Сюзанна видела, что большинство огней, которые прошлый раз были желтыми, сменили цвет на красный. Трещин в полу прибавилось, а древний скелет солдата в углу потерял голову: мощная вибрация расположенных под полом машин сорвала череп с позвоночника и теперь он смеялся, лежа на полу, уставившись пустыми глазницами на флуоресцентные лампы под потолком.

Стрелка на шкале «Сюзанна-Миа» добралась до края желтой зоны. На глазах Сюзанны переместилась в красную. Опасность, опасность. Дьем и Нгу мертвы. Папа Док Дювалье мертв. Джекки Кеннеди мертва.

Она попыталась скорректировать установленные параметры, но лишь убедилась в том, что и так знала: все заблокировано. Миа, возможно, не могла изменить параметры, как это сделала Сюзанна, но сумела их заблокировать, как только Сюзанна выставила на приборах новые, устраивающие ее значения. На это, похоже, ее хватило.

Из динамиков громкой связи послышался треск и скрежет. Достаточно громкий, чтобы она подпрыгнула от неожиданности. Потом услышала голос Эдди, прорывающийся сквозь сильные помехи. «Сюзи!...нь...ышишь меня? продерж...нь! прежде чем... ведет... должна... нка. Ты слышишь меня?» На экране, который по ее разумению, показывал то, что видит Миа, двери среднего лифта открылись. Похитившая ее тело мамашка-стерва вошла в кабину. Сюзанна едва это заметила. Она схватила микрофон, щелкнула тумблером на боковой стороне подставки.

— Эдди! — закричала она. — Я в 1999 году. Девушки ходят по улице с голым животом и выставляют напоказ бретельки от бюст... — Господи, куда ее понесло? Усилием воли она очистила голову от мусора.

— Эдди, я тебя не понимаю. Скажи еще раз, сладенький!

На какое мгновение шум статических помех усилился, перемежаемый какими-то взвизгами. Она уже собралась вновь воспользоваться микрофоном, когда голос Эдди вернулся, на этот раз она смогла расслышать побольше.

«Продержись... день! Джейк... отец Каллагэн... продержись... прежде чем она... туда, где... родить ребенка...слышишь меня..? Ответь... поняла?»

— Я слышу тебя и я поняла! — закричала Сюзанна. Она так крепко сжимала серебристый микрофон, что он ходил ходуном в ее руках. — Я в 1999! В июне 1999-го! Но я не поняла всего, как мне хотелось бы, сладенький! Повтори еще раз и скажи, что с тобой все в порядке!

Но связь с Эдди оборвалась. Обратившись к нему еще с полдесятка раз и услышав в ответ лишь шум статических помех, Сюзанна поставила микрофон на пульт и попыталась проанализировать услышанное. Постаралась также сдержать радость (Эдди жив, помнит о ней, пытается что-то ей сообщить), мешающую ясности мыслей.

— Продержись день, — повторила она. Эта часть, по крайней мере, трактовалась однозначно. — Продержись день. Потяни время, — да, она решила, что тут все поняла правильно. Эдди хотел, чтобы она притормозила Миа. Может, потому, что Джейк и отец Каллагэн придут на помощь? Тут полной уверенности не было, да и такой расклад не очень-то ей нравился. Джейк — стрелок, все так, но он совсем мальчик, ребенок. А Сюзанна почему-то не сомневалась, что в Дикси-Пиг на встречу с Миа соберутся крайне опасные личности и в большом количестве.

Тем временем, на мониторе, камерой которого служили глаза Миа, двери кабины лифта открылись вновь. Похитившая ее тело мамашка-стерва прибыла в вестибюль отеля. Вот Сюзанна отвлеклась от Эдди, Джейка и отца Каллагэна. Вспомнила, как Миа отказывалась перехватить контроль над телом, несмотря на то, что ноги Сюзанны-Миа грозили исчезнуть аккуратно из-под их общего тела. Потому что, перефразируя какого-то старого поэта, она — одинокая и испуганная в чужом для нее мире. Еще и застенчивая. А ситуация в вестибюле изменилось за время, которое похитившая ее тело мамашка-стерва провела в номере, ожидая телефонного звонка. Разительно изменилась. Сюзанна наклонилась вперед, оперлась локтями о край пульта управления, подбородок лег на сдвинутые ладони. Похоже, зрелище ее ждало любопытное.

Миа вышла из кабины, тут же попыталась вернуться обратно. Однако, спиной стукнулась о закрывшуюся дверь, да так сильно, что лязгнули зубы. Она оглянулась, в недоумении, не понимая, куда могла исчезнуть маленькая комнатка, в которой она спустилась. «Сюзанна? Что с ней случилось?» Темнокожая женщина, в теле которой она находилась, не удосужилась ответить, но Миа поняла, что ответа ей и не требуется. Она уже видела щель, в которой исчезала и из которой появлялась дверь. Нажми она на кнопку, дверь, наверное, снова открылась бы, но ей пришлось побороть разом возникшее и очень сильное желание вернуться в номер 1919. Наверху она все дела закончила. А оставшееся дело ждало ее совсем в другом месте, за дверями отеля.

Она посмотрела на эти двери, с тревогой, которая от одного грубого слова или косого взгляда могла тут же смениться паникой.

В номере она провела чуть больше часа, но за это время послеполуденное затишье успело закончиться. Пять или шесть такси из аэропортов «Ла-Гардиа» и Кеннеди остановились у отеля практически одновременно. Вместе с ними подъехал и автобус, доставивший японских туристов из международного аэропорта Ньюарка. Рейсом из Саппоро прилетели пятьдесят пар, для которых забронировали номера в «Плаза-Парк». И теперь в вестибюль быстро вливалась говорливая толпа. В большинстве своем она состояла из людей с блестящими черными волосами и черными же, узкими глазами. У каждого на груди болтался продолговатый предмет с округлыми углами. То и дело кто-то поднимал сей предмет к глазам и наставлял на другого. Следовала яркая вспышка, смех, радостные крики. Перед регистрационной стойкой образовались три очереди. К красотке, которая выдавала Миа ключ в более спокойный период, присоединились еще два сотрудника, и все трое трудились в поте лица. Огромный, с высоким потолком вестибюль наполнился смехом и разговорами на каком-то странном языке, который напоминал Миа щебетание птиц. Многочисленные зеркала еще больше сбивали ее с толку. Ей казалось, что народу в вестибюле раза в два больше, чем было на самом деле.

Миа сжалась, не зная, что и делать.

Улыбающийся мужчина (черные волосы, словно приклеенные к черепу, желтая кожа, узкие глаза за круглыми очками) торопливо подскочил к ней, держа в руках продолговатый вспыхивающий предмет. Миа подобралась, чтобы убить его, если он попытается на нее напасть.

— Мосете вы делать фото меня и моя сена?

И предлагает ей вспыхивающий предмет. Явно хочет, чтобы она его

взяла. Миа отпрянула, гадая, не работает ли он от радиации, не повредят ли вспышки малому. «Сюзанна! Что мне делать?» Нет ответа. Естественно что Сюзанна не придет на выручку, но... нет, она и не могла ничего ожидать, после того, что случилось.

Улыбающийся мужчина все пытался сунуть ей в руки вспыхивающий предмет. На его лице уже читалось некоторое недоумение, но, в основном решимость. «Вы делать фото, посялуйста?» И он буквально впихнул продолговатый предмет ей в руку. Отступил на шаг, обнял женщину, которая выглядела точно так же, как он, если не считать челки блестящих черных волос на лбу. Даже круглые очки были такими же.

— Нет, — ответила Миа. — Извини, прошу тебя... нет, — паника подступила совсем близко, яркая ослепляющая, грозящая закружить в своем смерче, (или ты делать фото, или мы убивать бэби) и Миа уже хотела бросить продолговатый вспыхивающий предмет на пол. Но от удара он мог разбиться, выплеснув наружу то дьявольское вещество, которое питало энергией вспышки.

Поэтому она осторожно положила всыхивающую штуковину на пол, одарила изумленную японскую пару (мужчина все еще обнимал жену за талию) извиняющейся улыбкой и поспешила через вестибюль к маленькому сувенирному магазинчику. Даже музыка изменилась. Если раньше пианист наигрывал успокаивающие мелодии, то теперь перешел на что-то резкое и лишенное гармонии, прямо-таки музыкальный аналог головной боли.

«Мне нужна рубашка, потому что моя в крови. Я добуду рубашку, а потом пойду в Дикси-Пиг, на углу Шестьдесят первой улицы и Лексингтон... Лексингтон, я хотела сказать, Лексингтон-авеню... там я, наконец, рожу своего ребенка. Я рожу, и вся эта суета закончится. Я буду вспоминать о том, как боялась, и посмеюсь от души».

Но в магазине тоже толпился народ. Японские женщины рассматривали сувениры и переговаривались друг с другом на своем птичьем языке, дожидаясь, пока их мужья получат ключи от номеров. Миа видела, что прилавок завален рубашками, но их разглядывали, их ощупывали женщины. И к прилавку выстроилась очередь.

«Сюзанна, что мне делать? Ты должна мне помочь!»

Нет ответа. Сюзанна была рядом, Миа ее чувствовала, но не желала помочь. «И действительно, — подумала Миа, — а я бы помогла, окажись на ее месте?»

Ну, возможно, и помогла бы. Разумеется, для этого кому-то пришлось бы предложить ей достойную компенсацию, но...

«Правда — это единственное, что мне от тебя нужно», — холодно ответила Сюзанна.

Кто-то коснулся Миа, когда она стояла в дверях магазинчика, и она повернулась, одновременно поднимая руки. Будь это ее враг или враг малого, она выцарапала бы ему глаза.

— Исьвините, — улыбнулась еще одна черноволосая женщина. Как и мужчина, она протягивала ей один из продолговатых, вспыхивающих предметов. В центре находился круглый глаз, который смотрел на Миа. Она видела в нем отражение собственного лица, маленького, темного, недоумевающего. — Делать мое фото, посялуйста? Делать фото меня и моей подюги?

Миа понятия не имела, что она говорит, чего хочет, для чего нужны эти вспыхивающие штуковины. Она только знала: здесь слишком много людей, они везде, это какой-то сумасшедший дом. Через окно магазина она видела, что перед отелем тоже толпа. У тротуара стояли желтые автомобили, длинные черные автомобили с окнами, через которые ничего не видно (хотя люди, которые сидели внутри, несомненно, видели, что происходит снаружи), и огромное серебристое транспортное средство с работающим двигателем. Двое мужчин в зеленой униформе с серебряными свистками стояли на мостовой. Где-то неподалеку что-то загрохотало. Миа, которая никогда не слышала отбойного молотка, показалось, что заработал пулемет, но на улице никто не падал на тротуар, спасаясь от пуль, на лицах не отразилось ни малейшей тревоги.

И как же, скажите на милость, она в одиночку могла добраться до «Дикси-Пиг»? Ричард П. Сейр выразил уверенность, что Сюзанна ей поможет, но Сюзанна упрямо хранила молчание, а Миа чувствовала, что вот-вот потеряет контроль над собой.

И тут Сюзанна вновь подала голос.

«Если я немного помогу тебе, отведу в спокойное место, где ты сможешь перевести дыхание и, по крайней мере, что-то сделать со своей рубашкой, ты дашь мне честные ответы?»

«Насчет чего?»

«Насчет ребенка, Миа. И насчет матери. То есть тебя».

«Я на них уже ответила».

«Я так не думаю. Я считаю, что ты такой же первородный демон... ну, как и я. Я хочу знать правду».

«Почему?»

«Я хочу знать правду», — повторила Сюзанна и замолчала, отказываясь реагировать на вопросы Миа. И когда еще один улыбающийся

невысокий мужчина подошел к ней с очередной вспыхивающей штуковиной, у Миа сдали нервы. Да в одиночку она не могла пересечь вестибюль отеля. Что говорить о том, чтобы добраться до «Дикси-Пиг»? После стольких лет в

(Федике)

(Дискордии)

(Замке-над-бездной)

Ей просто хотелось зайтись криком, оказавшись посреди этого людского водоворота. И, в конце концов, почему не поделиться с этой темнокожей женщиной той малостью, которую она знала? Все равно она, Миа, ничья дочь, мать одного, командовала парадом. Кому могла помешать толика правды?

«Хорошо, — сказала она. — Я сделаю все, о чем ты просишь, Сюзанна, или Одетта, ли кто там ты есть. Только помоги мне. Уведи меня отсюда».

Сюзанна Дин выступила вперед.

8

Женский туалет примыкал в бару отеля, стоило лишь пройти мимо пианиста и повернуть за угол. Две желтокожих, черноволосых, узкоглазых женщины стояли у ряда раковин. Одна мыла руки, вторая поправляла волосы, обе щебетали на своем птичьем языке. Ни одна не обратила внимания на негритянку, которая проследовала мимо них к кабинкам. А несколько мгновений спустя они оставили ее в благословенной тишине, нарушаемой только тихой музыкой, которая доносилась из упрятанных за навесным потолком динамиков.

Миа видела, как работает защелка, и закрыла кабинку. Уже собралась сесть на сидение унитаза, когда Сюзанна подала голос: «Выверни ее наизнанку».

«Что?»

«Рубашку, женщина. Выверни ее наизнанку, ради своего отца!»

На мгновение Миа застыла, как вкопанная. Никак не могла прийти себя от потрясения, которое испытала в вестибюле.

Таким рубашкам, связанным из грубой пряжи и напоминающим пуловер, в холодную погоду отдавали предпочтение как мужчины, так и женщины Кэллы. Одетта Холмс назвала бы ее водолазкой. Никаких пуговиц, поэтому, да, вывернуть ее и надеть снова не составляло труда,

но...

По голосу Сюзанны чувствовалось, что она теряет терпение: «Ты собираешься стоять столбом весь день? Выверни ее наизнанку! И на этот раз заправь в джинсы».

«З... зачем?»

«С заправленной рубашкой ты будешь выглядеть по-другому», — без запинки ответила Сюзанна, не назвав, правда, истинной причины. Ей хотелось взглянуть на себя ниже талии. Если ее ноги принадлежали Миа, тогда они, скорее всего, были белыми. Она просто представить себя не могла (от этой мысли даже мутило), что тело ее стало двухцветным.

Миа еще чуть-чуть постояла, потирая подушечками пальцев грубую пряжу рубашки чуть повыше самого большого кровавого пятна, над левой грудью. Снять рубашку через голову. Вывернуть наизнанку! В вестибюле у нее возникали разные мысли (достать из кармана черепашку, вырезанную из слоновой кости, загипнотизировать людей в магазине, возможно, была единственной, которую она могла реализовать на практике), но надеть ту же рубашку, только изнанкой кверху... нет до этого она не додумалась. Еще одно доказательство того, что она едва не впала в панику. Но теперь...

Нужна ли ей Сюзанна на то короткое время, которое предстоит провести в этом запруженном людьми, сбивающем с толку городе, таком непохожим на тихие комнаты замка или пустынные улицы Федика? Только для того, чтобы добраться до пересечения Шестьдесят первой улицы и Лексингтон?

«Лексингтон, — поправила женщина, соседка по телу. — Лексингтон-авеню. Ты никак не можешь этого запомнить, так?»

Да. Да, она не могла запомнить. И, собственно, почему она не могла запомнить такую ерунду? Возможно, она не бывала в больше-чем-доме, не бывала ни в больше-чем-доме, ни в никаком доме, но ведь она далеко не дура. Тогда почему...

«Что такое? — спросила Миа. — Чему ты улыбаешься?»

«Ничему», — ответила другая женщина... но продолжала улыбаться. Просто лыбилась. Миа чувствовала, что лыбилась, и ей это определенно не нравилось. Наверху, в номере 1919, Сюзанна кричала на нее в ужасе и ярости, обвиняла в том, что она, Миа, предала мужчину, которого любила Сюзанна, за которым шла. И действительно, этого хватило, чтобы Миа стало стыдно. Чувство это не доставило ей никакого удовольствия, но она бы предпочла, чтобы женщина, делящая с ней тело, визжала, плакала, сходила с ума от горя. А улыбка ее нервировала. Эта коричневокожая женщина пыталась обвести ее вокруг пальца, возможно, уже обвела.

Такого, понятное дело, быть не могло, она же находится под защитой Короля, но...

«Скажи мне, чего ты улыбаешься?!»

«А, не обращай внимания, — ответила Сюзанна, только интонациями она больше напоминала другую, которую звали Детта. Вот ее Миа терпеть не могла. И даже немного побаивалась. — Просто был такой типчик, звали его Зигмунд Фрейд, сладенькая... похотливый козел, но не дурак. Так он сказал, если человек всегда что-то забывает, причина, возможно, в том, что ему хочется это забыть».

«Это глупо, — холодно ответила Миа. В этот момент открылась дверь и в туалет, в одной из кабинок которого они вели этот мысленный разговор, вошли две женщины, нет, как минимум, три, может, и четыре, щебечущие на птичьем языке и смеющиеся так громко, что Миа аж скрипнула зубами. — Почему у меня должно возникнуть желание забыть место, где они ждут, чтобы помочь мне родить моего ребенка?»

«Ну, этот Фрейд... умненький, курящий сигары, похотливый козел из Вены... он говорил, что под нашим разумом есть еще один разум, он называл его бессознательным, или подсознанием, или как-то еще. Я не утверждаю, что так оно и есть, но вот он утверждал».

(«Продержись день», — сказал ей Эдди, это она знала точно, вот она и делала, что могла, надеясь, ее старания не приведут к тому, что кроме нее, погибнут еще и Джейк, и Каллагэн).

«Старый козел Фрейд, — продолжила Детта, — он говорит, что во многих аспектах подсознание и бессознательное умнее того разума, что наверху. Докапывается до истины быстрее, чем верхний разум. И, возможно, твое подсознание понимает, о чем я тебе постоянно толкую, понимает, что твой друг Сейр на самом деле лживый сукин сын, который собирается отнять у тебя твоего ребенка, а потом... ну не знаю, порубить его на куски и скормить его вампирам. Ты же понимаешь, такое блюдо придется им по вку...»

«Замолчи! Заткни свою лживую пасть!»

У раковин одна из женщин засмеялась так пронзительно, что Миа почувствовала, как ее глаза завибрировали, грозя обратиться в жидкость и вытечь на щеки. Ей хотелось выскочить из кабинки, схватить этих женщин за головы и двинуть мордой в зеркало, раз, другой, третий, снова и снова, пока кровь не забрызгает стену до самого потолка, а мозги...

«Нервы, нервы», — откликнулась женщина из тела, теперь вроде бы Сюзанна.

«Она лжет! Эта тварь ЛЖЕТ!»

«Нет, — ответила Сюзанна, и от убежденности, которая звучала в этом коротком ответе, сердце Миа пронзила стрела страха. Она говорит, что думает, это точно, и она не лжет. — Давай Миа, выворачивай рубашку наизнанку».

С завершающим взрывом смеха птицеженщины покинули туалет. Миа сняла рубашку через голову, обнажив груди Сюзанны, цвета кофе, в который плеснули капельку молока. Ее соски, всегда не больше вишенки, теперь заметно увеличились. Соски, ждущие, когда же их охватит крохотный ротик.

И действительно, на внутренней стороне рубашки кровавые пятна едва просматривались. Миа надела ее, потом расстегнула джинсы, чтобы засунуть подол внутрь. Сюзанна уставилась на свой живот, чуть повыше островка лобковых волос. Тут ее кожа цветом напоминала молоко, в которое добавили чуть-чуть кофе. А далее начинались белые ноги женщины, с которой она встречалась в галерее замка. Сюзанна знала, спусти Миа джинсы пониже, она бы увидела поцарапанные голени, которые уже лицезрела, когда Миа, настоящая Миа, смотрела из Дискордии на красное зарево, поднимающееся над замком Короля.

Увиденное ужасно испугало Сюзанну, и очень быстро (на это ушло не больше мгновения) она поняла причину испуга. Одно дело, если бы Миа заменила только части ног, которые потеряла Одетта Холмс после того, как Джек Морт столкнул ее под колеса поезда подземки. Но белыми были и ее бедра, да и нижняя часть туловища изменила цвет. Что за странная ликантропия^[75]?

«А началось все с кражи ребенка, — весело воскликнула Детта. — Скоро у тебя будет белый живот... белые груди... белая шея... белые щеки...»

«Перестань», — осадила ее Сюзанна, но когда Детта Уокер прислушивалась к ее требованиям? Ее или кого-то еще?

«А потом, напоследок, и твои мозги станут белыми, девочка! Они станут мозгами Миа! И разве это будет несправедливо? Отнюдь! Ты полностью превратишься в Миа! И на тебя наплюют, если ты вдруг захочешь сесть за руль!»

Потом бедра скрылись под подолом рубашки, Миа застегнула джинсы, села на сидение унитаза. Перед глазами оказалась надпись на двери: «БАНГО СКАНК ЖДЕТ КОРОЛЯ».

«Кто такой Банго Сканк»? — спросила Миа.

«Понятия не имею».

«Я думаю, — слова давались нелегко, но Миа выдавила их из себя. —

Я думаю, что должна поблагодарить тебя».

Сюзанна ответила без малейшей заминки: «Поблагодари меня правдой».

«Сначала скажи, почему ты все-таки помогла мне, после того, как я...»

На этот раз Миа не смогла закончить предложение. Ей нравилось полагать себя храброй, и храбрость свою она поставила на службу малому... но на этот раз она не смогла закончить предложение.

«После того, как ты предала мужчину, которого я люблю, тем, кто, если уж докапываться до сути, служит Алому Королю? После того, как ты не нашла ничего плохого в том, что они убьют самого дорогого мне человека, при условии, что ты сохранишь своего любимчика? Ты хочешь услышать ответ именно на этот вопрос?»

Миа конечно, не понравилась тирада Сюзанны. Совершенно не понравилась. Но свое недовольство она оставила при себе. Пришлось.

«Да, женщина, если тебя это не затруднит».

На этот раз ей ответила другая, голосом — грубым, лающим, насмешливым, торжествующим, сочащемся ненавистью — более неприятным, чем пронзительный смех птицеженщин. Куда как более неприятным.

«Потому что мои мальчики остались живехоньки, вот почему! Выдали этим козлам по полной программе! Тех, кого они не пристрелили, разорвало в клочья!»

Миа как-то сразу стало не по себе. Правду говорила эта противная женщина или нет, но она верила в свои слова. И если Роланд и Эдди Дин до сих пор живы, может, Алый Король не так силен, не так всемогущ, как ей об этом говорили? А в таком случае, не обманули ли ее, обещая...

«Перестань, перестань, нельзя так думать!»

«Есть и другая причина, по которой я помогла», — грубый голос ушел, уступив место второму. По крайней мере, на какое — то время.

«Какая?»

«Это и мой ребенок, — ответила Сюзанна. — Я не хочу, чтобы его убили».

«Я тебе не верю».

Но она поверила. Потому что женщина, соседствующая с ней в теле, говорила правду: Мордред Дискейн и Дискordia принадлежали им обоим. Плохой было наплевать на малого, но Сюзанна, вторая, чувствовала его притяжение. И, если она права насчет Сейра и тех, кто ждал в «Дикси-Пиг»... если они лгуны и мошенники...

«Хватит. Хватит. Мне некуда идти, кроме как к ним».

«Есть, — быстро ответила Сюзанна. — С Черным Тринадцатым ты можешь пойти, куда угодно».

«Ты не понимаешь. Он будет преследовать меня. Преследовать шар».

«Ты права. Я не понимаю», — на самом деле Сюзанна уже понимала, во всяком случае, думала, что понимает, но.... «Продержись день», — сказал он.

«Хорошо, постараюсь объяснить. Я сама понимаю не все, кое-чего просто не знаю, но скажу тебе все, что смогу».

«Спасибо т...», — на полуслове Сюзанна начала падать, вновь, как Алису ее понесло по кроличьей норке. Сквозь унитаз, сквозь пол, через трубы, проходящими под полом, в другой мир.

На этот раз падение привело ее не в замок. Роланд рассказывал им несколько историй о случившемся с ним в годы странствий... о сестрах-вампирах и маленьких докторях Элурии, о шагающих водах Ист-Дауна и, конечно, трагическую историю его первой любви. Вот у Сюзанны и создалось впечатление, что она «выпала» из кроличьей норки в одну из этих историй. А может, в одну из овсовых опер («вестернов для взрослых», как их называли), сериалов, которые показывали по каналам относительно новой телевещательной корпорации Эй-би-си^[76]: «Шугарфут» с Таем Хардином, «Маверик» с Джеймсом Гарнером и, фаворит Одетты Холмс, «Чейен» с Клинтон Уокером. (Однажды Одетта написала письмо в дирекцию Эй-би-си с предложением расширить рамки жанра и, соответственно, привлечь новую аудиторию, сняв сериал о странствующем ковбое-негре во второй половине 1860-х годов, после завершения Гражданской войны. Ответа она не получила. Потом поняла, что писать такие письма — нелепость, потеря времени, ничего больше).

Она увидела конюшню с надписью на фронтоне: «ПОЧИНЕННАЯ СБРУЯ ДЕШЕВО». Увидела отель, предлагающий «ТИХИЕ КОМНАТЫ, ХОРОШИЕ КРОВАТИ». Увидела как минимум пять салунов. Перед одним из них ржавый робот на скрипучих гусеницах вращал головой из стороны в сторону. По центру того места, где полагалось находиться лицу, располагался громкоговоритель в форме рога, вещающий пустынному городу: «Девочки, девочки, девочки! Есть и живые, есть и киборги, но что с того, разницы вы не заметите, они сделают все, что вы захотите, без единой жалобы, такого слова в их лек-си-коне нет, они удовлетворят любого!

Девочки, девочки, девочки! Некоторые киборги, некоторые настоящие, но на ощупь все одинаковые! Они делают все, что вы хотите! Они хотят того же, что и вы!»

Рядом с Сюзанной шагала все та же молодая белокожая красавица с огромным животом, поцарапанными ногами и прямыми, до плеч, черными волосами. В этот самый момент они проходили под вывеской «ФЕДИКСКИЙ САЛУН „ХОРОШЕЕ ВРЕМЯ“, БАР И ТАНЦПЛОЩАДКА». Вылинявшее клетчатое платье подчеркивало, что она практически на сносях и до родов остается совсем ничего. Huaraches, которые она носила в галерее замка, уступили место потрепанным сапогам с короткими голенищами. Точно такие же сапоги были и на ней, и каблук глухо стучали по дощатой пешеходной дорожке.

Из одного из заброшенных салунов доносилась веселенькая мелодия, и Сюзанна на ум пришли слова какого-то давнего стишка о парнях, которые славно веселились в «Салуне Маламута».

Она посмотрела на низкие, вращающиеся на боковых стойках дверцы и несколько не удивилась, прочитав на них: «САЛУН МАЛАМУТА».

Замедлила шаг, чтобы заглянуть в салун поверх дверец, и увидела хромированное пианино, которое играло само по себе, пыльные клавиши поднимались и опускались. Механический музыкальный автомат, сработанный, несомненно, столь популярным в здешних краях «Норд центр позитроникс», развлекал пустой зал, если не считать сломанного робота да двух скелетов в дальнем углу, на стадии окончательного разрушения, когда кости превращаются в пыль.

Дальше, в самом конце единственной улицы городка, высилась крепостная стена. Такая высокая и широкая, что загораживала полнеба.

Сюзанна вдруг подняла руку и кулаком стукнула себя по голове. Потом вытянула руки перед собой, щелкнула пальцами.

— Что ты делаешь? — спросила Миа. — Скажи, прошу тебя.

— Хочу убедиться, что я здесь. Во плоти и крови.

— Так и есть.

— Вроде бы да, но как такое может быть?

Миа покачала головой, показывая, что не знает. И вот в этом, по меньшей мере, Сюзанна могла ей поверить. Детта, похоже, придерживалась того же мнения, раз уж молчала.

— Это не то, что я ожидала, — Сюзанна крутила головой, оглядываясь. — Такого я совершенно не ожидала.

— Правда? — спросила ее спутница, не выказывая особого интереса. Шагала Миа вперевалочку, неуклюже, но очень мило, напоминая уточку,

той самой походкой, какой отдают предпочтение все женщины на последних неделях, а то и днях беременности. — А чего ты ожидала, Сюзанна?

— Полагаю, чего-то более средневекового. Похожего на это, — она указала на замок. Миа пожала плечами, как бы говоря, бери, что дают, потом спросила:

— Вторая с тобой? Мерзкая?

Само собой, спрашивала она о Детте.

— Она всегда со мной. Моя часть, точно так же, как малой — часть тебя.

Впрочем, Сюзанне по-прежнему не давал покоя вопрос, а как, собственно, Миа могла забеременеть, если трахали ее, Сюзанну.

— Я скоро разрожусь малым, — резонно указала Миа. — Но ты-то никогда не отделаешься от нее?

— Я думала, что отделалась, — честно призналась Сюзанна. — Но она вернулась. Думаю, в основном, для того, чтобы разбираться с тобой.

— Я ее ненавижу.

— Знаю, — и Сюзанна знала кое-что еще. Миа, к тому же, и боялась Детту. Очень-очень боялась.

— Если она заговорит, совещаться нам будет не о чем.

Теперь плечами пожала Сюзанна.

— Она появляется, когда хочет, и говорит, если возникает такое желание. Моего разрешения она не спрашивает.

А впереди, на той стороне улицы, по которой они шли, высилась арка с надписью: «СТАНЦИЯ ФЕДИК МОНО ПАТРИЦИЯ ОТКЛЮЧЕН СКАННЕР БОЛЬШОГО ПАЛЬЦА НЕ РАБОТАЕТ ПРЕДЪЯВИТЕ БИЛЕТ НОРД СЕНТР ПОЗИТРОНИКС БЛАГОДАРИТ ВАС ЗА ДОЛГОТЕРПЕНИЕ»

Надпись заинтересовала ее куда меньше, чем два предмета, лежащие на грязной станционной платформе, которая начиналась за аркой: детская кукла, такая ветхая, что остались от нее только голова да рука, и, чуть дальше, скалящаяся маска. И хотя изготовили маску, скорее всего, из стали, большая ее часть сгнила, как плоть. А скалилась маска не зубами — звериными клыками. И глаза поблескивали стеклом. У Сюзанны не возникло ни малейших сомнений, что перед ней еще одно творение «Норд центр позитроникс». Вокруг маски валялись клочки зеленой материи, из которой в далекие времена сшили капюшон, прикрывавший голову того существа, что носило маску. Сюзанна без труда сопоставила остатки куклы и остатки Волка; ее мама, как иногда любила говорить Детта своим

собеседникам (обычно сексуально озабоченным парням на какой-нибудь автостоянке у придорожного ресторана) дураков не растила.

— Вот куда они привозили детей, — вырвалось у нее. — Вот куда они привозили близнецов, похищенных в Кэлла Брин Стерджис. Вот где они... что? Оперировали их?

— Не только из Кэлла Брин Стерджис, — с полнейшим безразличием ответила Миа, — но привозили. А как только дети оказывались здесь, их отводили вон туда. Я не сомневаюсь, что тебе знакомо и это место.

Она указала на другую сторону единственной улицы Федика. Недалеко от крепостной стены, которая обрывала и улицу, и город, стоял еще один длинный куонсетский ангар, с ржавой полукруглой крышей и стенами из покрытого слоем грязи гофрированного металла. Окна на стене, обращенной к Сюзанне, заколотили. Вдоль стены тянулся стальной рельс коновязи. С привязанными к ней семью десятками вроде бы лошадей. Все, как одна, серого цвета. Некоторые свалились и лежали, вытянув ноги. Одна или две повернули головы на женские голоса и застыли. Настоящие лошади так себя не вели, но эти и не были настоящими. Сюзанна видела перед собой роботов или киборгов. На языке Роланда они, конечно же, назывались иначе. Многие из них, похоже, выработали свой ресурс. И превратились в металлолом.

На фронте здания крепилась ржавая металлическая табличка с надписью:

"НОРД СЕНТР ПОЗИТРОНИКС, ЛТД.

Федикская штаб-квартира

Экспериментальная станция 16-го квадрата дуги

Максимальный уровень безопасности

ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ

ПРОВЕРКА РЕТИНАГРАММЫ"

— Еще один «Доган», не так ли? — спросила Сюзанна.

— И да, и нет, — ответила Миа. — В действительности это «Доган» всех «Доганов».

— Куда Волки привозили детей?

— Ага, и будут привозить. Ибо работа Короля продолжится после того, как будут устранены помехи, созданные твоим приятелем — стрелком. Я в этом нисколько не сомневаюсь.

В брошенном на нее взгляде Сюзанны читалось истинное любопытство.

— Как ты можешь говорить так жестоко и при этом так искренне? — спросила она. — Они привозят сюда детей и роются в их головах, как... как

в тыквах. Детей, которые никому не причинили вреда! А назад посылают конченных идиотов, которые, крича от боли, вырастают в гигантов и часто умирают в страданиях. Миа, а если бы твоего ребенка увозили поперек одного из этих седел, а он бы звал тебя, тянулся к тебе ручонками?

Миа покраснела, но смогла встретить и выдержать взгляд Сюзанны.

— Каждый должен следовать дорогой, которую проложила у его ногка, Сюзанна из Нью-Йорка. Моя дорога — выносить и родить малого, вырастить его и, таким образом, положить конец походу твоего дина. И его жизни.

— Это удивительно, но все, похоже, думают, будто им известно, что для них уготовано ка, — пожала плечами Сюзанна. — Ты не считаешь сие удивительным?

— Я считаю, что ты высмеиваешь меня, потому что боишься, — сухо ответила Миа. — Если эти насмешки поднимают тебе настроение, продолжай, — она раскинула руки и чуть поклонилась, подавшись вперед над огромным животом.

Они остановились на дощатой пешеходной дорожке перед магазином «ДАМСКИЕ ШЛЯПЫ И ОДЕЖДА», напротив федикского «Догана», и Сюзанна подумала: «Продержись день, не забывай, ты здесь и для этого. Убей время. Как можно дольше придержи Миа в отдельном теле, не позволяй ей вернуться в то двухцветное, которое мы видели в кабинке женского туалета».

— Я не насмехаюсь над тобой, — возразила Сюзанна. — Я только прошу тебя встать на место одной из матерей Кэллы Брин Стерджис.

Миа сердито замотала головой, черные волосы летали вокруг ушей, терлись о плечи.

— Я не определяла их судьбу, женщина, а они не определяют мою. Так что плакать о них я не буду, будь уверена. Хочешь ты выслушать мою историю или нет?

— Да, пожалуйста.

— Тогда давай присядем, ноги очень уж устали.

Они повернули назад и, пройдя три-четыре дома, в салуне «Джин-Пуппи» нашли стулья, которые могли выдержать их вес. Но в самом салуне, где пахло пылью и смертью, оставаться не захотели. Вытащили стулья на дощатую дорожку, и Миа со вздохом облегчения опустилась на

свой.

— Скоро, — сказала она. — Скоро ты родишь, Сюзанна из Нью-Йорка, и я тоже рожу.

— Возможно, я ничего не понимаю. А больше всего меня удивляет, что ты рвешься к этому Сейру, хотя прекрасно знаешь, что он служит Алому Королю.

— Тихо! — Миа сидела, расставив ноги, и ее огромный живот выпирал вперед, словно разглядывал пустынную улицу. — Дело в том, что именно слуга Короля дал мне шанс выполнить предназначение, уготовленное мне ка. Не Сейр, другой, что гораздо ближе к Королю. Перед которым отчитывается Сейр. Звать его Уолтер.

Сюзанна вздрогнула, услышав имя древнего заклятого врага Роланда. Миа, не отрывавшая от него глаз, мрачно улыбнулась.

— Вижу, имя тебе знакомо. Что ж, может, и говорить мне придется меньше. Видят боги, никогда в жизни мне не приходилось столько ворочать языком. Разговоры — это не для меня. Я создана, чтобы родить малого и воспитать его, не больше того. Но и не меньше.

Сюзанна предпочла не отвечать. Убийство вроде бы стало ее ремеслом, пусть в данной ситуации она убивала время, но ей уже начала надоедать заикленность Миа на малом. Не говоря уж о том, что заикленность эта пугала.

Словно перехватив ее мысли, Миа продолжила:

— Я — такая, как есть, и меня это полностью устраивает. Если других — нет, что мне до этого? Плевать я на них хотела!

«Сказано в лучших традициях Детты», — подумала Сюзанна, но опять промолчала. Сочла, что спокойнее держать рот на замке.

И после паузы Миа заговорила вновь:

— Однако, я бы солгала, не сказав, что возвращение сюда навевает... определенные воспоминания. Йя-я! — и неожиданно рассмеялась. Смех этот удивил Сюзанну, прекрасный и мелодичный.

— Расскажи мне свою историю, — попросила она. — На этот раз всю, от начала и до конца. У нас есть время, схватки пока не начнутся.

— Ты так говоришь?

— Да. Рассказывай.

Несколько мгновений Миа разглядывала улицу, пыльную, без единого следа на оггане, давно и навсегда покинутую. И пока Сюзанна ждала, когда же Миа начнет свой рассказ, она впервые обратила внимание на отсутствие в Федике теней. Она все хорошо видела, но над галереей, бегущей по вершине крепостной стены, не сияла луна, а Сюзанна не могла утверждать,

что на дворе день. «Здесь нет времени, — прошептал голос в голове, чей, она не имела ни малейшего понятия. — Это место в межвременье, Сюзанна; место, где тени отменены, а время затаило дыхание».

И тут Миа начала. Рассказ ее оказался короче, чем ожидала Сюзанна (короче, чем ей хотелось бы, учитывая наказ Эдди продержаться день), но многое объяснил. Даже больше, чем Сюзанна рассчитывала. Она слушала и в ней все сильнее закипала ярость. И почему нет? Похоже, ее не просто изнасиловали в том круге из камней и костей. Еще и ограбили, и такому странному ограблению, пожалуй, не подвергалась ни одна женщина.

Более того, ограбление это растянулось во времени и продолжалось до сих пор.

11

— Посмотри туда, может тебе будет интересно, — молвила женщина с огромным животом, которая сидела рядом с Сюзанной на дощатой пешеходной дорожке. — Посмотри, и ты увидишь, какой была Миа до того, как получила свое имя.

Сюзанна посмотрела в указанном направлении. Поначалу увидела только отвалившееся от фургона колесо, растрескавшееся и давно опустевшее корыто, из которого когда-то поили лошадей, и серебристую звездочку: видать в стародавние времена кто-то из ковбоев потерял колесико шпоры. Потом, очень медленно, в воздухе словно начал собираться туман, превращаясь в обнаженную женщину. Ее красота приковывала взгляд, завораживала... Сюзанна поняла это еще до того, как смогла хорошенько разглядеть ее. Определить возраст не представлялось возможным. Черные волосы падали на плечи. На плоском животе виднелась впадина пупка, которую любой мужчина, любящий женщин, с радостью заполнил бы своим языком. Сюзанна (а может, Детта), подумала: «Черт, я бы тоже заполнила». А прячущаяся между бедер женщины-призрака расселина, она обладала даже большим притяжением.

— Такой я была, когда появилась здесь, — пояснила беременная женщина, сидевшая рядом с Сюзанной. Казалось, комментировала фотографии, сделанные во время отпуска. "Вот это я у Большого Каньона. Вот это — в Сиэтле. Вот это — на плотине Гранд-Кули^[77]. А тут я — на Главной улице Федика, прошу любить и жаловать". Беременная женщина тоже была красавицей, но красота ее отличалась от красоты той, что материализовалась из воздуха. Беременная женщина выглядела на

определенный возраст, старше двадцати пяти, но, безусловно, моложе тридцати, и на ее лице отражался жизненный опыт. По большей части, негативный.

— Я говорила, что я — первородный демон, тот, что занимался любовью с твоим дином, но в этом лгала. Думаю, ты меня раскусила. Лгала не ради выгоды, а потому... ну, не знаю... наверное, потому, что мне хотелось оказаться на месте того демона. Я хотела, чтобы ребенок и в этом был моим...

— Твоим с самого начала.

— Ага, с самого начала... ты говоришь правду, — они наблюдали, как обнаженная женщина идет по улице: руки двигались в такт шагам, завораживающе плавно покачивались бедра. Следов на оггане женщина не оставляла.

— Я рассказывала тебе о существах невидимого мира, которые остались после того, как отступил Прим. Большинство умерло, как умирают рыбы и морские животные, выброшенные на берег, в чужую для них воздушную среду. Но всегда находятся такие, кому удастся приспособиться, вот и я оказалась среди этих неудачников. Я бродила по всему миру и, если находила мужчин на его просторах, то принимала образ, который ты видишь.

Как модель на подиуме (правда, забывшая надеть самое модное парижское платье, для демонстрации которого, ее, собственно, и пригласили) женщина на улице развернулась на мысках, ягодицы с удивительной легкостью напряглись, под ними на мгновение образовались впадины-полумесяцы. Она зашагала в обратную сторону, глаза под прямой челкой не отрывались от какой-то точки на горизонте, волосы покачивались около ушей. Сережек женщина не носила.

— Когда я находила кого-нибудь с членом, я его трахала, — продолжила Миа. — В этом я ничем не отличалась от первородного демона, который сначала попытался совокупиться с вашим мальчиком, а потом проделал это с твоим дином. И это обстоятельство, пожалуй, указывает на то, что в моей лжи была доля правды. И я нашла твоего дина привлекательным, — от нотки жадности голос погрубел. Пребывающая в Сюзанне Детта решила, что это сексуально. Пребывающая в Сюзанне Детта чуть развела губы в усмешке. Да, она понимала, о чем толковала Миа.

— Я их трахала, а если они не могли вырваться, затрачивала до смерти, — буднично. "После плотины Гранд-Кули мы поехали в Йосемит^[78]". — Ты замолвишь за меня словечко своему дино, Сюзанна?

Если увидишь его вновь?

— Да, если хочешь.

— Однажды он встретил человека, плохого человека, его звали Амос Дипейп, брата Роя Дипейпа, который приехал в Меджис с Джонасом. Твой дин думает, что Амос Дипейп погиб от укуса змеи. В каком-то смысле, да... но только змеей была я.

Сюзанна промолчала.

— Я трахала их не ради секса, я трахала их не для того, чтобы убить. У меня не возникало никаких эмоций, когда они умирали и их члены вываливались из меня, как тающие сосульки. Если честно, я даже не знала, почему я их трахала, пока не попала сюда, в Федик. В те давние дни здесь еще жили мужчины и женщины; Красная Смерть не добралась сюда, ты понимаешь. Разлом в земле за городом уже был, но переброшенный через него мост еще не обрушился. Люди здесь жили упрямые, не захотели покидать насиженное гнездо, даже когда появились слухи о призраках в замке Дискордия. Поезда еще ходили, хотя и нерегулярно...

— Дети? — спросила Сюзанна. — Близнецы? — она помолчала. — Волки?

— Нет, все это появилось через две дюжины столетий. Может, и позже. Но ты слушай меня. У одной пары в Федике был ребенок. Ты и представить себе не можешь, Сюзанна из Нью-Йорка, как редко в те дни встречались дети, потому что в большинстве своем люди были такими же бесплодными, как первородные демоны, а остальные чаще всего рожали медленных мутантов или таких уродов, что убивали их, едва те успевали сделать первый вдох. А многие просто рождались мертвыми. Но этот ребенок! — Она хлопнула в ладоши, ее глаза засверкали. — Кругленький, розовый, с чистой кожей, если не считать одного родимого пятна... Увидев его, я сразу поняла, для чего создана. Я трахалась не ради секса, не потому, что во время коитуса практически становилась женщиной, не потому, что убивала большинство своих партнеров. Я трахалась, что зачать такого ребенка. Такого, как их Майкл.

Она наклонила голову, вздохнула.

— Я могла бы его забрать, знаешь ли. Могла бы пойти к мужчине, трахала бы его, пока он не потерял голову, а потом шепнула бы на ухо, что он должен убить свою жену. И она бы ушла в пустошь, которой заканчивается тропа. А потом я бы затрахала его до смерти, и ребенок, этот прекрасный, розовый, маленький ребенок стал бы моим. Ты понимаешь?

— Да, — кивнула Сюзанна. Ее начало мутить. А перед ними, посреди улицы, женщина-призрак вновь развернулась и двинулась в обратном

направлении. А чуть дальше ржавый робот-зазывала продолжал свой бесконечный монолог: «Девочки, девочки, девочки! Есть и живые, есть и киборги, но что с того, разницы вы не заметите!»

— Но оказалось, что я не могу к ним приблизиться. Словно вокруг них очертили магический круг. Полагаю, это сделал ребенок.

А потом пришла болезнь. Красная смерть. Некоторые говорили, что в замке кто-то что-то открыл, какой-то горшок с демонским зельем, который следовало навечно оставить закрытым. Другие утверждали, что источник болезни — разлом, его же называли Жопой Дьявола. Так или иначе, но Красная смерть положила конец жизни в Федике, жизни на краю Дискордии. Многие ушли или уехали в фургонах. Майкл и его родители остались, надеясь на прибытие поезда. День проходил за днем, я ждала появления признаков болезни, красных точек на толстых щечках малыша и на его пухлых ручонках, но они так и не появились. Никто из всех троих не заболел. Возможно, они действительно находились в магическом круге. Я думаю, дело только в этом. А потом прибыл поезд. Патриция. Моно. Ты меня понима...

— Да, — не дала ей договорить Сюзанна. Она и так знала все, что ей хотелось знать о близнеце Блейна Моно. В далекие времена маршрут Патриции, должно быть, проходил как через Федик, так и через Луд.

— Так вот, они поднялись в вагон. Я наблюдала с платформы, из глаз текли никому невидимые слезы, из груди вырывались никому не слышные крики. Они взяли с собой и своего малыша... к тому времени ему уже исполнилось три или четыре года, он ходил и говорил. Они уехали. Я попыталась последовать за ними, Сюзанна, но не смогла. Стала пленницей Федика. Осознание моего предназначения заставило меня остаться.

Сюзанна хотела спросить, о чем это говорит Миа, но решила промолчать.

— Проходили годы, десятилетия, века. В Федике я видела только роботов да непохороненные тела тех, кого унесла Красная Смерть. И тела эти превращались сначала в скелеты, а потом в пыль. Наконец, вновь появились люди, но я не решалась подойти к ним, потому что они были его людьми.

— Алого Короля?

— Ага, с кровавыми дырами во лбу. Они пошли туда, — Миа указала на «Доган» Федика, Экспериментальную станцию 16-го квадрата дуги. — И скоро их проклятые машины заработали вновь, как будто они по-прежнему верили, что машины смогут удержать мир. Нет, ты понимаешь, они не стремились удержать мир, совсем наоборот! Нет, нет, нет, они

хотели его разрушить! Они принесли кровати...

— Кровати! — вздрогнув, воскликнула Сюзанна. На улице женщина опять поднялась на мыски и развернулась в еще одном изящном пируэте.

— Ага, для детей, хотя прошли еще долгие годы, прежде чем Волки начали привозить их сюда, и задолго до того, как ты стала частью истории своего дина. Однако, я оставалась в Федике, и здесь ко мне пришел Уолтер.

— Можешь ты заставить эту женщину исчезнуть? — резко, даже сердито, спросила Сюзанна. — Я знаю, она — это прежняя ты, идею я поняла, но она меня... ну, не знаю... нервирует. Можешь ты заставить ее уйти?

— Ага, если хочешь, — Миа поджала губы и дунула. Волнующая красавица, призрак без имени, растаяла, как дым. Несколько секунд Миа молчала, настраиваясь на продолжение своей истории.

— Уолтер... увидел меня. В отличие от других мужчин. Даже те, кого я затрачивала до смерти, видели только то, что хотели видеть. Или то, что я позволяла им увидеть, — она улыбнулась не очень-то и приятным воспоминаниям. — Некоторые умирали, думая, что трахают собственных матерей! Тебе бы посмотреть на их лица! — улыбка поблекла. — Но Уолтер увидел меня.

— Как он выглядел?

— Трудно сказать, Сюзанна. Он ходил в капюшоне, а под ним улыбался, такой он был улыбчивый, и он поговорил со мной. Вот там, — она указала на федикский салун «Хорошее время» чуть подрагивающим пальцем.

— На лбу отметины не было?

— Нет, я в этом уверена, и он не был одним из тех, кого отец Каллагэн называл «низкими людьми». Они-то занимались Разрушителями. Разрушителями и только ими.

Вот тут в Сюзанне начала подниматься злость, хотя она и старалась этого не показывать. Миа имела доступ ко всем ее воспоминаниям, то есть ко всем планам и секретам их ка-тета. У нее возникла ассоциация с побывавшим в доме вором, который не только украл деньги и просмотрел личные бумаги, но и перемерял твоё нижнее белье.

Неприятная, крайне неприятная ассоциация.

— Уолтера, полагаю, ты могла бы назвать премьер-министром Алого Короля. Он часто путешествует в чужом обличье, в разных мирах его знают под разными именами, но он всегда улыбается, всегда смеется...

— Однажды я с ним встретилась, — ответила Сюзанна. — Тогда его звали Флегг. Надеюсь, что мы встретимся вновь.

— Если бы ты хорошо его знала, то желания увидеть его вновь у тебя бы не возникало.

— Разрушители, о которых ты упомянула... где они?

— Как где? В Тандерклепе, разве ты не знаешь? В стране теней. Почему ты спрашиваешь?

— Исключительно из любопытства, — ответила Сюзанна и вроде бы услышала Эдди: «Задавай любые вопросы, на которые она ответит. Продержись день. Дай нам шанс успеть к тебе». Она надеялась, что теперь, когда они находились в разных телах, Миа не могла читать ее мысли. Если могла, шансы на спасение стремились к нулю, как у людей, оказавшихся без весел в лодке, которую несло по бурной реке. — Вернемся к Уолтеру. Можем мы о нем поговорить?

Миа обреченно пожала плечами, как бы показывая, что деваться некуда, но Сюзанна ей не поверила. Как давно у Миа в последний раз появлялась возможность выговориться? И ответ напрашивался простой: да никогда не было у нее такой возможности. И все вопросы, которые задавала Сюзанна, все сомнения, которые высказывала... конечно же, многие наверняка приходили Миа в голову. Она их тут же отметала, полагая кощунственными, однако, они приходили, потому что дурой Сюзанна ее не считала. Разве что одержимость одной идеей лишила ее разума. Сюзанна решила, что над этим стоит подумать.

— Сюзанна? Ушастик-путаник откусил тебе язык?

— Нет, просто я подумала, какое же ты испытала облегчение, когда он пришел к тебе.

Миа обдумала ее слова, улыбнулась. Улыбка эта изменила лицо белой женщины, теперь она выглядела юной, бесхитростной, застенчивой. Сюзанне даже пришлось напомнить себе, что эта внешность Миа обманчивая.

— Да! Так и было! Разумеется, так и было!

— После того, как ты открыла свое предназначение и благодаря этому оказалась в ловушке... увидев, как Волки готовятся привозить детей и оперировать их... после всего этого приходит Уолтер. Дьявол, безусловно, но, по меньшей мере, он может тебя видеть. По меньшей мере, может выслушать твою печальную историю. И он делает тебе предложение.

— Он сказал, что Алый Король даст мне ребенка, — ответила Миа и обняла руками здоровенный живот. — Моего Мордредра, которому в самом скором времени предстоит появиться на свет.

Миа вновь указала на Экспериментальную станцию. Ту самую, которую назвала «Доганом» «Доганов». Последние остатки улыбки еще кривили ей губы, но ничего счастливого и радостного в ней уже не осталось. А глаза блестели от страха и, возможно, благоговейного трепета.

— Именно там они изменили меня, сделали смертной. Когда-то таких лабораторий было много, по-другому и быть не могло, но теперь, даю голову на отсечение, осталась одна-единственная во Внутреннем, Срединном и Крайнем мирах. Место это одновременно восхитительное и ужасное. Туда меня и отвели.

— Я не понимаю, о чем ты, — Сюзанна думала о своем «Догане». Который, само собой, был неким отражением «Догана» Джейка. Действительно, место странное, со всеми этими мерцающими лампами и множеством телевизионных экранов, но не пугающее.

— Под лабораторией находятся тоннели, которые уходят под замок. В конце одного из них есть дверь, которая открывается с той стороны Тандерклепа, где находится Кэлла, у самого края тьмы. Ее и используют Волки, когда отправляются в свои набеги.

Сюзанна кивнула. Слова Миа многое объясняли.

— И детей они уводят тем же путем?

— Нет, женщина, и тебя это порадует. Как и многие двери, та, что доставляет Волков из Федика на границу Тандерклепа к Кэлле, обеспечивает только одностороннее движение. Как только ты проходишь дверь, она исчезает.

— Потому что это не магическая дверь, правда?

Миа улыбнулась, кивнула, хлопнула себя по колену. Сюзанна смотрела на нее, чувствуя, как нарастает волнение.

— Это еще одна половина пары, один из близнецов, — выдохнула она.

— Ты так говоришь?

— Да. Только на этот раз Труляля и Траляля — наука и магия. Рациональное и иррациональное. Здравомыслие и безумие. Неважно, какими терминами ты воспользуешься, если есть что-то одно, у него обязательно найдется пара.

— Неужели? Ты так считаешь?

— Да! Магические двери, вроде той, что нашел Эдди, и через которую ты перетащила меня в Нью-Йорк, обеспечивают двустороннее движение. Двери, которые изготовил «Норд центр позитроникс», чтобы заменить их,

когда Прим спал, а магия иссякла... они могут «открываться» только в одну сторону. Это я поняла правильно?

— Думаю, да.

— Возможно, до того, как мир сдвинулся, они просто не успели придумать, как обеспечить двустороннюю телепортацию. В любом случае, Волки попадают в Кэлла с помощью двери, а возвращаться в Федик им приходится на поезде. Так?

Миа кивнула. Сюзанна более не вспоминала о том, что она всего лишь пытается убить время. Такая информация впоследствии могла очень даже пригодиться.

— А после того, как люди Короля, «низкие люди» Каллагэна покопались в мозгах детей, что происходило потом? Наверное, они возвращались через дверь под замком. Попадали в то же место, откуда Волки начинали набег. И до дома их довозил поезд.

— Ага.

— А почему они вообще возвращают детей?

— Женщина, я не знаю, — тут Миа перешла на шепот. — Под замком Дискордия есть еще одна дверь. Еще одна дверь в комнатах руин. Только через эту дверь... — она облизала губы. — Через эту дверь уходят в тодэш.

— Тодэш? — переспросила Сюзанна. — Я знаю это слово, знаю, что оно означает, но не понимаю, с чего такой страх перед...

— Миров бесконечное множество, в этом твой дин совершенно прав, но, даже когда все эти миры близки между собой, скажем множество Нью-Йорков, их разделяют бесконечные пространства. Представь себе пространства между внутренней и наружной стенами дома. Пространства, где всегда темно. Но ведь темнота не говорит о том, что пространство это пустое. Не так ли, Сюзанна?

«В тодэшной тьме живут чудовища». Кто так говорил? Роланд? Вроде бы нет, тодэш он называл Прыжком, да и какое это имело значение? Главное, она понимала, что имела в виду Миа, а если так, это было ужасно.

— В стенах живут крысы, Сюзанна. В стенах живут летучие мыши. В стенах живут кусачие, сосущие кровь насекомые.

— Прекрати, мне все ясно.

— Эта дверь под замком — одна из их ошибок, я в этом убеждена, потому что ведет она в никуда. В тьму между мирами. В тодэшное пространство. Но не пустое, — она еще больше понизила голос. — Эта дверь для злейших врагов Алого Короля. Их бросают в тьму, где они могут жить долгие годы, слепые, бредущие неведомо куда, безумные. Но конец их ждет один: что-то их находит и пожирает. Чудовища, представить себе

которых наш разум просто не в силах.

Сюзанна попыталась нарисовать дверь и то, что ждало за ней. Не хотела, но ничего не смогла с собой поделать. Во рту у нее пересохло. А Миа продолжила все так же тихо, доверительно:

— Существовало много мест, где древние люди пытались соединить магию и науку, но это, возможно, единственное оставшееся, — она мотнула головой в сторону «Догана». — Именно туда отвел меня Уолтер, чтобы сделать меня смертной, чтобы мой путь навсегда разошелся с путем Прима. Чтобы сделать меня такой же, как ты.

13

Миа знала не все, но Сюзанне уже стало ясно, что Уолтер/Флегг предложил призраку, который потом стал Миа, сделку, обратную предложенной Фаусту. Если она соглашалась расстаться со своим практически вечным, но бестелесным состоянием и стать смертной женщиной, то могла забеременеть и родить ребенка. Уолтер честно признал, что получит она очень мало, отдавая все, что у нее есть. Ребенок не будет расти, как растут нормальные дети, как рос Майкл под невидимым, но восхищенным взглядом Миа, и она будет растить его только семь лет, но какими прекрасными смогут стать эти годы!

О подробностях Флегг тактично умалчивал, предоставляя Миа возможность рисовать это невыразимо сладкое будущее: как она будет кормить своего ребенка и мыть его, не пропуская нежных складочек под коленями и за ушками; как будет целовать медовую кожу между лопатками; как будет гулять с ним, держа за обе ручки, пока он будет учиться ходить, переваливаясь с ножки на ножку; как будет учить его читать, показывать в небе Старую Звезду и Древнюю Матерь, рассказывать историю о том, как Рыжий Сэм украл у вдовы краюху хлеба; как будет обнимать его и поливать щеки благодарными слезами, когда он произнесет свое первое слово, и понятно какое: «Мама».

Этот восторженный рассказ вызвал у Сюзанны смешанные чувства жалости и цинизма. Конечно же, Уолтер виртуозно провел свою партию, продав призраку эту идею, и, как всегда, лучший способ для этого — задействовать воображение покупателя. Он даже предложил чисто сатанинский период пребывания у нее ребенка: семь лет. «Просто распишитесь вот на этой строчке из точек, мадам, и, пожалуйста, не обращайтесь на запах серы. Как ни стараюсь, не могу очистить от

него свою одежду».

Сюзанна понимала суть сделки, но все-таки с трудом представляла себе, что такое возможно. Призрак отдавал бессмертие за тошноту по утрам, за набухающие и болящие груди и, в последние шесть недель беременности, необходимость ходить по малой нужды каждые пятнадцать минут. И подождите, дамы и господа, это еще не все! Прибавьте два с половиной года смены подгузников, отяжелевших от мочи и загруженных говном! А бессонные ночи, когда у ребенка режется первый зуб, и он кричит от боли (и радуйся, мамочка, осталось вылезти только тридцати одному^[79]). Эти первые магические капли слюны, которые летят изо рта при недовольном крике ребенка! Эта первая теплая струйка мочи, которая стекает по твоей переносице, когда ребенок выстреливает ею аккуратно в тот момент, когда ты меняешь ему подгузник!

И да, в этом, несомненно, присутствовала магия. Пусть детей у Сюзанны не было, она знала, если мать любит ребенка, что-то магическое будет и в грязных пеленках, и даже в желудочной колике. Но родить ребенка с тем, чтобы его отняли у тебя, когда начинается самое хорошее время, когда у ребенка наступает, и с этим согласны большинство родителей, период благоразумия, здравомыслия и ответственности? Позволить унести его за красный горизонт Алого Короля? Это же ужасно. Неужто Миа, ослепленная перспективой стать матерью, не понимала, что теперь урезается и обещанная ей малость? Уолтер/Флегг в Федике, население которого выкосила Красная Смерть, вел речь о семи годах с малышом. А вот в телефонном разговоре с Миа, находившейся в номере отеля «Плаза-Парк» Сейр скостил этот срок до пяти лет.

В любом случае, Миа приняла условия человека в черном. И действительно, для того, чтобы получить ее согласие, особых усилий и не потребовалось. Ее создали для того, чтобы она стала матерью, именно за этим она поднялась из Прима, она осознала это с того самого момента, как увидела человеческого ребенка, Майкла. Как она могла сказать нет? Даже если бы ей предложили три года, даже если бы предложили один, как? С тем же успехом можно ожидать, что давно сидящий на игле наркоман отказался бы от предложенного ему полного шприца.

Миа отвели на Экспериментальную станцию. Улыбающийся, саркастичный (и, несомненно, вызывающий страх) Уолтер, который называл себя то Уолтер Крайнего мира, то Уолтер Всех миров, устроил ей экскурсию. Они увидела большой зал, заставленный кроватями, ожидающих прибытия детей. К изголовью каждой подсоединялся стальной шлем, от которого отходила гибкая сегментированная стальная трубка. Ей

не хотелось думать, для чего предназначено это оборудование. Ей также показали и тоннели под Замком-над-бездной, и места, где стоял сильный и удушающий запах смерти. Она... там царила красная темнота и она...

— Ты к тому времени уже стала смертной? — спросила Сюзанна. — Тебя послушать, так стала.

— Процесс уже пошел, — ответила Миа. — Уолтер называл этот процесс становлением.

— Хорошо. Продолжай.

Тут воспоминания Миа потонули в темном тумане, не в тодэшной тьме, но тоже не вызывающем приятных ощущений. Какая-то амнезия, от которой остался только цвет — красный. Цвет, которому Сюзанна привыкла не доверять. Сопровождался путь беременной женщины из мира призраков в мир плоти, ее превращения в Миа, прохождением через какую-то дверь? Она этого не знала. Но без периода темноты, потери сознания, полагала она, не обошлось, а потом она очнулась: «...какой ты меня видишь. Естественно, еще не беременной».

По Уолтеру выходило, что Миа не сможет зачать ребенка, даже став смертной женщиной. Выносить — да, забеременеть — нет. И здесь на помощь пришел один из первородных демонов, оказавший Алому Королю большую услугу, взяв сперму Роланда в женском обличье и влив ее Сюзанне в мужском. Была и еще одна причина. Уолтер о ней не упомянул, но Миа и так знала об этом.

— Это пророчество, — она смотрела на пустынную улицу Федика, по которой более не дефилировала женщина-призрак. На другой стороне, перед «Федикским кафе» с надписью «ВКУСНАЯ ЕДА НЕДОРОГО» под названием, молчаливо застыл ржавый робот, похожий на Энди из Кэллы.

— Какое пророчество? — спросила Сюзанна.

— "Тот, кто станет последним в роду Эльда, зачнет ребенка, совершив инцест, совокупится со своей сестрой или дочерью, и этот ребенок будет помечен, по красной пятке узнают его. Именно он остановит дыхание последнего воина".

— Женщина, я — не сестра Роланда и уж точно не его дочь! Возможно, ты не заметила маленького, но существенного различия в цвете нашей кожи, однако, он, так уж вышло, белый, а я — черная, — но Сюзанна, тем не менее, поняла, о чем говорит пророчество. Есть много путей для создания семьи. Родство по крови — лишь один из них.

— Разве он не говорил тебе, что означает слово дин? — спросила Миа.

— Разумеется, говорил. Лидер. Если бы он возглавлял целую страну, а не горстку зеленых, новоиспеченных стрелков, то звался бы королем.

— Лидер и король, ты говоришь правильно. А теперь скажи мне, Сюзанна, не являются ли эти слова жалкой заменой другого слова?

Сюзанна промолчала. Миа кивнула, но при этом поморщилась от схватки. И продолжила, едва живот успокоился.

— Сперма принадлежала Роланду. Насколько мне известно, ее сохранили каким-то методом, разработанным древними людьми, пока первородный демон менял свою сущность, превращался из женщины в мужчину, но это мелочи. Важно другое: она оставалась живой и нашла себе пару, как и предсказывала ка.

— Мою яйцеклетку.

— Твою яйцеклетку.

— Когда меня насиловали в каменном круге.

— Ты говоришь правильно.

Сюзанна посидела, глубоко задумавшись. Наконец, подняла голову.

— Мне представляется, что я не ошиблась и в другом. Я это уже говорила, тебе не понравилось, полагаю, не понравится и сейчас, но... девочка, ты всего лишь сиделка.

На этот раз ответной вспышки ярости не последовало. Миа лишь улыбнулась.

— А к кому приходили месячные, пусть и сопровождаемые утренней тошнотой? К тебе. И у кого сейчас большой живот? У меня. Если кто и был сиделкой, Сюзанна из Нью-Йорка, так это ты.

— Как такое может быть? Ты знаешь?

Миа знала.

Младенец, сказал Уолтер, будет переправляться Миа, отсылаться клетка за клеткой, как одна за другой отсылаются строчки факса.

Сюзанна уже открыла рот, чтобы спросить, а что такое факс, она о нем слыхом не слыхивала, потом закрыла. В принципе она уловила смысл сказанного Миа, и этого хватило, чтобы ее переполнили ярость и благоговейный трепет. Она была беременной. Более того, по существу, оставалась беременной и в этот самый момент. Но младенец переправлялся (как по факсу) Миа. Это процесс, который начался быстро, а потом замедлился? Или наоборот, начался медленно, а потом набрал скорость? Сюзанна склонялась в сторону второго варианта, потому что по прошествии времени стала чувствовать себя менее беременной. Живот,

который немного округлился, и тот вновь стал плоским. И теперь она понимала, почему и она, и Миа испытывали одинаковую привязанность к малому: если уж на то пошло, он принадлежал им обоим. Перешел от одной к другой, как... кровь при переливании.

«Только когда берут твою кровь, чтобы перелить кому-то еще, у тебя спрашивают разрешения. Если это врачи, конечно, а не какой-нибудь вампир отца Каллагэна. Ты гораздо ближе к вампирам, Миа, не так ли?»

— Наука или магия? — спросила Сюзанна. — Которая из них позволила тебе украсть моего ребенка?

От этих слов Миа чуть покраснела, но, повернувшись к Сюзанне, смогла встретить ее взгляд.

— Не знаю, — ответила она. — Должно быть, сочетание обеих. И не думай, что правота на твоей стороне! Он — во мне, не в тебе. Он питается моей кровью, моими костями, не твоими.

— И что с того? Ты думаешь, это что-нибудь меняет? Ты его украла, с помощью какого-то мерзкого колдуна.

Миа яростно замотала головой, волосы заметались вокруг лица.

— Нет? — спросила Сюзанна. — Тогда как вышло, что не ты ела лягушек, отлавливая их в болоте, поросят, вытащенных из свинарника, и прочую, Бог знает какую гадость? Как вышло, что тебе понадобились все эти выдумки насчет банкетов в замке, где ты вроде бы и кормилась? Короче, сладенькая, как вышло, что питание для твоего ребенка поступало через мою глотку?

— Потому что... потому что... — глаза Миа, Сюзанна это видела, наполнились слезами. — Потому что земля здесь бесплодная. Проклятая земля! Здесь Красная смерть и край Дискордии. Здесь я не могла кормить своего малого!

Хороший ответ, решила Сюзанна, но далеко не полный. И Миа тоже это знала. Потому что младенец Майкл, идеальный младенец Майкл, был зачат здесь, здесь родился и здесь же рос до того самого дня, когда Миа увидела его в последний раз. И, если она так уверена в правильности своего ответа, с чего взялись эти слезы?

— Миа, они лгали тебе, говоря, что это твой малой.

— Ты этого не знаешь, поэтому не говори так, не причиняй мне боль!

— Я знаю, — и она знала. Но доказательств у нее не было, черт бы всех побрал! Как доказать то, что чувствуешь, даже если это сильное чувство?

— Флегг... Уолтер, если тебе так больше нравится, пообещал тебе семь лет. Сейр говорит, что у тебя будет пять лет. А если они протянут тебе

сертификат «ДЕЙСТВИТЕЛЕН ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ РЕБЕНКА В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ЛЕТ. ПРИ НАЛИЧИИ ПЕЧАТИ», когда ты придешь в «Дикси-Пиг»? Тебя и это устроит?

— Этого не случится! Ты такая же мерзкая, как и другая! Заткнись!

— И у тебя хватает духа называть меня мерзкой! А сама ждешь не дождешься рождения ребенка, который должен убить своего отца!

— Меня это не волнует!

— У тебя в голове все смешалось, девочка, то, что должно случиться в соответствии с твоими желаниями, и то, что действительно случится. Откуда тебе известно, что они не убьют его до того, как он первый раз вскрикнет, а потом порубят на куски и скормят этим засранным Разрушителям?

— Затк... нись!

— Может, это будет супер-еда? Которая позволит Разрушителям разом закончить порученное им дело?

— Заткнись, я сказала, ЗАТКНИСЬ!

— А все дело в том, что ты этого не знаешь. Ты ничего не знаешь. Ты всего лишь сиделка, всего лишь au pair. Ты знаешь, что они лгут, ты знаешь, что их колдовство приносит пользу только им и никому больше, и, однако, идешь у них на поводу. И ты хочешь, чтобы я заткнулась.

— Да! Да!

— Я не заткнусь, — мрачно пообещала ей Сюзанна и схватила Миа за плечи. Под одеждой они оказались на удивление хрупкими и очень горячими, словно у Миа была высокая температура. — Я не заткнусь, потому что ребенок мой, и ты это знаешь. Кошка может родить котят в духовке, но пирожками они от этого не станут.

Что ж, им вновь удалось разозлить друг друга. Лицо Миа перекосилось, превратилось в маску, ужасную и несчастную одновременно. Сюзанна подумала, что видит в глазах Миа то бессмертное, жаждущее ребенка, горюющее существо, каким она когда-то была. И что-то еще. Искорку, которая могла превратиться в веру. Если б хватило времени.

— Я заткну тебе рот, — процедила Миа, и внезапно главная улица Федика разорвалась надвое, как недавно галерея в замке. А из разрыва клубами полезла темнота. Но не пустая. О, нет, не пустая, Сюзанна это чувствовала, чувствовала очень хорошо. Они упали в темноту. Миа тянула их в темноту. Сюзанна попыталась удержаться на краю, но куда там. Когда они нырнули в темноту, последним в голове мелькнуло воспоминание о надписи, которую она видела на заборе: "О, Сюзанна-Миа, раздвоенная девочка моя. Пришвартовала свой бриг аж...

...в Дикси — Пиг, в году..."

Прежде чем этот раздражающий (но столь важный) куплет до конца прокрутился в голове Сюзанны-Миа, эта самая голова обо что-то ударилась, достаточно сильно для того, чтобы перед глазами взорвалась целая галактика ярких звезд. Когда же к ней снова вернулось зрение, она увидела перед собой огромные буквы:

НК ЖДЕ Она подалась назад и увидела всю надпись: «БАНГО СКАНК ЖДЕТ КОРОЛЯ!» — на закрытой двери туалетной кабинки. Да, похоже всю ее жизнь населили двери, с того самого момента, как в Оксфорде, маленьком городке штата Миссисипи, за ней с лязгом захлопнулась дверь камеры. Эта была закрыта. Оно и к лучшему. Сюзанна уже пришла к выводу, что от закрытых дверей проблем значительно меньше. Впрочем, в самом скором времени ей предстояло открыться, и тогда наверняка появились бы новые проблемы.

Миа: «Я рассказала все, что знала. Теперь ты pomoжешь мне добраться до „Дикси-Пиг“ или мне придется рассчитывать только на себя? Я доберусь и сама, если не останется другого выхода, воспользуюсь возможностями черепашки».

Сюзанна: «Я помогу».

Хотя объем помощи, на который могла рассчитывать Миа, целиком зависел от одного важного фактора: расположения стрелок на циферблате часов. Сколько времени они провели в кабинке? Ноги ее, от колен и ниже, онемели, зад тоже, и Сюзанна полагала, что это хороший знак, но в помещении без единого окна, освещенном флуоресцентными лампами, не представлялось возможным определить, день на дворе, вечер или глубокая ночь.

«Какое это имеет значение? — подозрительно спросила Миа. — Почему тебя интересует, который нынче час?»

Сюзанна попыталась найти удобоваримое объяснение.

«Ребенок. Ты знаешь, то, что я делаю, может задержать роды лишь на какой-то срок, не так ли?»

«Разумеется, знаю. Именно поэтому я и хочу, чтобы мы трогались в путь».

«Хорошо. Давай поглядим на купюры, которые оставил нам старина Матс».

Миа достала пачку банкнот, посмотрела на них, не очень-то понимая,

для чего они предназначены.

"Возьми ту, на которой написано «Джексон».

«Я... — смущенно. — Я не умею читать».

«Позволь мне встать у руля. Я прочитаю».

«Нет!»

«Хорошо, хорошо, успокойся. Это мужчина с длинными седыми волосами, зачесанными назад, как у Элвиса».

«Я не знаю, о каком Элвисе...»

«Неважно, это та купюра, что лежит наверху. Вот и хорошо. Остальные засунь поглубже в карман. Двадцатку держи в руке. Ладно, мы покидаем этот скворечник».

«Что такое скворечник?»

«Миа, заткнись».

16

Когда они вернулись в вестибюль, шагая медленно, в ноги впивались множество иголок, Сюзанна с облегчением отметила, что за окном сгущаются сумерки. Похоже «убить» день полностью не удалось, но большую его часть она продержалась.

Народу в вестибюле хватало, однако, суета улеглась. Красавица смешанных кровей, которая выдала ей/им ключ, более не стояла за регистрационной стойкой: ее смена закончилась. Под козырьком перед центральным входом двое других мужчин в зеленой униформе останавливали такси для гостей отеля, многие из которых были в смокингах и длинных, сверкающих платьях.

«Отправляются на вечеринки, — объяснила Сюзанна. — Или в театр».

«Сюзанна, что мне до них? Нам нужно просить одного из этих мужчин в зеленых костюмах остановить желтый автомобиль?»

«Нет. Возьмем такси на углу».

«Ты так говоришь?»

«Слушай, достала ты меня своей подозрительностью. Ты везешь своего малого туда, где его или тебя ждет смерть, я в этом уверена, но я признаю твою решимость добраться до того места и сдержу обещание. Да, я так говорю».

«Хорошо».

Не произнеся более ни слова, уж тем более, не извинившись, Миа покинула отель, повернула направо и зашагала ко Второй Авеню,

«Хаммаршельд-Плаза-2» и прекрасной песне розы.

На углу Второй авеню и Сорок шестой улицы у тротуара припарковался красный металлический фургон. От времени краска заметно выцвела. В этом месте бордюрный камень выкрасили в желтый цвет, и мужчина в синем костюме, с нашивкой на рукаве «Служба охраны», обсуждал сей факт с другим мужчиной, высоким и белобородым.

А внутри Миа внезапно забурило смятение.

«Сюзанна?»

«Что случилось?»

«Этот мужчина!»

«Охранник? Ты про него?»

«Нет, тот, что с бородой! Он же выглядит точь-в-точь, как Хенчек! Хенчек из Мэнни! Разве ты не видишь?»

Миа и не видела, и не хотела видеть. Она уже поняла, что парковка фургонов у тротуара в тех местах, где бордюрный камень красили желтым, запрещалась, и, хотя бородатый мужчина это понимал, отгонять фургон он определенно не собирался. Наоборот, продолжал расставлять мольберты, а на них — картины. Миа чувствовала, что на эту тему мужчины спорят не в первый и, судя по всему, не в последний раз.

— Я вынужден выписать вам квитанцию на уплату штрафа, преподобный.

— Делай, что должен, охранник Бензик. Бог любит тебя.

— Хорошо. Рад это слышать. А квитанцию вы порвете. Так?

— Отдайте кесарю кесарево, отдайте Богу богово. Так говорит Библия, и да будет благословенна святая книга Господа нашего.

— Это я понимаю, — Бензик достал из заднего кармана толстую пачку бумажек, начал что-то писать на верхней. Чувствовалось, что это тоже давний ритуал. — Но вот что я вам скажу, Харригэн... рано или поздно город заметит, чем вы тут занимаетесь, и тогда они воздадут вашей святой заднице по полной программе. Я очень надеюсь при этом присутствовать.

Сюзанна, с улыбкой: «Его штрафуют. Судя по разговору, отнюдь не впервые».

Миа на мгновение отвлеклась, можно сказать, против воли: «Что написано на боку фургона, Сюзанна?»

Произошла небольшая подвижка, Сюзанна чуть протиснулась вперед,

зрение у Миа словно раздвоилось. Для нее это ощущение было внове, словно кто-то начал щекотать ее глубоко в голове.

Сюзанна, голос по-прежнему звучал весело: «Тут написано: „ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО БОГА-БОМБЫ“, преподобный Эрл Харригэн». А еще: «ВАШЕ ПОЖЕРТВОВАНИЕ ЗАЧТЕТСЯ ВАМ НА НЕБЕСАХ».

«Что такое небеса?»

«Еще одно название для пустоши на конце тропы».

«Понятно».

Бензик, охранник, уже уходил, с чувством выполненного долга, заложив руки за спину. Его впечатляющих размеров зад покачивался в форменных брюках. Преподобный Харригэн все занимался мольбертами. На первом стояла картина, на которой мужчина в белом одеянии выводил из тюрьмы другого мужчину. Голова белоодеянного светилась. На второй белоодеянный отворачивался от краснокожего монстра с рогами на голове. Чувствовалось, что монстр с рогами страшно зол на сзя Белоодеянного.

«Сюзанна, это красное существо... так люди этого мира представляют себе Алого Короля?»

Сюзанна: «Полагаю, что да. Это Сатана, если хочешь знать, владыка подземного мира. Попроси этого служителя бога поймать тебе такси, а? Используй черепашку».

В голосе Миа вновь зазвучала подозрительность (похоже, она ничего не могла с этим поделать): «Ты так говоришь?»

«Так говорю! Ага! Скажи: „Иисус Христос“, — женщина!»

«Хорошо, хорошо».

Миа явно стеснялась. Но направилась к преподобному Харригэну, доставая черепашку из кармана.

Сюзанну осенило: она вдруг поняла, что надо делать. Резко подалась назад (если эта женщина не сможет поймать такси даже с помощью магической черепахи, значит, она просто ни на что не способна), крепко закрыла глаза и визуализировала «Доган». И, открыв их, очутилась там. Схватила микрофон, по которому обращалась с Эдди, включила, щелкнув тумблером.

«Харригэн! — крикнула она в микрофон. — Преподобный Эрл Харригэн! Ты здесь? Ты меня слышишь, сладенький? Ты меня слышишь?»

Преподобный Харригэн оторвался от своих трудов на достаточно долгое время, наблюдая, как черная женщина, и с хорошей фигуркой, спасибо Тебе, Господи, садится в такси. Желтый автомобиль тут же отъехал. До начала вечерней проповеди предстояло многое сделать, беседа с Бензиком, охранником, не тянула и на разминку, но он все равно стоял и смотрел, как мигают и исчезают вдали задние огни такси.

С ним что-то произошло? Только что?

Он?.. Неужели такое возможно, неужели с ним?..

Преподобный Харригэн упал на колени на тротуаре, не обращая ни малейшего внимания на пешеходов (впрочем, большинство из них не замечали и его). Сцепил пальцы больших, старых, бессчетное число раз восхвалявших Бога рук, поднял к подбородку. Он знал, что Библия считает молитву делом частным, которому следует предаваться в уединении, к примеру, в своей комнате, и проводил немало времени в таких молитвах, вознося хвалу Господу, но также верил и в другое: Бог хотел, чтобы люди время от времени видели, как выглядит молящийся человек, потому что большинство из них, прости, Господи, забыли, как он выглядит. И не было более лучшего, более приятного места для разговора с Богом, чем вот этот угол Второй авеню и Сорок шестой улицы. Тут звучало пение, чистое и нежное. Оно возвышало душу, очищало разум и... может и случайно, очищало кожу. То был не голос Бога, преподобному Харригэну хватало ума понять, что Бог не может петь на уличном углу, но он склонялся к тому, что слышит ангелов. Да, восславим Бога, восславим Бога-Бомбу, голос серафима!

— Господи, ты только что сбросил на меня маленького Бога-Бомбу? Я хочу спросить, был ли голос, который я только что слышал, твой или мой собственный?

Нет ответа. Так часто он не получал ответа. Что ж, он еще успеет над этим подумать. А пока нужно готовиться к проповеди. К шоу, если уж говорить откровенно.

Преподобный Харригэн вернулся к своему микроавтобусу, припаркованному, как всегда, у желтого бордюрного камня, и открыл задние дверцы. Достал буклеты, обшитое шелком блюдо для пожертвований, которое поставил на тротуар, крепкий деревянный куб, трибуну, на которой он будет стоять. Так разве вы не сможете высоко поднять руки и крикнуть аллилуйя?

И да, братец, раз уж тебе это под силу, почему не сказать аминь?

КУПЛЕТ:

Commala — come — ken

It's the other one again.

You may know her name and face

But that don't make her your friend.

ОТВЕТСТВИЕ:

Commala — come — ten

She isn't your friend!

If you let her get too close

She'll cut you up again.

Строфа 11. Писатель

1

К тому времени, когда они подъехали к маленькому торговому центру в Бриджтоне (супермаркет, прачечная и на удивление большая аптека), оба, и Эдди, и Роланд, не только слышали пение, но и чувствовали нарастающую силу. Она поднимала их вверх, как какой-то безумный, удивительный лифт. Эдди в голову вдруг полезли мысли о волшебном порошке Тинкер Белла^[80] и волшебном перышке Дамбо^[81]. С одной стороны, они вроде бы приближались к розе, с другой, все было иначе. Не ощущались в этом маленьком городке Новой Англии благочестие и святость, но что-то здесь чувствовалось, и очень сильное.

Выехав из Ист-Струнэма, поворачивая, согласно указателям, с одной сельской дороги на другую, Эдди отмечал и кое-что еще: невероятную живость этого мира. Он никогда не видел, даже представить себе не мог такой яркости летней зелени сосновых лесов. Птицы, летящие на фоне небесной голубизны, даже простые воробьи, вызывали восторг, от которого захватывало дух. Тени, лежащие на землю, казались невероятно густыми и плотными. Создавалось впечатление, что ты можешь, если возникнет такое желание, наклониться, поднять любую и унести, как кусок ковра.

В какой-то момент Эдди спросил Роланда, чувствует ли он что-то такое?

— Да, — ответил Роланд. — Чувствую, вижу, слышу... Эдди, я прикасаюсь к этому.

Эдди кивнул. Он мог сказать про себя то же самое. Они попали в мир, более реальный, чем сама реальность. Абсолютно... антитодэшный. Лучшего сравнения он подобрать не мог. И они находились практически в сердцевине Луча. Эдди чувствовал, как Луч несет их, словно речной поток, мчащийся по ущелью к водопаду.

— Но я боюсь, — продолжил Роланд. — У меня такое ощущение, будто мы приближаемся к средоточию всего... может, даже к самой Башне. Ты понимаешь, после стольких лет, когда поиск Башни стал смыслом всей моей жизни, последний оставшийся шаг пугает.

Эдди кивнул. Это он понимал. И сам, конечно же, боялся. Если столь невероятную силу излучала не сама Башня, то ее источник обладал не

меньшей мощью, чем роза. Но определенно отличался от нее. Близнец розы? Логичное, между прочим, предположение.

Роланд смотрел на автостоянку, на людей, которые ходили взад-вперед под летним небом и толстыми, медленно движущимися облаками, похоже, даже не слыша, что мир вокруг них поет, не понимая, что облака плывут вдоль древнего пути, проложенного и в небесах. Они не ощущали даже собственной красоты.

— Я думал, самое ужасное — прийти к Темной Башне и обнаружить, что комната наверху пуста, — вновь заговорил стрелок. — Бог всех вселенных мертв или вообще не существовал. Но теперь... предположим, там кто-то есть, Эдди? Рулевой, который на поверку окажется... — он не сумел договорить.

За него это сделал Эдди.

— Окажется еще одним придурком. Ты об этом? Бог не мертв, но глуп и злобен?

Роланд кивнул. Если уж быть точным, боялся он несколько другого, но Эдди попал пусть не в десятку, но в девятку.

— Как такое может быть, Роланд? Учитывая, что мы сейчас чувствуем. Роланд пожал плечами, показывая, что быть может все.

— В любом случае, есть ли у нас выбор?

— Никакого, — сухо ответил Роланд. — Все служит Лучу.

Где бы конкретно ни находился источник этой великой и поющей силы, исходила она от дороги, которая ныряла обратно в лес к западу от торгового центра. «Канзас-роуд», согласно указателю, и Эдди тут же подумал о Дороти, Тото и Блейне Моно.

Он включил первую передачу одолженного у Каллема «форда» и тронул автомобиль с места. Сердце сотрясало грудь медленными, гулкими ударами. Он задался вопросом, а может, и Моисей испытывал то же самое, приближаясь к неопалимой купине, в которой находился Бог. Он задался вопросом, а может, и Иаков испытывал то же самое, когда, проснувшись, обнаружил в своем лагере незнакомца, светлого и сияющего, ангела, с которым потом ему пришлось бороться. Он подумал, что, скорее всего, ответ на его вопрос в обоих случаях должен быть положительным. И несколько не сомневался, что еще один этап их путешествий подходит к концу: потому что впереди их ждал ответ на один из стоящих перед ними вопросов.

Бог, живущий на Канзас-роуд, в городе Бриджтон, штат Мэн? Вроде бы безумие, но только на первый взгляд.

«Только не убивай меня, — подумал Эдди, поворачивая на запад. —

Мне нужно вернуться к моей любимой, поэтому, пожалуйста, не убивай меня, кем бы или чем бы ты ни был».

— Как же мне страшно, — прошептал Эдди. Роланд наклонился к нему, коротко сжал руку.

2

В трех милях от торгового центра, по левую руку от себя, они увидели уходящий в лес проселок. Точно такие же встречались им и раньше, но Эдди проскакивал мимо на скорости тридцать миль в час. А вот у этого остановился.

Ехали они с опущенными стеклами в передних дверцах. И теперь слышали шум ветра в кронах, карканье вороны, не очень далекий гул мощного лодочного мотора, урчание двигателя «форда». Если исключить пение сотни тысяч голосов, слившихся в едином хоре, других звуков не было. У съезда на проселок стоял столб с табличкой: «Частная дорога». Тем не менее, Эдди мотнул головой влево.

— Это здесь.

— Да, я знаю. Как твоя нога?

— Болит. Не волнуйся о ней. Мы туда поедem?

— Должны, — ответил Роланд. — Ты был прав, когда настоял на приезде сюда. Здесь нас ждет вторая половина вот этого, — и он похлопал по карману, в которой лежала бумага, согласно которой пустырь на углу двух нью-йоркских улиц стал собственностью «Тет корпорейшн».

— Ты думаешь, этот Кинг и роза — две половинки одной пары?

— Ты говоришь правильно, спасибо тебе, — Роланд улыбнулся выбору слов, и Эдди подумал, как редко случалось ему видеть столь грустную улыбку. — К нам прилепилась манера разговора Кэллы, не так ли? Сначала к Джейку, потом к остальным. Но это пройдет.

— Едем дальше, — вопросительных интонаций в голосе Эдди не слышалось.

— Ага, и это будет опасно. Даже... может, никогда раньше мы не сталкивались с такой опасностью. Так мы едем?

— Еще минуту. Роланд, ты помнишь, Сюзанна упоминала человека, которого звали Мозес Карвер?

— Да... как это... деловой человек. Возглавил бизнес ее отца после того, как сэй Холмс умер, я прав?

— Да. Он также был крестным отцом Сюзи. Она говорила, что он

заслуживает полного доверия. Помнишь, как она разозлилась на меня и Джейка, когда мы предположили, что он давно уже присвоил денежки компании?

Роланд кивнул.

— В людях она разбирается, я доверяю ее оценке. А ты?

Роланд кивнул.

— Если Карвер — честный человек, мы можем обратиться к нему, чтобы в этом мире он решил все насущные для нас вопросы.

Вроде бы в этом разговоре о Карвере не было ничего особо важного в сравнении с силой, которая, Эдди это чувствовал, нарастала и нарастала, но он полагал, что затронуть этот момент необходимо. Возможно, у них был только один шанс сохранить розу теперь и обеспечить ее выживание в будущем. Они должны были все сделать правильно, то есть, Эдди это знал, учесть волю судьбы.

Иными словами, ка.

— Сюзи говорит, компания «Холмс дентал» стоила восемь или десять миллионов, когда ты «извлек» ее из Нью-Йорка, Роланд. Если Карвер — хороший менеджер, а я на это надеюсь, сейчас она должна стоять от двенадцати до четырнадцати миллионов.

— Это много?

— Не то слово, — ответил Эдди. — Забавно, конечно, говорить об использовании прибыли от каких-то способов лечения зубов для спасения вселенной, но именно об этом я сейчас и говорю. И деньги, которые оставил Сюзи отец, могут стать только началом. «Майкрософт», например. Помнишь, я упомянул это название Тауэру?

Роланд кивнул.

— Не так быстро, Эдди. Сбавь шаг, прошу тебя.

— Извини, — Эдди глубоко вдохнул. — Так на меня действует это место. Пение. Лица... ты видишь лица в деревьях? В тенях?

— Я вижу их очень хорошо.

— А у меня такое ощущение, будто я немного схожу с ума. Но слушай внимательно. Я говорю о том, чтобы слить «Холмс дентал» и «Тет корпорейшн», а потом, используя наше знание будущего, превратить новую корпорацию в одну из богатейших в истории этого мира. С ресурсами, не уступающими ресурсам «Сомбра корпорейшн»... а может, и «Норд сентр позитроникс».

Роланд пожал плечами, поднял руку, будто бы спрашивая, ну как Эдди может говорить о деньгах в присутствии столь невероятной силы, текущей вдоль Луча и сквозь них, от которой волосы вставали дыбом, трепетали все

жилки, каждая лесная тень превращалась в наблюдающее за ними лицо... словно гигантская аудитория собралась здесь, чтобы посмотреть, как они сыграют кульминационную сцену их драмы.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но это важно, — настаивал Эдди. — Поверь мне, важно. Предположим, к примеру, что мы будем развиваться очень быстро и сумеем купить «Норд центр позитроникс» до того, как он наберет силу в этом мире? Роланд, мы даже сможем поставить его достижения нам на службу, точно так можно развернуть самую большую реку с помощью одной лишь лопаты, если подняться к ее верховьям, где река эта — узенький ручеек.

Вот тут глаза Роланда блеснули.

— Установить контроль. Использовать его достижения самим, а не отдавать Алому Королю. Да, такое возможно.

— Возможно или нет, но мы должны помнить, что речь идет не о 1977 годе, или 1987, откуда ты вытащил меня, даже не о 1999, в который отправилась Сюзи, — в этом мире, понимал Эдди, Кельвин Тауэр к тому времени мог умереть, а Эрон Дипно точно бы умер, их последняя миниатюра в драме «Темная башня»: спасение Доналда Каллагэна от Братьев Гитлеров, давно бы завершилась. Их снесет со сцены, обоих. На пустошь в конце тропы, вместе с Гашером и Хутсом, Бенни Слайтманом, Сюзан Дельгадо

(Calla, Callahan, Susan, Susannah),

Тик-Так, даже Блейном и Патрицией. Роланд и его ка-тет также попадут на эту пустошь, рано или поздно. И в конце, если им фантастически повезет или они будут самоубийственно храбры, останется только Темная Башня. Если они смогут подмять под себя «Норд центр позитроникс» в самом зародыше, им, возможно, удастся спасти все Лучи, которые разрушили при его непосредственном участии. Даже если с этим ничего не получится, двух Лучей, возможно, хватит, чтобы удержать Башню на месте: розы в Нью-Йорке и человека по имени Стивен Кинг в штате Мэн. Разум Эдди не мог предоставить доказательств правильности этого утверждения... но сердце верило.

— Роланд, мы можем заложить основу того, что простоит века.

Роланд сжал пальцы в кулак, провел большим пальцем по пыльному приборному щитку старого «форда» Каллема, кивнул.

— Этот пустырь могут использовать под что угодно, ты это понимаешь? Можно разбить сквер, построить здание, памятник, Национальный институт граммофона. Пока там будет расти роза. Этот парень, Карвер, юридически оформит «Тет корпорейшн», возможно, на

пару с Эроном Дипно...

— Да, — согласился Роланд. — Мне понравился Дипно. У него настоящее лицо.

Эдди придерживался того же мнения.

— Так или иначе, они составят необходимые документы, которые обеспечат защиту розе... роза останется там навсегда, что бы ни случилось. И у меня есть предчувствие, что так и будет. В 2007, в 2057, 2525, 3700... черт, в 19000 году от рождества Христова... Я думаю, она будет расти там до скончания веков. Она, возможно, хрупкая, но я уверен, что она и бессмертная. Мы должны все сделать правильно, пока у нас есть такой шанс. Потому что это ключевой мир. В этом мире нет никакой возможности что-то подпилить, если ключ не поворачивается. Не думаю, что в этом мире кому-либо предоставляется второй шанс.

Роланд обдумал его слова, потом указал на проселок, уходящий в лес. В лес наблюдающих лиц и поющих голосов. Гармония всего, которая наполняла жизнь значимостью и смыслом, показывала путь к истине, обретению Белизны.

— А что ты можешь сказать о человеке, к дому которого ведет эта дорога, Эдди? Если он — человек.

— Я думаю, да, и не потому, что так сказал Джон Каллем. Я это чувствую вот здесь, — и Эдди похлопал себя по груди чуть повыше сердца.

— Я тоже.

— Ты так говоришь, Роланд?

— Ага, говорю. Он бессмертный, как ты думаешь? Потому что я много чего навидался за эти годы, а слухов услышал еще больше, но никогда о мужчине или женщине, которые жили вечно.

— Не думаю, что ему нужно быть бессмертным. Полагаю, все, что от него требуется, так это написать правильную историю. Потому что некоторые истории живут вечно.

Глаза Роланда вспыхнули пониманием. «Наконец-то, — подумал Эдди. — Наконец-то до него дошло».

Но как долго он сам не мог этого понять, а потом и смириться с этим? Видит Бог, ему следовало сообразить что к чему раньше, после стольких чудес, которые ему довелось повидать, и, однако, он никак не мог сделать последний шаг. Не смог его сделать, даже когда окончательно стало ясно, что отец Каллагэн, живой человек, выпрыгнул к нему со страниц выдуманного романа под названием «Салемс-Лот». И шагнуть к цели ему удалось, лишь узнав, что Кооп-Сити находится в Бронксе, а не в Бруклине. Во всяком случае, в этом мире. Который имел ключевое значение для всех

остальных.

— Может, его нет дома, — сказал Роланд, а окружающий мир затих в ожидании. — Может, человека, который нас создал, нет дома.

— Ты знаешь, что он там.

Роланд кивнул. Древним светом вспыхнули его глаза, светом костра, который горел всегда, освещая его путь по Лучу от самого Гилеада.

— Тогда поехали! — прохрипел он. — Поехали, ради твоего отца! Если он — Бог... наш Бог... я взгляну Ему в глаза и спрошу Его, как дойти до Башни!

— А может, сначала спросить его, как дойти до Сюзанны?

Эдди пожалел, что задал этот вопрос, едва он сорвался с его губ, и теперь молил Бога, чтобы стрелок на него не ответил.

Роланд и не ответил. Только вертанул оставшимися пальцами правой руки: «Поехали, поехали».

Эдди включил первую передачу, прибавил газу, отпустил сцепление, «форд» Джона Каллема тронулся с места и свернул на проселок. Эдди вел машину в великой поющей силе, которая, казалось, пролетала сквозь них, как ветер, превращаясь во что-то бестелесное, как мысль или сон в голове какого-нибудь спящего бога.

3

Через четверть мили, на развилке, Эдди повернул налево, хотя на указателе значилось «РОУДЕН» — не «КИНГ». В зеркале заднего обзора висел поднятый ими шлейф пыли. Нежное пение вливалось в него, как спиртное. Волосы по-прежнему стояли дыбом, напрягшиеся мышцы вибрировали. Если бы Эдди пришлось доставать револьвер, скорее всего, он бы его выронил. А если бы пальцы удержали револьвер, то ни о каком прицеливании не могло быть и речи. Он не понимал, как человек, которого они искали, жил так близко от источника этого божественного пения и при этом мог есть, пить, спать, не говоря уж о том, чтобы сочинять истории. Но, разумеется, Кинг не находился в непосредственной близости от источника. Если Эдди не ошибался, пение это шло из Кинга.

«Но, если у него семья, как насчет них? А если семьи нет, как насчет соседей?»

Подъездная дорожка уходила направо и...

— Эдди, стоп, — приказал Роланд, и по голосу чувствовалось, что ему не по себе. Загар, приобретенный в Кэлле, превратился в тонкую пленку,

едва скрывавшую бледность.

Эдди остановил «форд». Роланд попытался открыть дверцу, но ручка никак его не слушалась, поэтому он до пояса высунулся в окно (Эдди услышал, как скрипнула пряжка ремня о хромированную полосу на дверце), его вырвало. Когда же Роланд вновь плюхнулся на сидение, на его лице отражались усталость и восторг. Глаза, синие, древние, блестящие, повернулись к Эдди.

— Поехали.

— Роланд, ты уверен...

Роланд только вертанул пальцами, глядя прямо перед собой, в пыльное лобовое стекло «форда». «Поехали, поехали, ради твоего отца».

Эдди тронул автомобиль с места.

4

Дома такого типа агенты по продаже недвижимости называют ранчо. Это Эдди не удивило. Удивило другое: каким маленьким оказался дом. Ему пришлось напомнить себе, что не каждый писатель — богатый писатель, тем более, когда речь идет о писателе молодом. Да, конечно, второй его роман пользовался успехом у библиоманьяков, но Эдди сомневался, что Кинг хоть раз получил за этот роман проценты от стоимости дополнительных тиражей. Или роялти, как их называли.

Однако, на подъездной дорожке стоял новенький «джип чероки» с затейливой аппликацией на борту, и сие указывало на то, что Стивен Кинг не живет впроголодь, писательство худо-бедно его кормит. Середину двора занимала деревянная песочница, вокруг валялись пластмассовые игрушки. От одного взгляда на них у Эдди упало сердце. Кэлла преподала ему наглядный урок: дети все усложняют. А здесь жили, судя по игрушкам, маленькие дети. И вдруг к ним заваливаются двое мужчин с револьверами крупного калибра. Мужчины, которые, в этот конкретный момент, определенно не в себе.

Эдди заглушил двигатель «форда». Каркнула ворона. Гул мотора катера, который они слышали раньше, стал громче. За домом лучи яркого солнца отражались от синей воды. И голоса пели: «Кам, кам, кам — кам — каммала».

Послышался щелчок: Роланд открыл дверцу, потом вылез из кабины, неловко, чуть поморщившись: больное бедро, сухой скрут. Эдди последовал его примеру и почувствовал, что ноги онемели, превратились в

две палки.

— Тэбби? Это ты?

Голос донесся с правой стороны дома. А потом из-за угла, опережая голос и его обладателя, появилась тень. Никогда раньше увиденная тень не наполняла Эдди таким ужасом и трепетом. Он подумал, с абсолютной уверенностью: «Вот идет мой создатель. Вот и он, ага, ты говоришь правильно». А голоса пели: «Каммала — кам — бя, тот, кто создал тебя».

— Ты что-нибудь забыла, дорогая? — последнее слово растянулось, до-о-о-рогая, так же растягивал слова Джон Каллем, и из-за дома появился обладатель голоса. Увидел их и остановился. Увидел Роланда и остановился. Поющие голоса, звучавшие в нем, смолкли. Гул мотора катера тоже вроде бы смолк. На мгновение весь мир замер. А потом мужчина повернулся и побежал. Но до этого Эдди успел заметить, как изменилось лицо мужчины: он узнал Роланда, понял, кто пожаловал к нему в гости.

Роланд бросился за ним с быстротой молнии, как кот за птичкой.

5

Но сэй Кинг был мужчиной, а не птичкой. Летать он не мог, а бежать, по существу, было некуда. Круглый бетонный блок, то ли колодец, то ли заглушка откачивающего устройства, торчал на зеленой лужайке, которая сбегала по пологому склону к крошечной полоске песчаного пляжа, где тоже валялись игрушки. А потом начиналось озеро. Мужчина добежал до воды, ступил в нее, потом повернулся, да так неуклюже, что едва не упал.

Роланд успел остановиться на песке. Он и Стивен Кинг смирili друг друга взглядами. Эдди держался футах в десяти позади Роланда, наблюдая за ними обоими. Пение возобновилось, вернулся и гул мощного мотора катера. Возможно, они и не пропадали, но Эдди верил в обратное.

Мужчина, стоящий в воде, закрыл глаза, как ребенок.

— Тебя здесь нет, — вырвалось у него.

— Я есть, сэй, — голос Роланда звучал мягко, его переполняло благоговение. — Убери руки от глаз, Стивен из Бриджтона. Опустите руки и рассмотрите меня очень хорошо.

— Может, у меня нервный срыв, — сказал мужчина в воде и медленно опустил руки. Он был в очках с толстыми линзами и строгой черной оправой. Одну дужку скрепляла изоляционная лента. Эдди отметил, что волосы у Кинга черные или темно-каштановые, борода точно черная, и в ней и на висках уже появились первые проблески седины. Компанию его

джинсам составляла футболка с надписями на груди «РАМОНЫ», «РАКЕТА В РОССИЮ» и «ГАББА-ГАББА-ЭЙ»^[82]. Чувствовалось, что он уже начинает набирать жирок среднего возраста, но еще не растолстел. Ростом и бледно-пепельным лицом он не отличался от Роланда. Собственно, Эдди и не удивился, увидев, что Стивен Кинг похож на Роланда. Учитывая разницу в возрасте, на близнецов они, конечно, не тянули, но отец и сын? Да. Легко.

Роланд трижды постучал по шее под кадыком, потом покачал головой. Этого определенно не хватало, чтобы засвидетельствовать свое почтение. И Эдди, с изумлением и ужасом наблюдал, как стрелок опускается на колени среди ярких пластиковых игрушек и прикладывает руку ко лбу.

— Хайл, словоплет. К тебе идут Роланд из Гилеада и Эдди Дин из Нью-Йорка. Откроешься ты нам, как мы открываемся тебе?

Кинг рассмеялся. Эдди смех этот просто шокировал, учитывая значимость слов, только что произнесенных Роландом.

— Я... слушайте, такого просто не может быть, — а потом добавил, уже для себя. — Или может?

Роланд, оставаясь на коленях, продолжил, словно мужчина, стоящий в воде, не смеялся и не произносил ни слова.

— Ты видишь нас, какими мы есть, и знаешь, что мы делаем?

— Вы, должно быть, стрелки, если вы настоящие, — Кинг всматривался в Роланда сквозь толстые линзы очков. — Стрелки, ищущие Темную Башню.

«Точно, — подумал Эдди, пение добрало громкости, отблески солнца на синей воде слепили глаза. — В самую десятку».

— Ты говоришь правильно, сэй Кинг. Нам нужна помощь и поддержка, Стивен из Бриджтона. Ты окажешь ее нам?

— Мистер, я не знаю, кто ваш друг, но, что касается вас... я же сам вас и придумал. Вы не можете стоять передо мной, потому что есть единственное место, где вы существуете. Здесь, — и он стукнул кулаком себе по лбу, совсем как Роланд. Потом указал на дом. Тот, что риэлторы называют ранчо. — И там. Полагаю, там вы тоже есть. В ящике стола, а может, в коробке в гараже. Вы-незаконченное произведение. Я не думал о вас уже... уже...

Голос ослабел. Кинг начал покачиваться из стороны в сторону, как человек, который слышит очень тихую, но приятную музыку, потом его колени подогнулись. Он упал.

— Роланд! — закричал Эдди, рванувшись вперед. — У него же гребаный инфаркт! — хотя знал (во всяком случае, надеялся), что это не

так. Потому что пение оставалось таким же сильным, как и прежде. А лица в деревьях и тени такими же четкими. Стрелок наклонился и подхватил Кинга (тот уже начал подавать признаки жизни) под руки.

— Он только лишился чувств. И кто может его в этом винить? Помоги отнести его в дом.

Из большой спальни открывался великолепный вид на озеро, на полу лежал отвратительный пурпурный ковер. Эдди сидел на кровати и через открытую дверь ванной наблюдал, как Кинг снимает мокрые кроссовки, джинсы и футболку. На мгновение шагнул в зазор между дверью и выложенной кафелем стеной, чтобы поменять мокрые трусы на сухие. Он не возражал против того, что Эдди пошел с ним в спальню. И вообще, придя в себя, отключился он секунд на тридцать, не больше, демонстрировал прямо-таки невероятное спокойствие. Выйдя из ванной, он направился к комоду.

— Это чья-то шутка? — спросил он, роясь в ящиках в поисках сухих джинсов и футболки. Для Эдди дом указывал на то, что Кинг зарабатывал неплохие деньги. По одежде он такого сказать не мог. — Фантазии Мака Маккатчена и Флойда Колдервуда?

— Я не знаю этих людей, и это не шутка.

— Может, и нет, но этот человек не может быть настоящим, — Кинг надел джинсы. Говорил он очень уверенно. — Я хочу сказать, что сам его и придумал.

Эдди кивнул.

— Это я уже понял. И тем, не менее, он настоящий. Я сопровождаю его уже... — как долго? Эдди не знал, — ...давно, — закончил он фразу. — Вы писали о нем, но не обо мне?

— Вы чувствуете себя лишним?

Эдди рассмеялся, но, по правде говоря, он действительно чувствовал себя лишним. Может, Кинг еще просто не добрался до него. Если дело в этом, то он не мог полагать себя в безопасности, не так ли?

— Непохоже, что у меня нервный срыв, — продолжил Кинг. — Но человек, наверно, обычно и не понимает, что у него поехала крыша.

— Нет у вас никакого нервного срыва, но я вам, тем не менее, сочувствую, сэй. Этот человек...

— Роланд. Роланд из... Гилеада?

— Вы говорите правильно.

— Я не помню, написал я про Гилеад или нет, — Кинг задумался. — Нужно проверить страницы, если только я найду рукопись. Но название хорошее. Прямо как в «Нет бальзама в Гилеаде»^[83].

— Что-то я вас не понимаю.

— Все нормально, я тоже, — Кинг взял с комода пачку сигарет, «Пэлл-Мэлл», закурил. — Закончите то, что вы хотели сказать.

— Он вытащил меня через дверь между этим миром и его миром. Мне тоже казалось, что у меня поехала крыша, — Эдди «извлекли» не из этого мира, близкого, но другого, и он тогда сидел на героиновой игле, и сидел крепко, но не стоило запутывать и без того сложную ситуацию такими подробностями. Однако, он не мог не задать еще один вопрос, до того, как они спустились бы вниз к Роланду и начался бы настоящий разговор.

— Позвольте спросить вас, сэй Кинг... вы знаете, где находится Кооп-Сити?

Кинг как раз перекладывал ключи и монеты из карманов мокрых джинсов в карманы сухих. Правый глаз он прищурил, чтобы в него не попадал дым сигареты, которая висела в уголке рта. Тут он посмотрел на Эдди, брови приподнялись.

— Это не проверочный вопрос?

— Нет.

— И вы не пристрелите меня из большого револьвера, который висит у вас на бедре, если я ошибусь?

Эдди чуть улыбнулся, решив, что для бога Кинг — неплохой парень. Потом напомнил себе, что Бог убил его младшую сестру, используя в качестве орудия убийства пьяного водителя, и его брата Генри. Бог создал Энрико Балазара и сжег Сюзан Дельгадо на костре. Улыбка поблекла. Но он ответил:

— Никого здесь не застрелят, сэй.

— В таком случае, я уверен, что Кооп-Сити находится в Бруклине. Откуда вы родом, если судить по вашему выговору. Итак, я выиграл ярмарочного гуся?

Эдди дернулся, словно в него вонзили иголку.

— Что?

— Так, бывало, говорила моя мать. Когда мой брат и я быстро справлялись с ее поручением, мы слышали от нее: «Мальчики, вы выиграли ярмарочного гуся». Такая у нее была шутка. Так я выиграл приз?

— Да, — ответил Эдди. — Конечно.

Кинг кивнул, затушил окурок.

— Вы — хороший парень. А вот о вашем приятеле я такого сказать не могу. Никогда не мог. Думаю, это одна из причин, по которым я забросил тот роман.

Кинг в очередной раз удивил Эдди. Он поднялся с кровати.

— Забросили роман?

— Да. «Темную башню», так он назывался. Должен был стать моим «Властелином колец», моим «Горменгастом»^[84], моим как ни назови. Когда тебе двадцать два, амбиций у тебя, хоть отбавляй. Но потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, что это слишком большая задача для моего маленького мозга. Слишком... ну, не знаю... неподъемная. Полагаю, это слово не хуже других. А потом, — добавил он, — я потерял конспект романа.

— Потеряли?

— Отдает безумием, не так ли? Но писательство — занятие безумцев. Вы знаете, что однажды Эрнест Хемингуэй оставил в поезде сборник коротких рассказов?

— Правда?

— Правда. У него не было ни второго экземпляра, ни третьего, ни копирок. Только первый, он и потерялся. Что-то подобное произошло и со мной. Как-то крепко выпив, а может, закинувшись мескалином, я написал схематичный план фантастической саги на пять или десять тысяч страниц. Думаю, конспект получился отличный. И по форме и по стилистике. А потом я его потерял. Возможно, конспект сдуло с багажника моего мотоцикла, когда я возвращался из какого-нибудь гребаного бара. Никогда раньше такого со мной не случалось. Я всегда бережно отношусь к своей работе, чего не могу сказать об остальном.

— Понятно, — кивнул Эдди и у него возникло желание спросить: «А не крутились ли поблизости люди в кричащих одеждах, аккуратно в те дни, когда ты потерял конспект. Такие люди, что любят ездить на больших автомобилях? „Низкие люди“, если давать им общую характеристику. А может, рядом вертелся кто-нибудь с красной отметиной на лбу? Которая выглядела, как кровавый круг? Короче, нет ли у тебя ощущений, что кто-то украл твой конспект? Может, этот кто-то очень не хотел, чтобы ты дописал „Темную Башню“ до конца?»

— Пойдемте на кухню. Нам нужно посоветаться, — Эдди очень бы хотелось знать, а о чем, собственно, им нужно посоветаться. Но в любом случае, тему им следовало найти правильную, потому что это был реальный мир, не допускающий повторов.

Роланд понятия не имел, как снарядить, а потом включить стоящую на столике у плиты кофеварку, но зато нашел на одной из полок старый, помятый кофейник, практически ничем не отличающийся от того, что в стародавние времена вез с собой Ален Джонс, когда трое мальчишек отправились в Меджис считать скот. Плита сэя Кинга работала на электричестве, но даже ребенок сообразил бы, как включаются горелки. Когда Эдди и Кинг спустились на кухню, вода уже закипала.

— Я не пью кофе, — Кинг направился к холодильнику, обходя Роланда по широкой дуге. — И обычно я не пью пива до пяти часов, но, пожалуй, сегодня сделаю исключение. Мистер Дин?

— Кофе меня устроит.

— Мистер Гилеад?

— Дискейн, сэй Кинг. Я тоже выпью кофе и говорю, спасибо тебе.

Писатель открыл банку, дернув за встроенное в крышку кольцо (Роланд решил, что это потрясюще умно, но при этом чистое расточительство). Послышалось шипение, потом кухню наполнил приятный запах

(каммала — кам — кам)

Дрожжей и хмеля. Кинг в один присест осушил как минимум полбанки, вытер пену с усов, поставил банку рядом с кофеваркой. Бледность с лица не сошла, но он вроде бы уже полностью пришел в себя. Стрелок полагал, что держится писатель очень достойно, во всяком случае, пока. А может, на каком-то глубоком уровне рассудка и сердца Кинг ожидал этого визита? Знал, что они придут?

— У вас жена и дети, — нарушил молчание Роланд. — Где они?

— Родители Тэбби живут на севере, около Бангора. Моя дочь последнюю неделю была у бабушки с дедушкой. Тэбби взяла нашего младшего, Оуэна, он еще младенец, и уехала к ним час тому назад. Я должен забрать моего второго сына, Джо, через... — он взглянул на часы... — примерно через час. Хотел поработать, поэтому на этот раз мы решили поехать на двух автомобилях.

Роланд обдумал его слова. Похоже на правду. Кинг, несомненно, говорил им, если с ним что-нибудь случится, его скоро хватятся.

— Я не могу поверить, что все это происходит на самом деле. Надеюсь, я вас не рассердил? В любом случае, видеть, как оживает написанная тобой история, это сильное потрясение.

— Например, «Салемс-Лот», — предположил Эдди. Кинг приподнял брови.

— Так вы об этом знаете? Там, откуда вы пришли, есть Литературная гильдия? — он допил пиво. Роланд подумал, что Кинг — большой любитель этого напитка. — Пару часов тому назад на той стороне озера были сирены, там же поднимался столб черного дыма. Я видел его из моего кабинета. Тогда подумал, что горит трава, в Харрисоне или Стоунэме, но теперь засомневался. Без вас не обошлось? Не обошлось, не так ли?

— Он об этом пишет, Роланд, — вставил Эдди. — Или писал. Говорит, что перестал. Но называлось его сочинение «Темная Башня». Так что он знает.

Кинг улыбнулся, но Роланд подумал, что хозяин дома впервые по-настоящему испугался. Если не считать момента встречи, когда он вышел из-за угла и увидел их. Свое творение.

«Так мне следует себя называть? Его творением?»

С одной стороны, да, с другой, вроде бы нет. От этих мыслей у Роланда разболелась голова, к горлу вновь подкатила тошнота.

— Он знает, — повторил Кинг. — Мне это не нравится, парни. Когда в истории кто-то говорит: «Он знает», следующей обычно стоит фраза: «Мы должны его убить».

— Поверь мне, когда я это говорю, — по голосу Роланда чувствовалось, что он придает большое значение своим словам. — Убить тебя — самое последнее, что может прийти нам в голову, сэй Кинг. Твои враги — наши враги, а те, кто помогают тебе на твоем пути, наши друзья.

— Аминь, — подвел черту Эдди.

Кинг открыл холодильник, достал новую банку пива. Роланд заметил, что банок там полным полно, больше, чем чего-то еще. Он стояли на полках, как шеренги солдат.

— В таком случае зовите меня Стив.

— Расскажи нам историю, в которой есть я, — попросил Роланд.

Кинг прислонился к столику у плиты, и солнечный луч упал ему на макушку. Он глотнул пива и задумался над вопросом Роланда. И вот тут Эдди увидел это в первый раз, очень смутно, возможно, благодаря контрасту с солнечным лучом. Дымчатый, черный ореол, который окружал писателя. Тусклый. Едва заметный. Но он был. Как чернота, которая

пряталась за всем, что они видели, когда попадали куда-либо посредством Прыжка. Неужто та же чернота? Эдди так не думал.

Ореол едва просматривался. Но он был.

— Вы знаете, — начал Кинг, — истории я рассказываю плохо. Звучит, как парадокс, но это так. В этом причина того, что я предпочитаю их записывать.

«Он говорит как Роланд?» — задался вопросом Эдди. Этого он сказать не мог. Гораздо позже до него дошло, что Кинг говорил, как они все, даже Роза Мунос, домоправительница отца Каллагэна в Кэлле.

Внезапно писатель просиял.

— Вот что я вам скажу. А почему бы мне не поискать рукопись? У меня четыре или пять коробок с историями, которые я забраковал. «Темная Башня» наверняка в одной из них, — забраковал. Бракованные истории. Слова не имели для Эдди ровно никакого значения. — Вы сможете почитать ее, пока я съезжу за своим маленьким мальчиком, — он улыбнулся, продемонстрировав большие, неровные зубы. — А когда я вернусь, вы, возможно, уйдете, и я даже сумею убедить себя, что вас не было вовсе.

Эдди посмотрел на Роланда, тот чуть качнул головой. На плите закипел кофейник.

— Сэй Кинг... — Эдди повернулся к писателю.

— Стив.

— Хорошо, Стив. Мы должны заняться нашим делом немедленно. Даже если отбросить вопрос о доверии, мы очень торопимся.

— Конечно, конечно, понятное дело, бежите наперегонки со временем, — Кинг рассмеялся. Очаровательно-добродушно. Эдди заподозрил, что пиво начало действовать, и задался вопросом, а не алкоголик ли писатель? С уверенностью утверждать он не мог, слишком недавно они познакомились, но некоторые признаки Эдди отмечал. Запас знаний по английскому языку и литературе он вынес из школы небольшой, но хорошо помнил, как кто-то из учителей сказал, что многие писатели большие любители выпить. Хемингуэй, Фолкнер, Фицджеральд, автор «Ворона»^[85]. Да, писатели любили выпить.

— Я не смеюсь над вами, парни, — продолжил Кинг. — Моя религия запрещает смеяться над вооруженными людьми. Просто в одной из книг, которую я пишу, люди постоянно бегут наперегонки со временем^[86]. Так вы хотите услышать первое предложение «Темной Башни»?

— Конечно, если вы его помните, — ответил Эдди.

Роланд ничего не сказал, но его глаза ярко блеснули под бровями, которые уже тронула седина.

— Естественно, я ее помню. Это, возможно, лучшее первое предложение, написанное мной, — Кинг отставил банку, вскинул руки, выставил прижатые другу к другу указательный и средний пальцы, чуть их согнул, изображая кавычки цитаты. — «Человек в черном пытался укрыться в пустыне, а стрелок преследовал его». Остальное где-то и подзабывалось, но первое предложение впечаталось в память, — он опустил руки, взялся за банку. — В сорок третий раз спрашиваю, это происходит наяву?

— Человека в черном звали Уолтер? — спросил Роланд.

Кинг не донес банку до рта, плесканул пивом на грудь, обмочив чистую футболку. Роланд кивнул, словно получил требуемый ему ответ.

— Только не падайте снова в обморок, — предостерег Эдди, в голосе прозвучали резкие нотки. — Одного раза достаточно, чтобы произвести на меня впечатление.

Кинг кивнул, глотнул пива, похоже, взял себя в руки. Посмотрел на часы.

— Господа, вы действительно позволите мне забрать моего сына?

— Да, — кивнул Роланд.

— Вы... — Кинг попытался что-то вспомнить, потом улыбнулся. — Вы обещаете это по праву и по крови?

— Я обещаю, — ответил Роланд без тени улыбки.

— Хорошо, тогда слушайте «Темную Башню», сжатый вариант для "Избранных романов «Ридерз дайджест»^[87]. Помните, рассказывать вслух, а не на бумаге — это не мое. Но я постараюсь.

Роланд слушал с таким вниманием, словно от рассказа Кинга зависела судьба миров. Впрочем, он в этом и не сомневался. Кинг начал свою версию жизни Роланда с кострищ, что порадовало Роланда, потому что кострища эти подтверждали человеческую сущность Уолтера. А потом вернулся к встрече с патлатым поселенцем на краю пустыни. Брауном, так его звали.

«Доброй жатвы твоим посевам, — услышал Роланд эхо давно прошедших лет. — Доброй и твоим». Он забыл и Брауна, и его ручного ворона Золтана, но этот незнакомец — нет.

— Что мне нравилось, — продолжил Кинг, — так это обратный ход повествования. Как чисто технический прием построения сюжета, это очень интересно. В самом начале вы в пустыне. Потом возвращаетесь чуть назад, на край этой самой пустыни, где встречаетесь с Брауном и Золтаном. Между прочим, ворона я назвал Золтаном в честь одного моего знакомого из университета Мэна, который пел, аккомпанируя себе на гитаре. Из хижины поселенца еще шажок назад, ваш приход в город Талл... названный в честь рок-группы...

— “Джетро Талл”^[88], — вставил Эдди. — Черт побери, ну, конечно! Я знал, что название мне знакомо. А как насчет “Зи.Зи. Топ”, Стив? Вы их тоже знаете? — Эдди увидел написанное на лице Кинга недоумение и улыбнулся. — Наверное, их время еще не пришло. А если они уже и выступают, вы о них еще не слышали.

Роланд вертанул пальцами: «Продолжай, продолжай». И бросил на Эдди взгляд, предлагающий более не встречать.

— Так или иначе, после прихода Роланда в Талл, история опять уходит в прошлое, и читатель узнает о том, как Норт, любитель пожевать травку, умер, но потом ожил, — подробности, которым Кинг придавал столь большое значение; ведь говорили они, в конце концов, о его жизни, его жизни, и для него все двигалось вперед. Во всяком случае, до того момента, как он добрался до Западного моря и дверей, через которые «извлек» своих попутчиков.

Но Стивен Кинг, похоже, ничего о дверях не знал. Он написал о дорожной станции, о встрече Роланда с Джейком Чеймберзом. Он написал об их путешествии к горам и через них; он написал, как человек, которому доверился, которого полюбил Джейк, предал его.

Кинг обратил внимание, что эту часть рассказа Роланд просидел с опущенной головой, и с неожиданной мягкостью сказал: «Вам нет нужды стыдиться, мистер Дискейн. В конце концов, я заставил вас это сделать».

Но вновь Роланд задался вопросом, а так ли это?

Кинг написал о разговоре Роланда с Уолтером на голгофе, среди скопища истлевающих черепов, о гадании на картах Таро, о жутком видении Роланда, которое пробило крышу мироздания. Он написал о том, как Роланд проснулся после ночи предсказания судеб и обнаружил, что постарел на десять лет, а Уолтер превратился в скелет. А в самом конце Кинг написал Роланда, пришедшего на берег моря и сидящего у самой кромки воды.

— Вы сказали: «Я любил тебя, Джейк».

Роланд буднично кивнул.

— Я и теперь его люблю.

— Вы так говорите, будто он действительно существует.

Роланд пристально посмотрел на него.

— Я существую? Ты?

Кинг промолчал.

— Что произошло потом? — спросил Эдди?

— Потом, *senor*^[89], я иссяк... или, если вам это больше понравится, испугался и остановился.

Эдди тоже хотелось остановиться. Он видел, как тени в кухне начали удлиняться, и понимал, что пора отправляться к Сюзанне, а не то будет поздно. Он думал, что и он, и Роланд уже поняли, как выбраться из этого мира, и подозревал, что Кинг сам может направить их к Тэтлбек-Лейн, в Лоувелл, где стенка реальности истончилась и, как, по крайней мере, утверждал Джон Каллем, в последнее время частенько появлялись приходящие. И Кинг с радостью указал бы им путь. Порадовался бы тому, что наконец-то избавился от них. Но пока уходить они не могли, и Эдди, несмотря на все свое нетерпение, прекрасно это понимал.

— Вы остановились, потому что потеряли свой пектконс, — уточнил Роланд.

— Конспект. Нет, не из-за этого, — Кинг отправился за третьей банкой, и Эдди решил, что появление у Кинга животика не должно удивлять; если перевести пиво в калории, он уже съел буханку хлеба и принимался за вторую. — Я обычно не работаю по конспекту. Фактически... только не ставьте мне это в укор, я написал его впервые. И только потому, что сага получалась очень уж большая. И странная. Да и вы стали проблемой, сэр, или сэй, или как вы там себя называете, — Кинг поморщился. — Уж не знаю, какая принята у вас форма обращения, я ее не придумал.

— Пока не придумали, — уточнил Роланд.

— Поначалу я видел вас, как Человека без имени Сержио Леоне^[90].

— Спагетти-вестерны, — осенило Эдди. — Господи, ну конечно! Я их столько пересмотрел в «Маджестике» с Генри, когда он был дома. А когда его отправили во Вьетнам, ходил в кино сам или с моим приятелем, Чагги Коутером. Это мужские фильмы.

Кинг улыбался.

— Да, но моей жене они тоже нравились, хотя она не мужчина.

— Она у вас молодец! — воскликнул Эдди.

— Да, Тэбби молодец, — Кинг повернулся к Роланду. — Как Человек

без имени, фэнтезийный вариант Клинта Иствуда, вы смотрелись неплохо. И работа с вами забавляла меня.

— Таким ты поначалу меня видел?

— Да. Но потом вы изменились. Прямо под моей рукой. Так вышло, что я уже не мог сказать, герой вы, антигерой или вообще не герой. И когда вы позволили мальчику упасть в пропасть, это был кульминационный момент.

— Вы же сказали, что заставили меня это сделать.

Глядя Роланду прямо в глаза, голубое встретилось с голубым среди безграничного хора голосов, Кинг ответил:

— Я солгал, братец.

10

Последовала пауза, все, похоже, обдумывали последнюю реплику писателя. Потом Кинг продолжил.

— Вы начали меня пугать, вот я и перестал о вас писать. Положил рукопись в папку, а папку запихнул в ящик. Переключился на рассказы, которые продавал различным журналам для мужчин, — он помолчал, кивнул. — Жизнь для меня переменялась, после того, как я отложил вас в сторону, и переменялась к лучшему. Мои произведения начали продаваться. Я предложил Тэбби выйти за меня замуж. А вскоре я взялся за книгу под названием «Кэрри». Это был не первый написанный мной роман, но первый, который мне удалось продать, и благодаря этому я крепко встал на ноги. И все это произошло после того, как я сказал: «Прощай, Роланд, долгого тебе и счастливого пути». А что происходит теперь? Как-то раз, ясным днем, шесть или семь лет спустя, я обхожу угол своего дома и вижу вас, стоящего на моей гребаной подъездной дорожке. И вот что я могу подумать по этому поводу. Самый оптимистичный для меня вывод: вы — галлюцинация, вызванная перенапряжением. Но я в это не верю. Как я могу? — Кинг заговорил громче, резче. Эдди понял, что причина — не страх, а ярость. — Как я могу в это поверить, если вижу тени, которые вы отбрасываете, кровь на вашей ноге... — он указал на Эдди. — И пыль на вашем лице, — теперь на Роланда. — Вы не оставили мне вариантов, и я чувствую, что мозги у меня... ну не знаю... встают на уши? Правильно? Да, пожалуй. Встают на уши.

— Ты не просто перестал, — Роланд полностью проигнорировал последнюю часть тирады, восприняв эти слова, как отговорку, потакание

собственным желаниям. Скорее всего, в этом не ошибся.

— Не просто?

— Я думаю, рассказывать истории — будто через что-то проталкиваться. Скажем, прокладывать путь среди еще не созданного. И в какой-то день, когда ты этим занимался, ты вдруг почувствовал, как что-то толкает тебя назад.

Эдди показалось, что Кинг целую вечность обдумывал предположение Роланда. Потом кивнул.

— Пожалуй, вы правы. У меня не просто иссякли идеи, такое со мной случалось, правда, в последнее время не столь часто, как раньше, и это чувство мне знакомо. Дело в том... ну, не знаю, приходит день, когда ты получаешь меньше удовольствия, сидя за столом, стуча по клавишам пишущей машинки. И внутренний глаз как-то замыливается. В общем, уже не хочется рассказывать себе эту историю. А потом, что только усугубляет ситуацию, у тебя возникает новая идея, такая яркая и сверкающая, только что рожденная твоим подсознанием, без единой царапинки. И еще не тронутая тобой, во всяком случае, пока. И... ну...

— И ты чувствовал, как что-то толкает тебя назад, — все тем же ровным голосом повторил Роланд.

— Да, — голос Кинга упал до столь тихого шепота, что Эдди едва слышал его. — «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ», — он помолчал. — Возможно, даже «СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ».

«Тебе бы не понравилась темная тень, которую я вижу вокруг тебя, — подумал Эдди. — Этот темный ореол. Нет, сэй, полагаю, он бы совершенно тебе не понравился, и что еще я вижу? Сигареты? Пиво? Что-нибудь наркотическое, к чему может развиваться привыкание? Автомобильную аварию как-нибудь вечером после подпития? И когда это произойдет? Через сколько лет?»

Он посмотрел на часы, висевшие над кухонным столом Кинга, и поморщился, увидев, что показывают они без четверти четыре.

— Роланд, уже поздно. Этот человек должен забрать своего сына, — «а мы должны найти мою жену до того, как Миа родит ребенка, которого они, похоже, делят на двоих, а Алый Король решит, что Сюзанна свою миссию выполнила».

— Еще немного, — ответил Роланд. И опустил голову, более ничего не сказав. Задумавшись. Стараясь решить, какие вопросы самые главные. Может, стараясь найти один, самый главный вопрос. И Эдди понимал, что это важно, потому что более они не могли вернуться в девятый день июля

1977 года. Они могли вновь попасть в этот день в каком-нибудь другом мире, собственном, в любом мире, кроме этого. И будет ли Стивен Кинг существовать в этих мирах? Эдди полагал, что нет. Скорее нет, чем да.

И пока Роланд думал, Эдди спросил Кинга, говорит ли ему что-нибудь имя Блейн.

— Нет. В принципе, нет.

— А Луд.

— Как в луддитах? Религиозной секте машиноненавистников, да? Я думаю, они существовали в девятнадцатом столетии, а может, и раньше. Если память мне не изменяет, луддиты девятнадцатого столетия врывались на фабрики и разбивали машины, — он улыбнулся, вновь продемонстрировав неровные зубы. — Я думаю, нынче их место занял «Гринпис».

— Берил Эванз? Вы знаете, кто это?

— Нет.

— Хенчек? Хенчек из Мэнни?

— Нет. А кто такие Мэнни?

— Слишком сложно объяснять. А как насчет Клаудии-и-Инесс Бахман?

Кинг расхохотался, в который уж раз удивив Эдди. Удивился и сам Кинг, судя по выражению его лица.

— Жена Дикки? — воскликнул он. — Откуда, черт побери, вы о ней знаете?

— Мне ничего о ней неизвестно. Кто такой Дикки?

— Ричард Бахман. Я начал публиковать некоторые из моих первых романов, они выходили не в переплете, а обложке, под псевдонимом. Бахман — мой псевдоним. Как-то вечером, изрядно выпив, я написал его полную биографию, включая и упорную борьбу с лейкемией. Трижды ура мужеству Дикки! Короче, Клаудия — его жена. Клаудия Инесс Бахман. Насчет "и" посередине... об этом ничего сказать не могу.

Эдди вдруг почувствовал, как огромный невидимый камень внезапно скатился с груди и исчез из его жизни. Клаудия Инесс Бахман — восемнадцать букв. Значит, что-то добавило эту "и", а почему? Естественно, для того, чтобы букв стало девятнадцать. Клаудия Инесс Бахман — просто имя и фамилия. А вот Клаудия-и-Инесс Бахман — совсем другое дело... она — часть ка-тета.

Эдди подумал, что только что они нашли один ответ, из тех, за которыми приехали сюда. Да, Стивен Кинг их создал. По крайней мере, создал Роланда, Джейка, отца Каллагэна. До остальных пока просто не

добрался. И он передвигал Роланда, как шахматную фигуру по доске: иди в Талл, Роланд, переспи с Элис, Роланд, преследуй Уолтера по пустыне, Роланд. Но, даже если он и передвигал своего главного персонажа по доске, точно также передвигали и самого Кинга. Буква, добавленная к имени жены его псевдонима однозначно на это указывала. Что-то хотело, чтобы Клаудия Бахман вошла в ка-тет девятнадцати. А значит...

— Стив.

— Да, Эдди из Нью-Йорка, — Стив улыбнулся чему-то своему. Эдди почувствовал, как гулко забилося сердце.

— Что значит для вас число девятнадцать?

Кинг задумался. Снаружи ветер шелестел кронами сосен, гудели лодочные моторы, каркала, та же самая или другая, ворона. Скоро на берегу озера наступит час барбекю, а потом люди, возможно, поедут в город, чтобы послушать концерт на площади или за чем-то еще, в этом лучшем из всех возможных миров. Или, по крайней мере, самом реальном.

Наконец, Кинг покачал головой, и Эдди, который ждал, затаив дыхание, выдохнул скопившийся в легких воздух.

— Извините. Это простое число, вот и все, что я могу про него сказать. Простые числа интересуют меня, с тех пор, как мистер Сойчак познакомил меня с ними на уроках математики в средней школе Лисбона. И, думаю, мне было девятнадцать, когда я познакомился со своей женой, но, возможно, она оспорит мои слова. Она у меня вообще любительница поспорить.

— А как насчет девяносто девяти?

Кинг вновь задумался, что-то стряхнул с пальцев.

— Чертовски солидный возраст. «Девяносто девять на могильном камне». Это из песни, вроде бы она называлась... думаю, «Крушение в девяносто девять». Нет, нет, это другая песня — "Крушение «Вечерней звезды». «Девяносто девять на полке бутылок, мы взяли одну и пустили по кругу, осталось на полке девяносто восемь бутылок». Кроме этого, ничего сказать не могу.

Теперь пришла очередь Кинга взглянуть на настенные часы.

— Если я не уеду в самое ближайшее время, Бетти Джонс позвонит, чтобы узнать, не забыл ли я, что нужно забирать сына. А после того, как я заберу Джо, мне предстоит проехать сто тридцать миль на север. Ехать мне было бы проще, если б я не налегал на пиво. А на пиво я бы не налегал, если б на моей кухне не сидели двое вооруженных призраков.

Роланд несколько раз кивнул, взялся за пояс-патронташ, достал патрон, начал рассеянно вертеть его между большим и указательным

пальцами левой руки.

— Еще один вопрос, если ты не возражаешь. А потом мы пойдем своей дорогой, а ты — своей.

— Так спрашивайте, — Кинг посмотрел на третью вскрытую банку, затем вылил остаток пива в раковину, на лице читалось сожаление.

— Это ты написал «Темную Башню»?

Эдди вопрос показался бессмысленным, но глаза Кинга вспыхнули, он ослепительно улыбнулся.

— Нет! И если я когда-нибудь напишу книгу о том, как писать книги, а я, вероятно, могу ее написать, потому что учил этому, прежде чем полностью не ушел в писательство, то в ней так и скажу. Ни «Темную Башню», ни любую другую, по большому счету, нет. Я знаю, есть писатели, которые действительно пишут, но я не из их числа. Фактически, когда меня покидает вдохновение и перестают появляться новые идеи, история, над которой я работаю, обычно превращается в дерьмо.

— Я никак не возьму в толк, о чем вы говорите, — вставил Эдди.

— Все равно, что... эй, ловко, однако!

Патрон, который катался взад-вперед между большим и указательным пальцами, вдруг легко закувыркался по тыльной стороне руки, отправившись на прогулку от указательного пальца к мизинцу Роланда, потом двинулся обратно.

— Да, — согласился Роланд, — ловко, не так ли?

— Так вы загипнотизировали Джейка на дорожной станции. Чтобы заставить вспомнить, что его убили.

«И Сюзан, — подумал Эдди. — Так он загипнотизировал и Сюзан, только ты об этом еще не знаешь, сэй Кинг. А может, знаешь. Может, где-то глубоко внутри ты знаешь все».

— Меня пробовали загипнотизировать, — продолжил Кинг. — Один парень вытащил меня на сцену во время ярмарки в Топшэме, когда я был подростком, и попытался заставить кудахтать, как наседка. Ничего у него не вышло. Это случилось примерно в то время, когда умер Бадди Холли. И Большой Боппер. И Ритчи Валенс. Тодана! Ах, Дискордия!

Внезапно он замотал головой, словно хотел прочистить ее, и перевел взгляд с пляшущего патрона на лицо Роланда.

— Я только что что-то сказал? — спросил он.

— Нет, сэй, — Роланд смотрел на пляшущий патрон, мотающийся, как маятник, поперек тыльной стороны руки... и, естественно, глаза Кинга тоже вернулись к патрону.

— Что происходит, когда вы работаете над историей? — спросил

Роланд. — К примеру, моей историей?

— Она просто приходит ко мне, — голос ослабел, его обладатель все глубже погружался в свои мысли. — Она врывается в меня, это мне нравится, а потом выходит наружу, когда я шевелю пальцами. Никогда не выходит из головы. Выходит из пупка... или откуда-то еще. Был один редактор... Я думаю, это Макссуэлл Перкинс^[91]... так он называл Томаса Вульфа...

Эдди понимал, что делает Роланд, знал, что вмешиваться — идея не из лучших, но ничего не смог с собой поделать.

— Роза, — вырвалось у него. — Роза, камень, ненайденная дверь.

Кинг просиял от удовольствия, но его глаза не оторвались от патрона, по-прежнему пляшущего между пальцами Роланда.

— В действительности, это камень, лист и дверь, — ответил он. — Но роза мне нравится еще больше.

Гипноз сработал на все сто. Эдди подумал, что он буквально слышит чмокающие звуки, с которыми утекал контроль Кинга над собственными разумом и телом. И тут у Эдди мелькнула мысль, что в этот критический момент такой пустячок, как телефонный звонок, может изменить судьбы мира. Он поднялся и очень осторожно, стараясь не шуметь, пусть и болела раненая нога, направился к висевшему на стене телефонному аппарату. Обмотал провод вокруг руки и оборвал, с силой дернув.

— Роза, камень, ненайденная дверь, — согласился Кинг. — Такое мог написать Вульф, все так. Макссуэлл Перкинс называл его «божественный воздушный колокольчик». Ты ушел, и как печалился по тебе ветер! Все эти забытые лица! О, Дискордия!

— Как пришла к тебе эта история, сэй? — тихо спросил Роланд.

— Я не люблю все эти Новые века... мерцающие магические кристаллы... толстенные тома, в которых нет ничего, кроме пустоты... но они называют это направлением, и это... какие при этом ощущения... как что-то в канале...

— Или на луче? — спросил Роланд.

— Все служит Лучу, — ответил писатель и вздохнул. Вздох этот ужасал своей грустью. И Эдди почувствовал, как по его спине побежали мурашки.

света. Свет падал на его левую щеку, краешек глаза, ямочку в уголке рта. Свет выбеливал каждый волосок бороды, который оказывался на его пути. Кинг стоял в колонне света, и оттого смутный черный ореол выделялся более отчетливо. Дыхание его замедлилось, до трех-четырех вдохов в минуту.

— Стивен Кинг, ты меня видишь? — спросил Роланд.

— Хайл, стрелок, я вижу тебя очень хорошо.

— Когда те впервые увидел меня?

— Лишь сегодня.

На лице Роланда отразилось удивление, приправленное раздражением. Он явно ожидал услышать другое. А Кинг продолжил.

— Я видел Катберта, не тебя, — пауза. — Ты и Катберт ломали хлеб и разбрасывали под виселицей. Это есть в уже написанной части.

— Ага, разбрасывали. Когда повесили повара, Хакса. Берт рассказал тебе эту историю?

Но Кинг на вопрос не ответил.

— Я видел Эдди. Я видел его очень хорошо. Катберт и Эдди — близнецы.

— Роланд... — прошептал Эдди. Роланд осек его, резко качнув головой, и положил патрон, которым загипнотизировал Кинга, на стол. Кинг продолжал смотреть в то место, куда перенесся, как будто, что-то там видел. Возможно, и видел. Пылинки танцевали вокруг темных волос.

— И где ты был, когда увидел Катберта и Эдди?

— В сарае, — у Кинга перехватило дыхание. Губы начали дрожать. — Тетя посадила меня туда, потому что мы попытались убежать.

— Кто?

— Я и мой брат Дейв. Нас поймали и привезли назад. Сказали, что мы плохие, очень плохие мальчишки.

— И тебе пришлось пойти в сарай.

— Да, и меня выпороли розгами.

— Так тебя наказали.

— Да, — слеза вытекла из правого глаза Кинга и скатилась в бороду. — Куры мертвы.

— Куры в амбаре?

— Да, они, — за первой последовали новые слезы.

— Отчего они умерли?

— Дядя Орен говорит, это птичий грипп. Их глаза открыты. Они... немного пугают.

«Скорее, сильно пугают», — подумал Эдди, глядя на слезы и

побледневшие щеки Кинга.

— Ты не мог выйти из сарая.

— Пока не получу свою порцию розог — нет. Дейв свою уже получил. Теперь моя очередь. По курицам ползают пауки. Пауки копошатся в их внутренностях, маленькие, красные. Как крупички красного перца. Если они заползут на меня, я тоже заболею птичьим гриппом и умру. Только потом я вернусь.

— Почему?

— Я стану вампиром. Стану его рабом. Его писцом, возможно. Его карманным писателем.

— Кого?

— Повелителя пауков. Алого Короля, Пленника Башни.

— Господи, Роланд, — прошептал Эдди. Его била дрожь. Что они нашли? Какой улей разворошили? — Сэй Кинг, Стив, сколько вам было... сколько тебе лет?

— Семь, — пауза. — Я обмочил штаны. Не хотел, чтобы пауки укусили меня. Красные пауки. Но тут появился ты, Эдди, и я обрел свободу, — он широко улыбнулся, его щеки блестели от слез.

— Ты спишь, Стивен? — спросил Роланд.

— Ага.

— Засни еще глубже.

— Хорошо.

— Я сосчитаю до трех. На счет три ты заснешь так глубоко, как только сможешь.

— Хорошо.

— Один... два... три, — на три голова Кинга опустилась. Подбородок лег на грудь. Струйка серебристой слюны вытекла изо рта и закачалась, словно маятник.

— Итак, теперь мы что-то знаем, — Роланд посмотрел на Эдди. — Возможно, что-то важное, решающее. Алый Король коснулся его, когда он был ребенком, но каким-то образом мы перетянули его на свою сторону. Точнее, ты перетянул, Эдди. Ты и мой давний друг, Берт. В любом случае, твоя роль в этой истории особенная.

— Я бы куда как больше гордился своими героическими поступками, если бы помнил их, — ответил Эдди. — Ты понимаешь, что я еще не родился, когда этому парню исполнилось семь лет?

Роланд улыбнулся.

— Ка — колесо. Ты долгое время вращался на нем под разными именами. Похоже, одно из них — Катберт.

— А ты можешь что-нибудь сказать насчет того, что Алый Король — Пленник Башни?

— Не могу. Не имею об этом ни малейшего понятия. Роланд вновь повернулся к Стивену Кингу.

— Стивен, сколько раз, по твоему, Владыка Дискордии пытался тебя убить? Убить тебя и остановить твоё перо? Заткнуть твой грозящий неприятностями рот? С того первого раза в сарае твоих тети и дяди?

Кинг вроде бы попытался подсчитать, потом покачал головой.

— Делах, — ответил он. То есть, много. Эдди и Роланд переглянулись.

— И всегда кто-нибудь приходил на помощь? — спросил Роланд.

— Нет, сэй, не надо так думать. Я не беспомощный. Иногда отходил в сторону.

С губ Роланда сорвался смешок, очень сухой, напоминающий треск переламываемой об колено палки.

— Ты знаешь, кто ты?

Кинг покачал головой. Его нижняя губа оттопырилась, как у обиженного ребенка.

— Ты знаешь, кто ты?

— В первую очередь — отец. Во вторую — муж. В третью — писатель. Потом — брат. А после братства я умолкаю. Хорошо?

— Нет. Нехорошо. Ты знаешь, кто ты?

Долгая пауза.

— Нет. Я сказал все, что мог. Перестань спрашивать меня.

— Я перестану, когда ты скажешь правду. Ты знаешь...

— Да, ладно, я знаю, к чему ты клонишь. Тебя это устраивает?

— Пока нет. Скажи мне, что...

— Я — Ган или одержим Ганом. Точно сказать не могу, но, возможно, разницы и нет, — Кинг заплакал, молчаливыми и ужасными слезами. — Но это не Дис, я отвернулся от Диска, я отверг Диска, казалось бы, этого достаточно, но нет, ка всегда недовольна, эта жадная, старая ка, так ведь она сказала, не правда ли? Что сказала Сюзан Дельгадо перед тем, как ты ее убил, или я убил, или убил Ган. «Жадная старая ка, как я тебя ненавижу!» Независимо от того, кто ее убил, произнести эти слова заставил ее я, потому что я ненавижу ка, еще как ненавижу. Я противлюсь желаниям ка, и буду противиться, пока не ступлю на пустошь в конце тропы.

Роланд, сидевший за столом, при упоминании имени Сюзан побледнел, как мел.

— И все равно ка приходит ко мне, выходит из меня, я перевожу ее, меня заставляют ее переводить, ка изливается из моего пупка, как лента. Я

— не ка, я — не лента, она просто проходит через меня, и я это ненавижу, я это ненавижу! Куры кишат пауками, вы это понимаете, кишат пауками!

— Прекрати хныкать, — бросил Роланд (на взгляд Эдди, без малейшего сочувствия), и Кинг замолчал. Стрелок посидел, задумавшись, потом поднял голову. — Почему ты перестал писать историю после того, как я добрался до Западного моря?

— Ты что, совсем тупой? Потому что я не хочу быть Ганом. Я отвернулся от Диса, мне следует точно так же отвернуться от Гана. Я люблю жену. Я люблю детей. Мне нравится писать, но я не хочу писать твою историю. Мне все время страшно. Он смотрит на меня. Глаз Короля.

— Но с тех пор, как ты перестал писать, он на тебя не смотрит, — уточнил Роланд.

— Да, с тех пор он на меня не смотрит, он меня не видит.

— Тем не менее, ты должен продолжить.

Лицо Кинга перекосило, как от боли, потом вновь разгладилось, снова стало спокойным, как во сне. Роланд поднял покалеченную правую руку.

— И взявшись за продолжение, ты начнешь с того, как я потерял пальцы на этой руке. Ты помнишь?

— Омароподобные чудовища, — ответил Кинг. — Откусили их.

— И откуда ты это знаешь?

Кинг улыбнулся и шумно выдохнул, изображая ветер.

— Ветром принесло.

— Ган сдвинул этот мир и двинулся дальше. Ты это хочешь сказать?

— Ага, и мир рухнул бы в бездну, если бы не великая черепаха. Вместо того, чтобы падать и падать, он приземлился на ее панцирь.

— Так нам говорили, и мы говорим, спасибо тебе. Начнешь с того, как чудовища откусили мои пальцы.

— Дад-а-джум, дад-а-валыцы, чертовы омары отъели тебе пальцы, — и Кинг рассмеялся.

— Да.

— Ты бы избавил меня от многих неприятностей, если бы умер, Роланд, сын Стивена.

— Я знаю. То же самое можно сказать не только обо мне, но и об Эдди, и об остальных моих друзьях, — тень улыбки искривила уголки рта стрелка. — Потом, после омароподобных чудовищ...

— Эдди идет, Эдди идет, — прервал его Кинг и небрежно махнул рукой, как бы говоря, что он все знает и незачем Роланду тратить попусту его время. — Узник, Толкач, Госпожа Теней. Мясник, пекарь и свечных дел мастер, — он улыбнулся. — Как говорит мой сын Джо. Когда?

Роланд моргнул, застигнутый вопросом врасплох.

— Когда, когда, когда? — Кинг поднял руку и Эдди в изумлении увидел, как тостер, вафельница и сушилка, на которой стояли чистые тарелки поднялись и выплыли в солнечный свет.

— Ты спрашиваешь, когда тебе следует снова начать работу?

— Да, да, да! — нож сорвался с сушилки, пересек комнату и вонзился в стену. А потом вся кухонная утварь вернулась на прежние места.

— Слушай песню Черепахи, крик Медведя, — ответил Роланд.

— Песнь Черепахи, крик Медведя. Матурин, из романов Патрика О’Брайана^[92]. Шардик, из романа Ричарда Адамса^[93].

— Да. Если ты так говоришь.

— Хранители Луча.

— Да.

— Моего луча.

Роланд пристально всмотрелся в него.

— Ты так говоришь?

— Да.

— Тогда пусть так и будет. Услышав песнь Черепахи и крик Медведя, ты должен снова начать писать.

— Когда я открываю глаз в твой мир, он видит меня, — пауза. — Оно.

— Я знаю. Мы постараемся защищать тебя в эти моменты, точно так же, как пытаемся защитить розу.

Кинг улыбнулся.

— Я люблю розу.

— Вы ее видели? — спросил Эдди.

— Конечно, в Нью-Йорке. Надо подняться по улице от отеля «ООН-Плаза». Раньше там был магазин деликатесов. «Том и Джерри». Чуть в глубине. А теперь на месте магазина пустырь.

— Ты будешь рассказывать нашу историю, пока не устанешь, — продолжил Роланд. — Когда ты больше не сможешь ее рассказывать, когда песня Черепахи и крик Медведя станут едва слышными, тогда ты прервешься, чтобы отдохнуть. А как только вновь появятся силы, будешь писать дальше. Ты...

— Роланд...

— Сэй Кинг?

— Я сделаю, как ты говоришь. Я буду слушать песнь Черепахи и, всякий раз, услышав ее, продолжу писать твою историю. Если буду жив. Но ты тоже должен слушать. Ее песню.

— Чью?

— Сюзанны. Ребенок убьет ее, если вы не поспешите. А ваши уши должны быть очень чуткими.

Эдди в испуге взглянул на Роланда. Стрелок кивнул. Пора двигаться дальше.

— Послушай меня, сэй Кинг. Я рад, что мы встретились в Бриджтоне, но теперь мы должны покинуть тебя.

— Хорошо, — в голосе слышалось столь искреннее облегчение, что Эдди едва не рассмеялся.

— Ты останешься на этом месте, там, где сейчас стоишь, еще на десять минут. Ты понимаешь?

— Да.

— Потом ты проснешься. В очень хорошем настроении. И забудешь, что мы побывали здесь, будешь помнить об этом только на самых глубоких уровнях своего сознания.

— В ямах на дне, заполненных илом.

— В ямах на дне, заполненных илом, именно так. А наверху ты будешь думать, что прилег поспать. И отлично выспался. Ты поедешь за своим сыном, а потом уже с ним, куда нужно. Ты будешь отлично себя чувствовать. Будешь жить полноценной жизнью. Напишешь много историй, но каждая из них будет в большей или меньшей степени связана с этой. Ты понимаешь?

— Йя-я, — ответил Кинг голосом уставшего и чем-то раздраженного Роланда, и Эдди вновь почувствовал бегущие по спине мурашки. — Потому что видимое не может оставаться невидимым. А то, что известно, не может быть неизвестным, — он помолчал. — За исключением, возможно, смерти.

— Да, возможно. Всякий раз, когда ты услышишь песнь Черепахи, раз уж так все это звучит для тебя, ты будешь вновь браться за нашу историю. Единственную реальную историю, которую ты должен рассказать. А мы постараемся тебя защитить.

— Я боюсь.

— Знаю, но мы постараемся...

— Я не об этом. Я боюсь, что не успею закончить ее, — теперь он не говорил — шептал. — Боюсь, что Башня упадет, а вина за это ляжет на меня.

— Это решать ка, не тебе, — ответил Роланд. — Или мне. Думаю, мы получили ответы на все вопросы. А теперь... — он кивнул Эдди, встал.

— Подождите, — вырвалось у Кинга. — Мне разрешено отправить почту, но только один раз.

«Говорит, как заключенный в колонии строгого режима», — подумал Эдди, а вслух спросил:

— И кто разрешает вам отправить почту, Стив?

Кинг нахмурился.

— Ган? — задал вопрос самому себе. — Это Ган? — потом, словно солнце, пробивающееся сквозь утренний туман, лоб его разгладился, на губах появилась улыбка. — Думаю, я сам! Я могу послать себе письмо, может, даже маленькую посылку... но только раз, — улыбка стала шире. — Все это... похоже на сказку, не так ли?

— Да, действительно, — согласился Эдди, думая о стеклянном дворце, который перегородил автостраду в Канзасе.

— И что ты сделаешь? — спросил Роланд. — Кому отправишь письмо или посылку?

— Джейку, — без запинки ответил Кинг.

— И что ты ему скажешь?

Голос Кинга стал голосом Эдди. Не имитацией — истинным голосом Эдди. И голос этот заставил Эдди похолодеть.

— Дад-а-чам, дад-а-чом, — нараспев произнес Кинг. — Не волнуйся, ты с ключом!

Они ждали продолжения, но, похоже, напрасно. Эдди посмотрел на Роланда, и на этот раз пришла его очередь вертануть пальцами: мол, пора идти. Роланд кивнул и они направились к двери.

— От всего этого просто мороз по коже, — заметил Эдди. Роланд не ответил. Эдди остановил его, прикоснувшись к руке.

— Вот что еще, Роланд. Пока он загипнотизирован, может, сказать ему, чтобы он бросил пить и курить. Особенно курить. Похоже, сигарету он изо рта не выпускает. Ты же сам видишь, повсюду эти гребаные пепельницы.

На губах Роланда заиграла улыбка.

— Эдди, если начинать курить после того, как легкие полностью сформировались, табак удлиняет жизнь, не укорачивает. По этой причине в Гилеаде курили все, за исключением разве что самых бедных, но они старались как-то разжиться куревом. Во-первых, табак не подпускает к легким вызывающие болезни испарения. Во-вторых, отгоняет многих опасных насекомых. Все это знают.

— Главный хирург Соединенных Штатов порадовался бы, узнав, что в Гилеаде все это знают, — сухо ответил Эдди. — А как насчет выпивки? Допустим, как-нибудь вечером, в изрядном подпитии, он перевернется на своем джипе или на автостраде выедет на встречную полосу и столкнется с кем-нибудь?

Роланд обдумал его слова, потом покачал головой.

— Я и так оказал сильное воздействие на его разум, влез в дела ка. Сделал все, что мог, на большее я просто не решаюсь. Нам, конечно, придется приглядывать за ним все эти годы, пока он... что ты качаешь головой? Пока история будет «выходить» из него.

— Может и так, но мы не сможем приглядывать за ним двадцать два последующих года, если только не решим бросить Сюзанну... а я на это никогда не пойду. Как только мы прыгнем вперед, в 1999 год, возврата в прошлое не будет. Во всяком случае, в этом мире.

Какие-то мгновения Роланд молчал, глядя на человека, который стоял, прислонившись к столу, спал на ногах, но с открытыми глазами, волосы падали на лоб. Еще семь или восемь минут, и Кинг проснется, начисто забыв о появлении в его доме Роланда и Эдди... при условии, что к тому времени они уедут. Эдди не верил, что стрелок оставит Сюзи в минуту смертельной опасности... но ведь он позволил Джейку упасть, не так ли? Позволил Джейку упасть в пропасть, однажды такое случилось.

— Тогда ему придется продержаться в одиночку, — прервал затянувшуюся паузу Роланд, и Эдди облегченно вздохнул. — Сэй Кинг.

— Да, Роланд.

— Помни, услышав песнь Черепахи, ты должен отложить в сторону все остальное и рассказывать эту историю.

— Я так и сделаю. По крайней мере, постараюсь.

— Хорошо.

И тут писатель сказал:

— Шар нужно убрать с доски и разбить.

Роланд нахмурился.

— Какой шар? Черный Тринадцатый?

— Если он проснется, то станет самой опасной угрозой для вселенной. И сейчас он просыпается. В каком-то другом месте. В каком-то другом где и когда.

— Спасибо тебе за пророчество, сэй Кинг.

— Дад-а-шим, дад-а-ашня. Неси шар к двойной Башне.

На это Роланд лишь покачал головой, не зная, что и сказать. А Эдди приложил кулак ко лбу и чуть поклонился.

— Хайл, разящий пером.

Кинг улыбнулся одними губами, словно услышал что-то нелепое, но промолчал.

— Долгих дней и приятных ночей, — попрощался с ним Роланд. — Больше тебе нет нужды вспоминать тех куриц.

От надежды, которая разлилась по бородатому лицу Кинга, у Эдди защемило сердце.

— Ты действительно так говоришь?

— Действительно говорю. И, возможно, мы еще встретимся на тропе до того, как мы все увидимся в пустоши, — стрелок развернулся на каблуке и покинул дом писателя. Эдди еще раз взглянул на высокого, чуть сутулящегося мужчину, который стоял, прижавшись узким задом к столику, и подумал: «В следующий раз, когда я увижу тебя, Стив, если увижу, борода твоя совсем поседеет, лицо прорежут морщины... а я все еще буду молодым. Какое у тебя кровяное давление, сэй? Достаточно низкое, чтобы ты продержался еще двадцать два года? Надеюсь на это. А как твое сердечко? Нет ли среди твоих родственников больных раком, а если есть, насколько это близкие родственники?» Но времени задавать эти вопросы не было. Как и любые другие. Очень скоро писателю предстояло проснуться и начать прежнюю жизнь. Эдди последовал за своим старшим в катящийся к вечеру день и закрыл за собой дверь. Он начал склоняться к мысли, что ка, послав его сюда, в не в Нью-Йорк, похоже, знала, что делала.

12

Эдди остановился у водительской дверцы «форда» Каллема и поверх крыши посмотрел на стрелка.

— Ты видел эту хреновину вокруг него? Этот черный ореол?

— Тодану, да. Спасибо твоему отцу, она еще очень слабая.

— Что такое тодана? Звучит почти что как тодэш.

Роланд кивнул.

— Вариация этого слова. Тодана — мешок смерти. Он помечен.

— Господи Иисусе, — выдохнул Эдди.

— Она слабая, поверь мне.

— Но она есть.

Роланд открыл дверцу.

— С этим мы ничего поделать не можем. Ка помечает для себя время каждого мужчины и каждой женщины. Поехали, Эдди.

Но теперь, когда они действительно могли ехать, Эдди не хотелось трогать автомобиль с места. Он чувствовал, что они о чем-то не договорили с сзем Кингом. И его страшил этот черный ореол.

— Как насчет Тэтлбек-лейн и проходящих? Я хотел спросить его...

— Мы сами найдем дорогу.

- Ты уверен? Я думаю, мы должны поехать туда.
— Я тоже так думаю. Садись за руль. У нас еще полно дел.

Задний бампер старенького «форда» едва успел покинуть подъездную дорожку, как Стивен Кинг открыл глаза. Первым делом посмотрел на часы. Почти четыре. Ему следовало уже десять минут как уехать, если он хотел забрать Джо вовремя, но он так сладко спал. И чувствовал себя прекрасно. Посвежевшим. Словно сбросившим с себя груз забот. Он подумал: «Если дневной сон приносит столько пользу, его нужно узаконить». Может, и так, но Бетти Джонс будет волноваться, если не увидит его «Чероки», заезжающим к ней на двор в половине пятого. Кинг потянулся к телефону, чтобы позвонить ей, но его взгляд упал на блокнот, который лежал на тумбочке под телефонным аппаратом. На каждой странице поверху тянулась надпись: «ЗВОНИМ ВСЕМ БОЛТУНАМ». Подарок от одной из сестер жены.

С лица Кинга вновь исчезли все эмоции. Он пододвинул к себе блокнот, взял ручку, наклонился над тумбочкой и написал: «Дад-а-чам, дад-а-чом, не волнуйся, ты с ключом». Постоял, глядя на написанное, потом продолжил: «Дад-а-чач, дад-а-чуч, смотри Джейк! Красный ключ!» Опять пауза и вновь ручка двинулась по странице: «Дад-а-чум, дад-а-чуч, дайте мальчику пластиковый ключ!» Посмотрел на написанное с чувством признательности. Почти что любви. Святой Боже, как же ему хорошо! Строки эти ничего для него не значили, и все же, их написание наполнило его столь глубокой удовлетворенностью, что она тянула на экстаз. Кинг вырвал листок. Смял в комок. Съел. На мгновение комок застрял в глотке, а потом проскочил в пищевод и далее в желудок. Вот и все дела! Он схватил (ад-а-чу) ключи от джипа с деревянной полочки и поспешил к двери. Он заберет Джо, они вернутся сюда и соберут вещи, поужинают в «Микки Ки» в Саут-Парисе. Нет, в «Микки-Ди». Он так проголодался, что мог в одиночку умять пару бифштексов. Вместе с жареной картошкой. Черт, ну до чего же ему хорошо!

Добравшись до Канзас-роуд и повернув к городу, он включил радио. Попал на «Маккойс»^[94], поющих «Держись, Слупи», прекрасную песню. Мыслями он ушел далеко-далеко, как часто случалось, когда звучала музыка, и он вдруг начал думать о персонажах давней истории, которая называлась «Темная Башня». Их осталось не так уж и много. Помнится, он

убил большинство, даже мальчика. Наверное, по одной простой причине: не знал, что с ним делать дальше. Это же обычное дело, избавляться от персонажей, если не знаешь, что с ними делать? Как его звали, Джек? Нет, это одержимый папаша из «Сияющего». В «Темной Башне» мальчика звали Джейк. Отличный выбор имени для истории в которой главенствующий мотив — вестерн, такое имя выбрали бы и Уэйн Д. Оуверхолсер^[95], и Рей Хоган^[96]. Возможно ли вернуть Джейка в историю, скажем, как призрака? Конечно, возможно. В историях о сверхъестественном есть один приятный момент, отметил Кинг, там никто не умирает по-настоящему. Они всегда могут вернуться, как этот Барнабас в «Темных тенях»^[97]. Барнабас Коллинс был вампиром.

— Может, мальчик вернется вампиром, — озвучил свою мысль Кинг и рассмеялся. — Берегись, Роланд, обед подан, и главное блюдо — это ты!

Нет, пожалуй, мальчик-вампир не годится. Тогда что? Новых идей не приходило, но Кинга это не смущало. Он знал, что идеи обязательно появятся. Скорее всего, в самый неожиданный момент, когда их не ждешь. Когда он будет кормить кошку, менять подгузник дочке или печально бродить в одиночестве, как написал Оден^[98] в поэме о страдании.

Сегодня никаких страданий. Сегодня он чувствовал себя превосходно.

«Йя-я, просто зовите меня Тони-Тигр».

По радио «Маккойс» уступили место Трою Шонделлу^[99], который запел «Это время».

«Темная Башня», похоже, могла вылиться в интересную историю. Кинг подумал: «Может, когда мы вернемся с севера, мне стоит найти рукопись. И пролистать ее». А ведь неплохая идея.

КУПЛЕТ:

*Commala — come — call
We hail the One who made us all
Who made the men and made the maids.
Who made the great and the small*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — call!
He made the great and small!
And yet how great the hand of fate
That rules us one and all.*

Строфа 12. Джейк и Каллагэн

1

Дону Каллагэну часто снилось возвращение в Америку. Обычно сны начинались с того, как он шагал под высоким небом пустыни, по которому плыли большие облака, бейсболисты называли их «ангелами», или лежал в своей кровати, в доме приходского священника в городе Джерусалемс-Лот, штат Мэн. И, независимо от того, куда забрасывал его сон, он испытывал огромное облегчение и желание сразу же помолиться. «О, спасибо Тебе, Господи. Спасибо Тебе, что раньше был сон, а теперь я наконец-то проснулся».

В том, что на этот раз все происходило наяву, сомнений не было никаких. В воздухе он совершил полный оборот вокруг оси и увидел, что Джейк проделал то же самое, находясь чуть впереди. Потерял одну из сандалий. Слышал, как тявкает Ыш и протестующе кричит Эдди. Слышал клаксоны такси, этот постоянный звуковой фон нью-йоркских улиц, и что-то еще: голос проповедника. Похоже, набравшего приличный темп. Еще не разогнавшегося на полную катушку, но уже точно включившего третью передачу.

Проскакивая Ненайденную дверь, Каллагэн лодыжкой задел косяк, и ногу, конечно же, прострелила жуткая боль. Потом лодыжка (и зона вокруг нее) онемела. Быстро-быстро перезвнякивались колокольца, неизбежные спутники Прыжка, будто кто-то ошибся со скоростью вращения долгоиграющей пластинки, вместо 33 и 1/3 оборотов в минуту поставил 45. Сталкивающиеся потоки воздуха закружили его, и внезапно он уже вдыхал пропитанный бензином и выхлопными газами воздух Нью-Йорка, а не затхлый — Пещеры двери. На мгновение проповедников было двое. Сзади орал Хенчек: «Смотрите! Дверь открывается!» А тот, что находился впереди, ревел: «Скажи, ГОСПОДИ, брат, именно так, скажи ГОСПОДИ на Второй авеню!» «Опять близнецы», — успел подумать Каллагэн, времени для этого хватило, а потом дверь за спиной захлопнулась, и проповедник остался только один, тот, что призывал сказать «ГОСПОДИ» на Второй авеню. Каллагэн успел также услышать: «Добро пожаловать домой, сукин ты сын, добро пожаловать обратно в Америку», — и тут он приземлился.

Посадка получилось жесткой, его ладони и колени одновременно вошли в контакт с тротуаром. Джинсам в какой-то степени удалось защитить колени, хотя материя и порвалась, но вот с ладоней тротуар содрал добрый акр кожи. И Каллагэн слышал розу, поющую мощно и уверенно.

Перекатился на спину, посмотрел на небо, рыча от боли, подняв над собой кровоточащие, зудящие руки. Капля крови с левой упала на щеку, потекла по ней, как слеза.

— Откуда, мать твою, ты здесь взялся, друг мой? — спросил изумленный негр в сером рабочем комбинезоне. Похоже, стал единственным свидетелем столь драматичного возвращения Каллагэна в Америку. И теперь смотрел на лежащего на тротуаре человека широко раскрытыми глазами.

— Из Оза, — ответил Каллагэн и сел. Ладони словно кололи тысячи иголок, лодыжка напомнила о себе, снова и снова взрываясь болью. Частота взрывов в точности соответствовала ударам сердца. — Иди своей дорогой, приятель, проваливай отсюда. Я в порядке, так что шевели ногами.

— Как скажешь, брат. До скорого.

И мужчина в сером рабочем комбинезоне, как догадался Каллагэн, уборщик, возвращающийся домой по окончанию смены, продолжил свой путь. Бросил на Каллагэна последний взгляд, еще удивленный, но в котором уже читалось сомнение: а не привиделось ли все это ему, а потом обогнул маленькую толпу слушателей проповедника. И мгновением позже исчез из виду. Каллагэн встал, поднялся на ступеньку лестницы, ведущей к «Хаммаршельд-Плаза-2», огляделся в поисках Джейка. Не нашел. Обернулся, в надежде увидеть Ненайденную дверь, но она, понятное дело, исчезла.

— А теперь слушайте, друзья мои! Я говорю, Бог, я говорю, Бог любит нас, я хочу услышать от вас аллилуйя.

— Аллилуйя, — отозвался один из слушателей, но, похоже, не вкладывал в это слово душу.

— Я говорю, аминь, спасибо тебе, брат! А теперь слушайте, потому что для Америки пришло время ИСПЫТАНИЯ, и пока Америке НЕ УДАЕТСЯ его пройти! Этой стране нужна БОМБА, не новая водородная или нейтронная, а БОГ-БОМБА, можете вы сказать аллилуйя?

— Джейк! — крикнул Каллагэн. — Джейк, где ты? Джейк?

— Ыш! — голос Джейка, нет — крик. — Ыш, ОСТОРОЖНО!

Послышался громкий, отчаянный лай, который Каллагэн узнал бы, где угодно. Потом визг заблокированных колес. Рев автомобильного клаксона. И удар.

3

Каллагэн забыл про разбитую лодыжку и ободранные ладони.обежал маленькую толпу, которую собрал проповедник (так уж вышло, что и проповедник замолчал на полуслове), и увидел Джейка, стоящего на Второй авеню, перед желтым такси, остановившимся буквально в дюйме от его ног. Из-под задних колес все еще поднимался синий дымок. А на асфальте остались черные следы. Рот водителя напоминал большую букву "О", лицо от ужаса стало белым, как мел. Ыш припал к асфальту между ног Джейка. Каллагэн видел, что ушастик-путаник для этого мира — существо инородное, но определенно цел и невредим.

Удар повторился, потом еще и еще. Это Джейк барабанил кулаком по капоту автомобиля.

— Говнюк! — кричал Джейк на таксиста, который так и сидел с открытым ртом. Ба-бах! — Почему не... — ба-бах! — ...смотришь... — БА-БАХ! — куда ты, твою мать, ЕДЕШЬ! — БАХ-БА-БАХ!

— Выдай ему на полную катушку, малыш! — крикнул кто-то с другой стороны улицы, где собрались десятка три человек, чтобы насладиться бесплатным представлением. Дверь такси открылась. Из кабины вылез высоченный мужчина в джинсах, куртке и огромных кроссовках. С феской на голове, которая зрительно еще больше увеличивала немалый рост таксиста. Каллагэн предположил, что и без фески в нем никак не меньше шести с половиной футов. И теперь этот великан, с лицом, заросшим бородой, мрачно смотрел на Джейка. Сердце у Каллагэна упало, но он поспешил к зоне намечающихся боевых действий, не осознавая, что одна его нога — босая, и при каждом шаге шлепает по мостовой. В том же направлении двинулся и проповедник. А в затылок такси, остановившемуся на средней полосе, пристроился другой водитель, который думал только о том, как реализовать собственные планы на вечер. Поэтому задержка злила его, вот он обеими руками и надавил на клаксон, а потом, когда автомобильный гудок стих, высунулся из окна и заорал: «Шевелись, Абдул! Ты перегородил дорогу!»

Джейк не обратил ни малейшего внимания ни на гудок, ни на крик. Он

просто обезумел от ярости. На этот раз он обрушил на капот оба кулака, как Ретсо Риццо в «Полуночном ковбое» — БА-БАХ!

— Ты чуть не задавил моего друга, говнюк. Ты хоть когда-нибудь СМОТРИШЬ... — БА-БАХ, — куда ты ЕДЕШЬ?

Прежде чем Джейк успел вновь вдарить обоими кулаками по капоту, водитель схватил его за правую руку.

— Перестань это делать, маленький панк! — воскликнул он переполненным злостью и на удивление пронзительным голосом. — Говорю тебе...

Джейк отступил на шаг, вырывая руку из пальцев таксиста. А потом, на удивление быстро, глаз Каллагэна не смог уловить это движение, выхватил «ругер» из самодельной кобуры, что висела подмышкой, и нацелил на переносицу таксиста.

— Что ты мне говоришь? — Джейк рычал от ярости. — Что ты мне говоришь? Что ты ехал слишком быстро и едва не раздавил моего друга? Что ты не хочешь умереть прямо на улице с дыркой в голове? Так ЧТО ты мне говоришь?

Женщина на другой стороне Второй авеню то ли увидела пистолет в руке Джейка, то ли почувствовала его убийственную ярость. Вскрикнула и поспешила уйти. Еще несколько человек последовали ее примеру. Остальные же придвинулись к самой мостовой, должно быть, унюхав кровь. И, что самое невероятное, какой-то молодой человек, в бейсболке, повернутой козырьком на затылок, крикнул: «Давай, пацан! Провентилируй мозги этому погонщику верблюдов!» Таксист отступил на два шага, его глаза широко раскрылись. Он поднял руки.

— Не убивай меня, мальчик! Пожалуйста!

— Тогда говори, что ты извиняешься! — продолжал бушевать Джейк. — Если хочешь жить, проси прощения у меня! И у него! И у него! — лицо Джейка было смертельно бледным, лишь на скулах горели яркие кружочки румянца. Его ставшие огромными глаза сверкали. А что Дон Каллагэн видел особенно четко, и ему сие совершенно не нравилось, так это чуть подрагивающий ствол «ругера». — Говори, что извиняешься за то, как водишь свой драндулет, ты, безответственный сукин сын! Говори немедленно! Немедленно!

Тут Ыш заскулил и сказал: «Эйк!»

Джейк посмотрел на него. В этот самый момент таксист попытался вырвать из его руки пистолет. Каллагэн встретил его вполне приличным правым кроссом, и таксиста отбросило на крыло автомобиля, а его феска свалилась на асфальт. Водитель, который пристроился в затылок такси,

вполне мог бы объехать его с любой стороны, но предпочитал давить на клаксон и орать: «Освободи дорогу, Абдул! Освободи дорогу!» Некоторые из зевак на другой стороне Второй авеню заплодировали, словно зрители боксерского поединка в «Мэдисон-сквер-гарден» и Каллагэн подумал: «Да это же не город, а сумасшедший дом. Я знал об этом раньше и забыл или мне только что открылась истина?»

Уличный проповедник с седыми бородой и длинными, до плеч волосами, уже стоял рядом с Джейком, и когда Джейк вновь начал поднимал «ругер», мягко, неспешно, положил руку на запястье мальчика.

— Убери его, малыш. Сунь в кобуру, во славу Иисуса.

Джейк посмотрел на него и увидел то, что совсем недавно увидела Сюзанна: выглядел проповедник точь-в-точь, как Хенчек из Мэнни. Джейк убрал пистолет в самодельную кобуру, наклонился, поднял Ыша. Ушастик-путаник тихонько скулил и, потянувшись мордочкой на длинной шее к лицу Джейка, начал лизать щеку мальчика.

Каллагэн, тем временем, уже взял таксиста под руку и вел к открытой дверце. Другую руку сунул в карман, достал десятку, половину всех денег, с которыми они отправились в это маленькое сафари.

— Все в порядке, — убеждал он водителя, надеясь, что голос звучит успокаивающе. — Никто никому не причинил вреда, никто ни на кого не злится, вы едете своей дорогой, он идет своей... — и тут же заорал на другого водителя, который все жал и жал на клаксон. — Работает у тебя гудок, козел, работает, почему бы тебе не оставить его в покое и не проверить поворотники?

— Этот маленький засранец наставил на меня пистолет, — таксист поднял руку, чтобы проверить, на месте ли феска, и не нашел ее.

— Это всего лишь модель, — продолжал успокаивать его Каллагэн. — Такие клеивают из отдельных деталей, которые продаются в наборе. Не стреляет даже пистонами. Уверю вас...

— Эй, приятель! — крикнул проповедник и, когда таксист обернулся, протянул ему вылинявшую красную феску. Как только она вернулась на законное место, таксист сразу стал более вменяемым. А десятка, протянутая Каллагэном, окончательно вразумила его.

Следом за такси застыла громадина «линкольна». И водитель, сидевший за рулем, вновь нажал на клаксон.

— С тем же успехом ты можешь укусить меня за зад! — крикнул ему таксист, и Каллагэн тут же рассмеялся. Двинулся к «линкольну». Когда таксист хотел составить ему компанию, Каллагэн остановил его, положив руки на плечи.

— Позвольте мне решить эту проблему. Я — слуга церкви. И превращать льва в барашка — моя работа.

Подошедший к ним уличный проповедник успел услышать эти слова. Джейк тем временем отошел к микроавтобусу уличного проповедника и проверял лапки Ыша, чтобы убедиться, что ни одна не сломана.

— Брат! — обратился уличный проповедник к Каллагэну. — Могу я узнать твое вероисповедание? Твой взгляд, я говорю, аллилуйя, на Бога.

— Я — католик, — ответил Каллагэн. — А потому Бог для меня — мужчина.

Уличный проповедник протянул большую, узловатую руку. Которая, как и ожидал Каллагэн, сдавила его пальцы, как тисками, спасибо, что не раздробила. Построение фраз, а также легкий южный выговор проповедника напомнили Каллагэну Фогхорна Легхорна из мультфильмов киностудии «Уорнер бразерс»^[100].

— Я — Эрл Харриган, — представился проповедник, продолжая сжимать пальцы Каллагэна. — Церковь святого Бога-Бомбы, Бруклина и Америки. Рад познакомиться с тобой, святой отец.

— Я в некотором смысле отошел от служения Господу, — ответил Каллагэн. — Если уж вы хотите как-то меня называть, пусть будет отец. Или просто Дон. Дон Каллагэн.

— Слава Иисусу, отец Дон.

Каллагэн вздохнул и решил, что отец Дон его устраивает. Направился к «линкольну». Таксист, включив табличку «СМЕНУ ЗАКОНЧИЛ», отъехал.

Прежде чем Каллагэн успел заговорить с водителем, этот достойный человек решил вылезти из кабины. В этот вечер Каллагэну, похоже, везло на высоких мужчин. Ростом водитель был в шесть футов и три дюйма, не говоря о необъятном животе.

— Инцидент исчерпан, — сказал ему Каллагэн. — Я предлагаю вам сесть за руль и ехать дальше.

— Инцидент будет исчерпан, когда я так скажу, — воинственно заявил мистер Линкольн. — Я записал номерной знак этого Абдула, а от тебя я хочу получить имя и адрес этого мальчишки с собакой. И еще хочу поближе взглянуть на пистолет, который он... Ой! О-О-О-Й! О-О-О-О-Й! Прекратите!

Преподобный Эрл Харриган схватил руку мистера Линкольна и завернул за спину. А теперь начал что-то проделывать с большим пальцем. Что именно, Каллагэн не видел. Мешала туша мистера Линкольна.

— Бог очень сильно тебя любит, — прошептал Харриган на ухо

мистеру Линкольну. — А в ответ хочет от тебя, шумливого, вонючего козла, совсем ничего. Просит, чтобы ты сказал аллилуйя и ехал дальше. Ты готов сказать аллилуйя?

— О-О-Й! О-О-О-Й! ПОЛИЦИЯ!

— Единственный полицейский, который может появиться на этом углу — патрульный Бензик, а он уже выписал мне квитанцию на штраф и отбыл. Сейчас он сидит в кафе «У Денниса», ест американский блин с орехами и яичницу с двойным беконом, восславим Господа, и я советую тебе подумать об этом, — за спиной мистера Линкольна что-то хрустнуло, отчего Каллагэн даже скрипнул зубами. Ему не хотелось думать, что звук этот как-то связан с большим пальцем мистера Линкольна, но он не мог представить себе другой источник этого хруста. А мистер Линкольн закинул голову к небу и заорал от боли: «А-а-а-а-а!»

— Так ты хочешь сказать аллилуйя, брат, — любопытствовал преподобный Харриган, — или предпочтешь, восславим Господа, привезти большой палец домой в нагрудном кармане?

— Аллилуйя, — прошептал мистер Линкольн. Лицо его стало цвета охры. Каллагэн подумал, что частично такое вот изменение цвета можно отнести на счет оранжевых ламп, которые заменили флуоресцентные, горевшие в его время. Но не полностью.

— Хорошо! А теперь скажи аминь. Как только скажешь, тебе сразу полегчает.

— А-аминь.

— Слава Господу! Слава Иии-иии-иисусу!

— Отпустите меня... отпустите мой большой палец?

— Если я тебя отпущу, ты сразу уедешь и перестанешь блокировать перекресток?

— Да!

— И больше не будешь задавать глупых вопросов, слава Иисусу?

— Не буду!

Харриган наклонился еще ближе к мистеру Линкольну, теперь менее полудюйма отделяли его от большой затычки из желто-оранжевого воска, торчащей из раковины уха мистера Линкольна. Каллагэн смотрел на это действие во все глаза, дабы ничего не упустить, забыл про все нерешенные вопросы и недостигнутые цели. Он все больше утверждался во мнении, что на кресте закончил бы свой путь старина Пилат, а не Иисус, будь Эрл Харриган в команде последнего.

— Мой друг, скоро начнут падать бомбы: Бог-бомбы. И каждый должен выбрать, хочет ли он быть среди тех, кто, слава Иисусу, будет

высоко в небе, сбрасывая эти бомбы, или среди жителей деревень, которых будет разносить в клочья. Я чувствую, что сейчас для тебя не время и не место сделать свой выбор, за Христа или против Него, но вы, по крайней мере, пообещаете мне, сэр, что подумаете над этим?

Видать, по мнению преподобного Харригана, мистер Линкольн затянул с ответом, потому что он вновь что-то сделал с рукой мистера Линкольна, завернутой за спину. В результате из груди мистера Линкольна вырвался еще один крик боли.

— Я спросил, подумаешь ли ты над этим выбором?

— Да! Да! Да!

— Тогда садись в машину и уезжай. Бог благословляет тебя и присмотрит за тобой.

Харриган отпустил руку мистера Линкольна. Тот попятился от него, с круглыми от пережитого ужаса глазами, сел за руль. А мгновением позже уже ехал по Второй авеню, и быстро. Харриган же повернулся к Каллагэну.

— Католики отправятся в ад, отец Дон. Они — идолопоклонники, каждый из них; практикуют культ Марии. А Папа! Нет, не позволяй мне даже затрагивать эту тему! Однако, среди католиков встречаются отличные парни, и я уверен, что ты — один из них. Возможно, я смог мы молитвой обратить тебя в свою веру. А если это и не получится, своими молитвами я точно проведу тебя сквозь адово пламя, — он посмотрел на тротуар перед «Хаммаршельд-Плаза-2». — Похоже, моя паства разошлась.

— Вы уж извините, что помешали вашей проповеди.

Харриган пожал плечами.

— Летом люди все равно редко приходят к Иисусу, — деловито отметил он. — Разве что послушают минуту-другую, а потом вновь отправляются грешить. Вот зима — время для серьезной борьбы за души... для этого, конечно, приходится снять небольшое помещение, где в холодную ночь ты можешь дать им тарелку горячего супа и прочитать жаркую проповедь, — он посмотрел на ноги Каллагэна. — Похоже, ты потерял одну из сандалий, мой друг-католик, — вновь раздался автомобильный гудок и какое-то удивительное такси, Каллагэну этот автомобиль напомнил старый микроавтобус «фольксваген», объехало их по дуге, и пассажир что-то прокричал им в окно. Едва ли поздравлял с днем рождения. — Опять же, если мы не уйдем с мостовой, вера, возможно, не сможет нас защитить.

— Он в порядке, — облегченно выдохнул Джек, опуская Ыша на тротуар. — Я сорвался, не так ли? Очень сожалею.

— Причина совершенно понятна, — заверил его преподобный Харриган. — Какая интересная собака! Никогда такой не видел, слава Иисусу! — и наклонился к Ышу.

— Он — помесь, — в голосе Джейка слышалось тревога, — и не любит незнакомцев.

Ыш продемонстрировал нелюбовь и недоверие к незнакомцам, подняв голову к руке Харригана и прижав уши, чтобы увеличить поверхность, которую тот мог погладить. И улыбнулся проповеднику, словно они были давними, давними друзьями. Каллагэн тем временем оглядывался по сторонам. Да, они попали в Нью-Йорк, а в Нью-Йорке люди обычно занимались своими делами и не совали нос в чужие, но, тем не менее, Джейк вытащил пистолет. Каллагэн не знал, сколько человек увидели этот пистолет, но понимал, что достаточно одного, который не сочтет за труд сообщить об этом, скажем, тому же Бензику, упомянутому Харриганом, чтобы у них возникли проблемы с полицией, в тот самый момент, когда им и так хватало забот. Он посмотрел на Ыша и подумал: «Сделай мне одолжение и не произноси ни слова, хорошо? Джейк, возможно, сумеет выдать тебя за помесь, скажем, колли и корджи, но как только ты начнешь говорить, станет ясно, что никакая ты не собака. Поэтому сделай мне одолжение и помолчи».

— Хороший малыш, — сказал Харриган, и когда друг Джейка каким-то чудом не ответил: «Ыш!» — выпрямился. — У меня есть кое-что для тебя, отец Дон. Одну минуту.

— Сэр, мы действительно должны...

— У меня есть кое-что и для тебя, сынок... слава Иисусу, восславим Господа нашего! Но сначала... я быстро...

Харриган подскочил к боковой дверце своего незаконно припаркованного микроавтобуса, открыл ее, нырнул внутрь, начал где-то рыться.

Каллагэн какое-то время терпеливо ждал, но очень недолго, физически ощущая каждую уходящую секунду.

— Сэр, мы действительно должны...

— А вот и они! — воскликнул Харриган и вылез из микроавтобуса с парой потрепанных коричневых туфель. — Если у тебя размер меньше двенадцатого, сунешь в мысок газету. Если больше, тебе не повезло.

— Двенадцатый — мой размер, — ответил Каллагэн, присовокупив как «восславим Господа», так и «спасибо вам». Вообще-то наиболее

удобным для себя он полагал размер одиннадцать с половиной, но двенадцатый не слишком от него отличался, поэтому он тут же снял оставшуюся сандалию и надел туфли. — А теперь мы...

Харриган повернулся к мальчику.

— Женщина, которую вы ищите, села в такси практически в том самом месте, где мы выясняли отношения, около получаса тому назад, — он улыбнулся, следя за переменой выражения лица Джейка: сначала изумление, потом искренняя радость. — Она сказала, что у руля другая, и вы знаете, кто она и куда направляется.

— Да, в «Дикси-Пиг», — кивнул Джейк. — На углу Лекс и Шестьдесят первой. Отец, мы можем догнать ее, есть поедem прямо сейчас. Она...

— Нет, — прервал его Харриган. — Женщина, которая говорила со мной... говорила прямо в моей голове, ясно и отчетливо, как колокольчик, слава Иисусу, сказала, что сначала вы должны пойти в отель.

— Какой отель? — спросил Каллагэн.

Харриган указал на «Плаза-Парк» на Сорок шестой улице.

— В округе это единственный... и женщина пришла с той стороны.

— Спасибо огромное, — поблагодарил его Каллагэн. — Она сказала, почему мы должны пойти в отель?

— Нет, — тихо ответил Харриган. — Полагаю, в тот самый момент вторая услышала ее и заставила замолчать. Потом села в такси и уехала!

— Так мы, пожалуй, пойдem... — начал Джейк. Харриган кивнул, но при этом предостерегающе поднял палец.

— Конечно же, но помните, что Бог-бомбы готовы упасть. И не стоит уповать на молитвы, они для хныкающих методистов и изнеженных епископалианцев! Бомбы упадут! И, друзья мои? — Они повернулись к нему. — Я знаю, что вы — такие его Божьи дети, как и я, ибо я чувствовал запах вашего пота, слава Иисусу. Но что вы скажете насчет женщины? Или женщин, по правде говоря, я верю, что их было две. Что вы можете сказать насчет них?

— Женщина, которую вы встретили, из нашей команды, — ответил Каллагэн после короткой заминки. — Хорошая женщина.

— Я вот и думаю, так ли это, — покачал головой Харриган. — Книга говорит, восславим Господа и Его святое слово, остерегайся странной женщины, ибо, пусть губы ее, как мед, ноги ведут к смерти, а каждый шаг к ней — шаг к аду. Обходи ее и не приближайся к двери дома, в котором она живет, — он вскинул сжатую в кулак руку, словно откровения эти принадлежали ему и он нес их людям. Потом опустил руку, пожал

плечами. — Не совсем точно. Не та у меня уже память, как раньше, когда я был моложе и вместе с отцом нес Слово Божье тем, кто живет на юге, но, думаю, смысл вы уловили.

— Книга притчей Соломоновых, — молвил Каллагэн. Харриган кивнул.

— Глава пять, восславим Господа, — тут он повернулся и посмотрел на здание на углу, которое вздымалось в вечернее небо. Джейк уже двинулся к Сорок шестой улице, но Каллагэн остановил его... а на удивленно вскинутые брови Джейка смог ответить лишь покачиванием головы. Нет, он не знал, почему не может сдвинуться с места. Просто чувствовал, что время расставания с Харриганом еще не пришло.

— Это город, набитый грешниками, и грех — болезнь этого города. Содом и Гоморра в одном флаконе, ожидающий Бога-бомбы, которая обязательно упадет с небес, скажите аллилуйя, скажите, любимый Иисус, и не забудьте аминь. Но вот это место — хорошее. Хорошее место. Вы, парни, это чувствуете?

— Да, — ответил Джейк.

— Аминь. Я думал, это ощущение исчезнет, когда они срыли маленький магазинчик деликатесов, который стоял здесь многие годы тому назад. Но не исчезло. Эти ангельские голоса...

— То говорит Ган по всему Лучу, — прервал его Джейк.

Каллагэн повернулся к нему и увидел, что голова мальчика чуть склонилась набок, а по лицу разлито спокойствие заколдованного (или загипнотизированного).

— То говорит Ган, — продолжил Джейк, — голосом кан-калах, которых иногда называют ангелами. Ган противостоит кан-той; веселым сердцем безвинного он противостоит Алому Королю и самой Дискордии.

Каллагэн смотрел на него широко раскрытыми глазами, испуганными глазами, но Харриган лишь кивнул, словно слышал эту версию раньше. Может, действительно слышал.

— После сноса магазинчика здесь долго оставался пустырь, а потом на нем построили вот этот небоскреб. «Хаммаршельд-Плаза-2». И я подумал: «Что ж, если строительство положит конец пению, я уеду, ибо хватка Сатаны крепка, а его копыта оставляют в земле глубокие следы, тогда ни один цветок не будут цвести и не взойдет ни одно зернышко». Вы можете сказать сии-лах? — он вскинул руки, крепкие, узловатые, стариковские, чуть трясущиеся (начальная стадия болезни Паркинсона) руки, поднял лицо к небу, вознося хвалу и признавая свою ничтожность. — Однако, она поет, — и он опустил руки.

— Силах, — пробормотал Каллагэн. — Ты говоришь правильно, мы говорим, спасибо тебе.

— Это цветок, — продолжил Харриган. — Однажды я вошел туда, чтобы посмотреть. В вестибюле кто-то сказал аллилуйя, я сам сказал это в вестибюле между дверями и лифтами, которые уносили людей на верхние этажи, где зарабатывается Бог знает сколько денег, и вот там я увидел маленький садик, залитый лучами солнца, падающими через высокие окна, садик за канатами из красного бархата, с табличкой, на которой я прочитал: «ОТ „ТЕТ КОРПОРЕЙШН“ В ЧЕСТЬ СЕМЬИ ЛУЧА И В ПАМЯТЬ О ГАЛААДЕ».

— Правда? — лицо Джейка осветила счастливая улыбка. — Вы так говорите, сэй Харриган?

— Мальчик, если я лгу, то умру прямо сейчас. Бог-бомба! И посреди этого садика, среди всех этих цветов, там растет одна-единственная дикая роза, такая красивая, что, увидев ее, я заплакал, как плакали у вод Вавилона, великой реки, которая течет по Сиону. И люди, которые приходили и уходили из этого места, с брифкейсами, набитыми сатанинскими бумагами, многие из них тоже плакали. Плакали и шли заниматься своими богоненавистными делами, словно и не знали о том, что плачут.

— Они знали, — мягко возразил Джейк. — И вот что я насчет этого думаю, мистер Харриган. Я думаю, роза — это секрет, который хранят их сердца, и если кто-то попытается ей угрожать, большинство из них встанет на ее защиту, будут сражаться за нее, даже умрут, — он посмотрел на Каллагэна. — Отец, нам пора идти.

— Да.

— Неплохая идея, — согласился Харриган, — ибо я вижу, что патрульный Бензик возвращается сюда, и будет лучше, если вы уйдете до того, как он здесь появится. Я рад, что твоему мохнатому другу не причинили вреда, сынок.

— Спасибо, мистер Харриган.

— Восславим Господа, он такая же собака, как и я, не так ли

— Да, сэр, — Джейк широко улыбнулся.

— Остерегайтесь той женщины, парни. Она заговорила в моей голове, я называю это колдовством. И она — раздвоенная.

— Твим значит два, ага, — кивнул Каллагэн, а потом (даже не подумав о том, что делает, рука двигалась сама по себе) осенил проповедника крестным знаменем.

— Спасибо тебе за твое благословение, небесное или нет, —

поблагодарил его Эрл Харриган, несомненно, тронутый до глубины души, а потом повернулся к приближающемуся сотруднику полиции Нью-Йорка и радостно воскликнул: «Патрульный Бензик! Рад снова увидеть вас, и на вашем воротнике капелька джема, восславим Господа!»

И пока патрульный Бензик чистил воротник форменной рубашки, Джейк и Каллагэн быстренько покинули угол Второй авеню и Сорок шестой улицы.

5

— Ва-а-ау! — выдохнул Джейк, когда они подошли к ярко освещенному козырьку перед входом в отель. Из белого лимузина, в два раза длиннее любого из тех, которые доводилось видеть Джейку (а лимузинов он навидался, когда отец однажды взял его с собой на торжественную церемонию вручения премий «Эмми»^[101]), выгружались смеющиеся мужчины в смокингах и женщины в вечерних платьях. Казалось, их поток никогда не иссякнет.

— Да, действительно, — кивнул отец Каллагэн. — Все равно, что попасть на русские горки, не так ли?

— Мы вообще не должны были попасть сюда, — заметил Джейк. — Это работа Роланда и Эдди. Предполагалось, что мы отправимся на встречу с Келвином Тауэром.

— Значит, что-то думало иначе.

— А следовало подумать дважды, — мрачно бросил Джейк.

— Мальчик и священник, с одним пистолетом на двоих? Должно быть, кто-то у нас большой шутник. И каковы наши шансы, если в «Дикси-Пиг» мы найдем толпу вампиров и «низких людей», которые собрались там, чтобы отметить свой выходной день?

Каллагэн не ответил, хотя сама мысль о том, что им придется спасать Сюзанну из «Дикси-Пиг», приводила в ужас.

— Что ты такое говорил насчет Гана?

Джейк покачал головой.

— Понятия не имею, с трудом вспоминаю, что сказал. Думаю, это как-то связано с прикосновениями, отец. И вы знаете, от кого я мог это почерпнуть?

— От Миа?

Мальчик кивнул. Ёш трусил рядом с ним, его удлиненная мордочка едва не касалась голени Джейка.

— И я «увидел» кое-что еще. Чернокожего мужчину в тюремной камере. Работало радио, сообщая ему, что все эти люди мертвы: братья Кеннеди, Мэрилин Монро, Джордж Харрисон, Питер Селлерс, Ицхак Рабин, кем бы он ни был. Я думаю, это тюрьма в городе Оксфорд, штат Миссисипи, где какое-то время держали Одетту Холмс.

— Но ты видел мужчину. Не Сюзанну, а мужчину.

— Да, с щеточкой усов и в забавных маленьких очках с золотой оправой, как у волшебника в сказке.

Они остановились у границы светового круга под козырьком. Швейцар в зеленой униформе сильно дунул в серебристый свисток, подзывая такси.

— Ты думаешь, это Ган? Чернокожий мужчина в тюремной камере — Ган?

— Не знаю, — Джейк раздраженно мотнул головой. — Что-то там было и насчет «Догана», все смешалось.

— И ты узнал все это посредством прикосновений?

— Да, но не от Миа, или Сюзанны, или меня, или вас. Я думаю... — Джейк понизил голос. — Я думаю, нам бы лучше понять, кто такой этот чернокожий мужчина и что он для нас значит, потому что «увиденное» мною, возможно, идет из самой Темной Башни, — он пристально посмотрел на Каллагэна. — В каких-то реальностях мы подошли к ней совсем близко, вот почему ка-тету столь опасно разделяться.

— В каких-то реальностях мы, должно быть, уже на пороге.

6

Джейк легко и естественно взял инициативу на себя, как только вышел из вращающихся дверей с Ёшом на руках, а потом опустил ушастика-путаника на выложенный мраморными плитами пол вестибюля. По мнению Каллагэна, мальчик даже не думал о том, что взваливает на себя бремя лидерства, и решил, что оно и к лучшему. Если бы он отдавал себе в этом отчет, его уверенность могла дать сбой.

Ёш осторожно понюхал собственное отражение в одной из стен зеленого стекла, потом последовал за Джейком к регистрационной стойке, его когти едва слышно постукивали по белым и черным квадратам. Каллагэн держался чуть сзади, понимая, что попал в будущее, и стараясь не тарачиться по сторонам.

— Она была здесь, — обернулся к нему Джейк. — Отец, я буквально вижу ее. Их обеих, ее и Миа.

Прежде чем Каллагэн успел ответить, Джейк уже подошел к регистрационной стойке.

— Прошу прощения, мэм. Меня зовут Джейк Чеймберз. Нет ли у вас для меня письма, посылки или чего-то еще? Скорее всего, от Сюзанны Дин, а может, от мисс Миа.

Женщина несколько мгновений с сомнением смотрела на Ыша. Ушастик-путаник — на нее, с веселой улыбкой, открывающей слишком уж много зубов. Возможно, зубы эти вызвали у женщины чувство тревоги, потому что она, нахмурившись, оторвала взгляд от Ыша и посмотрела на монитор компьютера.

— Чеймберз? — переспросила она.

— Да, мэм, — интонации голоса Джейка однозначно указывали на привычность общения со взрослыми. Джейк давно уже так не говорил, но прежние навыки никуда не делись, вот он ими и воспользовался.

— У меня есть кое-что для тебя, но не от женщины. От Стивена Кинга, — она улыбнулась. — Полагаю, это не тот знаменитый писатель? Или ты с ним знаком?

— Нет, мэм, — ответил Джейк, искоса глянув на Каллагэна. Оба до недавнего времени слыхом не слыхивали о Стивене Кинге, но Джейк понимал, почему при упоминании этого имени его спутника прошибал холодный пот. На этот раз, правда, лоб Каллагэна не заблестел, но губы превратились в тонкую полоску.

— Что ж, полагаю, это достаточно распространенные имя и фамилия, не так ли? — продолжила женщина за стойкой. — Возможно, в Соединенных Штатах полным полно нормальных Стивенов Кингов, которые мечтают, чтобы он... ну, не знаю... перестал писать, — она нервно рассмеялась, и Каллагэн задался вопросом, а чего она так разволновалась? Может, из-за Ыша, который мог сойти за собаку разве что на первый взгляд. Возможно, решил он, но, скорее всего, причина не в Ыше, а в Джейке. Что-то в нем шептало: опасность. Может, даже стрелок. Безусловно, чувствовалось в нем что-то особенное, выделяющее среди мальчиков его возраста. Еще как выделяющее. Каллагэн вспомнил, как Джейк выхватил «ругер» из самодельной кобуры и сунул под нос бедолагитаксиста. «Ты говоришь мне, что ехал слишком быстро и едва не раздавил моего друга? — кричал он, а лежащий на спусковом крючке указательный палец побелел от напряжения. — Ты говоришь мне, что не хочешь умереть на улице с дыркой в голове?»

Разве так отреагировал бы обычный двенадцатилетний мальчик, если б таксист едва не наехал на его собаку? Каллагэн в этом сомневался. Подумал

о том, что у женщины за стойкой есть повод для волнения. И тут вдруг осознал, что оценивает их шансы на победу в «Дикси-Пиг» выше, чем прежде. Пусть ненамного, но выше.

Джейк, возможно, почувствовав некоторую напряженность ситуации, одарил женщину самой обаятельной улыбкой, но на взгляд Каллагэна она ничуть не отличалась от улыбки Ыша: слишком много зубов.

— Одну минуту, — женщина отвернулась от него.

Джейк в недоумении посмотрел на Каллагэна, словно спрашивая: что это с ней? Тот пожал плечами и развел руки.

Женщина подошла к шкафчику, стоявшему у стены, открыла его, порылась в стоящей на одной из полок коробке и вернулась к стойке с конвертом с логотипом отеля «Плаза-Парк» в верхнем правом углу. По центру конверта темнели две строчки, то ли написанные каллиграфическим почерком, то ли напечатанные: «Джейку Чеймберзу. Это истина».

Женщина положила конверт на стойку, пододвинула Джейку, следя за тем, чтобы их пальцы не соприкоснулись.

Джейк взял конверт, провел по нему пальцами. Нащупал листок бумаги, само письмо. И что-то еще. Узкую твердую полоску. Вскрыл конверт и достал сложенный вдвое листок. Внутри лежала пластиковая магнитная карточка-ключ отеля «Плаза-Парк». Вдоль верхнего торца листка тянулась надпись: «ЗВОНИМ ВСЕМ БОЛТУНАМ». Письмо состояло из трех строчек:

"Дад-а-чам, дад-а-чом, не волнуйся, ты с ключом.

Дад-а-чач, дад-а-чуч, смотри, Джейк, красный ключ!"

Джейк посмотрел на белую пластиковую карточку, и у него на глазах она изменила цвет, мгновенно став кроваво-красной.

«Не могла быть красной, пока письмо не прочитано», — подумал Джейк и улыбнулся этому удивительному свойству магнитной карточки-ключа. Поднял голову, чтобы посмотреть, заметила ли женщина-портье трансформацию, происшедшую с пластиковым прямоугольником, но та уже нашла себе какое-то дело у дальнего конца стойки. А Каллагэн поглядывал на двух женщин, которые как раз вошли в вестибюль с улицы и направлялись к лифтам. Он, возможно, и священник, отметил Джейк, но не пропустит ни одной красивой женщины.

Джейк вновь посмотрел на листок и едва успел прочитать последнюю

строчку:

«Дад-а-чум, дад-а-чуч, дайте мальчику пластиковый ключ».

Двумя годами раньше мать и отец на Рождество подарили ему «Набор юного химика». Пользуясь приложенной к нему инструкцией, он приготовил невидимые чернила. Слова, написанные ими, исчезали буквально сразу же, однако, если присмотреться повнимательнее, их все-таки удавалось разобрать. То есть те химические чернила не исчезали бесследно. А вот эти исчезли, и Джейк знал, почему: надпись выполнила поставленную перед ней задачу. Более не требовалась. И вторая надпись, о красном ключе, уже исчезала. Так что вскоре на листке осталась только одна строчка, как будто он нуждался в напоминании:

«Дад-а-чам, дад-а-чом, не волнуйся, ты с ключом».

Неужто сам Стивен Кинг оставил ему это письмо? Джейк в этом сомневался. Скорее, кто-то из других участников этой игры, может, даже Роланд или Эдди, воспользовался этими именем и фамилией, чтобы привлечь его внимание. Так или иначе, но после прибытия в Нью-Йорк 1999 года произошли уже два события, которые сильно его подбодрили. Во-первых, роза продолжала петь. И в небоскребе, построенном на месте пустыря, пела, пожалуй, даже сильнее, чем прежде. Во-вторых, Стивен Кинг, похоже, оставался среди живых и через двадцать четыре года после того, как создал его попутчика. И теперь из простых писателей перешел в разряд знаменитых.

Отлично. Пока все вроде бы шло, как и хотелось.

Джейк схватил отца Каллагэна за руку и увлек к магазину сувениров, из которого доносилось треньканье пианино. Ёш последовал за ними, не отрывая мордочку от голени Джейка. У стены они нашли ряд телефонов, по которым гости могли бесплатно позвонить в номера отеля.

— Когда ответит оператор коммутатора, скажи, что хочешь поговорить со своей знакомой Сюзанной Дин или с ее подругой Миа, — проинструктировал он отца Каллагэна.

— Она спросит, в каком они остановились номере, — ответил Каллагэн.

— Скажешь ей, что номер не помнишь, но точно на девятнадцатом этаже.

— Откуда ты...

— На девятнадцатом, можешь мне поверить.

— Я верю, — ответил Каллагэн.

После второго звонка телефонистка коммутатора спросила, чем она может помочь. Каллагэн ей все объяснил. Его соединили, и в каком-то

номере на девятнадцатом этаже зазвонил телефон.

Джейк наблюдал, как Каллагэн начал говорить, потом замолчал и уже слушал, с удивленной, даже восхищенной улыбкой. Через несколько секунд повесил трубку.

— Автоответчик! — воскликнул он. — У них в каждом номере стоит машина, которая принимает, а потом записывает все звонки! Потрясающее изобретение!

— Да, — кивнул Джейк. — По крайней мере, мы знаем, что ее в номере нет и она никого не оставила приглядывать за своими вещами. Но, на всякий случай... — он похлопал по рубашке, в том месте, где она скрывала «ругер». По пути к лифтам Каллагэн спросил:

— А что нам нужно в ее номере?

— Не знаю.

Каллагэн коснулся его плеча.

— Думаю, знаешь.

Двери среднего лифта открылись, Джейк вошел в кабину, Ыш — следом за ним. Последним — Каллагэн, но Джейку показалось, что он притормозил, прежде чем войти.

— Возможно, — ответил Джейк, когда кабина понеслась вверх. — Я думаю, ты тоже знаешь.

Желудок Каллагэна вдруг отяжелел, словно он только что очень плотно поел. Он решил, что добавочный вес — страх.

— Я думал, что навсегда избавился от него. Когда Роланд вынес его из церкви, я действительно подумал, что навсегда избавился от него.

— Иногда они возвращаются, — пожал плечами Джейк.

8

Джейк предполагал, что придется пробовать открывать его уникальным ключом все номера подряд, но еще до того, как они добрались до девятнадцатого этажа, сообразил, что им нужен номер 1919. Каллагэн тоже это знал, у него на лбу выступил пот. Тоненькая, жаркая пленочка. Как при лихорадке. Даже Ыш знал. Ушастик-путаник тихонько заскулил.

— Джейк, — подал голос Каллагэн. — Мы должны все обдумать. Эта штукавина опасна. Более того, она несет зло.

— Именно поэтому мы и должны ее взять, — ответил Джейк. Он стоял перед дверью номера 1919 и барабанил пальцами по магнитной карточке-ключу. Из-за двери, из-под нее, сквозь нее, доносилось отвратительное

бубнение, словно какой-то идиот что-то пел на одной ноте. Бубнение это то и дело перемежалось позвякиванием колокольцев. Джейк знал, что Черный Тринадцатый может без труда отправить любого в Прыжок, в темные, лишенные дверей миры, откуда, скорее всего, возврата не было. Даже если бы он и сумел вырваться оттуда в другую земную реальность, там бы тоже царила едва ли не полная тьма, словно при длящемся вечно солнечном затмении.

— Ты его видел? — спросил Каллагэн.

Джейк покачал головой.

— Я видел, — в голосе Каллагэна слышался страх, от смахнул пот со лба. Щеки его посерели. — В нем — Глаз. Я думаю, это глаз Алого Короля. Я думаю, какая-то его часть навечно заточена в этот шар, и часть эта безумна. Джейк, везти Черный Тринадцатый в то место, где собрались вампиры и «низкие люди», все равно что преподнести атомную бомбу на день рождения Адольфу Гитлеру.

Джейк полностью отдавал себе отчет в том, что Черный Тринадцатый может нанести огромный, возможно, непоправимый ущерб, но знал он и другое.

— Отец, если Миа оставила шар в номере и сейчас едет туда, где ее ждут, они узнают об этом достаточно скоро. И примчатся сюда на своих больших автомобилях, прежде чем ты успеешь ойкнуть.

— Разве мы не можем оставить шар, чтобы его забрал Роланд? — жалобно спросил Каллагэн.

— Да, — кивнул Джейк, — это хорошая идея, тогда как брать его с собой в «Дикси-Пиг» — плохая. Но мы не можем оставить Черный Тринадцатый здесь, — и Джейк сунул красную карточку-ключ в прорезь над дверной ручкой. Послышался громкий щелчок, дверь распахнулась.

— Ыш, оставайся на месте, за дверью.

— Эйк! — Ыш сел на задние лапы, хвост оплел их колечком, озабоченно посмотрел на Джейка.

Прежде чем они вошли в номер, Джейк положил холодную руку на запястье Каллагэна и произнес ужасные слова:

— Защищай свой рассудок.

Миа оставила включенными все лампы, однако, странная темнота прокрасалась в номер 1919 после ее ухода. Джейк сразу понял, что это

тодэшная темнота. А бубнение идиота и звяканье колокольцев доносилось из стеного шкафа.

«Он проснулся, — подумал Джейк с нарастающей тревогой. — Раньше он спал, во всяком случае, дремал, но все эти перемещения разбудили его. Что же мне делать? Ящика и мешка для боулинга хватит, чтобы уберечься от него? Есть ли у меня какое-нибудь дополнительное средство защиты? Заклинание, амулет?»

Когда Джейк открыл дверь стеного шкафа, Каллагэну пришлось призвать на помощь всю свою немалую силу воли только для того, чтобы устоять на месте, не убежать, куда глаза глядят. Это атональное гудение, это позвякивание колокольцев воздействовали на уши, сердце, разум. Он вновь и вновь вспоминал дорожную станцию, свой крик в тот самый момент, когда мужчина в капюшоне открыл ящик. Каким же гладким был лежащий в ящике шар. Он лежал на красном бархате и... вращался. А если бы он, Каллагэн, посмотрел на него, то этот бестелесный, злобный взгляд выплеснул бы на него все безумие вселенной.

«Я не убегу. Не убегу. Если мальчик сможет остаться, я тоже смогу».

Да, конечно, но мальчик был стрелком, и это многое объясняло. Он был не просто дитем ка, он был дитем Роланда из Гилеада, его приемным сыном.

«Разве ты не видишь, как он бледен? Неужто не понятно, что он испуган не меньше твоего? Так что возьми себя в руки!»

Пусть это покажется странным, но смертельная бледность Джейка успокоила его. А потом в голову пришла глупая детская песенка, он начал напевать ее, успокоившись еще больше.

— Вокруг, вокруг шелковицы, — шепотом запел он, — мартышка мчит за лаской... мартышке очень весело...

Открыв дверцы, Джейк обнаружил внутри небольшой сейф. Набрал на кодовом замке 1919, но ничего не изменилось. Сделал паузу, смахнул пот со лба обеими руками (они дрожали), предпринял вторую попытку: 1999, и дверца распахнулась.

Песнь Черного Тринадцатого и звяканье колокольцев заметно усилились. Теперь эти звуки холодными пальцами копались в их рассудках.

«А ведь он может забросить тебя куда угодно, — думал Каллагэн. — Все, что от тебя требуется — на мгновение ослабить контроль над собой... открыть ящик... открыть ящик... а потом... о, куда только ты ни сможешь попасть! Сразу догонишь ласку!»

И хотя он знал, к чему это приведет, какая-то его часть хотела открыть ящик. Жаждала этого. В этом он был не одинок. Увидел, как Джейк

опустился перед сейфом на колени, словно верующий у алтаря. Каллагэн протянул руку, чтобы помешать Джейку достать из сейфа мешок, и рука эта словно налилась свинцом.

«От того, что ты сделаешь или не сделаешь, ровным счетом ничего не изменится», — прошептал голос у него в голове. Навевающий сон голос, и очень убедительный. Тем не менее, Каллагэн продолжал тянуться к Джейку. Схватил за воротник рубашки пальцами, которые, похоже, полностью потеряли чувствительность.

— Нет. Не надо, — голос вязкий, безвольный, депрессивный. И когда Каллагэн оттаскивал Джейка в сторону, двигался тот медленно, словно преодолевал сопротивление не воздуха, а воды. Комнату теперь заливал тревожный желтоватый свет, какой иногда можно увидеть перед жуткой грозой. И когда Каллагэн сам упал на колени перед сейфом (на то, чтобы они, начав сгибаться, коснулись пола, ушло никак не меньше минуты), он услышал голос Черного Тринадцатого, как никогда громкий. «Убей мальчика, — вещал голос, — вспори ему горло и напои шар освещающей теплой кровью». А потом и Каллагэну будет дозволено выпрыгнуть из окна номера.

«И на всем пути до Сорок Шестой улицы ты будешь благодарить меня», — заверял его Черный Тринадцатый, и голос звучал здраво и ясно.

— Сделай это, — выдохнул Джейк. — О, да, сделай это, всем же наплевать.

— Эйк! — твякнул от двери Ыш. — Эйк! — оба и ухом не повели.

Когда же Каллагэн потянулся к мешку, он вспомнил свою последнюю встречу с Барлоу, королем вампиров, вампиром первого типа, по собственной классификации Каллагэна, который однажды появился в маленьком городке Салемс-Лот. Вспомнил, как он противостоял Барлоу в доме Марка Петри, когда родители Марка бездыханными лежали у ног вампира, с разможенными головами, и их мозги, такие здравомыслящие, растекались по полу, как желе.

«Пока ты будешь падать, я позволю тебе прошептать имя моего короля, — увещевал его Черный Тринадцатый. — Алого Короля».

И когда Каллагэн наблюдал, как его руки берутся за мешок, какая бы ни была на нем надпись раньше, теперь он прочитал «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА», он думал о том, как поначалу засветился крест, каким-то неземным светом, как отбросил Барлоу назад... а потом вновь стал меркнуть.

— Открой его! — воскликнул Джейк. — Открой, я хочу его видеть!

Ыш уже лаял без перерыва. В коридоре кто-то крикнул: «Утихомирьте

свою собаку», — но оба вновь никак не отреагировали на этот крик.

Каллагэн вытащил из мешка ящик из дерева призраков, ящик, который тихонько стоял, спрятанный за кафедрой в его церкви в Кэлла Брин Стерджис. А вот теперь он его откроет. Откроет и увидит Черный Тринадцатый во всем его отвратительном великолепии.

А потом умрет. С радостью.

10

«Печально наблюдать крушение веры», — промурлыкал вампир Курт Барлоу, прежде чем вырвать потемневший и бесполезный крест из руки Дона Каллагэна. Почему он смог это сделать? Потому что, узри парадокс, прими во внимание загадку, отец Каллагэн не смог сам отбросить крест. Потому что не убедил себя согласиться с тем, что крест всего лишь один из символов великой силы, которая бежит, как река под всей вселенной, может, под тысячью вселенных...

"Мне нужен символ, — подумал Каллагэн. А потом:

— Может, поэтому Бог и позволил мне выжить? Он дает мне второй шанс это понять?"

Такое возможно, думал он, когда его руки взялись за крышку. Вторые шансы — точно по части Бога.

— Послушайте, вы должны уговорить вашу собаку, — ворчливый голос горничной отеля, но такой далекий. И тут же:

— Madre de Dios^[102], почему здесь так темно? Что это... что это за ш... ш...

Возможно, она хотела произнести слово «шум». Если и хотела, ей это не удалось. Даже Ыш, похоже, сдался чарам гудящего, поющего шара, потому что перестал лаять и, бросив пост у двери, вошел в номер. Каллагэн решил, что в момент неизбежного конца зверек хотел быть рядом с Джейком.

Бывший священник попытался остановить свои самоубийственные руки. Шар в ящике прибавил громкости песне идиота, и кончики пальцев дернулись в ответ. А потом снова замерли. «Хоть эту победу я одержал», — подумал Каллагэн.

— Ничего, я сделаю это сама, — голос горничной, словно обкурившейся, но шустрой. — Я хочу видеть его! Dios! Я хочу поддержать его!

Руки Джейка весили никак не меньше тонны, но он заставил их

подняться и схватить горничную, даму средних лет, дородную, фунтов на сто пять, испаноязычную американку.

А Каллагэн, который только что останавливал свои руки, теперь попытался помолиться.

«Господи, все в Твоей воле — не в моей. Я не гончар, а гончарная глина. Если я не смогу сделать что-нибудь еще, помоги мне взять его в руки и прыгнуть в окно, чтобы уничтожить этот проклятый богами шар раз и навсегда. Но, если Твоя воля — помочь мне заставить его замолчать, усыпить вновь, тогда пошли мне Твою силу. И помоги мне вспомнить...»

Черный Тринадцатый, конечно, притягивал к себе Джейка, но не лишил его недавно обретенного шестого чувства, прикосновений. И теперь он «вытащил» последние слова молитвы из разума отца Каллагэна и озвучил их, только заменил слова «символ», использованное Каллагэн на другое, которому научил их Роланд.

— Мне не нужен сигул, — сказал Джейк. — Я не гончар, а гончарная глина, и мне не нужен сигул!

— Господи, — молвил Каллагэн. Слово это тяжестью не уступало валуну, но, едва оно сорвалось с губ, все стало проще. — Господи, если Ты все еще здесь, если Ты слышишь меня, это Каллагэн. Пожалуйста, умири этот шар. Пожалуйста, сделай так, чтобы он вновь заснул. Я прошу Тебя во имя Иисуса.

— Во имя Белизны, — добавил Джейк.

— Изны, — внес свою лепту Ыш.

— Аминь, — закончила горничная все тем же обкуренным голосом.

На мгновение бубнящая песня идиота прибавила в громкости, и Каллагэн понял, что сопротивление бесполезно, ибо сам Господь Бог бессилен против Черного Тринадцатого.

А потом песня смолкла.

— Восславим Господа, — прошептал Каллагэн и только в тот момент осознал, что буквально купается в собственном поту.

Джейк расплакался, поднял Ыша на руки. Начала плакать и служанка, но никто не утешил ее. А когда Каллагэн вновь начал натягивать мешок для боулинга из плотной и очень тяжелой ткани на ящик из дерева призраков, Джек повернулся к ней и сказал:

— Вам нужно прилечь и поспать, сэй.

Ничего другого в голову не пришло, но и это сработало. Горничная повернулась и шагнула к кровати. Улеглась на нее, прикрыла колени юбкой и, похоже, отключилась.

— Она будет спать? — шепотом спросил Джейк Каллагэна. — Потому

что... отец... нехорошее это место.

Возможно, так оно и было, но разум Каллагэна внезапно освободился от пут, которые долгие годы стягивали его. Давно уже он не чувствовал себя таким свободным. А может, освободилось его сердце. Во всяком случае, когда он положил мешок для боулинга на сложенные пакеты для вещей, отправляемых в химчистку, которые лежали на сейфе, голова у него работала очень четко и ясно.

Ему вспомнился разговор в проулке у «Дома». Он, Френки Чейз и Магрудер вышли перекурить. Речь зашла о том, где хранить ценности в Нью-Йорке, особенно, если ты хочешь уехать на какое-то время, и Макгрудер сказал, что самая безопасная камера хранения во всем Нью-Йорке... абсолютно безопасная камера хранения...

— Джейк, в сейфе еще и сумка с тарелками.

— Орисами?

— Да. Возьми ее, — и пока Джейк доставал сумку, Каллагэн подошел к лежащей на кровати горничной и сунул руку в левый карман на юбке. Достал несколько магнитных пластиковых карточек-ключей и пачку мятных таблеток с названием, которое никогда не слышал: «Олтойдс».

Перевернул ее. Словно труп.

— Что ты делаешь? — прошептал Джейк. Он уже поставил Ыша на пол, чтобы набросить на плечо лямки плетеной сумки с орисами. Веса сумка немало, что только порадовало мальчика.

— Граблю ее, а что же еще? — сердито ответил Каллагэн. — Отец Каллагэн, священник Римской католической церкви, грабит горничную отеля. Или ограбил бы, если бы у нее... ага!

В другом кармане оказалась тонкая пачка денег, на которые он и рассчитывал. Она убиралась в номерах, когда лай Ыша привлек ее внимание. Мыла унитазы, раздвигала шторы, перестилала кровати, оставляла на подушках конфетки. Иногда жильцы считали нужным отблагодарить горничную. Вот и у этой в кармане обнаружили две десятки, три пятерки и четыре долларовых купюры.

— Бели-и-и-зна, — заплетающимся языком прошептала горничная, как шепчут во сне. Каллагэн и Джейк переглянулись.

Когда они спускались на лифте вниз, Каллагэн нес мешок для боулинга с Черным Тринадцатым внутри, а Джейк — плетеную сумку с

орисами. А также их деньги. Теперь они располагали сорока восемью долларами.

— Этого хватит? — то был единственный вопрос, который он задал, выслушав план избавления от магического кристалла, предложенный Каллагэном, план, требующий еще одной остановки по пути в «Дикси-Пиг».

— Я не знаю, и мне без разницы, — ответил Каллагэн. Они говорили заговорческим шепотом, хотя в кабине никого не было. — Если я смог ограбить спящую горничную, то с таксистом при необходимости разберусь без труда.

— Понятно, — кивнул Джейк. Он думал о том, что Роланд, в своем походе к Башне, не раз и не два грабил невинных людей. Более того, многих и убил. — Давай покончим с этим, а потом найдем «Дикси-Пиг».

— По-моему, ты зря волнуешься, — заметил Каллагэн. — Если Башня рухнет, ты узнаешь об этом одним из первых.

Джейк уставился на него. Лицо Каллагэна секунду-другую оставалось непроницаемым, потом он улыбнулся. Просто не мог сдержать улыбку.

— Не смешно, сэй, — покачал головой Джейк, и они вышли в темноту летнего вечера 1999 года.

12

Часы показывали без четверти девять, и за Гудзоном еще догорал закат, когда они прибыли к первому из нужных им адресов. Счетчик набил девять с половиной долларов. Каллагэн протянул таксисту одну из десятков горничной.

— Будьте осторожнее, — говорил водитель с сильным ямайским акцентом. — Как бы вас кто-нибудь не пристрелил за скупердайство.

— Тебе повезло, что ты получил хоть что-то, сынок, — по-доброму ответил ему Каллагэн. — У нас жесткий бюджет.

— У моей жены тоже бюджет, — ответил таксист и уехал. Джейк, тем временем, стоял, задрав голову.

— Вау, я и забыл какие они высокие.

Каллагэн проследил за его взглядом.

— Давай покончим с этим, — а когда они поспешили к зданиям, спросил:

— Сюзанна дает о себе знать? Хоть как-нибудь?

— Мужчина с гитарой, — ответил Джейк. — Поет... Нет, что — не

знаю. А следовало бы. Это еще одно из тех совпадений, что совпадениями не являются. Вроде того, что фамилия владельца книжного магазина Тауэр, а клуб Балазара — «Падающая башня». Эта песня... Я должен знать.

— Что-нибудь еще?

Джейк покачал головой.

— Это последнее, что я от нее получил, после того, как мы сели в такси у отеля. Я думаю, она вошла в «Дикси-Пиг» и теперь за пределами досягаемости.

Каллагэн направился к справочному табло в центре огромного вестибюля.

— Держи Ыша при себе.

— Не волнуйся.

Много времени поиски у Каллагэна не заняли.

Придя в нужное им место, они прочитали на табличке:

ТРИНАДЦАТЫЙ СЕКТОР

КАМЕРЫ ДОЛГОВРЕМЕННОГО ХРАНЕНИЯ

10 — 36 МЕСЯЦЕВ

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЖЕТОНАМИ

ВОЗЬМИТЕ КЛЮЧ

АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ОСТАВЛЕННЫЕ ВЕЩИ

А ниже, в рамочке, следовал перечень подробных правил и инструкций, которые они внимательно прочитали. Снизу до них донесся гул поезда подземки. Каллагэн, который не был в Нью-Йорке почти двадцать лет, даже представить себе не мог, как выглядел этот поезд, куда направлялся, как глубоко под землей находился тоннель, по которому он мчался. Они уже спустились на эскалаторе на два уровня. Сначала к магазинам, потом сюда. А станция подземки, должно быть, находилась гораздо глубже.

Джейк перекинул сумку с орисами на другое плечо, указал на последнюю строчку.

— Мы бы получили скидку, если бы арендовали здесь офис.

— Идку! — подтвердил Ыш.

— Конечно, парень, — согласился Каллагэн, — если бы желания превращались в лошадей, нищие ездили бы верхом. Скидка нам не нужна.

И действительно, она им не понадобилась. Они прошли через рамку металлоискателя (с орисами проблем не возникло) и мимо дремлющего на стуле копа. Джейк решил, что им подойдет одна из самых маленьких ячеек, они располагались в дальнем левом углу большого зала. Судя по размерам,

места в ней как раз хватало на мешок со СТРАЙКАМИ то ли СРЕДИННОГО МИРА, то ли СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА, и ящик в нем. Аренда ячейки на максимальный срок стоила двадцать семь долларов. Отец Каллагэн осторожно вставлял купюры разного достоинства в соответствующие щели автомата, выдающего жетоны, в любой момент ожидая сбоя машины: из всех чудес и ужасов (к последним относились и два доллара, взываемые за посадку в такси), с которыми ему довелось столкнуться за короткое пребывание в Нью-Йорке этот автомат, пожалуй, изумлял больше всего. Ведь он принимал бумажные деньги! Да, должно быть, немало технических достижений легли в основу начинки, которую скрывал тускло-коричневый фасад с табличкой-указанием: «КУПЮРЫ ВСТАВЛЯТЬ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНОЙ К ВЕРХУ!» Имелась и картинка, на которой Джордж Вашингтон изображался макушкой влево, но машина принимала купюры, независимо от того, каким коротким торцом Каллагэн вставлял их в щель. Главное, чтобы изображение президента было наверху. Каллагэн даже почувствовал облегчение, когда машина взбрыкнула, отказавшись принять сильно помятую долларовую купюру. А вот относительно новенькие пятерки проглатывались без задержки, окатывая поднос внизу дождем жетонов. Наменяв их на двадцать семь долларов, Каллагэн уже направился к Джейку, но остановился, решив утолить любопытство. Осмотрел боковую сторону этого удивительного (во всяком случае, удивительного для него) автомата, принимающего бумажные деньги. В нижней половине, ближе к основанию, на нескольких табличках, нашел интересующую его информацию. Называлась эта модель «Charge-Mak-R 2000», изготовили ее в Кливленде, штат Огайо, при участии многих компаний: «Дженерал электрик», «ДиУолт электроник», «Шоури электрик», «Панасоник» и (эта компания значилась в списке одной из последних, но значилась) «Норд центр позитроникс».

«Змей в саду, — подумал Каллагэн. — Этот человек, Стивен Кинг, который вроде бы выдумал меня, возможно, существует только в одном мире, но неужто „Норд центр позитроникс“ существует во всех мирах? Конечно, потому что это инструмент Алого Короля, как и „Сомбра“, а он хочет точно того же, что и любой одержимый властью деспот в истории человечества: быть везде, владеть всем, контролировать всю вселенную».

— Или накрыть ее тьмой, — прошептал Каллагэн.

— Отец! — нетерпеливо позвал его Джейк. — Отец!

— Иду! — откликнулся он и поспешил к Джейку с пригоршнями золотистых жетонов.

Ключ выскочил из ячейки 883 после того, как Джейк бросил в щель девять жетонов, но он продолжал их бросать, пока не избавился от всех двадцати семи. В этот момент маленькое стеклянное окошечко под номером ячейки осветилось красным.

— Полна коробочка, — в голосе Джейка слышалась удовлетворенность. Они по-прежнему говорили едва слышно, словно где-то рядом спал младенец, впрочем, в этом длинном, напоминающем склеп зале действительно царила тишина. Джейк предполагал, что шумным зал становился только в восемь утра да в пять пополудни в рабочие дни, когда люди заглядывали сюда, поднимаясь со станции подземки или спускаясь на нее, что-то оставляя в ячейках кратковременного хранения, что-то забирая. А сейчас до них долетало разве что эхо разговоров в торговом центре наверху, магазины которого еще работали, да гул еще одного приближающегося поезда.

Каллагэн сунул мешок в узкий зев ячейки. Задвинул как можно глубже под озабоченным взглядом Джейка. Потом закрыл дверцу, и Джейк повернул ключ.

— Бинго! — воскликнул мальчик, убирая ключ в карман. И тут же с тревогой добавил. — Он будет спать?

— Думаю, да, — ответил Каллагэн. — Как спал в моей церкви. Если разрушится еще один Луч, он, возможно, проснется и натворит бед, но, если разрушится еще один Луч...

— Если разрушится еще один Луч, беды эти не будут иметь никакого значения, — закончил за него Джейк. Каллагэн кивнул.

— И вот что еще... ты знаешь, куда мы идем. Знаешь, кто нас там ждет. Вампиры. «Низкие люди». Другие слуги Алого Короля. Возможно, Уолтер, человек в черном с капюшоном на голове, который иногда менял обличье и называл себя Рэндаллом Флеггом. Может, сам Алый Король.

Да, Джейк знал.

— Если ты владеешь прикосновением, — продолжил Каллагэн, — мы должны исходить из того, что кто-то из них тоже этим владеет. Возможно, они смогут узнать номер ячейки, покопавшись в нашей памяти. Мы пойдем туда и постараемся вызволить Сюзанну, но нужно признать, что наши шансы потерпеть неудачу достаточно высоки. Я никогда в жизни не стрелял из пистолета, а ты, уж прости меня, Джейк, никак не тянешь на закаленного в битвах ветерана.

— Но уж одну или две я могу записать себе в актив, — ответил Джейк. Он думал о стычке с Гашером и, само собой, о Волках.

— Тут все будет по-другому, — покачал головой Каллагэн. — Я говорю лишь о том, что будет плохо, если им удастся взять кого-то из нас живым. Если до этого дойдет. Ты меня понимаешь?

— Не волнуйся, — в ледяном голосе Джейка звучала уверенность. — Об этом можешь не волноваться, отец. Живыми мы им не дадимся.

14

Они вышли из здания, огляделись в поисках такси. Джейк полагал, что благодаря деньгам служанки они смогут оплатить проезд до «Дикси-Пиг». И почему-то у него не было сомнений в том, что потребность в деньгах, а возможно, и во всем остальном, отпадет сама собой, как только они переступят порог этого заведения.

— Едет, — воскликнул Каллагэн и замахал рукой. Джейк тем временем оглянулся на здание, из которого они только что вышли.

— Ты уверен, что там надежно? — спросил Джейк Каллагэна, когда такси свернуло к тротуару, пронзительно гудя, дабы поторопить замешкавшегося водителя легковушки, оказавшейся между таксистом и его потенциальными пассажирами.

— Согласно утверждению моего друга сэя Магрудера, это самая безопасная камера хранения на всем Манхэттене, — ответил Каллагэн. — В пятьдесят раз безопаснее, чем ячейки на «Пенн-стейшн» или «Гранд-сенрал», и, разумеется, здесь предлагают долговременное хранение. Возможно, в Нью-Йорке есть и другие камеры хранения, но мы покинем город до того, как они откроются... так или иначе.

Такси остановилось рядом с ними. Каллагэн подержал дверцу, пока Джейк залезал на заднее сидение. Ёш последовал за ним. Перед тем, как сесть в машину, Каллагэн бросил последний взгляд на башни-близнецы Всемирного торгового центра.

— Он будет лежать там в целости и сохранности до июня две тысячи второго года, если кто-нибудь не взломает ячейку и не украдет его.

— Или если здание не обрушится и не погребет его под собой.

Каллагэн рассмеялся, хотя по голосу Джейка не чувствовалось, что он шутил.

— Такого никогда не будет. А если случится... ну, хрустальный шар под ста десятью этажами бетона и стали? Даже шар, которому подвластна

любая магия? Полагаю, при таком раскладе от него ничего не останется.

Джейк попросил таксиста высадить их на углу Пятьдесят девятой и Лексингтон-авеню, на всякий случай, и, посмотрев на Каллагэна и увидев одобрительный кивок, отдал таксисту все оставшиеся деньги, за исключением двух последних долларов.

На углу Шестидесятой и Лексингтон Джейк указал на сигаретные окурки, вдавленные в асфальт тротуара.

— Здесь он сидел. Мужчина с гитарой.

Он наклонился, поднял один из окурков, подержал на ладони секунду-другую. Потом кивнул, невесело улыбнулся, поправил лямку на плече. В плетеной сумке едва слышно звякнули орисы. В такси Джейк пересчитал их и нисколько не удивился тому, что орис девятнадцать.

— Не удивительно, что она остановилась, — Джейк отбросил окурочек, вытер ладонь о рубашку. И неожиданно запел, тихо, но мелодично. — Юноши бедного... жизнь печали полна... Видно ни дня без забот... не дано мне прожить... Ехать мне суждено... этой Северной дорогой... Может я сяду... на следующий поезд.

Каллагэн почувствовал, что его нервы, и без того натянутые, как струны, натянулись еще сильнее. Конечно же, он узнал песню. Только Сюзанна, когда спела ее в ту ночь в Павильоне, ночь, когда Роланд завоевал сердца всей Кэллы, станцевав самую яростную каммалу, которую доводилось видеть местным жителям, только юношу она заменила девушкой.

— Она дала ему денег, — мечтательно продолжил Джейк. — И сказала... — он стоял, опустив голову, кусая губу, лихорадочно думая. Ыш пристально смотрел на него снизу вверх. Каллагэн терпеливо ждал продолжения. И тут до него дошло: ему и Джейку предстояло умереть в «Дикси-Пиг». Они умрут, сражаясь, но умрут.

И он подумал, что смерть не страшна. Да, для Роланда потеря мальчика обернется разбитым сердцем... однако он продолжит свой путь. Роланд будет идти, пока будет стоять Темная Башня.

Джейк поднял голову.

— Она сказала: «Помните борьбу».

— Сюзанна?

— Да. Она встала у руля. Миа ей позволила. Песня тронула Миа. Она

заплакала.

— Ты так говоришь?

— Да. Миа, ничья дочь, мать одного. И пока Миа отвлеклась... пока ее глаза ослепли от слез...

Джейк огляделся. Огляделся и Ыш, скорее всего, ничего не искал, лишь копировал движения своего любимого Эйка. Каллагэну вспомнился тот вечер в Павильоне. Огни. Ыш, вставший на задние лапы и поклонившийся местным жителям. Поющая Сюзанна. Огни. Танцы. Роланд, танцующий каммалу в огнях, разноцветных огнях. Роланд, танцующий в белизне. Всегда Роланд; и в конце, когда остальные падут, убитые один за другим в этой кровавой бойне, Роланд останется.

«Я могу с этим жить, — подумал Каллагэн. — И с готов с этим умереть».

— Она что-то оставила, но этого нет, — голос Джейка переполняла печаль, он чуть не плакал. — Кто-то это нашел... может, гитарист видел, как она что-то бросила и подобрал... Этот гребаный город! Все всё крадут! Черт, дерьмо!

— Пошли.

Бледное, усталое, испуганное лицо Джейка повернулось к Каллагэну.

— Она что-то оставила для нас, что-то нам нужное! Неужели ты не понимаешь, сколь ничтожны наши шансы?

— Понимаю. Если ты хочешь дать задний ход, Джейк, сейчас самое время.

Мальчик покачал головой, без тени сомнения, без малейшей задержки, и Каллагэн почувствовал, что может им гордиться.

— Пошли, отец, — сказал он.

На углу Лексингтон-авеню и Шестьдесят первой они вновь остановились. Каллагэн увидел зеленый навес и кивнул. На навесе красовался поросенок, блаженно улыбающийся, несмотря на то, что его зажарили до ярко-красного цвета. Поверх поросенка тянулась надпись «ДИКСИ-ПИГ». У тротуара выстроились пять длинных черных лимузинов. Их габаритные огни чуть размыто светились желтым в темноте. И Каллагэн только тут понял, что Авеню затянуло туманом.

— Вот, — Джейк протянул ему «ругер». Мальчик порылся в карманах и обеими руками выгреб патроны. Они тускло блестели под оранжевым

светом уличных фонарей. — Положи их в нагрудный карман, отец. Так до них легче добраться, понимаешь?

Каллагэн кивнул.

— Раньше не стрелял из пистолета?

— Нет, — ответил Каллагэн. — А ты бросал тарелки?

Губы Джейка разошлись в улыбке.

— Бенни Слайтман и я как-то раз взяли с десятков тренировочных тарелок и устроили соревнование на берегу реки. У него получалось не очень, но...

— Позволь догадаться. А у тебя, как надо.

Джейк пожал плечами, потом кивнул. У него не было слов, чтобы объяснить, как хорошо ложилась тарелка ему в руку, как становилась ее продолжением. Но, возможно, ему не надо было ничему учиться. И умение бросать орису было врожденным. Как у Сюзанны. Ее броски Каллагэн видел собственными глазами.

— Хорошо, каков наш план? — спросил Каллагэн. Теперь, приняв решение идти до конца, он еще сильнее, чем раньше, хотел, чтобы мальчик взял командование на себя. Джейк, в конце концов, был стрелком.

Мальчик покачал головой.

— Нет никакого плана, да и откуда? Я иду первым, ты — следом за мной. Как только мы входим в дверь, сразу разделяемся. В любой момент, пока будет такая возможность, между нами должно быть десять футов, ты понимаешь, отец? Тогда независимо от того, как много их будет и как близко они подберутся к нам, ни одному из них не удастся одновременно уложить нас обоих.

Каллагэн понял, что этот урок Джейк получил от Роланда. Кивнул.

— Я попытаюсь идти следом за ней, используя прикосновения, Ыш — по запаху. Иди с нами. Стреляй в каждого, кто напрашивается на пулю, и без малейшего колебания, ты понимаешь?

— Ага.

— Если ты убьешь кого-то или что-то и оружие покажется тебе полезным, возьми его. Но только в том случае, если сможешь взять на ходу. Мы должны двигаться. Мы должны убивать. Мы должны быть безжалостными. Ты можешь кричать?

Каллагэн задумался, потом кивнул.

— Кричи на них, — продолжил Джейк. — Я тоже буду кричать. И двигаться. Может, бегом, скорее, быстрым шагом. Постарайся, чтобы всякий раз, посмотрев направо, я видел левую половину твоего лица.

— Ты будешь ее видеть, — заверил его Каллагэн, подумав: «По

крайней мере, до того момента, как кто-то из них уложит меня». — После того, как мы выведем ее отсюда, я стану стрелком, Джейк?

Мальчик ответил волчьей улыбкой, все страхи и сомнения он уже отбросил.

— Кхеф, ка и ка-тет, — отчеканил он. — Смотри, загорелась табличка «Идите». Давай перейдем улицу.

Водительское сидение первого лимузина пустовало. За рулем второго сидел мужчина в фуражке и униформе, но отцу Каллагэну показалось, что он спит. Еще один мужчина в фуражке и униформе привалился к борту третьего со стороны тротуара. Огонек сигареты совершал возвратно-поступательные движения от уголка рта вниз к бедру. Он смотрел в их сторону, но без особого интереса. А что, собственно, могло его заинтересовать? Мужчина, почти старик, мальчик, почти подросток, лохматая собака. Большое дело.

Перейдя Шестьдесят первую улицу, Каллагэн увидел лист белой бумаги на хромированном стенде, выставленном у дверей ресторана:

«ЗАКРЫТО НА СПЕЦИАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ»

И как называлось мероприятие, которое проводилось в этот вечер в «Дикси-Пиг», задался вопросом Каллагэн. Смотрины младенца? Вечеринка по случаю дня рождения?

— Как насчет Ыша? — шепотом спросил Каллагэн.

— Ыш остается со мной.

Только четыре слова, но они убедили Каллагэна: Джейк понимает, на что идет. Этому вечеру предстояло стать последним в их жизни. Каллагэн не знал, удастся ли им выйти из «Дикси-Пиг», покрыв себя славой, но он точно знал, куда они выйдут, все трое. От пустоши в конце тропы их теперь отделял один-единственный поворот; и они собирались пройти его вместе, грудь в грудь. И хотя Каллагэн не хотел умирать, особенно теперь, когда ему так легко дышалось, а глаза видели все ясно и отчетливо, он отдавал себе отчет в том, что все могло сложиться куда как хуже. А так Черный Тринадцатый удалось упрятать в еще одно укромное темное место, где он будет спать глубоким сном, а если Роланд действительно сумеет выжить, независимо от того, проиграют они эту битву или победят, тогда он найдет возможность отыскать шар и избавится от него, если сочтет нужным. А пока...

— Джейк, послушай меня, это важно.

Джейк кивнул, но на лице отражалось нетерпение.

— Ты понимаешь, что тебе грозит смерть? Просишь ли ты прощения за свои грехи? Мальчик понял, что его причащают.

— Да, — ответил он.

— Ты искренне сожалеешь, что согрешил?

— Да.

— Раскаиваешься в своих грехах?

— Да, отец.

Каллагэн перекрестил Джейка.

— *Nomine Patris, nomini Fili, nomine* ^[103]...

Ыш твякнул. Один раз, взволнованно. И глухо, потому что нашел что-то в ливневой канаве и теперь держал в пасти. Мальчик наклонился и взял у него находку.

— Что? — спросил Каллагэн. — Что это?

— То, что она для нас оставила, — в голосе Джейка слышалось безмерное облегчение, даже надежда. — То, что уронила, когда Миа отвлеклась и плакала над песней. Возможно, у нас есть шанс, отец. Возможно, у нас все-таки есть шанс.

Он положил находку в руку Каллагэна. Тот удивился ее весу, а когда рассмотрел, у него перехватило дыхание от красоты находки. И он почувствовал, как в нем разгорается надежда. Наверное, напрасная, но она разгоралась.

Он поднес вырезанную из слоновой кости черепашку к лицу, провел указательным пальцем по царапине на панцире, которая напоминала вопросительный знак. Всмотрелся в мудрые и умиротворяющие глаза.

— Какая прелесть, — выдохнул он. — Это Черепаха Матурин? Она, не так ли?

— Не знаю, — ответил Джейк. — Возможно. Сюзанна называет ее skolpadda, и черепашка, надеюсь, нам поможет, но она не убьет охотников, которые поджидают нас там, — он мотнул головой в сторону «Дикси-Пиг». — Только мы можем их убить, отец. Ты будешь убивать?

— Да, — спокойно ответил Каллагэн. Убрал черепашку, skolpadda, в нагрудный карман. — Я буду стрелять, пока не закончатся патроны или пока я не умру. Если у меня закончатся патроны до того, как меня убьют, я буду дубасить их рукояткой пистолета.

— Хорошо. Пусть лучше они получают последнее причастие.

Они прошли мимо хромированного стенда со словами «ЗАКРЫТО НА СПЕЦИАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ». Ыш трусил между ними, высоко

подняв голову, демонстрируя зубастую улыбку. Без остановки преодолели три ступеньки, которые вели к двойным дверям. У самых дверей Джейк сунул руку в плетеную сумку и достал две тарелки. Постучал ими друг о друга, кивнул, услышав глухой звук, сказал:

— Давай поглядим, что есть у тебя.

Каллагэн вытащил из-за пояса «ругер», приложил ствол к правой щеке, как дуэлянт. Потом коснулся нагрудного кармана, оттопыренного, набитого патронами.

Джейк кивнул, довольный увиденным.

— Как только мы входим, остаемся рядом. Всегда рядом, с Ышем посередине. На счет три. И начав, мы не останавливаемся, пока не умрем.

— Никогда не остановимся.

— Точно. Ты готов?

— Да. Любовь Господа с тобой, мальчик.

— И с тобой, отец. Раз... два... три.

Джейк открыл дверь, и они вошли в сумрачный свет и сладкий, дразнящий запах жареной свинины.

КУПЛЕТ:

*Commala — come — ki,
There's a time to live and one to die.
With your back against the final wall
Ya gotta let the bullets fly.*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — ki!
Let the bullets fly!
Don't 'ee mourn for me, my lads
When it comes my day to die.*

Строфа 13. Хайл, Миа, хайл, Мать

1

Должно быть, ка поставила пассажирский автобус там, где он стоял, когда Миа подъехала на такси, а может, это было всего лишь совпадение. Конечно, речь идет об одном из тех вопросов, которые достойны толкования как самым скромным уличным проповедником (можешь сказать аллилуйя), так и самым уважаемым философом-теологом (можешь сказать сократовское аминь). Некоторые укажут, что это очень уж фривольное допущение; и ничего основополагающего за этим вопросом не стоит.

Один пассажирский автобус, наполовину пустой.

Но, если бы он не стоял на углу Лексингтон-авеню и Шестидесят первой улицы, Миа, скорее всего, не заметила бы мужчину, играющего на гитаре. И, не остановись она, чтобы послушать мужчину, играющего на гитаре, кто знает, до какой степени и в какую сторону изменилось бы происшедшее следом.

2

— У-у-у, ну вы только посмотрите на него! — взвыл таксист. В отчаянии вскинул кулак, разве что не забарабанил им по ветровому стеклу. Автобус стоял на углу Лексингтон и Шестидесят первой, задние фонари аварийной сигнализации вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли, подавая сигнал бедствия. Водитель автобуса стоял у одного из задних колес, глядя на черное облако отработанных газов дизельного двигателя, которое вырывалось из выхлопной трубы.

— Леди, — таксист обернулся к Миа, — вы не будете возражать, если я высажу вас на углу Шестидесятой? Вас это устроит?

«Устроит? — спросила Миа. — Что я должна сказать?»

«Конечно, — рассеянно ответила Сюзанна. — Шестидесятая подойдет».

Вопрос Миа вернул ее из своей версии «Догана», где она пыталась связаться с Эдди. С этим ей не повезло, но вид «Догана» ее ужаснул. По полу змеились глубокие трещины, одна из потолочных панелей

вывалилась, рухнув на пол вместе с флуоресцентными лампами и электрическими проводами. На некоторых пультах управления погасли все лампы, над другими поднимался синеватый дымок. Стрелка на шкале «Сюзанна-Миа» проделала немалый путь по красному сектору. Под ногами пол вибрировал, машины натужно ревели. И говорить о том, что ничего этого в реальности не существует, речь идет исключительно о методе визуализации, смысла не было, не так ли? Она затормозила очень важный процесс, и теперь ее тело расплачивалось за это. Голос «Догана» предупредил об опасности того, что она проделывала: попытки обмануть Мать-природу к добру не приводят. Сюзанна понятия не имела, каким внутренним органам или железам достается больше всего, но знала, что это ее органы и железы. Не Миа. И пришло время остановить это безумие, до того, как им будет нанесен непоправимый урон.

Но прежде всего, естественно, она попыталась связаться с Эдди. Вновь и вновь выкрикивала его имя в микрофон с логотипом «Норд центр позитроникс». Безрезультатно. Выкрикивала имя Роланда. И опять не получила ответа. Если бы они погибли, она бы об этом узнала. Тут у Сюзанны сомнений не было. Но невозможность связаться с ними... что бы это значило?

«Это значит, что тебя еще раз поматросили и бросили, сладенькая, — ответила ей Детта и хохотнула. — Только так и бывает, если якшаешься с белыми».

«Я могу выйти здесь? — спросила Миа, застенчивая, как девушка, приехавшая на свой первый бал. — Правда?»

Сюзанна стукнула бы себя по лбу, если б контролировала тело. Господи, до чего же эта сучка робкая, если дело не касается ее малого.

«Да, выходи. Идти-то один квартал, а на авеню кварталы короткие».

«Таксист... сколько денег я должна дать таксисту?»

«Дай ему десятку и пусть оставит себе сдачу. Покажи-ка мне...»

Сюзанна почувствовала нежелание Миа подвинуться и отреагировала с привычным раздражением. И не без капельки веселья.

«Послушай меня, сладенькая, я умываю руки. Хорошо? Дай ему любую гребаную купюру, какая тебе больше нравится».

«Нет, нет, как скажешь, — смирившаяся, испуганная. — Я доверяю тебе, Сюзанна», — она подняла оставшиеся купюры, полученные от Макса, разложила веером перед глазами.

Сюзанна хотела отказаться, но какой в этом был смысл. Выступила вперед, взяла на себя контроль над коричневыми руками, которые держали купюры, выбрала десятку, протянула таксисту.

— Сдачу оставьте себе, — сказала она.

— Спасибо, леди, — поблагодарил таксист.

Сюзанна открыла дверцу со стороны тротуара. И тут же заговорил робот-автомат, испугав ее, испугав их обоих. Некто по имени Вупи Голдберг напомнила о том, что она должна забрать свои вещи. Для Сюзанны-Миа напоминание это практического смысла не имело. Вещей у них с собой не было, и заботил их только малой, которого Миа должна была родить в самом ближайшем будущем.

Она услышала гитарную музыку. Почувствовала, как Миа возвращает себе контроль над рукой, которая засовывала оставшиеся деньги в карман, ногой, которая первой покинула салон. Миа вновь оттесняла Сюзанну, едва та решила одну из ее маленьких нью-йоркских сложностей. Сюзанна попыталась протестовать (мое тело, черт побери, мое, по крайней мере, выше талии, а значит и голова, и мозг в ней!) потом успокоилась. Что с этого проку? Миа сильнее. Сюзанна понятия не имела, почему, но знала, что таково реальное положение.

В этот самый момент Сюзанна Дин испытала фатализм Бушидо, предельное спокойствие, которое охватывает водителя, потерявшего контроль над автомобилем, которого тащит к пропасти, пилота самолета с заглухими двигателями, вошедшего в пике... и стрелка, которого везли к его последней пещере или схватке. Позднее она бы вновь могла начать бороться, если бы борьба эта была достойной и благородной. Она бы боролась, чтобы спасти себя и младенца, но не Миа... та сделала свой выбор. Миа, на взгляд Сюзанны, утратила право на спасение, которое ранее могла бы заслужить.

И теперь делать ей было совершенно нечего, разве что повернуть диск «Интенсивность схваток», установив против стрелки число 10. Она думала, что ей позволят это сделать.

А пока... звучала музыка. Гитара. Песня, которую она знала, очень хорошо знала. Она сама спела ее жителям Кэллы Брин Стерджис.

После пережитого с тех пор, как она повстречалась с Роландом, у нее не возникло и мысли о том, что появление на уличном углу гитариста, поющем о «юноше бедном», жизнь которого «печали полна», — чистая случайность, совпадение. И песня эта прекрасная, не так ли? Возможно, квинтэссенция всех народных песен, которые ей так нравились в молодости, тех самых песен, которые шаг за шагом соблазнили ее и привели в стан активистов борьбы за гражданские права, привели в город Оксфорд, штат Миссисипи. Те дни канули в лету, теперь она чувствовала себя гораздо старше, но удивительная простота песни по-прежнему трогала

душу. До «Дикси-Пиг» оставалось пройти меньше квартала. Как только Миа перенесет их через порог, она, Сюзанна, окажется во владениях Алого Короля. Насчет дальнейшего у нее не было ни сомнений, ни иллюзий. Она не рассчитывала на возвращение оттуда, не рассчитывала вновь увидеть своих друзей или своего возлюбленного, и полагала, что ее ждет смерть под вопли Миа, наконец-то осознавшей, что ее обманули... но все эти мысли не мешали ей насладиться песней. То была ее песня смерти? Если так, она ничего не имела против.

Сюзанна, дочь Дэна, исходила из того, что все могло быть гораздо хуже.

3

Музыкант устроился перед кафе, которое называлось «Черная патока». Раскрытый футляр для гитары лежал перед ним, на пурпурном бархате обивки (такого ж цвета, как и ковер в спальне сэя Кинга, можете сказать, аминь) лежали монеты и мелкие купюры, чтобы любой, даже слишком наивный для Нью-Йорка прохожий понял, что от него требуется. Сам музыкант сидел на прочном деревянном кубе, который ничем не отличался от другого деревянного куба, с которого преподобный Харриган читал свои проповеди.

По многим признакам чувствовалось, что его рабочий день близок к завершению. Он уже надел куртку с нашивкой «Нью-йоркские янки» на рукаве и шляпу с надписью на ленте «ДЖОН ЛЕННОН ЖИВ». Перед ним стояла какая-то табличка с надписью, но теперь она уже лежала в футляре, словами вниз. Впрочем, Миа все равно не смогла бы прочитать, что написано на табличке, нет, не смогла.

Гитарист посмотрел на нее, улыбнулся, перестал перебирать пальцами струны. Она подняла одну из оставшихся у нее купюр.

— Я дам ее тебе, если ты сыграешь эту песню. Только на этот раз от начала и до конца.

Выглядел гитарист лет на двадцать с небольшим, на красавца определенно не тянул, с бледной кожей, прыщами на щеках и лбу, золотым кольцом в ноздре, сигаретой, прилипшей к уголку рта, но обаяния ему хватало. Его глаза широко раскрылись, когда он увидел лицо на купюре.

— Леди, за пятьдесят баксов я сыграю вам все песни Ральфа Стэнли^[104], которые я знаю... а знаю я их немало.

— Нам хватит только этой, — Миа бросила купюру, которая

спланировала в футляр для гитары. Музыкант смотрел на нее и, похоже, не верил своим глазам. — Поторопись, — добавила Миа. Сюзанна не давала о себе знать, но Миа чувствовала, что та слушает. — Времени у меня в обрез. Играй.

После этих слов гитарист, сидевший на деревянном кубе перед кафе, начал играть песню, которую Сюзанна впервые услышала в «Хангри», песню, которую сама пела несчетное количество раз, однажды около мотеля в Оксфорде, штат Миссисипи. Спела вечером, а наутро их всех бросили в тюрьму. К тому времени трое молодых добровольцев, регистрирующих чернокожих избирателей, которые почти месяц как числились пропавшими без вести, давно уже лежали в черной миссисипской земле, в окрестностях Филадельфии^[105] (в конце концов их нашли в городе Лонгдейл, вы можете сказать, аллилуйя, и будьте так любезны, скажите, аминь). Вновь поднялась для удара Белая кувалда, но они продолжали петь. Одетта Холмс, в те дни ее звали Дет, первой запела вот эту песню, а остальные присоединились к ней, мальчики пели «юноша», девочки — «девушка». А вот теперь, вернувшись в «Доган», который стал ее гулагом, Сюзанна слушала, как этот молодой человек, появившийся на свет гораздо позже тех давнишних дней, пел ту самую песню. Хранилища памяти раскрылись, и именно Миа, для которой неистовство тех воспоминаний стало откровением, захлестнула волна эмоций.

4

В стране Память время всегда и только одно — настоящее. В королевстве Прошлое часы тикают... но стрелки никогда не двигаются. Ненайденная дверь существует (О, потерянная) и память — ключ, который открывает ее.

5

Их фамилии — Чини, Гудмен, Швернер; именно они падают под ударом Белой Кувалды 19 июня 1964 года. О, Дискордия!

6

Они останавливаются в мотеле «Синяя луна», который расположен в негритянской части Оксфорда, штат Миссисипи. «Синяя луна» принадлежит Лестеру Бамбри, брат которого, Джон, пастор Первой афроамериканской методистской церкви Оксфорда, можете сказать мне аллилуйя, можете сказать мне аминь. На календаре 19 июля 1964 года, месяц спустя после исчезновения Чини, Гудмена и Швернера. Через три дня после того, как они исчезли неподалеку от Филадельфии, в церкви Джона Бамбри прошло собрание, и местные активисты-негры сказали трем десяткам северян, в основном, белых, следующее: в свете того, что произошло, они, конечно, имеют полное право уехать домой. Некоторые уехали, восславим Господа, но Одетта Холмс и еще восемнадцать человек остаются. Да. Они остаются в мотеле «Синяя луна». И иногда, по вечерам, они собираются во дворе мотеля, Делберт Андерсон приносит гитару, и они поют.

«Я буду освобожден» они поют и «Джон Генри» они поют, ничего не страшась (великий Боже, скажи, Бог-Бомба), и они поют «Развевающийся на ветру», и они поют «Блюз нерешительности», написанный преподобным Гэри Дэвисом, все смеются над этими веселыми, на грани приличия, строчками: доллар есть доллар, а цент есть цент, у меня полон дом детей, но моих среди них нет, и они поют «Я больше не марширую», и они поют в стране Память и в королевстве Пршлое они поют, в бурлящей крови молодости, в силе их тел, в убежденности их веры они поют, отрицая Дискордию, отрицая кан-тои, утверждая Гана-созидателя, Гана, изгоняющего зло, они не знают этих имен, они знают все эти имена, сердце поет, что должно петь, кровь знает, что кровь знает, на Тропе Луча наши сердца знают все секреты и они поют, поют, Одетта начинает и Делберт Андерсон играет; она поет: «Девушки бедной жизнь печали полна... Видно ни дня без забот... Я говорю прощай... старому Кентукки...»

Вот Миа и ввели через Ненайденную дверь в Страну Память, перенесли в заваленный мусором двор за мотелем Лестера Бамбри «Синяя луна», и там она слышала... (слышит)

Миа слышит женщину, которая станет Сюзанной, поющую свою песню. Слышит, как остальные присоединяются, один за другим, и вот они уже поют хором, а над их головами миссисипская луна, заливающая светом их лица, как черные, так и белые, и холодную сталь железнодорожных рельсов, которые бегут за отелем, бегут на юг, бегут к Лонгдейлу, городу, где 5 августа 1964 года найдут полуразложившиеся тела их друзей: Джеймса Чини, двадцати одного года от роду, Эндрю Гудмена, его ровесника, Майкла Швернера, двадцатичетырехлетнего; О, Дискордия! И для вас, кто предпочитает тьму, вам дарит радость красный Глаз, который сияет там.

Она слышит, как они поют.

«По всей земле я вынужден бродить... в бурю и ветер, в град и дождь... мне нужно ехать по Северной дороге...»

Песня лучше всего открывает глаз памяти, и воспоминания Одетты подхватывают Миа и несут ее, когда они поют вместе, Дет и члены ее катета под серебристой луной. Миа видит, как они уходят со двора, переплетая руки, напевая

(глубоко в сердце... я верю...)

Другую песню, которая, они в этом не сомневаются, сложена о них. Лица на улицах, наблюдающие за ними, искажены ненавистью. Руки, сжатые в кулаки, которыми трясут им вслед, в мозолях. Рты женщин, которые поджимают губы, выплевывают слюну, бьющую им по щекам, пачкающую волосы, грязнящую рубашки, ненакрашены, ноги без чулок, туфли стоптаны. Тут и мужчины в рабочей одежде (кто-нибудь, скажите, аллилуйя). Тут и подростки в белых свитерах, аккуратно подстриженные, и один кричит Одетте, тщательно выговаривая каждое слово: «Мы убьем! Всех! Проклятых! Ниггеров! Которые! Посмеют! Войти! В кампус!»

И невероятный дух товарищества, несмотря на страх. Благодаря страху! Ощущение, что они делают что-то очень важное, что-то на века. Они изменяют Америку, и, если цена этим изменениям — кровь, что ж, они готовы ее заплатить. Говоришь правильно, скажи, аллилуйя, восславим Господа, громко скажем аминь!

Потом появляется белый юноша, Даррил, и поначалу он не может, он хромает и не может, но потом может, и второе я Одетты, крикливое, хохочущее, отвратительное я, не дает о себе знать. Даррил и Дет лежат вместе до утра, спят в объятьях друг друга до утра под миссисипской луной. Слушая цикад. Слушая сов. Слушая тихий, легкий гул Земли, поворачивающейся на своих гироскопах, поворачивающейся все дальше и дальше в двадцатое столетие. Они молоды, их кровь горяча, и они не

сомневаются в своей способности все изменить. «Желаю тебе счастья, моей верный возлюбленный...» Это ее песня на заросшем сорняками поле за мотелем «Голубая луна»; это ее песня под луной. «Я больше никогда не увижу твое лицо...» Это апофеоз жизни Одетты Холмс, и Миа тоже там! Она все видит, все чувствует, захвачена этой восхитительной и, некоторые сказали бы, глупой надеждой (ах, но я говорю, аллилуйя, мы все говорим, Бог-бомба). Она понимает, как особо ценят друзей, пребывая в постоянном страхе, как от него становится слаще каждый съеденный кусок, как он растягивает время, пока каждый день не становится вечностью, ведущей в бархатную ночь, и они знают, что Джеймс Чини мертв

(говоришь правильно)

Они знают, что Эндрю Гудмен мертв

(скажи, аллилуйя)

Они знают, что Майкл Швернер, самый старший из них и все еще ребенок в свои двадцать четыре, мертв.

(Скажем, как можно громче, аминь!)

Они знают, что каждый из них может закончить свой путь в земле Лонгдейла или Филадельфии. В любой момент. На следующий день после того памятного вечера во дворе мотеля «Синяя луна», практически их всех, в том числе и Одетту, посадят в тюрьму, и начнется ее время унижений. Но сегодня она в кругу друзей, рядом со своим возлюбленным, и они едины, а Дискордия выставлена за порог. Сегодня они поют, обняв друг друга за плечи и раскачиваясь из стороны в сторону.

Девочки поют девушка, мальчики — юноша.

Миа сокрушена их любовью друг к другу, восторгается простотой их веры.

Поначалу слишком потрясена, чтобы смеяться или плакать, может только заворуженно слушать.

Когда уличный музыкант начинает четвертый куплет, Сюзанна присоединяется к нему, сначала колеблясь, потом решительно и вскоре, он поощряет ее улыбкой, они поют дуэтом:

"А

А

А

А

После этого куплета музыкант замолкает, с радостным изумлением уставившись на Сюзанну-Миа.

— Я думал, что остался единственным, кто знает эту песню, — воскликнул он. — Ее пели на «рейсах свободы»^[106]...

— Нет, — возразила Сюзанна. — Не там. Ее пели добровольцы, регистраторы избирателей. Те, кто приехал в Оксфорд в 1964 году. Когда убили трех молодых парней.

— Швернера и Гудмена, — кивнул музыкант. — Третьего я не помню...

— Джеймс Чини, — сказала она. — У него были прекрасные волосы.

— Вы так говорите, словно знали его, — удивился музыкант, — но ведь вам... никак не больше тридцати?

Сюзанна не сомневалась, что выглядит она куда старше тридцати, особенно в этот день, но, разумеется, в футляре для гитары молодого человека лежало на пятьдесят долларов больше, чем до исполнения последней песни, и эта бумажка, возможно, повлияла на его зрение.

— Моя мать провела лето шестьдесят четвертого в округе Нешоба, — ответила она, и эти два спонтанно сорвавшиеся с губ слова, моя мать, произвели неизгладимое впечатление на ее поработительницу. Раскрыли сердце Миа.

— Крутая у вас мамаша! — воскликнул молодой человек и улыбнулся. Потом улыбка увяла. Он наклонился к футляру для гитары, вытащил купюру в пятьдесят долларов, протянул ей.

— Возьмите. Мне было приятно спеть для вас, мэм.

— Не могу, — Сюзанна улыбнулась. — Помни борьбу, мне этого достаточно. И помни Джимми, Энди и Майкла, если не возражаешь. Я знаю, больше мне ничего не надо.

— Пожалуйста, — настаивал молодой человек. Он вновь улыбнулся, но теперь улыбка тревожная, как у молодых людей из королевства Прощлое, поющих в заваленном хламом дворе мотеля «Синяя луна», глядя на поблескивающие в холодном лунном свете железнодорожные рельсы. Он мог быть одним из этих молодых людей, беззаботным цветком юности, и как же в тот момент Миа любила его. Даже малой отошел на второй план в сиянии этой любви. Она знала, что во многом сияние это ложное,

источник его — воспоминания хозяйки тела, и при этом чувствовала, что в чем-то оно может быть и настоящим. Наверняка она знала лишь одно: только такое существо, как она, отдавшая свое бессмертие, могла оценить истинное мужество тех, кто решился противостоять силам Дискордии. Рисковал хрупкой красотой жизни, поставив убеждения выше собственной безопасности.

«Порадуй его, возьми купюру», — обратилась она к Сюзанне, но не встала к рулю, не заставила Сюзанну это сделать. Оставила ей право выбора.

Но прежде чем Сюзанна успела ответить, в «Догане» завывли сирены тревоги, наполняя их разделенный разум шумом и красным светом.

Сюзанна развернулась к «Догану», но Миа успела схватить ее за плечо, сжала, как тисками.

«Что происходит? Что не так?»

«Убери руку!»

Сюзанна вывернулась и исчезла до того, как Миа вновь успела ее схватить.

11

«Доган» Сюзанны пульсировал и сверкал красным паническим светом. Из динамиков громкой связи под потолком ей на голову обрушивался вой сирены. Светились только два телевизионных экрана: один показывал музыканта на углу Лексингтон-авеню и Шестидесятой улицы, второй — спящего младенца. Покрытый трещинами пол гудел под ногами. На одном пульте управления не горело ни одной лампочки, на другом плясали языки пламени.

И ситуация определенно менялась от плохого к худшему.

Словно подтверждая ее предположение, вновь зазвучал голос «Догана», неотличимый от голоса Блейна.

— ВНИМАНИЕ! — разнесся по «Догану» крик. — СИСТЕМА ПЕРЕГРУЖЕНА! БЕЗ УМЕНЬШЕНИЯ НАГРУЗКИ В СЕКЦИИ «АЛЬФА» ПОЛНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ СОРОК СЕКУНД".

Сюзанна не помнила никакой секции «Альфа», но несколько не удивилась, увидев соответствующую табличку. Один из пультов рядом с этой табличкой вдруг заискрился, и оранжевые искры подожгли сидение стула. Упали еще несколько потолочных панелей, потянув за собой

провода.

— БЕЗ УМЕНЬШЕНИЯ НАГРУЗКИ В СЕКЦИИ «АЛЬФА» ПОЛНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД.

Как насчет диска «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА»?

— Оставь его в покое, — пробормотала она себе.

Хорошо, тогда «МАЛОЙ»? Как насчет него? После мгновенного раздумья, Сюзанна перевела тумблер из положение «СОН» в положение «БОДРСТВОВАНИЕ», будоражащие голубые глаза мгновенно открылись, уставились на Сюзанну, как ей показалось с неистовым любопытством.

«Ребенок Роланда, — думала она, и в душе бушевали противоречивые эмоции. — И мой. А Миа? Девочка, ты всего лишь ка-мей. И мне тебя жаль».

Ка-мей, да. Не просто дура, а одураченная ка, одураченная судьбой.

— БЕЗ УМЕНЬШЕНИЯ НАГРУЗКИ В СЕКЦИИ «АЛЬФА» ПОЛНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ СЕКУНД!

Значит, пробуждение младенца пользы не принесло, по крайней мере, не остановило отключение системы. Пора переходить к плану Б.

Она потянулась к нелепому диску «ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК», который выглядел точь-в-точь, как регулятор температуры духовки плиты ее матери. Поворот диска к цифре 2 дался ей ценой больших усилий и большой болью. В обратную сторону диск вращался куда легче. Она даже почувствовала облегчение в глубине головы, словно некая группа мышц, долгое время пребывавшая в невероятном напряжении, послала мозгу благодарственный сигнал.

Смолкла и ревущая сирена.

Сюзанна установила против стрелки цифру 8, помедлила, потом пожала плечами. Чего тянуть кота за хвост, пришло время родить и покончить с этим. И повернула диск до 10. Как только это число встало напротив стрелки, сильнейшая боль скрутила живот, тут же спустилась вниз, к паху. Ей пришлось сжать губы, чтобы сдержать крик.

— ОБЕСПЕЧЕНО УМЕНЬШЕНИЕ НАГРУЗКИ В СЕКЦИИ «АЛЬФА», — сообщил голос Блейна, а потом вдруг переменялся, стал голосом Джона Уэйна, который Сюзанна так хорошо помнила.

— СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ, МАЛЕНЬКАЯ КОВГЕРЛ.

Она опять сжала губы, чтобы не вскрикнуть вновь, на этот раз не от боли, а от ужаса. Можно, конечно, напоминать себе, что Блейн Моно мертв и голос его — грязная

— РОДЫ... НАЧАЛИСЬ, — из усиленного динамиками голоса

исчезли интонации Джона Уэйна. — РОДЫ... НАЧАЛИСЬ, — и тут голос запел, имитируя Боба Дилана, отчего Сюзанна уж скрипнула зубами. — С ДНЕМ РОЖДЕНЬЯ... КРОШКА!.. С ДНЕМ... РОЖДЕНЬЯ! С ДНЕМ РОЖДЕНЬЯ... ДОРОГОЙ МОРДРЕД... С ДНЕМ... РОЖДЕНЬЯ!

Сюзанна визуализировала огнетушитель, висящий на стене у нее за спиной, когда повернулась, он, само собой, там и висел (правда, без надписи «ТОЛЬКО ТЫ И „СОМБРА“ МОГУТ ПОМОЧЬ ПРЕДОТВРАТИТЬ ПОЖАР» и рисунка, изображающего Шардика, хранителя Луча, в шляпе медвежонка Смоуки^[107]: опять подшутило подсознание). Когда она спешила к стене, по неровному, в трещинах полу, обходя упавшие потолочные панели, новый приступ боли пронзил тело, опалив огнем живот и бедра, вызвав желание согнуться пополам и обхватить руками огромный камень в ее чреве.

«Долго это не продлится, — подумала она голосом, который частично принадлежал Сюзанне, а частично — Детте. — Нет, мэм. Этот малой несется, как экспресс».

Но тут боль чуть отпустила. Сюзанна сдернула со стены огнетушитель, направила черный рожок на горящий пульт управления, нажала пусковую кнопку. Из огнетушителя вырвалась струя пены, накрывая пламя. Послышалось шипение, в нос ударил неприятный запах, напоминающий запах горящих волос.

— ПОЖАР... ПОТУШЕН, — объявил голос «Догана». — ПОЖАР... ПОТУШЕН, — и вновь изменился, стал голосом английского лорда. — ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬ, ОТЛИЧНАЯ РАБОТА, СЮЗАННА, СРАБОТАНО ПРЕВОСХОДНО!

Сюзанна вновь метнулась через напоминающий минное поле пол «Догана», схватила микрофон, включила. Над головой, на одном из двух работающих телевизионных экранов, Миа шла к цели, пересекала Шестидесятую улицу. И тут Сюзанна увидела зеленый навес с поджаренным поросенком, и сердце ее упало. Не Шестидесятую, а Шестьдесят первую. Укрывшая ее тело стерва практически добралась до цели.

— Эдди! — закричала она в микрофон. — Эдди или Роланд! — какого черта, надо обращаться ко всем, вдруг кто-нибудь да услышит. — Джейк! Отец Каллагэн! Мы уже в «Дикси-Пиг» и собираемся родить этого чертова ребенка! Постарайтесь найти нас, если сможете, но будьте осторожны!

Она вновь посмотрела на экран. Миа уже перешла улицу, стояла на той стороне, где находился ресторан, смотрела на зеленый навес. В нерешительности. Могла она прочитать «ДИКСИ-ПИГ»? Скорее всего, нет,

но уж смысл картинки наверняка поняла. Улыбающийся, поджаренный поросенок. И долго стоять на пороге она не могла, роды-то начались.

— Эдди, я должна идти. Я люблю тебя, сладенький! Что бы ни случилось, помни об этом! Никогда не забывай! Я тебя люблю! Это... — ее взгляд упал на шкалу с тремя секторами. Стрелка уже вышла из красного. Сюзанна подумала, что в желтом секторе она останется до завершения родов, а потом сместится в зеленый. Если, конечно, все пройдет гладко. Тут до нее дошло, что она все еще сжимает в руках микрофон.

— Это Сюзанна-Миа, связь отключаю. Да пребудет с вами Бог, мальчики. Бог и ка.

Она поставила микрофон на пульт и закрыла глаза.

12

Сюзанна мгновенно почувствовала происшедшие в Миа изменения. Хотя она по-прежнему стремилась в «Дикси-Пиг» и схватки значительно усилились, в мыслях у нее было другое. Она думала об Одетте Холмс и о том, что Майкл Швернер называл «Миссисипским летним проектом» (а работяги Оксфорда называли его еврейчиком). Эмоциональная атмосфера, в которую вернулась Сюзанна, напоминала затишье перед яростной сентябрьской грозой.

«Сюзанна! Сюзанна, дочь Дэна!»

«Да, Миа».

«Я согласилась стать смертной».

«Ты так говорила».

И Миа определенно выглядела в Федике смертной. Смертной и глубоко беременной.

«Однако, я упустила многое из того, что и является привлекательным в короткой жизни. Не так ли? — горе, переполнявшее голос, рвало душу; удивление раздирало ее еще сильнее. — И у тебя нет времени рассказать мне об этом. Во всяком случае, сейчас».

«Поедем куда-нибудь еще, — предложила Сюзанна, без особой надежды. — Остановим такси, поедем в больницу. Родим его вместе, Миа. Может, даже сможем вместе рас...»

«Если я поеду куда-то еще, он умрет, и мы вместе с ним, — говорила она со стопроцентной уверенностью. — А я должна его родить. Меня лишили всего, кроме моего малого, и я его рожу. Но... Сюзанна... прежде чем мы войдем... ты говорила о своей матери...»

«Я солгала. В Оксфорде была я. Ложь проще попытки объяснить путешествия во времени и существование параллельных миров».

«Покажи мне правду. Покажи мне свою мать. Покажи, прошу тебя!»

Времени просчитать все последствия этой просьбы у Сюзанны не было. Она могла или согласиться, или резко отказать. Сюзанна выбрала первый вариант.

«Смотри», — коротко ответила она.

13

В стране Память время всегда настоящее. Там есть Ненайденная дверь (о, потерянная) и когда Сюзанна нашла ее и открыла, Миа увидела женщину с черными, зачесанными назад волосами и удивительными серыми глазами. Блузку женщины у шеи украшает камея. Она сидит за кухонным столом, эта женщина, и ее навечно освещают падающие в окно солнечные лучи. В этом воспоминании часы всегда показывают девять минут третьего октябрьского дня 1946 года. Большая война закончилась, по радио поет Ирен Дей, на кухне стоит запах имбирной коврижки.

— Одетта, подойди и посиди со мной, — говорит женщина, ее мать. — Съешь что-нибудь сладенькое. Ты хорошо выглядишь, девочка.

И она улыбается. О, ушедший, унесенный ветром скорби призрак возвращается вновь!

14

Прозаично, однако, скажете вы, можете так сказать. Юная девушка возвращается домой из школы, с портфелем учебников в одной руке, с мешком с физкультурной формой в другой. На ней белая блузка, плиссированная юбка из шотландки, гольфы с бантами по бокам, оранжево черные, в цветах школы. Ее мать, сидящая за столом, поднимает голову, смотрит на нее, предлагает кусок только что испеченной имбирной коврижки. И этот лишь единственный момент из миллиона ему подобных, единственное мельчайшее событие, из которых соткана жизнь. Но от этого видения у Миа перехватывает дыхание (ты хорошо выглядишь, девочка). И в конце ты можешь стать женщиной, сидящей у стола под падающими в окно солнечными лучами. Ты можешь стать той, кто смотрит на ребенка, храбро выплывающего из гавани детства. Ты можешь стать ветром,

надувающим паруса своего ребенка. Ты. «Одетта, подойди и посиди со мной». Дыхание Миа начало со свистом выходить из груди. «Съешь что-нибудь сладенькое». Ее глаза затуманились, улыбающийся поросенок на навесе сначала раздвоился, потом учетверился. «Ты хорошо выглядишь, девочка». Какой-то отрезок времени лучше, чем никакого. Даже пять лет, а может, и три, лучше, чем отсутствие времени. Она не умела читать, не была ни в больше-чем-доме, ни в никаком доме, но с таким математическим расчетом могла справиться без проблем: три — лучше, чем ничего. Даже один лучше, чем ничего. Ох... Ох, но... Миа думала о мальчике с голубыми глазами, входящим в дверь, которого она находила, а не теряла. Она думала о том, как скажет ему: «Ты хорошо выглядишь, сынок!» Миа расплакалась. «Что я наделала?» — ужасный вопрос. "А что я могла сделать вместо того, что сделала? — еще ужаснее. О, Дискордия!

15

Сюзанна получила единственный шанс что-либо предпринять, пока Миа стояла у ступенек, ведущих к ее судьбе. Она сунула руку в карман джинсов, нащупала черепашку, skolpadda. Ее коричневые пальцы, отделенные от белого бедра Миа только тонким слоем материи, сомкнулись на черепашке. Сюзанна вытащила ее и бросила в ливневую канаву. Из ее руки на колени ка. А потом Сюзанну вознесли на три ступеньки к двойным дверям «Дикси-Пиг».

16

Внутри царил сумрак, и поначалу Миа не видела ничего, кроме мутных красно-оранжевых огней. Электрических факелов, вроде тех, что еще освещали некоторые залы замка Дискордия. С запахом, однако, все было ясно и, несмотря на новую схватку, желудок встретил запах жареной свинины голодным урчанием, требуя, чтобы его накормили. Да и малой хотел есть.

«Это не свинина, Миа», — пыталась вразумить ее Сюзанна, но Миа никак не прореагировала.

Как только двери за Миа закрылись, у каждой стоял человек или человекоподобное существо, видимость заметно улучшилась. Она попала в длинный, узкий обеденный зал. Она видела белоснежные скатерти и

салфетки. На каждом столике стоял оранжевый подсвечник с зажженной свечой. Огоньки поблескивали, напоминая лисьи глаза. Пол при входе выложили черным мрамором, но от стойки метрдотеля его прикрывал темно-красный ковер.

За стойкой стоял сэй лет шестидесяти, с зачесанными назад седыми волосами и узким, довольно-таки хищным лицом. Лицом он мог сойти за интеллигентного человека, но такую одежду, ярко-желтый пиджак спортивного покроя, красная рубашка и черный галстук, мог носить только продавец подержанных автомобилей или азартный игрок, гастролирующий по небольшим городам и потрошащий местных лохов. По центру лба пламенела красная дыра диаметром с дюйм, словно в него стреляли с близкого расстояния. Кровь заливала дыру до краев, но на бледную кожу не выплескивалась.

За столиками обеденного зала сидело порядка пятидесяти мужчин и в половину меньше женщин. По большей части в таких же кричащих нарядах, как и седовласый джентльмен. Большие перстни сверкали на мясистых пальцах, бриллиантовые серьги отражали оранжевый свет электрических факелов.

Впрочем, некоторые одевались куда скромнее: меньшинство отдавало предпочтение простым белым рубашкам и джинсам. Этих господ отличали бледность кожи и настороженный, внимательный взгляд, радужные оболочки превратились в узкие ободки, все остальное место занимали огромные зрачки. Их тела окружал очень слабый, иногда пропадающий синий ореол. Миа эти бледные, в синем ореоле существа казались куда более человечными, чем «низкие люди», мужчины или женщины. Они были вампирами, для того, чтобы это понять, Миа не требовалось увидеть заостренные клыки, которые обнажались при улыбке, но все равно, в сравнении с подручными Сейра они выглядели более человечными. Возможно, потому, что раньше были людьми. Что же касалось остальных...

«Их лица — маски, — отмечала она с нарастающим отвращением. — Под масками Волков скрывались электронные люди, роботы, а что скрывается под этими?»

В обеденном зале царила мертвая тишина, но откуда-то, и место это определенно находилось неподалеку, долетали обрывки разговоров, смех, звон стаканов, скрип столовых приборов о тарелки. Что-то полилось, вино или вода, предположила Миа, после чего последовал громкий взрыв хохота.

Мужчина и женщина, из «низких людей», он — в смокинге с лацканами из шотландки и красном бархатном галстуке-бабочке, она — в серебристом вечернем платье без бретелек, оба толстые до безобразия,

повернулись (с написанным на лицах недовольством) на эти звуки. Их источник, судя по всему, находился за роскошным гобеленом, изображающим рыцарей, ужинающих со своими дамами. Когда толстяки поворачивались, Миа видела, как их щеки словно отслоились, а под ними на мгновение мелькнуло что-то красное и волосатое.

«Сюзанна, это была их кожа? — спросила Миа. — Святой Боже, у них такая кожа?»

Сюзанна не ответила, даже не сочла нужным сказать: «Я же тебе говорила» или «Разве я тебя не предупреждала?» Для раздражения время ушло (как, впрочем, и для других эмоций), и Сюзанна искренне жалела женщину, которая привела ее сюда. Да, Миа лгала и предавала; да, пыталась сделать все, чтобы Эдди и Роланд погибли. Но разве у нее был выбор? Сюзанна вдруг поняла, не без горечи, что теперь она может дать точное определение ка-мей: человек, которому дана надежда, но не право выбора.

«Все равно что дать мотоцикл слепому», — подумала она.

Ричард Сейр, стройный, подтянутый, средних лет, симпатичный, полные губы, брови вразлет, начал аплодировать. Засверкали перстни на его пальцах. Желтый блейзер ярким пятном выделялся в сумеречном свете.

— Хайл, Миа! — воскликнул он.

— Хайл, Миа! — откликнулись остальные.

— Хайл, Мать!

— Хайл, Мать! — вскричали вампиры и «низкие люди», мужчины и женщины, и тоже начали аплодировать. Вроде бы изо всей силы хлопали в ладоши, но акустика обеденного зала глушила звук и превращала аплодисменты в шелест крыльев летучих мышей. Новая схватка скрутила Миа, да так, что у нее подогнулись колени. Ее потащило вперед, и однако, боль где-то радовала, предвещая скорое избавление от бремени. Сейр шагнул к ней, ухватил за предплечья, поддержал, не дал упасть. Она подумала, что его прикосновения будут холодными, как лед, но нет, руки Сейра пылали, как у больного холерой.

В этот момент из теней выступила вперед высокая фигура, существо, отличающееся и от вампиров, и от «низких людей». В джинсах и простой белой рубашке, и Миа видела, что над воротником голова птицы. Покрытая гладкими перышками темной желтизны. С черными глазами. Существо также вежливо захлопало, и от Миа не укрылось, что его руки заканчиваются не пальцами, а когтями.

Полдюжины жуков выскочили из-под одного из столов и уставились на нее глазами на ножках. Ужасающе умными глазами. Их мандибулы

издавали звуки, похожие на смех.

«Хайл, Миа! — услышала она в голове. Вместе со стрекотом. — Хайл, Мать», — а потом они исчезли, растворились в тенях.

Миа обернулась к дверям и увидела двух «низких людей», которые их и закрывали. И да, это были маски. Стоя рядом с охранниками, не составляло труда определить, что их черные волосы нарисованы. Миа посмотрела на Сейра, сердце у нее упало.

Слишком поздно. Слишком поздно что-либо предпринять, кроме как рожать в этой дурной компании.

17

Сейр убрал руки, когда она оборачивалась к двери. Теперь вновь взял ее за левую руку. В тот же момент она почувствовала, что ее схватили и за правую. Повернув голову, увидела толстуху в серебристом платье. Ее безразмерный бюст так и рвался наружу, платью с трудом удавалось удержать его. Кожа предплечий висела складками, от нее шел удушающий запах талька. На лбу краснела рана, заполненная кровью, которая не вытекала из нее.

«Так они дышат, — подумала Миа. — Так они дышат, когда носят свои...»

Из-за нарастающего смятения Миа практически забыла про существование Сюзанны Дин, а уж про Детту — полностью. Поэтому, когда Детта Уокер выступила вперед, какое там, выпрыгнула вперед, Миа не смогла ее остановить. И наблюдала, как ее руки вскинулись, словно сами по себе, а ногти вонзились в пухлую щеку женщины в серебристом вечернем платье. Женщина вскрикнула, а вот, странно, но факт, остальные, включая Сейра, загоготали, словно никогда в жизни не видели ничего более забавного.

Маску человечности стянули с этой «низкой женщины», потом сорвали. Сюзанне вспомнились ее последние мгновения в галерее замка, когда все застыло, а небо разорвалось, как бумага.

Детта почти что полностью сорвала маску. На кончиках ее пальцев повисли ошметки какого-то материала, похожего на латекс. А под маской оказалась голова огромной красной крысы, мутанта с желтыми зубами, растущими на наружной поверхности щек и белыми червяками, извивающимися в ноздрях.

— Плохая девочка, — крыса потрясла пальцем перед лицом Сюзанны-

Миа. Другая рука по-прежнему сжимала ее предплечье. Напарник женщины, «низкий мужчина» в безвкусном смокинге, от смеха аж согнулся пополам, и в этот момент Миа увидела, что сзади из его брюк что-то торчит. Слишком костлявое, чтобы быть хвостом, но решила она, ничего другого там торчать не могло.

— Пошли, Миа, — Сейр потянул ее вперед. Потом наклонился, заглянув в глаза, как любовник. — Или это ты, Одетта? Ты, не так ли? Это ты, лезущая во все щели, сверхобразованная, доставляющая массу хлопот негритоска?

— Нет, это я, крысомордый, белый говнюк! — рявкнула Детта, а потом плюнула Сейру в лицо.

От изумления у Сейра отпала челюсть. Но он тут же закрыл рот и нахмурился. В обеденном зале вновь воцарилась тишина. Он вытер слюну с лица, с маски, которую носил на лице, посмотрел на мокрую ладонь, не веря своим глазам.

— Миа? — спросил он. — Миа, ты позволила ей плюнуть в меня? В меня, крестного отца твоего ребенка?

— Ты шакалье дерьмо! — выкрикнула Детта. — Ты сосешь член своего папаши, ковыряясь пальцем в его жопе, и это все, на что ты способен! Ты...

— Выгони ее! — проревел Сейр.

И на глазах вампиров и «низких людей», собравшихся в обеденном зале «Дикси-Пиг», Миа это и сделала. Результат получился удивительным. Голос Детты начал слабеть, словно ее выводили из зала (скажем, вышибала, ухватив за загривок). Она уже не пыталась говорить, только хрипло смеялась, но вскоре стих и смех.

Сейр постоял, сцепив руки перед собой, пристально глядя на Миа. Смотрели на нее и остальные. Где-то за гобеленом, изображающем ужинающих рыцарей и их дам, смеялась и болтала другая группа посетителей ресторана.

— Она ушла, — наконец, ответила Миа. — Плохая ушла, — даже в тишине обеденного зала голос ее слышали далеко не все, потому что говорила она шепотом. Не поднимая глаз, щеки ее побледнели, как полотно. — Пожалуйста, мистер Сейр... сэй Сейр... теперь, когда я сделала все, как вы просили, пожалуйста, скажите, что вы говорили мне правду и я смогу воспитывать моего малого. Пожалуйста, так и скажите! Если скажете, то никогда не услышите о другой, я клянусь в этом лицом отца моего и именем матери, клянусь.

— У тебя не было ни отца, ни матери, — ответил Сейр. В голосе

слышалось презрение. Состраданию и жалости, о которых она молила, места в его глазах не нашлось. А над глазами красная дыра во лбу наполнялась и наполнялась кровью, которая не расплескивалась.

Вновь боль, более сильная, чем раньше, вонзила в Миа свои зубы. Миа пошатнулась, но на этот раз Сейр и не подумал поддержать ее. Она упала перед ним на колени, положила руки на его шероховатые, блестящие, из кожи страуса туфли и снизу вверх посмотрела на бледное лицо. Он смотрел на нее, поверх ярко-желтого пиджака спортивного покроя.

— Пожалуйста, прошу вас, сдержите данное мне обещание.

— Может, сдержу, а может, и нет, — ответил он. — Знаешь, мне никогда не лизали туфли. Можешь ты себе такое представить? Прожить столько лет, как я, и ни разу не увидеть, как тебе лижут обувь.

Где-то захихикала женщина.

Миа наклонилась вперед.

«Нет, Миа, нет», — простонала Сюзанна, но Миа ей не ответила. Ее не остановила даже парализующая боль глубоко внутри. Она начала лизать шероховатую поверхность туфель Ричарда Сейра. Сюзанна даже издали почувствовала их вкус. Сухой, пыльный, кожаный вкус, полный печали и унижения.

Какое-то время Сейр ей не мешал, потом остановил:

— Прекрати. Достаточно.

Грубо, рывком поднял на ноги, наклонился к ней, так, что его, без тени улыбки, лицо оказалось в трех дюймах от ее лица. Теперь она уже не могла не видеть масок, которые носил и он, и остальные «низкие люди». Сквозь почти прозрачные щеки просвечивали завитки темно-красных волос.

А может, следовало называть их шерстью, раз уж они покрывали все лицо.

— Твоя покорность ничего тебе не даст, хотя, должен признать, ощущения потрясающие.

— Вы обещали! — воскликнула она, попытавшись вырваться из его рук. Но тут же пошла новая схватка, и она согнулась пополам, стараясь не кричать. Когда боль отпустила, продолжила. — Вы говорили, пять лет... может, семь... да, семь... все лучшее для моего малого, так ты говорил...

— Да, — кивнул Сейр, — вроде бы припоминаю, Миа, — он нахмурился, словно столкнулся с чрезвычайно сложной проблемой, потом просиял. Маска в уголке рта на мгновение отошла, когда он улыбался, открыв желтый зуб, растущий из складки в том месте, где нижняя губа сходилась с верхней. Потом отпустил одну ее руку, с тем, чтобы поднять палец, прямо-таки педагог, что-то объясняющий непонятливой ученице. —

Все лучшее, именно так. Вопрос в том, удовлетворяешь ли ты этому критерию.

Одобрительный смех приветствовал эту шутку. Миа помнила, как они называли ее Мать, как, приветствуя, кричали ей хайл, но все это было в далеком прошлом, не имеющий никакого значения обрывок сна.

«От тебя требовалось только выносить его, не так ли? И с этим ты хорошо справилась, — донесся из глубины голос Детты, возможно, из темницы. — Да, ты просто отлично с этим справилась, девочка».

— Я же годилась на то, чтобы вынашивать его, не так ли? — Миа буквально выплюнула эти слова в лицо Сейру. — Годилась на то, чтобы посылать другую в болото есть лягушек, при этом заставляя ее думать, что это черная икра... С этим я справилась, не так ли?

Сейр моргнул, несомненно, удивленный столь резким ответом.

А Миа вновь смягчилась.

— Эй, вспомните, я пожертвовала всем.

— Фи, у тебя не было ничего! — возразил Сейр. — Ты была бестелесным призраком, чье существование состояло в одном: затрахать до смерти случайного бродягу. Шлюха ветров, не так ли называл Роланд подобных тебе?

— Тогда подумайте о другой, — не сдавалась Миа. — Той, что называет себя Сюзанна. Ради моего малого я украла у нее жизнь, лишила ее цели в жизни, и все по вашей просьбе.

Сейр небрежно отмахнулся.

— Слова не принесут тебе пользы, Миа. Так что лучше закрой рот.

Он повернулся влево, кивнул. «Низкий мужчина», с бульдожьей физиономией под шапкой курчавых седых волос выступил вперед. Красная дыра в его лбу была не круглой, а чуть вытянутой, напоминающей глаз китайца. За ним шло еще одно существо с головой темно-коричневого ястреба, торчащей над футболкой с надписью на груди «СИНИЕ ДЬЯВОЛЫ ДЬЮКА». Они взяли ее за руки. Прикосновения птичьеголового вызвали пренеприятные ощущения: что-то чешуйчатое, чуждое всему земному.

— Ты была прекрасной хранительницей, — кивнул Сейр, — в этом мы полностью с тобой согласны. Но мы должны также помнить, что вынашивала ребенка подружка Роланда из Гилеада, не так ли?

— Это ложь, — воскликнула она. — О, это грязная... ЛОЖЬ!

Сейр продолжил, словно и не слышал ее.

— Для разной работы, как известно, требуются разные навыки. Как говорится, не может сапоги тачать пирожник, а пироги печь сапожник.

— ПОЖАЛУЙСТА! — вскричала Миа.

Ястреб приложил свои руки, нет, птичьи лапы с когтями к голове, словно закрывая уши, начал раскачиваться из стороны в сторону, словно вдруг оглох. Эта пантомима, понятное дело, вызвала смех и даже восторженные крики.

Сюзанна смутно почувствовала, как что-то теплое вылилось ей на ноги, на ноги Миа, увидела, как джинсы потемнели в промежности и на бедрах. Ее воды наконец-то отошли.

— Пойдем... рожать РЕБЕНКА! — восторженно, совсем как ведущий какого-нибудь телешоу, воскликнул Сейр. Улыбка у него вышла очень уж зубастой: они сверкали двумя рядами как вниз, так и наверху. — А потом разберемся. Обещаю тебе, твоя просьба обязательно будет всесторонне рассмотрена. А пока... Хайл, Миа! Хайл, Мать!

— Хайл, Миа! Хайл, Мать! — закричали остальные, и Миа вдруг поняла, что ее тащат в глубину зала, «низкий мужчина» с бульдожьей физиономией за левую руку, а птицеголовый, похожий на ястреба, за правую. У Ястреба при каждом вдохе в горле что-то неприятно шипело. Ее ноги едва касались ковра, Миа буквально несли ко второму птицеголовому, с желтыми перышками. Кенарь, так она его назвала.

По взмаху руки Сейра Бульдог и Ястреб остановились. Соответственно, остановилась и Миа. Сейр заговорил с Кенарем, указывая на входную дверь «Дикси-Пиг». Миа услышала имя Роланда, потом Джейка. Кенарь кивнул. Сейр вновь указал на дверь, покачал головой. «Никто не должен сюда войти, — означало покачивание. — Никто!»

Кенарь опять кивнул и что-то зачирикал. От этих звуков Миа хотелось выть. Она отвернулась, и взгляд упал на гобелен с рыцарями и их дамами. Они сидели за столом, который она узнала: его «срисовали» с того, что стоял в банкетном зале замка Дискордия. Артур Эльдский сидел во главе стола, в короне и с женой по правую руку. Глаза его были голубыми, как ей не раз снилось.

Ка выбрала этот самый момент, чтобы в обеденный зал «Дикси-Пиг» проник неведомо откуда взявшийся порыв ветра, которым и завернуло уголок гобелена. Через секунду-другую уголок встал на место, но этого времени хватило Миа, чтобы увидеть еще один обеденный зал, отдельный, для небольших компаний.

За длинным деревянным столом под сверкающей хрустальной люстрой сидели с дюжину мужчин и женщин, их желтовато-зеленые лица перекосились и ссохлись от возраста и злобы. Оттянувшиеся губы выставляли напоказ целый зубной арсенал. Дни, когда любое из этих чудищ

могло закрыть рот, остались в прошлом. Из уголков черных глаз сочилась какая-то жидкость, напоминающая деготь. Зубы торчали и из желтой кожи щек, между отвратительными на вид островками шерсти.

«Кто они? — воскликнула Миа. — Во имя богов, кто они?»

"Мутанты, — ответила Сюзанна. — А может, следует называть их гибриды^[108]. И это не имеет ровно никакого значения. А что имеет, ты видела, не так ли?"

Она видела, и Сюзанна это знала. Хотя уголок гобелена очень быстро вернулся на место, обе они успели разглядеть в центре стола портативный электрический рашпер с вращающимся вертелом. На вертеле вращалась и безголовая тушка, с коричневой корочкой, истекающая соками. И в воздухе пахло не свининой. На вертеле, коричневый, как жареный сквоб^[109], вращался человеческий младенец. А существа, сидевшие вокруг стола, подставляли чашки из тонкого фарфора под капающие с него соки... салютовали ими друг другу... и пили.

Порыв ветра стих. Уголок гобелена отсек жуткое зрелище. И еще до того, как рожаящую женщину вновь ухватили за руки и потащили из обеденного зала в глубины здания, соединяющего многие миры, расположенные вдоль Луча, до нее дошло, что же изображено на гобелене: Артур Эльдский подносил ко рту не куриную ножку, как могло показаться с первого взгляда. Нет, то была ножка младенца. И в бокале, который поднимала леди Ровена, плескалось не вино, а кровь.

— Хайл, Миа! — вновь воскликнул Сейр. Уж он-то пребывал в превосходном настроении: голубь, летевший из дальних краев, вернулся в голубятню.

— Хайл, Миа! — прогремело в зале. Словно приветствовали любимую футбольную команду. К вампирам и «низким людям» присоединились сидящие за гобеленом, пусть их голоса, скорее, напоминали рычание. И рты они набили едой.

— Хайл, Мать! — и Сейр в насмешку ей поклонился, дабы подчеркнуть, что весь этот торжественный прием не более, чем насмешка.

— Хайл, Мать! — вторили ему вампиры и «низкие люди», волна этих насмешливых аплодисментов унесла ее сначала на кухню, потом в кладовую и, наконец, на уходящую вниз лестницу.

А в конце пути, к сожалению, ее ждала дверь.

Сюзанна поняла, что они на кухне «Дикси-Пиг» по запаху готовки: конечно же, готовили здесь не свинину, а то, что пираты восемнадцатого столетия называли «длинной свининой».

Сколько лет вампиры и «низкие люди» Нью-Йорка использовали этот ресторан, как свой аванпост? Со времен Каллагэна, с семидесятых или восьмидесятых годов? С ее времени, шестидесятых? Наверняка дольше. Сюзанна предположила, что некий аналог «Дикси-Пиг» существовал и в те далекие годы, когда голландцы купили этот остров у индейцев за несколько мешков с бусами и начали насаждать среди них христианскую религию, которая пустила более глубокие корни, чем их флаг. Практичные люди, эти голландцы, большие любители свинной отбивной и не терпящие никакой магии, что белой, что черной.

Она увидела достаточно, чтобы понять: кухня «Дикси-Пиг» — близнец кухни, в которой она побывала в замке Дискордия. Той самой кухни, где Миа убила крысу, пытавшуюся урвать свою долю оставшейся там еды, зажаренного в духовке поросенка.

«Только не было там ни духовки, ни поросенка, — подумала она. — Черт, и кухни не было. Поросенок был за амбаром и принадлежал он Тиану и Залии Джеффордс. А убила его и пила горячую кровь я — не она. К тому времени она почти полностью завладела моим телом, только я этого не знала. Интересно, а Эдди...»

Когда Миа схватила ее на этот раз, оторвав от своих мыслей и зашвырнув в темноту, Сюзанна осознала насколько полным был контроль этой вечно что-то требующей, жуткой стервы над ее жизнью. Она знала, почему Миа это сделала: ради своего малого. Но почему она, Сюзанна Дин, допустила такое? Потому что и прежде в ней жила вторая личность? Потому что она не могла существовать без незнакомки в собственном разуме, как Эдди не мог обойтись без героина? Она боялась, что это правдивый ответ.

Сюзанна летела в вихрящейся тьме. А открыв глаза, увидела яростную луну, висящую над замком Дискордия, и мерцающее красное зарево (кузница Короля) на горизонте.

— Ко мне! — выкрикнул женский голос, совсем как в прошлый раз. — Сюда, где нет ветра.

Сюзанна посмотрела вниз и увидела, что ног у нее нет, и она сидит на той же грубо сколоченной тележке, что и в свой первый визит в замок. Та же женщина, высокая и статная, с черными волосами, развевающимися на ветру, звала ее. Разумеется, Миа, и все это, — замок, крепостная стена, галерея, — казались Сюзанне столь же «реальными», как воспоминания о

банкетном зале.

Она подумала: "Но Федик был настоящим. Тело Миа, оно же мое тело, сейчас тащат через кухню «Дикси-Пиг», где готовятся жуткие блюда для посетителей — нелюдей. Галерея в замке существует только в разуме Миа, ее убежище, ее «Доган».

— Ко мне, Сюзанна из Срединного мира, подальше от зарева Алого Короля! Приди под защиту этого мерлона, где нет ветра.

Сюзанна покачала головой.

— Скажи, что ты хочешь сказать, и покончим с этим, Миа. Мы должны родить ребенка, ага, уж не знаю как, но вдвоем, и, как только он появится на свет, мы расстанемся. Ты и так отравила мою жизнь, еще как отравила.

Голос Миа переполняло отчаяние, живот горой выпирал из-под мексиканской шали, ветер отбрасывал черные волосы с лица.

— Между прочим, ты сама приняла яд, Сюзанна! Сама его проглотила! Да, когда младенец еще был непроклюнувшимся семечком в твоём животе!

Могло такое быть? Если да, кто из них пригласил Миа, эту вампиршу, какой она была на самом деле? Сюзанна или Детта?

Сюзанна подумала, что ни первая, ни вторая.

Решила, что пригласила ее Одетта Холмс. Та самая, которая не могла обидеть и мухи. Зато обожала своих кукол, путь большинство из них были белыми, как ее простенькие трусики из хлопчатобумажной ткани.

— Что ты хочешь от меня, Миа, ничья дочь? Говори и покончим с этим!

— Скоро мы обе, да, действительно, будет лежать рядом, рожая одного ребенка. И вот о чем я тебя прошу. Если у меня появится шанс удрать с моим малым, ты должна мне помочь унести его.

Сюзанна обдумала ее просьбу. В нагромождении скал, перемежаемых пропастями, лаяли гиены. От ледяного ветра немело тело, но куда хуже была боль, железными челюстями вгрызающаяся в нижнюю часть живота. Она видела ту же боль на лице Миа и вновь подумала, что все ее существование превратилось в лицезрение зеркальных отображений. В любом случае, почему не пообещать? Шанса, возможно, и не представится, но если такое произойдет, разве она хочет, чтобы существо, которое Миа хотела назвать Мордредом, попало к людям Короля?

— Да, — кивнула она. — Хорошо. Если у меня будет возможность помочь тебе удрать с малым, обязательно помогу.

— Куда угодно, — прохрипела Миа. — Даже... — она замолчала. Сглотнула слюну. Заставила себя продолжить. — Даже в тодэшную тьму.

Потому что, если мне придется бродить там вечность бок о бок с моим сыном, это не наказание.

«Для тебя, возможно, и нет, сестричка», — подумала Сюзанна, но ничего не сказала. По правде говоря, ее достали причуды Миа.

— А если пути к свободе не будет, — продолжила Миа, — убей нас.

Здесь только ревел ветер да лаяли гиены, но Сюзанна чувствовала, что ее настоящее тело по-прежнему пребывает в движении, и в этот самый момент его несут вниз по лестнице. И весь этот реальный мир отделяла от нее тончайшая из мембран. Способность Миа «перетащить» ее в замок, несмотря на учащающиеся и прибавляющие в силе схватки, говорило об огромной силе демона. И оставалось только сожалеть, что силу эту не удалось взять под контроль.

Вероятно, Миа приняла молчание Сюзанны за нежелание пойти ей навстречу, потому что поспешила к ней, все в тех же huaraches, наклонилась над тележкой с деревянными колесами, схватила Сюзанну за плечи, тряхнула.

— Йя-я! — воскликнула она. — Убей нас! Лучше мы вместе встретимся со смертью, чем... — фразу она не закончила, вновь заговорила тихо, с горечью. — Меня обманывали в самого начала. Так?

И хотя прозрение наконец-то пришло, Сюзанна не испытывала ни удовлетворенности, ни сострадания, ни печали. Так что просто кивнула.

— Они собираются съесть его? Скормить этим ужасным старикам?

— Я практически уверена, что нет, — ответила Сюзанна. И при этом сердце нашептывало ей, что без каннибализма тут не обойдется.

— На меня им совершенно наплевать, — печалилась Миа. — Я для них всего лишь сиделка, так ты меня называла? И, наверное, они даже не дадут мне посидеть с ним, правда?

— Думаю, что дадут, — ответила Сюзанна. — Возможно, ты будешь кормить его месяцев шесть, но даже это... — она покачала головой, потом прикусила губу, потому что новая схватка превратила мышцы живота и бедер в стекло. Когда боль ушла. Продолжила, — ...большой вопрос.

— Ты убьешь нас, если мы не сможем вырваться из их лап? Скажи, что убьешь, Сюзанна, прошу тебя!

— И если я пообещаю сделать это для тебя, Миа, что ты сделаешь для меня? При условии, что я смогу уговорить себя поверить хоть слову, слетающему с твоих лживых губ?

— Я тебя освобожу, если представится такая возможность.

Сюзанна обдумала ее слова и решила, что и такая сделка лучше никакой. Накрыла своими руками руки Миа, сжимавшие ее плечи.

— Хорошо. Я согласна.

И тут же, как и на конце их прошлого разговора, разорвались небо, мерлон, сам воздух. В разрыве Сюзанна увидела движущийся коридор. Увидела смутно, словно сквозь туман. Поняла, что видит все это собственными глазами, практически закрытыми. Бульдог и Ястреб тащили ее к двери в конце коридора (с тех пор, как Роланд вошел в ее жизнь, последняя превратилась в череду дверей). Похоже, думали, что она лишилась чувств. В определенном смысле, так оно и было.

А потом она вернулась в тело-гибрид, с белыми ногами... только кто мог сказать, какая часть прежде коричневой кожи теперь стала белой? Подумала, что эта коллизия, по крайней мере, близится к разрешению, и порадовалась этому. Она с радостью обменяла бы белые ноги, какими бы сильными они ни были, на толику покоя разума.

Толику покоя в ее разуме.

19

— Она приходит в себя, — прорычал кто-то. Тот, что с бульдожьим лицом, подумала Сюзанна. Впрочем, значения это не имело: маски скрывали человекоподобных крыс с заросшей шерстью мордами.

— Это хорошо, — Сейр, он шагал позади.

Сюзанна огляделась и увидела, что ее эскорт состоял из шести «низких людей», Ястреба и трех вампиров. «Низкие люди» были вооружены пистолетами, рукоятки которых торчали из докерских захватов... только она полагала, что в этом мире сие называлось подплечными кобурами. Находясь в Риме, дорогая, веди себя, как римляне. Два вампира несли арбалеты, вроде тех, что она видела в Кэлле. Третий — неприятно потрескивающий лучевой меч, уже из вооружения Волков.

«Десять на одного, — хладнокровно подумала Сюзанна. — Расклад не из лучших... но могло быть хуже».

«Ты сможешь...» — донесся из глубины голос Миа.

«Заткнись, — оборвала ее Сюзанна. — С разговорами покончено». А впереди, на двери, к которой они приближались, она прочитала:

«НОРД СЕНТР ПОЗИТРОНИКС, ЛТД» Нью-Йорк/Федик

Максимальный уровень безопасности

ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ"

Знакомая надпись, подумала Сюзанна, и она знала, почему: видела похожую по ходу своего короткого визита в Федик. В Федик, где томила в

неволе настоящая Миа, существо, которое обрело смертность, заключив самую невыгодную сделку в мире.

Когда они подошли к двери, Сейр протиснулся к ней первым, обогнув Ястреба. Наклонился к двери и произнес что-то невыговариваемое, инородное слово, которое Сюзанне никогда бы не удалось повторить.

«Это и неважно, — прошептала Миа. — Я смогу его сказать, если придется, смогу научить тебя другому, которое ты выговоришь. Но теперь... Сюзанна, я сожалею, что все так вышло. Всего тебе наилучшего».

Дверь в Экспериментальную станцию 16-го квадрата дуги в Федике открылась. Сюзанна услышала гудение, в нос ударил запах озона. Эту дверь между мирами открывала не магия: ее сделали Древние люди, и техника эта старела и выходила из строя. Люди, которые потеряли веру в магию, отвернулись от Башни. Магию заменило вот это умирающее гудение. Эта глупая смертная техника. А за дверью находилось огромное помещение, заставленное кроватями. Сотнями кроватей.

«Вот где они оперируют детей. Берут то, что нужно Разрушителям».

Теперь же пустовали все кровати, кроме одной. У ее изножия Сюзанна увидела женщину с ужасной крысиной головой. Наверное, медицинскую сестру. Рядом с ней стоял человек, Сюзанна не думала, что он вампир, но полной уверенности у нее не было: воздух в дверном проеме дрожал, как над жаровней. Мужчина поднял голову и заметил их.

— Поторопитесь! — крикнул он. — Тащите ее сюда! Мы должны соединить их и покончить с этим, а не то она умрет! Они обе умрут! — врач, а только врач мог говорить в подобном тоне в присутствии Ричарда П. Сейра, нетерпеливо замахал руками. — Давайте ее сюда! Вы опаздываете, черт бы вас побрал!

Сейр грубо потащил ее через дверь. В голове загудело, коротко звякнули колокольца Прыжка. Она посмотрела вниз, но опоздала: позаимствованные у Миа ноги уже исчезли, и она растянулась на полу до того, как прошедшие следом Ястреб и Бульдог успели ее поддержать.

Сюзанна приподнялась на локтях, огляделась, понимая, что впервые за долгое время, может, с того самого момента, как ее изнасиловали в каменном круге, принадлежит сама себе. Миа ушла.

А потом, словно доказывая, что это не так, доставившая столько хлопот и только что отбившая гостью громко вскрикнула. Сюзанна ответила ей своим криком, не смогла сдержаться от боли, и на мгновение их голоса слились в полнейшей гармонии во славу ребенка.

— Господи, — вырвалось у одного из охранников Сюзанны, она не знала, у вампира или у кого-то из «низких людей». — У меня из ушей течет

кровь? Такое ощущение, что да...

— Поднимай ее, Хабер! — рывкнул Сейр. — Джей! Помогай ему! Поднимите ее с пола, ради спасения ваших отцов!

Бульдог и Ястреб, или Хабер и Джей, если вам так больше нравится, схватили ее под руки и быстро потащили по проходу мимо пустых кроватей.

Миа повернулась к Сюзанне, ей удалось выдавить из себя слабую улыбку. Лицо покрывал пот, щеки пылали, волосы липли к влажной коже.

— Хорошо, что мы встретились... и плохо, — вымолвила она.

— Пододвиньте соседнюю кровать! — кричал врач. — Скорее, боги вас подери! Ну почему вы такие медлительные?

Двое «низких людей», из тех, что сопровождали Сюзанну из «Дикси-Пиг», взяли за ближайшую пустую кровать, вплотную пододвинули ее к кровати Миа, тогда как Хабер и Джей продолжали держать Сюзанну под руки. К изголовью кровати крепилось что-то среднее между сушилкой для волос, какие стояли в парикмахерских, и космическим шлемом из какого-нибудь фантастического сериала. Сюзанне смотреть на эту штуковину не хотелось. Она чувствовала, что ее предназначение — высасывать мозги.

Крысоголовая медсестра тем временем сунулась между раздвинутых ног роженицы, заглянула под больничную ночную рубашку, вздернутую выше колен. Пухлой рукой похлопала по правому колену Миа, издала мяукающий звук. Судя по всему успокаивающий, но Сюзанну передернуло.

— Не стойте, засунув пальцы в задницы, идиоты! — кричал врач, полноватый мужчина с карими глазами, раскрасневшимися щеками и зачесанными назад черными волосами, такими редкими, что каждый зубец расчески оставлял в них широкую полосу. Из-под белого нейлонового халата виднелся твидовый костюм. На алом галстуке выделялся глаз. Этот сигул нисколько не удивил Сюзанну.

— Мы ждем твоего слова, — ответил Джей, с головой ястреба. Говорил он монотонно, странно, не по-человечески. Голос звучал так же неприятно, как и мяуканье крысы, но понять его труда не составляло.

— Вам не нужно ждать моего слова! — рывкнул врач, негодуя, взмахнул руками, прямо-таки, как француз. — Или ваши матери никогда не рожали живых детей?

— Я... — начал Хабер, но врач тут же его перебил. Он просто кипел от ярости.

— Сколько времени мы ждали, что это произойдет, а? Сколько раз репетировали всю последовательность наших действий? Почему вы должны быть такими глупыми, почему вы, мать вашу, так медлительны?

Укладывайте ее на...

Сейр невероятно быстро подскочил к нему. Сюзанна не стала бы утверждать, что такая скорость посильна даже Роланду. Только что он стоял позади Хабера, «низкого мужчины» с бульдожьим лицом, а теперь уже налетел на врача, уперся подбородком в плечо, схватил за руку, завернул за спину.

Выражение ярости исчезло с лица врача, как по мановению волшебной палочки, с губ сорвался детский, жалобный крик. Слюна потекла по подбородку, промежность твидовых брюк потемнела от выплеснувшегося туда содержимого мочевого пузыря.

— Прекратите! — заверещал он. — Я ничем не смогу вам помочь, если вы сломаете мне руку! Прекратите, БО-О-ОЛЬНО!

— Если б я сломал тебе руку, Скоутер, то притащил бы с улицы другого козла с медицинским дипломом, а потом бы убил его. Почему нет? Во имя Гана, это роды, а не нейрохирургическая операция!

Однако, хватка его ослабла. Скоутер всхлипывал, извивался, стонал, словно совокупляющийся на подходе к оргазму.

— А когда все закончилось бы, безо всякого твоего участия, — продолжил Сейр, — я скормил бы тебя им, — и он мотнул головой.

Сюзанна посмотрела в указанном направлении и увидела в проходе, ведущим от двери к кровати Миа, тех самых жуков, только в куда большем количестве, с которыми впервые столкнулась в «Дикси-Пиг». Их умные, жадные глаза не отрывались от тостячка-врача. Мандибулы щелкали.

— Что... сэй, что я должен делать?

— Проси у меня прощения.

— Пр... прошу прощения!

— А теперь у других, ибо ты оскорбил и их, да, оскорбил.

— Господа, я... я... про...

— Доктор! — вмещалась крысоголовая медсестра. Голос у нее был очень тонкий, но, опять же, разобрать слова не составляло труда. — Показалась голова!

Сейр отпустил руку Скоутера.

— За дело, доктор Скоутер. Выполняйте свой долг. Принимайте ребенка, — Сейр наклонился над кроватью и на удивление мягко и нежно погладил Миа по щеке. — Веди себя хорошо и не теряй надежды, леди-сэй. Некоторые из твоих желаний еще могут реализоваться.

Она вскинула на него глаза, в которых читались усталость и благодарность, отчего у Сюзанны защемило сердце. «Не верь ему, он, как всегда, лжет и будет лгать», — но мысль ее до Миа не дошла, потому что

их разумы более ничто не связывало.

Как мешок с зерном ее бросили на кровать, которая стояла рядом с кроватью Миа. Она не могла сопротивляться, когда ей накрыли голову то ли сушильным колпаком, то ли шлемом: пошла очередная схватка, и женщины опять закричали в унисон.

Сюзанна могла слышать, как шепчутся Сейр и остальные, издали до нее доносился неприятное щелканье мандибул жуков. А в колпаке, или шлеме, металлические выступы прижались к ее вискам, достаточно сильно, чтобы вызвать боль.

Внезапно раздался приятный женский голос: «Добро пожаловать в мир „Норд сентра позитроникс“, одной из компаний группы „Сомбра“. „Сомбра, где никогда не останавливается прогресс“! Приготовьтесь к установлению контакта». Началось громкое жужжание. Поначалу оно звучало только в ушах, но вскоре начало проникать в голову с обеих сторон. Сюзанна визуализировала пару раскаленных докрасна пуль,двигающихся навстречу друг другу.

Смутно, словно с другого конца этого большущего помещения, а не с соседней кровати, она услышала крик Миа: «О, нет, не надо, как же больно!»

Левое и правое жужжания соединились по центру головы, испуская телепатические волны, которые могли лишить ее способности думать, если бы их источник работал достаточно продолжительное время. То были мучительные ощущения, но Сюзанна плотно сжимала губы. Кричать она не собиралась. Разве что позволила слезам вытекать из-под опущенных век. Она была стрелком, и никакие муки не могли заставить ее кричать.

А по прошествию, казалось, вечности, жужжание прекратилось.

Сюзанне удалось мгновение-другое насладиться блаженной тишиной в голове, после чего накатила новая схватка, на этот раз в самой нижней части живота, с силой тайфуна. От этой боли она могла и закричать. Потому что боль эта была другая: кричать при рождении ребенка не позор — честь.

Повернув голову, Сюзанна увидела, что аналогичный колпак-шлем покрывает и черные, слипшиеся от пота волосы Миа. Гофрированные стальные трубки, идущие от шлемов, соединялись посередине. Эти же устройства использовались и когда сюда привозили украденных близнецов, но теперь для другой цели.

Сейр наклонился к ней, так низко, что до ноздрей долетел запах его лосьона. Сюзанна решила, что это «Инглиш летэ».

— Для обеспечения последней схватки, которая выталкивает ребенка,

нам и нужна эта физическая связь. Поэтому пришлось привезти тебя в Федик, — он похлопал Сюзанну по плечу. — Удачи тебе. Скоро все закончится, — он обаятельно улыбнулся. Маска чуть отслоилась, открыв прячущийся под ней красный ужас. — А потом мы сможем тебя убить.

Улыбка стала шире.

— И, разумеется, съесть. В «Дикси-Пиг» ничего не пропадает, даже такая наглая сучка, как ты, идет в дело.

Прежде чем Сюзанна успела ответить, в голове вновь зазвучал приятный женский голос.

— Пожалуйста, назовите свое имя, медленно и отчетливо.

— Fuck you^[110]! — рявкнула Сюзанна.

— Фак Ю не зарегистрировано в перечне имен неазиатов, — отметил приятный женский голос. — Мы отмечаем враждебность, а потому заранее извиняемся за последующую процедуру.

На мгновение в голове Сюзанны вновь установилась тишина, а потом мозг пронзила боль, какой она никогда не испытывала. Более того, не могла представить себе, что бывает такая боль. И хотя ее губы не разомкнулись, боль просто рвала ее изнутри. Она подумала о песне, и услышала ее даже сквозь гром боли: «Девушки бедной... жизнь печали полна... Видно не дня без забот... не должно мне знать...»

Наконец, гром смолк.

— Пожалуйста, назовите свое имя, медленно и отчетливо, — вновь зазвучал приятный женский голос в голове, — или процедура будет повторена с десятикратным усилением.

— В этом нет необходимости, — ответила Сюзанна голосу. — Вы меня убедили Сююю-заан-нааа, — произнесла она. — Сююю-заан-нааа.

Они стояли, наблюдая за ней, все, кроме мисс Крысы, которая всматривалась в зазор между ногами Миа, где из губ влагалища последней вновь показалась голова ребенка.

— Миии-ааааа...

— Сююю-заан...

— Миии...

— ...нааа...

К тому времени, когда пошла новая схватка, доктор Скоутер уже вооружился щипцами. Голоса женщин слились в один, произнося слово, имя, уже не Сюзанна или Миа, но некое сочетание из них.

— Контакт установлен, — сообщил приятный женский голос. Раздался едва слышный щелчок. — Повторяю, контакт установлен. Благодарим вас за содействие.

— А вот и он, дорогие мои, — воскликнул Скоутер. Боль и ужас забылись, в голосе звучало возбуждение. Он повернулся к медсестре. — Оно может закричать, Алия. Если закричит, все в порядке. Если нет, немедленно прочисти ему рот!

Скоутер оглядел присутствующих с почти что прежней наглостью.

— Стойте на месте, пока я не скажу, что можете двигаться. Никто из нас не знает, что может появиться на свет. Нам известно только одно: ребенок принадлежит самому Алому Королю...

Миа вскрикнула. От боли и протестуя.

— Идиот! — процедил Сейр. Поднял руку и вlepил Скоутеру такую затрещину, что прилизанные волосы оторвались от черепа, а капли крови из носа брызнули на белую стену.

— Нет! — закричала Миа. Попыталась приподняться на локтях, ничего у нее не вышло, вновь плюхнулась на спину. — Нет, вы сказали, что воспитывать его буду я! О, пожалуйста... хотя бы немного, я прошу...

И тут на Сюзанну, на них обеих, накатила самая сильная боль, накрыла, как волной. Они опять закричали в тандеме, и Сюзанна могла и не слышать голос Скоутера, который требовал от нее: «Тужься, ТУЖЬСЯ!»

— Оно идет, доктор! — нервно воскликнула медсестра.

Сюзанна закрыла глаза и вытолкнула из себя ребенка, а когда почувствовала, как боль уходит, словно вода в сливное отверстие раковины, ощутила также глубочайшую печаль. Ибо ребенка она переправила Миа: последние несколько строк живого послания, которые каким-то образом заставило передать тело Сюзанны. На том все и закончилось. Что бы ни случилось позже, этот этап заканчивался, вот Сюзанна Дин и издала крик облегчения и сожаления, крик, который напоминал песню.

И на крыльях этой песни Мордред Дискейн, сын Роланда (и еще одного, о, вы можете сказать, Дискордия), вошел в этот мир.

КУПЛЕТ:

*Commala — come — kass!
The child has come at last!
Sing your song, O sing it well,
The child has come to pass.*

ОТВЕТСТВИЕ:

*Commala — come — kass,
The worst has come to pass,
The Tower trembles on its ground;
The child has come at last.*

Кода: Страницы из дневника автора

12 июля 1977 г.

Боже, как же хорошо вернуться в Бриджтон. Они всегда хорошо принимали нас в, как до сих пор говорит Джо, Бабатауне, но Оуэн постоянно капризничал. А вот по возвращению домой настроение его сразу улучшилось. По пути мы останавливались только раз, в Уотервиле, пообедали в «Молчаливой женщине» (должен добавить, там иной раз кормили лучше).

Так или иначе, я выполнил данное себе обещание и сразу начал розыски «Темной башни». Нашел рукопись, когда совсем было отчаялся, в самом дальнем углу гаража, под коробкой с каталогами Тэбби. Странички отсырели, пахли плесенью, но текст остался таки читабельным. Я прочитал все от начала до конца, потом сел за стол, добавил кое-что в главу «Дорожная станция» (где Роланд встречается с Джейком). Подумал, что это изящный штрих: водяной насос, работающий от атомного двигателя, и тут же дополнил текст. Обычно работа над старым рассказом или романом для меня столь же аппетитна, как сэндвич с заплесневелым хлебом, но тут все шло как по маслу... как бывает, когда надеваешь старые, удобные туфли.

А о чем, собственно, я хотел рассказать в этой истории?

Вспомнить этого я не мог, в голове вертелось только одно: впервые она возникла очень, очень давно. Возвращаясь с севера, когда все семейство задремало, я подумал о том времени, когда я и Дэвид убежали от тети Этели. Мы намеревались вернуться в Коннектикут. Взрослые, разумеется, нас поймали, и отправили в сарай, пилить дрова. Трудотерапия, так называл это дядя Орен. В сарае меня вроде бы что-то напугало, но будь я проклят, если смогу вспомнить, что именно, знаю только: что-то красное. Там я придумал героя, магического стрелка, который сможет защитить меня. И что-то еще, связанное с магнетизмом, кажется, энергетические Лучи. Я практически на сто процентов уверен, что зародилась эта история именно тогда, и странно, почему воспоминания эти такие смутные. А с другой стороны, кто помнит все неприятные моменты детства? Кому охота их помнить?

Больше ничего особенного не произошло. Джо и Наоми отправились на детскую площадку, Тэбби определилась с поездкой в Англию. А вот история о стрелке не выходит у меня из головы.

И вот что я вам скажу: старине Роланду нужны друзья!

19 июля 1977 г.

Сегодня поехал на мотоцикле смотреть «Звездные войны» и, думаю, пока не смогу успокоиться, это будет последний раз, когда я седлал байк. Пока смотрел фильм, съел, наверное, тонну всякой гадости, а отнюдь не полезных организму белков!

По дороге продолжал думать о Роланде, моем стрелке из поэмы Роберта Браунинга (разумеется, не обошлось и без влияния Серджио Леоне). Рукопись, несомненно, роман, или законченная часть романа, но у меня возникла мысль, что и каждая глава — цельное произведение. Во всяком случае, достаточно цельное. Вот у меня и возникла мысль, а не продать ли их в один из фэнтезийных журналов? Может, даже в «Фэнтези и сайенс фикшн», который, разумеется, считался в этом жанре святым Граалем.

Может, и глупая идея.

А с другой стороны, делать нечего, кроме как смотреть игру всех звезд (7 игроков из Национальной бейсбольной лиги, 5 — из Американской). Я крепко набрался еще до того, как игра закончилась. Тэбби это не понравилось...

9 августа 1978 г.

Кирби Макколи продал первую главу моей давно написанной истории «Темная Башня» в «Фэнтези и сайенс фикшн»! Мне с трудом в это верится! До того круто! Кирби утверждает о том, что Эд Ферман (тамошний главный редактор), скорее всего, напечатает и все остальные главы «ТБ». Он собирается озаглавить первую главу ("Человек в черном пытался укрыться в пустыне, а стрелок преследовал его... ит.д.) «Стрелок», и это разумно.

Неплохо для давно написанной истории, которая до прошлого года лежала забытой и плесневела в дальнем углу гаража. Ферман сказал Кирби, что Роланд «производит впечатление реального героя», чего не хватает в большинстве произведений, написанных в жанре фэнтези, и хочет знать, могут ли быть его новые приключения. Я уверен, что приключений у Роланда много (или было много, или будет... не знаю, в каком времени следует говорить о еще ненаписанных историях), но пока понятия не имею, что это за приключения. Понятно только, что в историю нужно вернуть Джона «Джейка» Чеймберза.

Дождливый, туманный день на озере. Никакой детской площадки для детей. Вечером Энди Фулчер посидел со старшими, а Тэбби, я и Оуэн поехали в Бриджтонский открытый кинотеатр для автолюбителей. Тэбби заявила, что фильм («Другая сторона полуночи»... вышел в прокат в прошлом году) — дерьмо, но я не слышал, чтобы она предложила уехать

домой, не досмотрев его. Что касается меня, то я вновь думал об этом чертовом Роланде. На этот раз о его трагической любви. «Сюзан, прекрасная девушка в окне».

Кто же она, скажите на милость?

9 сентября 1978 г.

Получил экземпляр октябрьского номера журнала со «Стрелком». До чего же хорошо смотрится.

Сегодня позвонил Берт Хэтлен. Спросил, не хочу ли я поработать год в университете штата Мэн, ведя класс писательского мастерства. Только Берт мог додуматься до того, чтобы предлагать мне такую работу. Но идея интересная.

Черт, опять напился. Едва могу различить эту чертову страницу, но полагаю, нужно хоть что-то написать до того, как плюхнуться в постель. Сегодня получил письмо от Эда Фермана из «ФиСФ». Он собирается давать вторую главу «Темной Башни», в ней Роланд встречается с мальчиком, под названием «Дорожная станция». Он действительно хочет опубликовать все главы, и я не против. Только жалею, что нет продолжения. А пока нужно думать о «The Stand»^[111] и, разумеется, о «The Dead Zone»^[112].

Но занимает меня совсем другое. Я ненавижу нашу жизнь в Орингтоне, прежде всего, ненавижу эту оживленную трассу. Вот и сегодня Оуэна едва не раздавил один из этих огромных грузовиков «Сианбро». Я перепугался до смерти. Правда, в связи с этим происшествием у меня возникла идея для истории, имеющая отношение к маленькому кладбищу домашних любимцев, которое находится за нашим домом. Правда, на вывеске написано: "PET SEMATARY"^[113]. Странно, не правда ли? Забавно, но и мурашки бегут по коже. Прямо — таки «Склеп ужасов».

19 июня 1980 г.

Только что закончил телефонный разговор с Кирби Макколи. Ему звонил Доналд Грант, который публикует много книг в жанре фэнтези под своей фамилией на корешке^[114] (Кирби нравится шутить, что Доналд Грант — тот самый человек, который покрыл Роберта Э. Говарда дурной славой^[115]). Короче, Доналд хотел бы опубликовать мои истории о стрелке одной книгой под исходным заголовком «Темная Башня» (подзаголовок — «Стрелок»). Здорово, не так ли? Мое собственное «издание ограниченного тиража». 10000 экземпляров плюс 500 пронумерованных и подписанных. Я дал Кирби добро на заключение контракта.

Так или иначе, но похоже, что моя учительская карьера подходит к

концу, и я слишком устал, чтобы отпраздновать это событие. Достал рукопись «Pet Sematary»^[116], просмотрел. Святой Боже, до чего же мрачно! Думаю, читатели линчуют меня, если я это опубликую. Это одна из тех книг, которая никогда не увидит света...

27 июля 1983 г.

«Пабlishерс уикли» (мой сын Оуэн называет этот издательский еженедельник "Пабlishер уикнесс"^[117]", и в чем-то прав) отрецензировал последнюю книгу Ричарда Бахмана... и в очередной раз меня размазали по стенке. Они написали, что книга скучная, а вот это, мой друг, как раз и не правда. С такими мыслями мне было гораздо легче поехать в Норт-Уиндэм и купить два бочонка пива для вечеринки. Приобрел их в магазине «Спиртные напитки со скидкой». Я снова курю, так что пожалуйста, можете подавать на меня в суд. Брошу в тот день, когда мне исполнится сорок, обещаю.

Да, и роман «Pet Sematary» будет опубликован через два месяца. На том моя литературная карьера и закончится (шутка... во всяком случае, я надеюсь, что это шутка). После некоторого раздумья я добавил «Темную Башню» к списку других произведений автора, которые обычно указываются в новой книге. В конце концов, подумал я, почему нет? Да, я знаю, книга давно продана, отпечатали ее тиражом всего лишь в десять тысяч экземпляров, но, ради Бога, книга-то настоящая, и я ей горжусь. Не думаю, что я вновь вернусь к Роланду, этому вооруженному револьверами странствующему рыцарю, но я горжусь этой книгой.

Хорошо, что я вспомнил про пиво.

21 февраля 1984 г.

Боже, этот безумный звонок от Сэма Вона из «Даблдей» сегодня, во второй половине дня (он издал «Pet Sem», вы помните). Я знал, что есть фэны, которые хотят заполучить «Темную Башню» и злятся, потому что не могут достать эту книгу. Мне тоже приходили такие письма. Но Сэм говорит, что получил более ТРЕХ ТЫСЯЧ(!) писем. И почему, спросите мы? Потому что я по глупости включил «Темную башню» в список ранее опубликованных книг в первом издании «Pet Sem». Я думаю, Сэм на меня злился. Он говорит, что включать в список книгу, которую фэны хотят, но не могут приобрести, все равно, что показать голодной собаке кусок мяса, а потом убрать его со словами: «Нет, нет, это не для тебя». С другой стороны, Бог-и-Человек Иисус, люди так разбалованы! Исходят из следующего: если где-то в мире есть книга, которую они хотят приобрести, тогда у них есть полное право заполучить эту книгу. Должно быть, такой подход стал бы

новостью для тех, кто жил в Средние века, слышал слухи о существовании книг, но ни одной в глаза не видел. Бумага тогда слишком дорого стоила (пожалуй, следует упомянуть об этом в следующем романе «Стрелок/Темная Башня», если до него дойдут руки), и книги считались сокровищами, которые берегли пуще жизни. Мне нравится зарабатывать на жизнь написанием историй, но тот, кто говорит, что у этой профессии нет темной стороны, ни хрена не знает. Когда-нибудь я соберусь написать роман о торговце редкими книгами, для которого книги эти — вся жизнь (шутка).

Кстати, сегодня — день рождения Оуэна. Ему семь! Возраст здравомыслия. Мне с трудом верится, что моему младшему сыну семь лет, а дочери — тринадцать, очаровательной молодой женщине.

14 августа 1984 г. (Нью-Йорк)

Только что вернулся с совещания с Элейн Костер из NAL^[118] и моим агентом, стариной Кирби. Они уговаривали меня выпустить «Стрелка» в формате трейд-сайз, но я не поддался. Может, в будущем и соглашусь, но я не хочу, чтобы множество людей читали незаконченную книгу, пока я еще не собрался продолжить работу над этой историей.

А я, возможно, никогда и не соберусь. Пока же у меня возникла идея длинного романа о клоуне, который на самом деле — самый худший монстр этого мира. Неплохая идея. Клоуны всегда пугают. Во всяком случае, меня. (Клоуны и курицы, не знаю, почему).

18 ноября 1984 г.

Прошлой ночью мне приснился сон, который, как я понимаю, разрушает творческий блок, возникший при работе над «It»^[119]. Допустим, есть некий Луч, который удерживает Землю (а может, и множество Земель) на своем месте. И что, если генератор этого Луча установлен на панцире черепахи? Я мог бы это сделать частью развязки романа. Понимаю, звучит безумно, но я точно где-то читал, что в индуистской мифологии есть огромная черепаха, которая несет нас всех на своем панцире, и черепаха эта служит Гану, созидающей сверхсиле. Опять же, я помню анекдот, в котором одна дама говорит знаменитому ученому: «Все эти рассуждения об эволюции нелепы. Всем известно, что вселенную держит на себе черепаха». На что ученый (к сожалению, не могу вспомнить его фамилию, а хотелось бы), отвечает: «Такое возможно, мадам, но кто или что держит на себе черепаху?» На это следует пренебрежительный смех дамы: «О, вам не удастся запудрить мне мозги! Там до самого низа одни черепахи!»

Ха! Примите сие, рациональные мужи науки!

В любом случае, я держу у кровати пустой блокнот и привык записывать в него сны или элементы снов, иной раз еще окончательно не проснувшись. В то утро я записал: «Смотри — ЧЕРЕПАХА! Панцирь горой, Тащит на нем весь шар земной. Думает медленно, тихо ползет, Всех нас знает наперечет». Не ахти какая поэзия, я понимаю, но вполне сносная для человека, который на три четверти еще спал, когда писал эти строчки!

Тэбби вновь говорила мне о том, что я слишком много пью. Полагаю, она права, но...

10 июня 1986 г. (Лоувелл, Тэтлбек-лейн)

Как же я рад, что мы купили этот дом! Поначалу меня смущала цена, но мне нигде не писалось так хорошо, как здесь. И, это пугает, но так оно и есть, я думаю о том, чтобы вернуться к работе над «Темной башней». Сердцем я полагал, что такого не случится, но прошлым вечером, направляясь в «Торговый центр» за пивом, я буквально услышал голос Роланда: «Есть много миров и много историй, чего не скажешь о времени». В результате я развернул автомобиль и поехал домой. Не могу вспомнить, когда я в последний раз не выпил за вечер ни капли, но этот выдался именно таким. И мне определенно было не по себе. Грустно это, доложу я вам.

13 июня 1986 г.

Я проснулся посреди ночи, голова гудела после выпитого, хотелось пи-пи. Когда стоял над унитазом, буквально увидел Роланда. Он велел мне начать писать об омароподобных чудовищах. Я начну.

Знаю, какие они.

15 июня 1986 г.

Сегодня начал новую книгу. До сих пор не могу поверить, что вновь пишу об этом старом, долговязом, уродливом ковбое, но все пошло хорошо с самой первой страницы. Чего там, с самого первого слова. Я решил, что по структуре книга будет классической сказкой: Роланд идет вдоль берега Западного моря, слабеет и слабеет по мере продвижения, и наталкивается на двери в наш мир. Через каждую «извлекает» нового персонажа. И первым будет обдолбанный наркоман Эдди Дин...

16 июля 1986 г.

Я не могу в это поверить. Но рукопись лежит передо мной на столе, так что верить приходится, но я все равно не могу. Я написал за последний месяц !!300 СТРАНИЦ!! И текст такой чистый, что практически не требует правки. Я никогда не относил себя к авторам, которые заявляют, что сюжет — их работа, что они спланировали каждый шаг героев, каждое событие в их жизни, но со мной никогда и не случалось, чтобы книга буквально

изливалась из меня, как произошло с этой. Она, можно сказать, с первого дня подчинила себе мою жизнь. И знаете, что, мне теперь представляется, что многие ранее написанные мной произведения, особенно «It», служили разминкой перед этой историей. Конечно, никогда раньше я не брался за продолжение книги, которая пролежала пятнадцать лет! Нет, конечно, что-то я делал, когда Эд Ферман публиковал отдельные главы в «ФиСФ», а потом еще что-то, когда Дон Грант опубликовал «Стрелка», но все это не может идти ни в какое сравнение с тем, что происходит со мной сейчас. Мне даже снится эта история. Выпадают дни, когда я даже хочу бросить пить, но вот что я вам скажу: если по честному, то боюсь. Я знаю, вдохновение не вылетает из горлышка бутылки, но что-то... Я боюсь, понимаете? Чувствую, есть что-то... Что-то, которое не хочет, чтобы я завершил эту книгу. Не хотело, чтобы я начал ее писать. Теперь я знаю, это безумие («Как что-то из истории Стивена Кинга», — ха-ха), но в то же время кажется реальным. Возможно, будет лучше, если никто и никогда не прочитает этот дневник. Очень возможно, что те, кто прочитает, отправят меня в психушку. Кто-нибудь хочет купить побывавший в чьих-то руках кекс с цукатами и орехами? Думаю, я собираюсь назвать эту книгу «Извлечение троих».

19 сентября 1986 г.

Работа закончена. Работа над «Извлечением троих» закончена. Дабы отпраздновать это событие, я напился. И накурился «травки». Что дальше? Ну, роман «It» будет опубликован через месяц с небольшим, а через два дня мне исполнится тридцать девять лет. В это трудно поверить. Кажется, неделей раньше мы жили в Бриджтоне и дети были совсем маленькими.

А, черт. Пора заканчивать. Писатель становится сентиментальным.

19 июня 1987 г.

Сегодня получил первый авторский экземпляр «Извлечения» от Доналда Гранта. Прекрасная книга. Также решил дать добро NAL на публикацию двух книг цикла «Темная Башня» в обложке... пусть люди получают, что хотят. Почему нет? Разумеется, я напился, чтобы отпраздновать... да только кому в эти дни нужен предлог? Это хорошая книга, но во многом можно сказать, что я ее вовсе не писал, она просто излилась из меня, как пуповина отходит от пупка младенца. Я хочу сказать, ветер дует, колыбель качается, и иногда мне кажется, что моего в этой книге ничего нет, и никакой я не писатель, а всего лишь гребаный секретарь Роланда из Гилеада. Я знаю, это глупость, но какая-то часть меня в это верит. Только, может, и у Роланда есть босс. Ка? У меня есть склонность впадать в депрессию, когда я начинаю как бы смотреть со

стороны на свою жизнь: выпивка, наркотики, сигареты. Словно я действительно стараюсь покончить с собой. Или что-то...

19 октября 1987 г.

Сегодня я в Лоувелле, в доме на Тэтлбек-лейн. Приехал сюда, чтобы подумать о том, как я живу. Что-то нужно переменить, потому что в противном случае проще перерезать себе вены или вышибить мозги. Что-то нужно переменить.

Нижеприведенная статья из газеты «Горное ухо», выходящей в городе Норт-Конуэй, и попавшая в дневник писателя, датирована 12-м апреля 1988 г.

МЕСТНЫЙ СОЦИОЛОГ РАЗВЕНЧИВАЕТ СКАЗКИ О «ПРИХОДЯЩИХ»

Логан Меррилл

Как минимум, десять последних лет Белые Горы наводняют истории о «Приходящих», существах, которые то ли инопланетяне, то ли путешественники во времени, а может, и пришельцы из другого измерения. Вчера вечером, в очень эмоциональном выступлении в публичной библиотеке Норт-Конуэя местный социолог Генри К. Вердон, автор книги «Группы наблюдения и создание мифов», использовал феномен «Приходящих» в качестве иллюстрации к процессу возникновения мифов и их укоренения в сознании. Он сказал, что «Приходящих», скорее всего, выдумали подростки в городках на границе Мэна и Нью-Хэмпшира. Он так же предположил, что распространению мифа могли способствовать незаконные иммигранты, которые иной раз попадались на глаза, пересекая границу Канады и штатов Новой Англии, и в результате многие местные жители уверовали в существование «Приходящих».

"Я думаю, мы все знаем, — заявил профессор Вердон, — что нет ни Санта-Клауса, ни феи-крестной, ни существ, которых называют «приходящими». Однако это сказки (Продолжение на стр. 8) Продолжения статьи нет. Как и объяснения, что побудило Кинга включить этот отрывок в свой дневник.

19 июня 1989 г.

Я только что вернулся с «празднования» первой годовщины моего вступления в общество «Анонимные алкоголики». Целый год без спиртного и наркотиков! Мне трудно в это поверить. И никакого сожаления; трезвость, безусловно, спасла мне жизнь (а уж семью точно), но хотелось бы, чтобы написание историй требовало теперь поменьше усилий. Люди, участвующие в «Программе» говорят, сбавь темп, все войдет в привычную колею, но есть и другой голос (я думаю, это Голос Черепахи),

твердящий мне, что надо бы поторопиться, потому что времени в обрез и я должен заострить свое перо. Для чего? Разумеется, для «Темной Башни», и не потому, что приходят письма от людей, которые прочитали «Извлечение троих» и хотят знать, что произошло потом. Что-то во мне хочет вернуться к работе над этой историей, но будь я проклят, если знаю, как вернуться.

12 июля 1989 г.

На книжных полках Лоувелла хранятся сокровища. Знаете, что я нашел этим утром, когда у меня возникло желание что-нибудь почитать? Роман «Шардик» Ричарда Адамса. Историю не о кроликах, а о мифическом огромном медведе. Думаю, я перечитаю его снова. И все-таки писать совершенно не тянет...

21 сентября 1989 г.

Согласен, что это довольно-таки странно, так что готовьтесь к неожиданностям.

Примерно в десять утра, когда я работал (когда я смотрел на экран компьютера и думал о том, как же это приятно, выпить боценок ледяного пива, скажем, «Бада», в дверь позвонили. Приехал какой-то парень из «Дома цветов» в Бангоре с дюжиной роз. Не для Тэб, а для меня.

На прилагаемой карточке я прочитал: «В день рождения от Мэнсфилдов, Дейва, Сэнди и Меган».

Я совершенно об этом забыл, но именно в этот день мне исполнилось аж сорок два года. Я вытащил одну из роз и потерялся в ней. Я понимаю, как странно это звучит, поверьте мне, но потерялся. Казалось, слышал ее нежное пение, спускался все ниже и ниже, следуя изгибам лепестков, проплывая через капли росы, большие, как озера. И все это время пение становилось громче и нежнее, а роза... ну, розовее. И я вдруг начал думать о Джейке, из первой истории о «Темной Башни», об Эдди Дине, о книжном магазине. Даже вспомнил его название: «Манхэттенский ресторан для ума».

А потом — бум! Я почувствовал руку на своем плече, обернулся и увидел Тэбби. Она хотела знать, кто послал мне розы. Она также хотела знать, не заснул ли я. Я сказал, что нет, но, наверное, впал в какой-то сон, прямо на кухне.

И знаете, что это мне напомнило? Эпизод на дорожной станции в «Стрелке», когда Роланд гипнотизирует Джейку с помощью патрона. Сам-то я к гипнозу нечувствителен. Один парень вытащил меня на сцену во время ярмарки в Топшэме, когда я был подростком, и попытался заставить кудахтать, как наседку. Ничего у него не вышло. Насколько я помню, к большому разочарованию моего брата Дейва. Ему хотелось, чтобы я

покудахтал, как наседка.

Короче, я хочу вернуться к «Темной Башне». Не знаю, готов ли я к такой сложной работе, после нескольких неудач в последние два года у меня есть на этот счет определенные сомнения, но я все равно хочу предпринять такую попытку. Я слышу, как эти выдуманные мною люди зовут меня. И кто знает? Может, в новой истории найдется место и для гигантского медведя, такого, как Шардик в романе Ричарда Адамса!

7 октября 1989 г.

Сегодня начал писать следующую книгу цикла «Темная Башня» и (то же самое произошло и с «Извлечением троих»), выключив компьютер после плодотворной работы, задался вопросом, а почему, во имя Господа, я так долго с этим тянул? Вернуться в компанию Роланда, Эдди и Сюзанны — все равно, что выпить глоток холодной воды в жаркий день. Или встретиться с давними друзьями после долгой разлуки. Но вновь у меня возникло ощущение, что я не пишу историю, а являюсь передаточным звеном, посредством которого она попадает на бумагу (или на жесткий диск компьютера). И знаете что? Меня это более чем устраивает. В то утро я сидел за компьютером четыре часа, и ни разу не подумал ни о выпивке, ни о наркотиках. Думаю, я назову эту книгу «Уэстелендс»^[120].

9 октября 1989 г.

Нет «Бесплодные земли»^[121], в два слова, как в поэме Т.С. Элиота^[122] (думаю, что его поэма называлась «Бесплодная земля»^[123]).

19 января 1990 г.

Сегодня пятичасовым марафоном закончил «Бесплодные земли». Читатели будут возмущены финалом книги^[124] (без завершения конкурса загадок), и я думал, что история еще продолжится, но ничего не мог поделать. Услышал голос (думаю, Роланда), который ясно и отчетливо произнес в моей голове: «Пока хватит. Закончи эту книгу, разящий пером».

Если отставить в сторону отрезанный по живому конец, в остальном все нормально, правда, история эта, как всегда, нравится мне меньше написанных ранее. Получился «кирпич» на восемьсот страниц, и писал я этот «кирпич» чуть больше трех месяцев. Просто не верится.

И опять же, никаких накладок и неувязок. Да, конечно, мелкие неточности есть, но их на удивление мало для столь большой книги. Не могу в это поверить, но всякий раз, когда требуется вдохновение, нужная книга раз за разом просто изливается из меня, пальцы словно сами бегают по клавиатуре. Как «Куинканкс» Чарльза Паллисера^[125], с прекрасным, рычащим сленгом семнадцатого столетия. «Мой простачок» в устах Гашера

прозвучало совсем неплохо. Во всяком случае, на мой взгляд. И как здорово, что удалось вернуть в историю Джейка, да еще таким удачным ходом!

Меня тревожит только одно: что будет с Сюзанной Дин (которая была Деттой/Одеттой). Она беременна, и мне страшно подумать, кто может быть отцом ребенка. Какой-нибудь демон? Я так не думаю. Может, не придется искать ответ на этот вопрос еще пару книг. В любом случае, по собственному опыту мне известно: в длинной книге, если женщина беременеет и никто не знает, кто отец, история продолжает раскручиваться. Не знаю почему, но благодаря беременности сюжет всегда становится напряженнее! Впрочем, возможно, это и не имеет значения. Сейчас я устал от Роланда и его ка-тета. Думаю, пройдет какое-то время, прежде чем я к ним вернусь, хотя фэны будут выть из-за того, что книга оборвалась на полуслове в поезде, уходящем из Луда. Попомните мои слова. Я рад, что написал ее, и мне такая концовка представляется правильной. Во многом «Бесплодные земли» — высшая точка моей «выдуманной жизни». Возможно эта книга даже лучше «The Stand».

27 ноября 1991 г.

Помните, я говорил, что меня будут клясть из-за конца «Бесплодных земель»? Посмотрите вот на это!

Ниже приведено письмо от Джона Т. Спайра, проживающего в г. Лоренс, штат Канзас:

16.11.91 Дорогой мистер Кинг! Или мне следует отказаться от традиционной вступительной фразы и написать «Дорогой говнюк»? Не могу поверить, что я заплатил столь большие бабки за книгу «Бесплодные земли» о вашем СТРЕЛКЕ издательства Доналда Гранта и получил такое! Название-то совершенно правильное, потому что деньги я с тем же успехом мог просто выбросить^[126]. Я хочу сказать, что история нормальная, поймите меня правильно, более того, отличная, но как вы могли так закончить ее? Это совсем не концовка, вы просто устали и заявляете читателям: «Да ладно, какого хрена, нет нужды напрягаться и писать концовку, эти недоумки, которые покупают мои книги, схавают все, что им ни кинь». Я собирался послать книгу вам вместе с письмом, но решил оставить у себя, потому что понравились иллюстрации (особенно Ыш). Но сама книга — обман. Вы знаете, что такое обман, мистер Кинг? А обманщик — это вы. Искреннее ваш в критике, Джон Т. Спайр Лоренс, штат Канзас".

23 марта 1992 г.

А вот это письмо меня просто убило.

Письмо от миссис Коретты Вил, проживающей в г. Стоув, штат Вермонт:

"6 марта 1992 г.

Дорогой Стивен Кинг!

Я не знаю, получите ли вы мое письмо, но хотя бы могу на это надеяться. Я прочитала большинство ваших книг, и все они мне очень понравились. Я — 76-летняя бабушка из соседнего с вашим штата Вермонт, и мне особенно нравятся ваши истории о Темной Башне. А теперь к делу. В прошлом месяце я проходила онкологическое обследование в центральной больнице Массачусетса и мне сказали, что обнаруженная у меня в мозгу опухоль в мозгу, скорее всего, злокачественная (поначалу они успокаивали меня: «Не волнуйтесь, Коретта, она доброкачественная»). Я знаю, вы должны делать то, что должны делать, и «следовать своей музе», но мне говорят, что я смогу считать себя счастливой, если доживу до 4 июля ^[127] этого года. Полагаю, я прочитала мою последнюю «Темную Башню». Вот я и подумала, а не можете ли вы сказать, как закончится эта история, по крайней мере, удастся ли Роланду и его ка-тету дойти до Темной Башни? И что они там найдут? Обещаю, что не скажу об этом ни единой душе, а вы сможете осчастливить умирающую женщину.

Искренне ваша,

Коретта Вил

Стоув, Вермонт".

Я чувствую себя полным дерьмом, когда думаю о том, сколь беспечно обошелся с концовкой «Бесплодных земель». Мне нужно ответить на письмо Коретты Вил, а я не знаю, что писать. Смогу я убедить ее, что о завершении похода Роланда знаю не больше, чем она? Сомневаюсь, и однако, «это истина», как написал Джейк в выпускном сочинении. И о том, что находится внутри этой чертовой Башни я знаю не больше... ну, чем знает Ыш! Я даже не знал, что она стоит на поле из роз, пока эти слова не слетели с моих пальцев и не показались на экране моего новенького компьютера «Макинтош»! Коретта это проглотит? Что она ответит, если я скажу ей: «Кори, послушайте, ветер дует и история движется. Потом ветер стихает, и мне остается только ждать, так же, как и вам».

Они думают, что я команду парадом, они все, начиная от самого умного критика до последнего читателя, который едва складывает слоги в слова. И напрасно.

Потому что рулю не я.

22 сентября 1992 г.

Грантовское издание «Бесплодных земель» распродано, хорошо

расходится и издание в обложке. Мне следует радоваться, и, полагаю, я радуюсь, но по-прежнему получаю тонны писем насчет обрубленной концовки. Их авторов можно разделить на три основные категории: кто просто злится, кто хочет знать, когда выйдет следующая книга цикла, и кто злится и при этом хочет знать, когда выйдет следующая книга цикла.

Но я в зоне штиля. Ветер не дует. Во всяком случае, пока.

Тем временем у меня возникла идея романа о женщине, которая покупает картину в магазине-ломбарде и проваливается в нее. Эй, а может, она провалится в Срединный мир и там встретит Роланда!

9 июля 1994 г.

После того, как я бросил пить, мы с Тэбби практически перестали ссориться, но сегодня утром схлестнулись по полной программе. Произошло это, само собой, в нашем доме в Лоувелле, я как раз собирался на утреннюю прогулку, а она показала мне сегодняшний номер «Льюистон сан». В ней речь шла о том, что какой-то водитель задавил насмерть жителя Стоунэма, Чарльза «Чипа» Маккосленда, когда тот шел вдоль шоссе 7, и скрылся с места преступления. Я, разумеется, тоже хожу вдоль этого шоссе, и Тэбби пыталась убедить меня не покидать Тэтлбек-лейн, а я пытался убедить ее, что, как и любой другой человек, имею полное право пользоваться шоссе 7 (и, клянусь Богом, по асфальту я прохожу максимум полмили). Наконец, она попросила меня хотя бы не гулять по Слэб-Сити-Хилл, где повороты следуют один за другим, расстояния прямой видимости маленькие и пешеходу некуда деваться, если автомобиль по какой-то причине съедет с проезжей части на обочину. Я сказал, что подумаю об этом (если б мы продолжали говорить, я бы не вышел из дома до полудня), но, по правде говоря, не собираюсь из-за этих страхов как-то менять свою жизнь. Кроме того, мне представляется, что благодаря этому бедолаге из Стоунхэма, мои шансы угодить под автомобиль во время прогулки снизились до одного на миллион. Я сказал об этом Тэбби, а она ответила: «Твои шансы добиться успеха в писательстве были еще меньше. Ты сам об этом говорил».

Что ж, этот аргумент крыть мне было нечем.

19 июня 1995 г. (Бангор)

Тэбби и я только вернулись из «Бангор одиториэм», где наш младший (и четыреста его соучеников) наконец-то получил диплом о получении школьного образования. Теперь он официально считается выпускником средней школы. Осенью отправится в колледж, а мы с Тэбби начнем бороться со столь распространенным ныне синдромом Опустевшего гнезда. Все говорят, что он быстро проходит, и ты на это киваешь: да, да, да... и

наверное, так оно и есть.

Черт, мне грустно.

Чувствую себя потерянным. А почему? (О чем, собственно, речь, Элфи, ха-ха?) О всего лишь длинном прыжке из колыбели в могилу? «В пустошь на конце тропы». Господи, как мрачно.

Тем временем, во второй половине дня мы вернулись в Лоувелл, в наш дом на Тэтлбек-лейн. Оуэн обещал подъехать через день-другой. Тэбби знает, что я хочу писать у озера, и она все так тонко чувствует, что это пугает. Когда мы ехали домой с церемонии вручения дипломов, она спросила меня, подул ли ветер вновь.

Он действительно подул, не просто ветер — ураган. Мне просто не терпится сесть за новый том цикла ТБ. Пора выяснить, чем закончился конкурс загадок (то, что Эдди взорвет компьютерный мозг Блейна своими «глупыми вопросами», то бишь загадками, я знал уже несколько месяцев), но не думаю, что это центральный момент истории, которую я должен рассказать на этот раз. Я хочу написать о Сюзан, первой любви Роланда, и хочу перенести место действия их «ковбойского романа» в выдуманную часть Срединного мира, которая называлась Меджис (т.е. Мексика).

Время седлать лошадь и отправляться в очередной поход с этой Дикой бандой.

С остальными детьми все в порядке, правда, Наоми выдала аллергическую реакцию, возможно, на моллюсков.

19 июля 1995 г. (Тэтлбек-лейн, Лоувелл)

Как и в мои прежние экспедиции в Срединный мир, я чувствую себя, как человек, который провел месяц в куда-то мчащейся ракете. Вдыхая вызывающий галлюцинации газ счастья. Я думал, «въезжать» в эту книгу будет сложнее, и намного, но на самом деле все пошло легче легкого, словно надел старые, удобные туфли или эту пару ковбойских сапог с короткими голенищами, которые я купил в магазине «Бэллис» в Нью-Йорке три или четыре года тому назад, да так и не могу заставить себя с ними расстаться.

Я уже написал больше двухсот страниц и порадовался, выяснив, что Роланд и его друзья обследуют мир, опустошенный эпидемией супергриппа, ищут доказательства того, что к этому приложили руку Рэндалл Флегг и мать Эбигейл.

Я думаю, Рэндалл Флегг может оказаться Уолтером, давним злейшим врагом Роланда. Его настоящее имя Уолтер О'Дим и поначалу он был обычным деревенским парнем. В каком-то смысле, это логично. Теперь я вижу, что все мои истории, написанные ранее, связаны, в большей или

меньшей степени, с этой историей. И вы знаете, не думаю, что это проблема. Когда я пишу эту историю, у меня такое чувство, будто я возвращаюсь домой.

Но тогда почему при этом всегда возникает и чувство опасности? Почему я убежден, если смерть застигнет меня за столом, скажем, от сердечного приступа, или я разобьюсь на своем «Харлее», возможно, на шоссе 7, это обязательно произойдет именно в тот период, когда я буду работать над одним из этих Странных вестернов? Полагаю, причина в следующем. Я знаю, сколь много людей ждет, что я закончу этот цикл. И я сам хочу его закончить! Господи, да! Не хочу оставлять после себя «Кентерберийские рассказы» или «Тайну Эдвина Друда»^[128], если удастся, премного вам благодарен.

И все-таки я всегда чувствую, что какая-то разрушительная сила разыскивает меня, и найти меня проще, когда я работаю над одной из этих историй.

Ну, хватит о страхах. Мне пора на прогулку.

2 сентября 1995 г.

Я рассчитываю закончить книгу через пять недель. Эта потребовала несколько больших усилий, но все равно, самые яркие детали пришли ко мне сами. Прошлым вечером смотрел фильм Курасава «Семь самураев» и подумал, не сможет ли он стать основой для шестой книги цикла, «Вервольфы Крайнего мира»^[129] (или что-то в этом роде). Наверное, стоит заглянуть в один из расположенных поблизости придорожных пунктов видеопроката и взять «Великолепную семерку», американизированный вариант фильма Курасава.

Кстати, о дороге. Сегодня во второй половине дня на шоссе 7 мне пришлось буквально прыгать в кювет, чтобы избежать столкновения с фургоном, который мотало из стороны в сторону, очевидно, водитель был пьян, буквально перед самым поворотом на относительно безопасную Тэтлбек-лейн. Думаю, Тэбби я говорить об этом не буду, иначе она просто взорвется. Я, конечно, напугался, но порадовался тому, что случилось это не на той части шоссе, которая проходит по Слэб-Сити-Хилл.

19 октября 1995 г.

Мне потребовалось больше времени, чем я рассчитывал, но этим вечером я закончил роман «Колдун и кристалл»^[130].

19 августа 1997 г.

Тэбби и я только что попрощались с Джо и его милой женой: они отправились обратно в Нью-Йорк. Я порадовался, что смог дать им

новенький экземпляр «Колдуна и кристалла». Как раз утром из типографии привезли первую партию. Что может выглядеть и пахнуть лучше только что отпечатанной книги, особенно с твоей фамилией на титульной странице? У меня самая лучшая работа в мире: реальные люди платят реальные деньги за то, что рождает мое воображение. А среди рожденных им образов, должен добавить, действительно реальны для меня только Роланд и его катет.

Я думаю, ПЧ^[131] понравится эта книга, и не только потому, что они найдут в ней окончание истории Блейна Моно. Любопытно, жива ли до сих пор та бабуля с опухолью мозга из Вермонта? Наверное, нет, но, будь она жива, я бы с радостью послал ей экземпляр...

6 июля 1998 г.

Тэбби, Оуэн, Джо и я поехали вечером в Оксфорд, посмотреть «Армагеддон». Фильм понравился мне больше, чем я мог ожидать, частично потому, что смотрел его с семьей. Фильм о конце света навел меня на мысли об Алом Короле и Темной Башне. Наверное, не стоит этому удивляться.

Этим утром я немного поработал над моей вьетнамской историей, перейдя с блокнота на ноутбук, то есть, судя по всему, я настроен серьезно. Мне понравилось, как вернулась Салли Джон. Вопрос: встретятся ли Роланд Дискейн и его друзья с приятелем Боба Гарфилда, Тедом Бротигэном? И кто эти «низкие люди», которые преследуют старину Тедстера? Как-то выходит, что ныне моя работа напоминает наклонный желоб, по которому все скатывается в Срединный и Крайний миры.

«Темная Башня» — моя uber-история^[132], двух мнений тут быть не может. Написав ее, я смогу сбавить темп. Может, совсем уйти на покой.

7 августа 1998 г.

Во второй половине дня, как всегда, прогулялся, а вечером взял с собой Фреда Хостера на собрание «АА» во Фрайбурге. На обратном пути он попросил меня стать его наставником, и я согласился; думаю, он наконец-то всерьез решил встать на путь трезвости. И хорошо. А потом он заговорил о так называемых «Приходящих». Утверждает, что в последнее время вокруг семи городов они появляются чаще, чем прежде, и теперь население только о них и судачат.

— А как вышло, что я ничего об этом не слышал? — спросил я. Ответа не получил, зато он как-то странно посмотрел на меня. Я проявил настойчивость и вот что услышал от него: «Люди не любят говорить о них в твоём присутствии, Стив, потому что в последнее время на Тэтлбек-лейн

видели, как минимум, два десятка Приходящих, а ты заявляешь, что тебе на глаза не попало ни одного».

Я не нашел в его словах логической связи и ничего не ответил. Но уже потом, после того, как доставил домой моего нового подопечного, вдруг осознал смысл его слов: люди не говорят со мной и в моем присутствии о «Приходящих» по одной простой причине: считают, что я, в каком-то безумном смысле, **НЕСУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ ПОЯВЛЕНИЕ**. Вроде бы я привык к тому, что стал «пугалом Америки», но это уже перебор...

2 января 1999 г. (Бостон)

Этим вечером мы с Оуэном остановились в «Хайатт Харборсайд», а завтра отправляемся во Флориду (Тэбби и я обсуждали покупку дома во Флориде, но не говорили об этом детям. Я о том, что им только 27, 25 и 21... может, став старше, они смогут лучше нас понять, ха-ха). Ранее встретились с Джо и посмотрели фильм «Переполох», по пьесе Дэвида Рейба. Очень странный. Говоря о странностях, в новогоднюю ночь, перед отъездом из Мэна мне приснился кошмар. Не могу вспомнить, что именно мне приснилось, но, проснувшись утром, я сделал две записи в мой «блокнот снов». Первая: "Младенец Мордред, как что-то из карикатур Чэса Аддамса^[133]". Эту запись я понял: она имела какое-то отношение к ребенку Сюзанны в цикле «Темная Башня». В тупик меня поставила вторая запись: «19.6.99. О, Дискордия».

Дискордия тоже как-то соотносится с ТБ, но этого слова я точно не придумывал. Что же касается 19.6.99., это, конечно же, дата, так? Но что она означает? 19 июня этого года. К тому времени Тэбби и я должны вернуться в наш дом на Тэтлбек-лейн, но, насколько я помню, никто из моих тамошних друзей в этот день не родился.

Может, это дата моей первой встречи с Приходящим!

12 июня 1999 г.

Как же здорово вновь вернуться на озеро!

Я решил отдохнуть 10 дней, а потом вновь вернуться к книге о том, как писать книги. Мне интересно, как читатели воспримут «Сердца в Атлантиде», захотят ли узнать, играет ли Тед Бротигэн, приятель Бобби Гарфилда, какую-то роль в саге о Темной Башне? По правде говоря, я сам точно этого не знаю. В последнее время число читателей цикла значительно уменьшилось: продажи разочаровывают, в сравнении с другими моими книгами (за исключением *Rose Madder*^[134], которая стала полным провалом, в смысле продаж). Но значения это не имеет, по крайней

мере, для меня. Если появятся новые книги цикла, продажи, скорее всего, возрастут.

Тэбби и я вновь поспорили на предмет моего прогулочного маршрута. Она в какой уже раз попросила меня не ходить по шоссе. А потом спросила: «Ветер еще не подул?» Имея в виду новую историю о Темной Башне. Я ответил, что нет, каммала — кам — кам, история еще не началась. Но начнется и в ней будет танец, который называется каммала. Вот это я уже видел ясно и отчетливо: танцующего Роланда. Почему, для кого... не знаю.

Тем не менее, я спросил Т., почему она интересуется Темной Башней, и она ответила: «Со стрелками ты в большей безопасности».

Шутка, полагаю, но для Т. странная шутка. Совсем не в ее духе.

17 июня 1999 г.

Этим вечером поговорил с Рэндом Холстеном и Марком Карлинером. Обоих очень обрадовала перспектива перехода от «Storm of the Century»^[135] к «Rose Red»^[136] (или «Королевская больница»), но и тот, и другой фильмы вновь пополнят мой карман.

Прошлой ночью мне приснилась моя ежедневная прогулка, и я проснулся в слезах. «Темная Башня рухнет, — подумал я. — О, Дискордия, мир становится темнее».

???

Заголовок из статьи в номере «Портленд пресс — герольд» от 18 июня 1999 г.:

ФЕНОМЕН «ПРИХОДЯЩИХ» В ЗАПАДНОМ МЭНЕ ПОПРЕЖНЕМУ НЕ ПОДДАЕТСЯ ОБЪЯСНЕНИЮ

19 июня 1999 г.

Случаются дни, когда все планеты выстраиваются в ряд, а вот в этот вся моя семья выстроилась здесь, на Тэтлбек-лейн. Джо с семейством приехали около полудня. Их малыш такая лапочка. Ты говоришь правильно! Иногда я смотрю в зеркало и восклицаю: «Ты — дедушка!» А Стив в зеркале лишь смеется, потому что идея такая нелепая. Стив в зеркале знает, что я — студент второго курса, хожу на лекции, днем протестую против войны во Вьетнаме, вечером пью пиво в «Пицце Пата» с Флипом Томпсоном и Джорджем Маклеодом. А что можно сказать о моем внуке, красавце Этане? Он дергает воздушный шарик, привязанный к его пальчику на ноге, и смеется.

Дочь Наоми и сын Оуэн приехали вчера, поздно вечером. В честь Дня Отца^[137] мы устроили обед. Люди так хорошо говорили обо мне. Пришлось

даже ущипнуть себя за руку, чтобы убедиться, что я еще жив. И надеюсь, что самое худшее, что могло случиться на этой неделе, уже случилось: кровать жены сломалась под тяжестью моего сына и невестки: эти идиоты решили на ней побороться.

И знаете что? Я все-таки думаю, что вернусь к истории Роланда. Как только закончу книгу о написании книг («On Writing»^[138] — неплохое название, прямо указывает, о чем, собственно, речь). Но сейчас солнце светит, день прекрасен, и что я собираюсь сделать, так это прогуляться.

Может, чуть попозже.

Из номера «Портленд санди телеграм» за 20 июня 1999 г.:

СТИВЕН КИНГ ПОГИБАЕТ НЕПОДАЛЕКУ ОТ СВОЕГО ДОМА В
ЛОУВЕЛЛЕ

ПОПУЛЯРНОГО ПИСАТЕЛЯ МЭНА УБИЛИ ВО ВРЕМЯ
ПОСЛЕПОЛУДЕННОЙ ПРОГУЛКИ

ИСТОЧНИК СООБЩАЕТ: МУЖЧИНА, СИДЕВШИЙ ЗА РУЛЕМ
МИКРОАВТОБУСА ОТВЛЕКСЯ ОТ ДОРОГИ, КОГДА ПОДЪЕЗЖАЛ К
КИНГУ, ИДУЩЕМУ ПО ОБОЧИНЕ ШОССЕ 7

Рэй Рутьер

ЛОУВЕЛЛ, штат МЭН (Специально для нашего издания). Вчера, во второй половине дня, во время прогулки неподалеку от своего летнего дома, попал под колеса микроавтобуса и погиб самый популярный писатель штата Мэн. За рулем микроавтобуса сидел Брайан Смит из Фрайбурга. Согласно осведомленным источникам, Смит признал, что «отвлекся от дороги», потому что один из его ротвейлеров выбрался из хвостовой части микроавтобуса и начал тыкаться носом в холодильник, который стоял за водительским сидением.

— Я даже не видел его, — сообщил Смит после столкновения, которое произошло в месте, которое местные жители называют Слэб-Сити-Хилл.

Кинга, автор таких популярных романов, как «Оно», «Салемс-Лот», «Сияние» и «Противостояние», отвезли в Северную камберлендскую мемориальную больницу в Бриджтоне, где он и умер в субботу вечером, в 18:02. Ему было 52 года.

По информации, полученной из больницы, причиной смерти стали многочисленные травмы головы. Члены семьи Кинга, собравшиеся в родительском доме по случаю Дня отца, сегодня никого не хотят видеть...

Commala — come — come,

The battle's now begun!

And all the foes of men and rose

Rise with the setting sun.

notes

Примечания

Роман «Салемс-Лот» в нашей реальности на языке оригинала («Salem's Lot») опубликован в 1975 г. На русском языке издавался неоднократно под разными названиями. В издательстве АСТ впервые вышел в 2000 г. под названием «Жребий»

Алфавит-Сити — пренебрежительное название Гарлема

Перевод Н. Рейн

Перевод Д. Тимановича

«Следи за мной» — карточная игра, похожая на покер

«Джиффи поп» — консервированный полуфабрикат воздушной кукурузы

Оувер — от английского Over, в данном контексте одно из божеств
мэнни

Амиши — консервативная секта меннонитов, названа по имени основателя, священника Якоба Аммана. Основана в Швейцарии в 1690 г. В 1714 г. члены секты переселились в Америку, в Пенсильванию. В настоящее время проживают по многим другим штатах. Буквальное толкование Библии запрещает им пользоваться электричеством, автомобилями и т.д. Более подробно Кинг написал о них в романе "Почти как «бьюик»"

9

друзей (исп.)

10 Monsieur Lunatique — мсье Псих (фр.)

Джейкоб Марли — этот призрак явился Эбenezеру Скруджу в «Рождественской песне в прозе» (1843 г.) Чарльза Диккенса. Для информации: в этом произведении главы названы строфами.

Верхний Манхэттен начинается с 65-й улицы. Ниже расположены Средний Манхэттен (с 65-й по 14-ю улицу) и Нижний (с 14-й по 1-ю)

ЛВВ — летнее восточное время. Закон от 8 июля 1986 г. устанавливает летнее время на час вперед по сравнению с поясным временем с двух часов утра в первое воскресенье апреля по последнюю субботу октября. Закон не обязателен для всех штатов, но принят в большинстве из них.

Хаммаршельд-Плаза — в нашей реальности единственная Хаммаршельд-Плаза (Hammarshald Plaza) расположена в Нью-Йорке на углу Второй авеню и 47-й улицы. Посмотреть на нее можно в Интернете. Судя по фотографиям, Хаммаршельд-Плаза-2 — ее двойник

Мастэктомия — ампутация молочной железы

Американский блин — блин, испеченный в вафельнице

Софтбол — широко распространенная в Америке игра, напоминающая бейсбол. Игра идет на поле меньших размеров с использованием более крупного, чем в бейсболе мяча. В софтбол играют и женщины

Радио-Сити — часть Рокфеллеровского центра, в которой расположены театр, концертные залы, радио— и телестудии

«Низкие люди» — так в романе С.Кинга «Сердца в Атлантиде» Тед Бротиген называет людей в желтых плащах, которые служат Алому Королю (они же называют себя регуляторами, слугами закона)

Куонсетский модуль — ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа, используемый в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки. Первые строения подобного типа были собраны на авиабазе ВМС США в местечке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд

Aficionados — любители, поклонники (исп.)

Название города Lud, который впервые появляется в сериале «Темная Башня» в книге «Бесплодные земли», на русский ранее переводилось, как Лад. В дальнейшем читателю станет ясно, что правильный перевод — Луд

Для справки, по шкале Фаренгейта (Цельсия), 32 (0) градуса — температура замерзания воды, 212 (100) — кипения

In utero — в матке (лат.)

«Поттерс филд» — нью-йоркское кладбище для бедняков и тех, чью личность установить не удалось

«Зенит» — товарный знак радио-, телевизионной и звукозаписывающей аппаратуры фирмы «Зенит электроникс»

Коктейль с содовой — напиток из молока и содовой воды

«Велкро» — застежка-липучка разработки компании «Велкро», выведенная на рынок в 80-х годах и с тех пор получившая широкое распространение в одежде, обуви и т.д.

Z.Z.Тор — рок-группа, созданная в Техасе в 1969 г. и до сих пор пользующаяся большим успехом. Более подробную информацию можно получить в Интернетe на официальном сайте группы zztop.com

Skolpadda — черепаха (шв.)

«Хайатт» — сеть отелей высокого класса, принадлежащих
одноименной корпорации

«Шоу Эда Салливана» — телешоу в жанре варьете, которое более двух десятилетий (1948-71) шло по телевидению каждый воскресный вечер. Для многих эстрадных актеров и музыкантов, в частности для Боба Хоупа, «Битлз», это шоу стало дебютом на ТВ.

Кони-Айленд — парк аттракционов на южной оконечности Бруклина.
Популярное место летнего отдыха нью-йоркцев

В американском бейсболе две высшие лиги: Национальная и Американская

Категория X — по принятой в США классификации, к этой категории относятся порнофильмы

В оригинале рокебергу, то есть фитолакка (лакони́с) американская. Такое растение действительно есть, но ягоды его мало того, что ядовитые, так и не совпадают с приведенным ниже описанием. Поэтому название растения «подогнано» под описание плодов

Huaraches — кожаные сандалии (исп.)

Речь идет о новелле «Маска Красной смерти» Эдгара По

У Л. Кэрролла и, соответственно, С. Кинга — Red Queen. Но, поскольку речь идет о королеве шахматной, а в России шахматные фигуры черно-белые, королева становится Черной

Эллисон, Ральф Уолдо (р. 1914) — афроамериканский прозаик, эссеист. Единственный его роман, «Невидимка», был опубликован в 1952 г. и получил множество литературных премий

Термин Prim, используемый С.Кингом, скорее всего, сокращение от primary — первоначальный, исходный

Речь идет о легендах о короле Артуре

Подробнее в главе «Оракул и горы» романа «Стрелок», первой книги цикла «Темная Башня»

Подробнее в главе «Дверь и Демон» романа «Бесплодные земли», третьей книги цикла «Темная Башня»

Аддамс, Чарльз — американский художник, автор комиксов «Семейка Аддамс», которые публиковались в «Нью-Йоркере» с 1935 года и изображали семейство жутковатых, но смешных монстров

Янки — в данном контексте уроженец Новой Англии

«Атака легкой бригады» — американский фильм 1936 г. (режиссер Майкл Кертис, в гл. ролях — Эррол Флинн и Оливия де Хевилленд) о героической гибели 27 английских кавалеристов в Индии

Подробнее в главе 5, «Проба сил и перестрелка» романа «Извлечение троих», второй книги цикла «Темная башня»

«Уиннибейго» — трейлеры и автомобили для туристов,
изготавливаемые одноименной компанией

IQ (intelligence quotient) — коэффициент умственного развития

Mi amigo — мой друг (исп. иск.)

Андолини ссылается на Библию. В книге «Деяния святых Апостолов» неоднократно указывается, что за проповеди их неоднократно побивали то палками, то камнями

«Джон Дир» — товарный знак комбайнов, тракторов и другой сельскохозяйственной техники производства компании «Дин энд Ко»

Университет Дьюка — частный университет в г. Дарем, штат Северная Дакота. Известен одним из лучших в стране медицинских центров

El Supremo — в высшей степени (итал.)

«Центральная больница» (General Hospital) — дневной телесериал
канала ABC

«Путеводный свет» (The Guiding Light) — дневной телесериал канала CBS

«Эмерсон» — торговая марка компании «Эмерсон электрик», входящей в список 500 крупнейших компаний США. Среди прочего производила и радиолы

Мировая серия — чемпионат страны по бейсболу среди обладателей кубка Американской и национальной лиг с участием канадских команд. Проходит осенью и завершает сезон. Рекордсменом по количеству побед в чемпионате является команда «Нью-Йорк янкиз»

«Двадцать вопросов» — одна из телевикторин 80 — х годов

Тэтлбек-лейн (Turtleback Lane) — дословный перевод: Дорожка
Панциря Черепахи

Vaya con Dios — расстанемся с улыбкой (исп.)

Вук, Герман (р. 1915) — классик американской литературы, практически неизвестный российскому читателю. К примеру, лучший его роман «Бунт на Кейне» (1951 г.) издавался в России лишь дважды незначительным тиражом. Упомянутый ниже роман «Марджори Морнингстар» вышел в 1955 г.

Хопалонг Кэссиди — герой вестернов, романов и рассказов, Кларенса Э. Малфорда, ставший знаменитым благодаря Уильяму Бойду (1895 — 1972), актеру, исполнившему главную роль в многочисленных фильмах, как художественных, так и телевизионных, по мотивам этих произведений, ведущему радиопередач, организатору и участнику различных шоу

Грэнд-Арми-плаза — площадь на Пятой авеню между 58-й и 59-й улицами, у входа в Центральный парк

«Перкосет» — обезболивающее средство, содержащее наркотические вещества

Сочух — говнюк (идиш)

«Бик клик» — одноразовая ручка производства корпорации «Бик пен»

Кальдера (исп. caldera, букв. большой котел) — котлообразная впадина, образовавшаяся вследствие провала вершины вулкана

Хаттон, Эдуард Френсис (1875 — 1962) — известный американский финансист и биржевой игрок, основатель крупнейшей брокерской фирмы «Е.Ф. Хаттон». Существовала крылатая фраза: «Когда Э.Ф. Хаттон говорит, люди слушают»

«Хантли-Бринкли рипорт» — одна из самых популярных информационных передач в истории ти-ви. Транслировалась Эн-би-си с 1965 по 1970 г. Вела программу тележурналисты Чет Хантли (1911 — 1974) и Дэвид Бринкли (р. 1920). В 1965 г. один из опросов общественного мнения показал, что они известны большему числу американцев чем «Битлз»

«Хауди-Дуди» — детская телепередача (1947-60), которую вел актер и чревовещатель Б.Б.Смит

Хадсон, Рок (1925-85) — настоящее имя Рой Шерер-младший, актер, звезда Голливуда в 1950-60-х гг. Его неожиданная смерть от СПИДа потрясла мир шоу-бизнеса и дала толчок мощной компании борьбы с этим заболеванием, тогда только начинавшим наступление на американский континент

«Снег» — импульсный точечный режим при отсутствие сигнала

Ликантропия — превращение, скажем, человека в волка или другого дикого зверя

Эй-би-си (Американ бродкастинг компани" — самая молодая из большой тройки вещательных корпораций. Создана в 1943 г. Свою телесеть создала в 1948 г., позже Эн-би-си и Си-би-эс

Плотина Гранд-Кули — бетонная плотина на р. Колумбия в штате Вашингтон, одна из крупнейших в мире. Построена в 1934-41 гг.

Йосемит, Йосемитский национальный парк — заповедник на востоке центральной части Калифорнии в горах Сьерра-Невада

Вроде бы молочных зубов двадцать четыре, но, возможно, речь идет о необычном ребенке

Тинкер Белл — персонаж сказки «Питер Пэн»

«Дамбо» — персонаж диснеевского мультфильма

«Рамоны (The Ramones)» — известная американская рок-группа, «Ракета в Россию» и «Габба-Габба-Эй» — две ее песни

«Разве нет бальзама в Гилеаде (Is there no balm in Gilead)?» — цитата из Библии, Книга пророка Иеремии, 8:22. Согласно Малому энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, Гилеад (Гилеад) — название гор, области и города в Палестине)

«Горменгаст» (Gormenghast) — знаменитая фэнтезийная трилогия английского писателя Мервина Корено Пика (1911 — 1968)

«Ворон» — стихотворение Эдгара По.

Роман «Лангольеры», опубликованный в нашей реальности в 1990 г. в сборнике «Четыре после полуночи»

"Избранные романы «Ридерз дайджест» — приложение к журналу «Ридерз дайджест». В каждом томе в 600 страниц умещаются по четыре адаптированных романа, каждый из которых «ужимается» наполовину, а то и на две трети

«Джетро Талл (Jethro Tull)» — английская рок-группа из г. Лутон, созданная в 1967 г. В конце 1970-х находилась на пике популярности

Senor — сеньор (исп.)

Человек без имени — главный герой трех фильмов С. Леоне: «За пригоршню долларов», «За несколько лишних долларов», «Хороший, плохой, злой», сыгранный Клинтом Иствудом

Перкинс, Максвелл Эвартс (1884 — 1947) — литературный редактор издательства «Чарльз Скрибнерс санс». Стал известен благодаря работе с такими писателями, как С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, Т. Вульф, Дж. Джонс и У. Черчилль (которому он предложил написать историю англоязычных народов)

О'Брайан, Патрик (1915 — 2000) — ирландский писатель, автор двадцатитомной саги о приключениях капитана Джека Обри и судового врача Стивена Матурина. В 2003 г. на экраны вышел фильм «Хозяин морей: на краю Земли», снятый по мотивам двух романов из этой саги

Адамс, Ричард (р. 1920) — английский писатель, известен романом «Уотершипский холм (Watership Down)» о цивилизации кроликов, который критики ставят в один ряд с «Властелином колец». «Шардик» — название одного из романов дилогии «Бекланская империя»

«Маккойс» — бит-группа, созданная в г. Юнион-Сити, штат Индиана, в 1962 г. Их дебютный сингл «Держись, Слупи (Hang on, Sloopy)» (1965) поднялся на первую строчку в чартах США и вошел в пятерку лучших в Великобритании.

Оуверхолсер, Уэйн (1906 — 66) — американский писатель, известный своими вестернами

Хоган, Рей (р. 1908) — американский писатель, известный своими вестернами

«Темные тени» — сериал готических романов канадского писателя Дэна Росса. Вампир Барнабас Коллинс, один из персонажей сериала, появляется в шестой книге

Оден, Уистен Хью (1907 — 1973) — американский поэт

Шонделл, Трой (р. 1944) — американский певец, тоже уроженец Индианы

Фогхорн Легхорн — впервые этот петушок появился на экранах в 1946 г.

«Эмми» — самая престижная премия на ТВ. Вручается ежегодно с 1949 г.

Madre de Dios — Матерь Божья (исп.)

Nomini Patris, nomini Fili, nomini... — Во имя отца, во имя сына, во имя... (лат.)

Стэнли, Ральф — известнейший американский гитарист, певец, автор множества песен в стиле кантри

Речь идет о г. Филадельфия, расположенном в штате Миссисипи, а не о мегаполисе в штате Пенсильвания

«Рейсы свободы» — автобусные поездки из северных штатов в южные (1961 г.) в знак протеста против расовой сегрегации на автовокзалах южных штатов. В ноябре 1961 г. Комиссия по торговле между штатами запретила сегрегацию на автовокзалах

Медвежонок Смоуки — принятый Конгрессом США в 1950-х символ борьбы с лесными пожарами: симпатяга-медведь в джинсах, шляпе и униформе лесника

Гибриды — те же мутанты только в животном и растительном мире

Сквоб — откормленный под жарку голубь

Fuck you! — распространенное англоязычное ругательство, соответствует русскому посылу на три буквы (анг.)

The Stand — «Противостояние» (здесь и далее даются названия переводов, опубликованных в издательстве АСТ, Москва)

The Dead Zone — «Мертвая зона»

Semetary — написанное с ошибками слово кладбище cemetery (англ.)

В нашей реальности издательство «Доналд М. Грант паблишер» успешно работает и ныне, уже более 45 лет специализируясь на жанре фэнтези

Говард, Роберт Эрвин (1906-1936) — американский поэт и прозаик, один из основоположников жанра фэнтези, создатель Конана из Киммерии (Конан-Варвар). Говоря о дурной славе, Кирби намекает на многочисленные и часто низкопробные продолжения саги о Конане

Pet Sematary — «Кладбище домашних животных»

Уикнесс — от английского weakness (слабость)

NAL — National American Library — американское книжное издательство, специализирующееся на книгах в обложке, покетбуках и трейд-сайз (тот же формат, что и книги в переплете)

It — «ОНО»

«Уэстелендс» — от английского «The Wastelands»

«Бесплодные земли» — от английского Waste Lands

Элиот, Томас Стернс (1888-1965) — поэт, литературный критик, культуролог. Лауреат Нобелевской премии 1948 г. Родился в Америке, с 1914 г. жил в Англии. Поэма «Бесплодная земля» написана в 1922 г.

«Бесплодная земля» — от английского «The Waste Land»

То же самое можно сказать и о финале «Песни Сюзанны»

Паллисер, Чарльз (р.1947 г.) — английский писатель. Роман «Куингканкс (The Quincunx)», тоже «кирпич» на 800 страниц, опубликован в 1990 г. (Quincunx — геральдическая фигура из пяти частей, с расположением по квадратам угла и пятой посередине)

Одно из значений слова Waste — мусор

24 Четвертое июля — национальный праздник США, День независимости

«Тайна Эдвина Друда» — незаконченный роман Чарльза Диккенса

«Вервольфы Крайнего мира» — от английского «Werewolves of End-World»

«Колдун и кристалл» — от английского «Wizard and Glass»

ПЧ — здесь постоянные читатели

Uber-история — здесь главная история

Аддамс, Чарльз Сэмюэль (1912-1988) — известный американский карикатурист (наиболее знаменита серия его карикатур "Семейка Аддамсов")

Rose Madder — «Роза Марена»

«Storm of the Century» — «Буря столетия»

«Rose Red» — «Роза красная»

День отца — праздничный день, отмечается в третье воскресенье июня, начиная с 1910 г. В этот день положено дарить отцам подарки

«On Writing» — здесь, «Как писать книги»